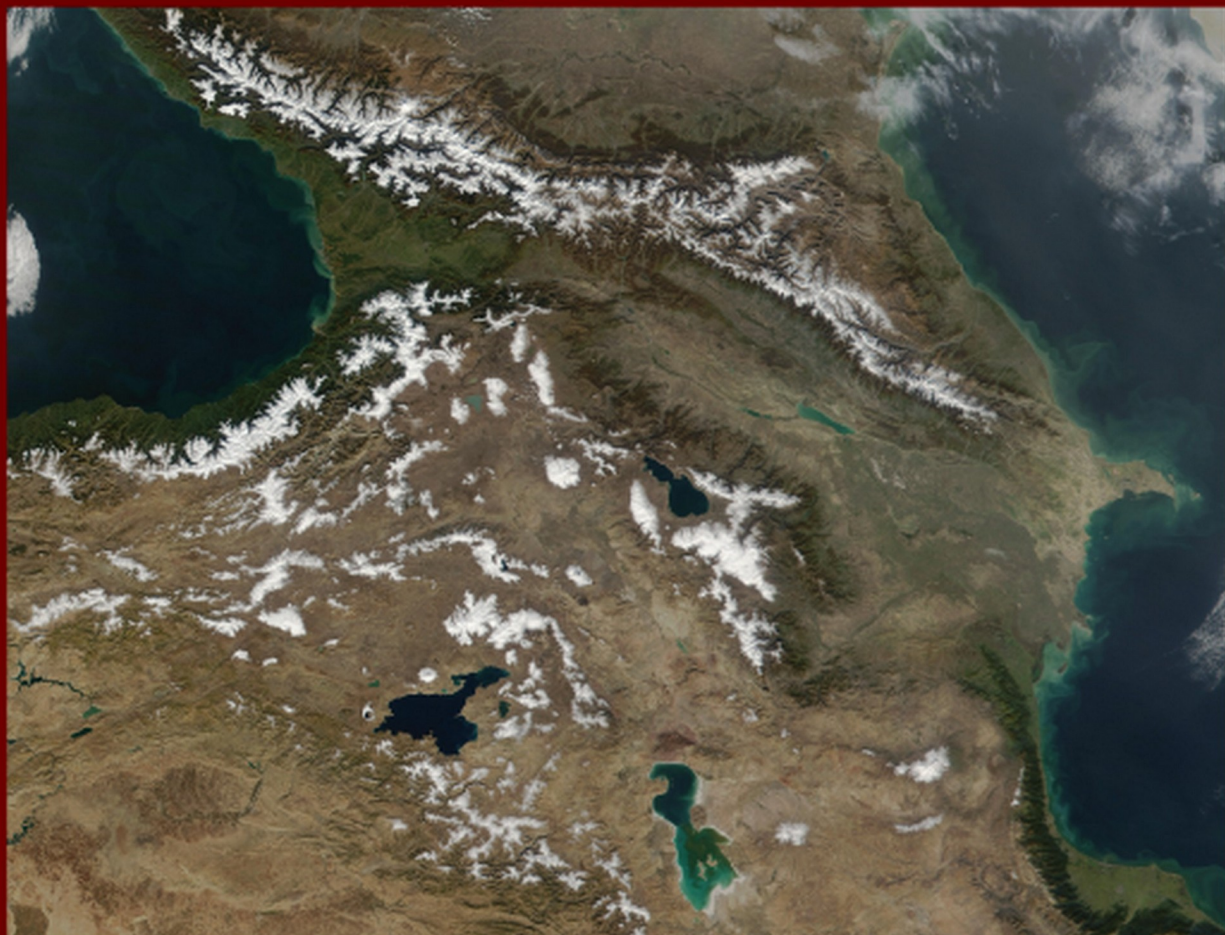

Национальный музей Грузии
Georgian National Museum

АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

ARCHAEOLOGY OF CAUCASUS

№ 2-3

Национальный музей Грузии
Georgian National Museum

АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

ARCHAEOLOGY OF CAUCASUS

№ 2-3

Тбилиси Tbilisi
2009-2010

*Посвящается светлой памяти
академика
Отара Лордкипанидзе*

*Dedicated to the memory of member of Academy
of Sciences of Georgia, Professor
Otar Lordkipanidze*

Главный редактор: **Пицхелаури Константин**

Редакционная коллегия:

Амирханов Хизри (Махачкала), **Бадалян Рубен** (Эреван),
Лордкипанидзе Гурам (Тбилиси) зам. гл. редактора,
Панцхава Лейла (Тбилиси) ответственный секретарь

Консультативный совет:

Председатель совета **Лордкипанидзе Д.** (Тбилиси)

Члены совета: **Аветисян П.** (Ереван), **Джапаридзе О.** (Тбилиси),
Мунчаев Р. (Москва), **Рагимова М.** (Баку), **Хансен С.** (Берлин)

Тех. редактор: **Хуцишвили И.**

ISSN 1512-3529

© Национальный музей Грузии, 2010
Georgian National Museum, 2010

КРАШЕННАЯ И РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА АЗЕРБАЙДЖАНА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Одно из величайших открытий в истории человечества – производство глиняной посуды. На территории Азербайджана, входящего в круг центров древнейших цивилизаций, гончарство представляло одно из важнейших отраслей ремесла. Богатый керамический материал, обнаруженный при археологических исследованиях энеолитических поселений в различных регионах Азербайджана, достаточная иллюстрация сказанному. Керамика, выявленная на древнейшем оседлом земледельческо-скотоводческом поселении Кавказа - Шомутепе, уже представляла стадию развитого производства. В эпоху энеолита, внедрение в производство керамики новых технических и технологических приёмов, в итоге, привело к появлению новых видов керамической продукции - крашеной и расписной. На территории Азербайджана эти виды керамики появились чуть позже, чем в других странах Ближнего Востока. Но, несмотря на это, они прошли большой путь развития. В подтверждение сказанному достаточно указать на количество крашеной и расписной керамики, найденной на территории Азербайджана, которое во много раз превосходит количество аналогичной керамики найденной со всего остального Кавказа.

Начиная с 50-х годов XX века, на территории Азербайджана в результате археологических исследований, было зарегистрировано свыше 150 памятников эпохи энеолита. Из 43 поселений крашенная и расписная керамика была найдена на большинстве из них. На территории Нахчывана она найдена на трёх поселениях - Кюльтепе I, Овчулартепеси и Гёвургала. На Мильской равнине эта керамика (только расписные образцы) найдена на пяти поселениях - Шахтепе, Кебирли, Доллактепе, Говагьери и Кямильтепе [7, 39-42].

На территории Мугани из памятников энеолитического периода крашенная и расписная керамика была найдена только на четырёх поселениях – Аликемектепе [5] (Рис., 1), Полутепе [1] (Рис.,2), Феттепе и Пашатепе (Рис.,5; 10-11). Но общее число крашеной и расписной керамики, найденной на этих четырёх памятниках, в несколько раз больше числа аналогичной керамики, найденной во всем Южном Кавказе.

На Гарабагской равнине из более 60 поселений, принадлежавших раннему оседлому населению, только на 18 встречен этот тип керамики [7, 42-54]. Тут в 13 памятниках была найдена крашенная керамика, а в 5 – и крашенная и расписная керамика. Несмотря на большое количество памятников на территории Гарабага, тут количество этого типа керамики незначительно. Для неё характерна невыразительная и грубая роспись (Рис.,5; 1-9).

В Гянджа-Газахском регионе среди зафиксированных памятников, крашенная и расписная керамика была найдена на 8 поселениях культуры Шомутепе, и на 3 поселениях культуры Лейлатепе. Из памятников культуры Шомутепе (Тоиратепе, Гаргалартепеси,

Джиннитепе, Гейтепе, Рустепеси, Кечили, Гияметтепе, Ходжахан (Рис., 3)) была найдена крашенная и расписная керамика. На энеолитических поселениях Беюк Кесик (Рис., 4; 1-7), Пойлу (Рис., 4; 8-12) и Агылы Дерё (Рис., 3; 5), входящих в круг памятников Лейлатепе, также найдены и крашенные и расписные образцы [3; 4, 56-57; 8, 50]. Из 11 поселений Гянджа-Газахского региона в четырёх найдена крашенная, в четырёх расписная, а в трёх и крашенная, и расписная керамика. Их общее число равно 37 (26 расписных, 11 крашенных).

Для выяснения микросостава крашеной и расписной энеолитической керамики Азербайджана, в 2007 г. в Институте химических проблем НАНА были проведены анализы образцов на атом-абсорбционном спектрометре марки ААС-300 произведённом в 2000 г. компанией «ПЕРКИН ЭЛМЕР» (США). Краски, представленные на анализы, были взяты из образцов крашеной и расписной керамики, найденной на энеолитических поселениях Мугани, Гарабага, Гянджа-Газаха и Нахчывана. Образцы для анализов приготовлены с применением химических реактивов марки ЧДА HF, HClO₄, HNO₃.

В результате проведённых анализов выяснилось, что гончары эпохи энеолита при производстве керамики в основное сырьё - глину, добавляли различные добавки - навоз, растительную крошку, песок и пигменты. Использование таких добавок, уменьшая клейкость глины, предотвращало быстрое выпаривание влаги и сильную усадку сосудов во время высушивания. Количество добавок непосредственно зависело от природных качеств используемых глин.

В результате атом-абсорбционных анализов крашеной и расписной керамики установлено, что гончары Азербайджана в эпоху энеолита получали ангоб путем добавления в глину естественных пигментов, в основном, окислов железа. Как в крашеной и расписной керамике, так и в ангобировании других видов керамики, гончары Азербайджана, в основном, использовали ангобы кремового и коричневого цветов. Помимо этого, использовали и ангобы белого, оранжевого, красного, розового и бледно салатного цветов. В получении ангобов белого и кремового цветов использовали чистую белую глину – каолин.

Анализ красителей, использованных для росписи керамических сосудов эпохи энеолита, выяснили, что эти красители получены путём синтеза естественных пигментов с органическими веществами. Тут, более всего использована естественно встречающаяся окись железа, обладающая окрашивающими свойствами. Это, в основном, гематит, лимонит, охра и пирит.

Гончары Мугани, вероятно, охру и другие окиси железа, в качестве красителей получали из болот или же из источников глиняной охры. Для росписи энеолитической керамики Гарабага и Гянджа - Газахского региона, главным образом использованы красные красители. Это можно увязать с наличием в этих регионах множества источников естественных пигментов. Из 17 выявленных на территории Азербайджана залежей красителей, в основном, охры и гематита, 16 приходится на долю Гарабага и Гянджа - Газаха. Эти месторождения, в основном, встречающиеся в открытом виде, по всей видимости, уже с древнейших времён удовлетворяли потребности людей, в том числе гончаров, в сырьё – пигменте, как красителе. Помимо этого, древние гончары в качестве сырья - красителя использовали древесный уголь и битум.

Какие орудия использовали древние гончары для окрашивания и росписи точно сказать трудно. В результате археологических раскопок не было найдено ни одного материального свидетельства, отражавшего этот процесс. Но, опираясь на этнографические данные и сравнительный анализ имеющихся образцов крашенной и расписной керамики эпохи энеолита, с большой долей вероятности можно предположить, что для этого использовали всё, что было под рукой. Это могли быть кисти из козьей шерсти или конского волоса, перья птиц, тростник и т.д. При рассмотрении расписной керамики эпохи энеолита не трудно заметить, что роспись на них, вероятнее всего, нанесена кистью. Так как, при нанесении линейных геометрических рисунков только кистью можно получить достаточно чёткие контуры линий. Помимо этого, для нанесения росписи, состоящей из линий различной толщины, гончар, вероятно, использовал несколько кистей различных размеров.

Для энеолитической керамики Азербайджана характерна монохромная роспись геометрических мотивов. Наряду с общей грубостью и простотой мотивов росписи, она, в основном, состоит из многократных повторений. Результатом исследований расписной энеолитической керамики Азербайджана стало выделение 40 характерных мотивов её росписи (Рис., 6, 7, 8, 9). Конечно, представление большинства сосудов только не определяющими их форму обломками, затрудняющими получение полного представления о росписи на их поверхности, затрудняет и определение всего имеющегося спектра мотивов росписи.

Самые сложные мотивы росписи на энеолитической керамике, найденной в Азербайджане, представлены на сосудах халафского типа из поселения Кюльтепе I. На них имеется монохромная роспись геометрических мотивов. Своеобразие этих сосудов в том, что на их поверхности имеются сразу два, а порой и три сложных мотива росписи.

Мнения о мотивах расписной энеолитической керамики Мугани различны. Одни исследователи отождествляют их мотивы с мотивами расписной керамики Халафа и Убейда. Исследователь поселения Аликемектепе, из которого получена самая большая на сегодняшний день коллекция расписной керамики, Ф.Р.Махмудов считал, что расписная керамика Мугани периода энеолита связана с культурой Северного Убейда [6].

Проблема периодизации памятников Азербайджана эпохи, стала особенно актуальной в 60-70-ых годах прошлого века. За прошедшее время в этом направлении сделано не мало. Применение радиоуглеродных анализов, несмотря на некоторые их недостатки, оказали положительное влияние на уточнение хронологического места памятников. Но радиоуглеродные даты имеются не для всех памятников, и для определения их хронологического места используется сопоставительный анализ археологического материала. И в этом вопросе немаловажна роль расписной керамики.

Как пример сказанному, можно указать на результаты радиоуглеродного анализа поселения Кюльтепе I. Сравнительный анализ керамики халафского типа из этого памятника вызвал необходимость заново взглянуть на результаты радиоуглеродного анализа. Наличие этого типа керамики исследователи оценивают, как существенный факт определения хронологических рамок существования памятника.

Радиоуглеродных анализов, определяющих хронологическое место поселений Мугани эпохи неолита, нет. Для определения их места в хронологических рамках эпохи, помимо всего прочего, можно опереться на результаты сопоставительного анализа образцов расписной керамики.

Расписная керамика эпохи неолита, найденная на территории Мугани, как по количеству, так и по качеству, существенно отличается от аналогичной керамики памятников других регионов Азербайджана. Близость муганской расписной керамики расписной керамике культуры Северного Убеида обычно объясняют расположением Мугани на маршруте связей Месопотамия – Южный Кавказ, возможным воздействием на культуру местного населения убеидских племён, пришедших в Азербайджан в конце V - первой половине IV тыс. до н.э [6].

С позиции предположения миграции из Северной Месопотамии на Южный Кавказ в конце V- первой половине IV тыс. до н.э., схожесть мотивов росписи, выглядит недостаточно убедительной. Расписная керамика Мугани, составляет менее 1% всего керамического комплекса этого региона. Она не идентична росписи на керамике Северного Убеида, а лишь похожа на неё. Муганские образцы грубее и лишь подражает роспись Северного Убеида. Аналогичный факт уже был отмечен и на поселении Кюльтепе I.

При изготовлении североубейдской керамики использовали слабо вращающийся гончарный круг, в муганской керамике мы этого проследить не можем. Если бы жители Междуречья, достигшие больших успехов в области получения красителей, мигрировали на территорию Мугани, то они должны были привнести с собой и эти технологические знания. Но на имеющейся керамике мы этого проследить не можем. Основываясь на результатах атом-абсорбционных анализов красок использованных для росписи муганской керамики, мы можем отметить, что муганские гончары для получения красителей использовали не сложнокомпонентные химические соединения, как в Месопотамии, а получали их путём простейших технологических способов из естественных пигментов, встречающихся в природе.

Похожесть керамики мы можем объяснить возможным процессом межкультурного обмена, то есть получением племенами Мугани сложных технологических достижений с Юга. Эти новшества при посредничестве Мугани передавались и другим регионам Южного Кавказа.

Северный вариант Убеидской культуры, частично вобравшей в себя традиции Халафа, не ограничивался Северной Месопотамией. Распространившиеся в различных направлениях традиции Убеида, влияя на различные оседлые культуры, стали причиной сложения оригинальных культур с элементами, сохранившими схожесть с Убеидом. На территории Мугани мы встречаемся именно с этим влиянием [2].

Литература:

1. Алмамедов Х.И. Расписная керамика поселения Полутепе / Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Сборник кратких содержаний международной научной конференции «Археология, этнология и фолклористика Кавказа». Махачкала: Эпоха, 2007, с. 72-73.
2. Алмамедов Х.И. Расписная керамика как источник изучения культурно-исторических процессов эпохи энеолита в Азербайджане / Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территории (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа) Тезисы докладов. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. с.9-10.
3. Ахундов Т.И. Материалы к изучению Переднеазиатской миграции на Кавказ / Материалы международной научной конференции «Археология, этнология и фолклористика Кавказа». Баку: Нурлар, 2005, с. 52-53.
4. Ахундов Т.И., Махмудова В.А. Южный Кавказ в кавказско-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н.э. Баку: Шарг-Гарб, 2008.
5. Махмудов Ф.Р. Археологические раскопки на Аликемектепе / Каменный век и энеолит Азербайджана. Баку, АГУ, 1984.
6. Махмудов Ф.Р. Расписная керамика из Аликемектепе и ее некоторые южные параллели / Древний и средневековый Восток и Средиземноморье. Баку, АГУ, 1989.
7. Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита V-IV тыс. до н.э.). Баку: Элм, 1987, 260с.
8. Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г. Лейлатепе. Баку: 2007, 128 с.

Kh.I.Almammedov

(Azerbaijan)

PAINTED AND TINTED CERAMICS OF AZERBAIJAN OF AN EPOCH OF ENEOLITH SUMMARY

In this article is devoted to one of actual problems of an eneolithic period of Azerbaijan - research painted and tinted ceramics. In 50th years of the last century as a result of archeological excavations on settlement Kultepe I studying eneolithic monuments of Azerbaijan has begun. During research it was revealed and it is studied more than 150 monuments of the given period. But only in 43 monuments it was revealed tinted and painted ceramics. In given article the particularies on these monuments is given, and also considered new chronological frameworks tinted and painted ceramics of these monuments.

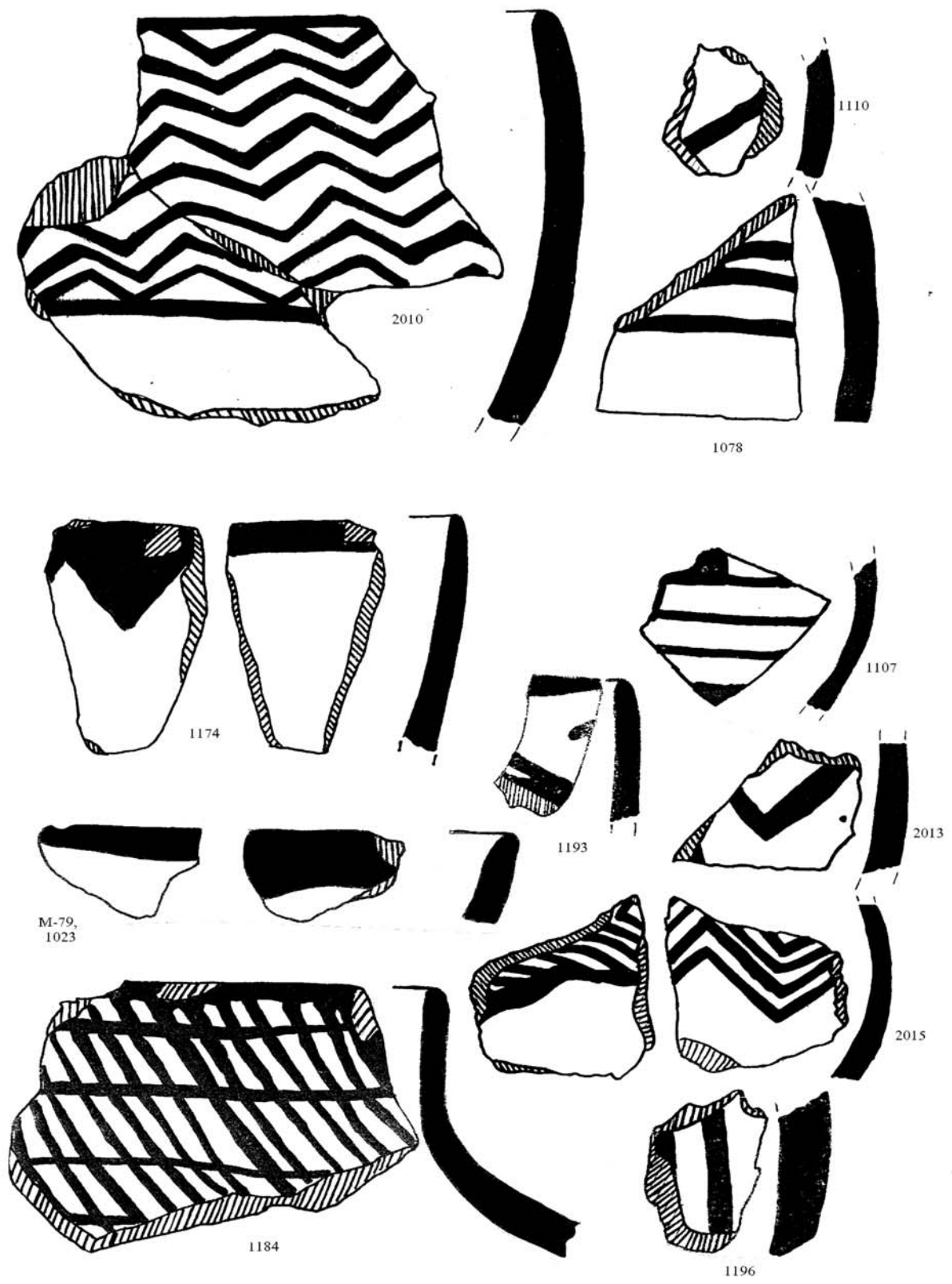

Рисунок 1. Расписная керамика из Аликемектепе

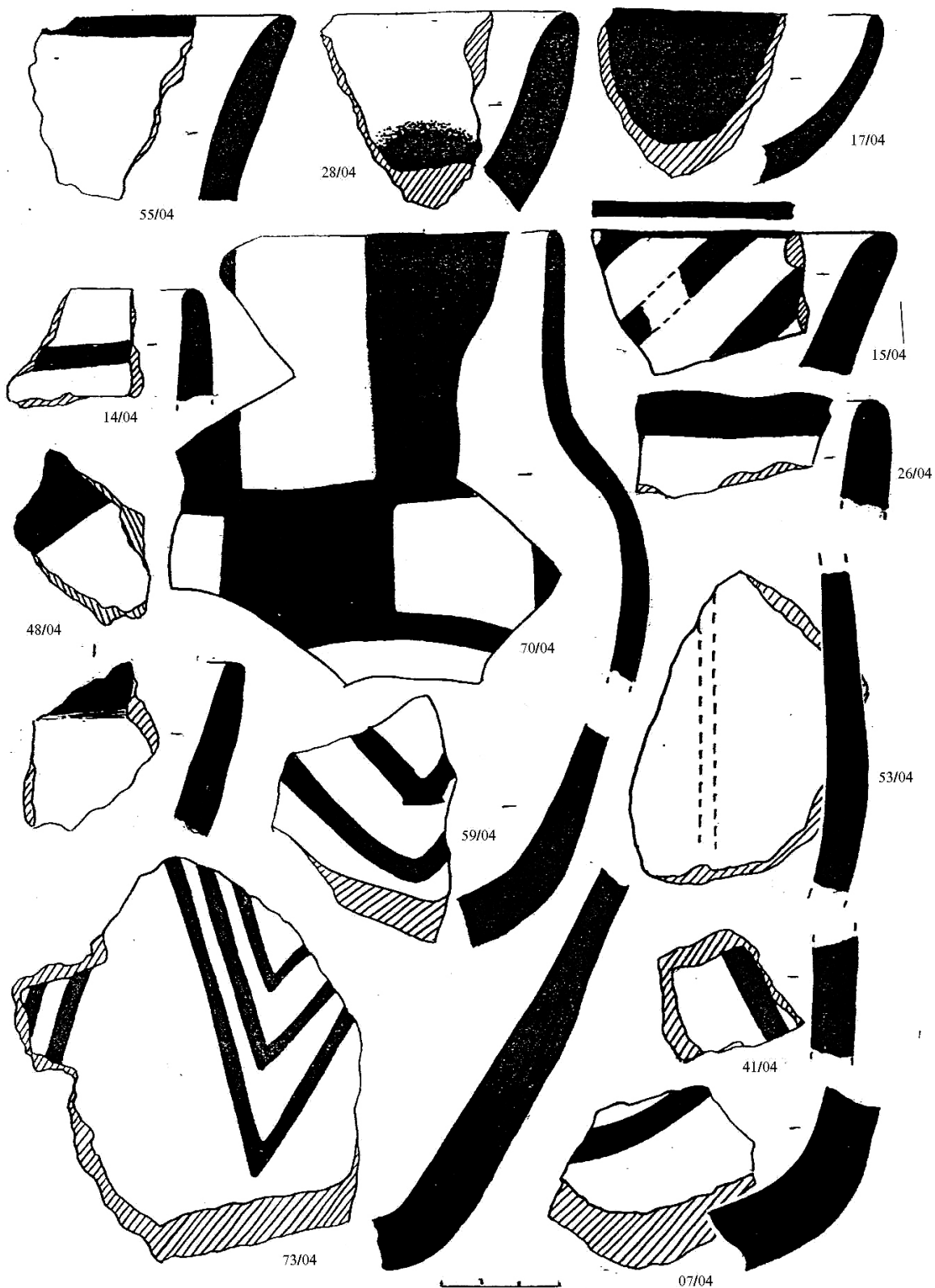

Рисунок 2. Расписная керамика из Полутепе

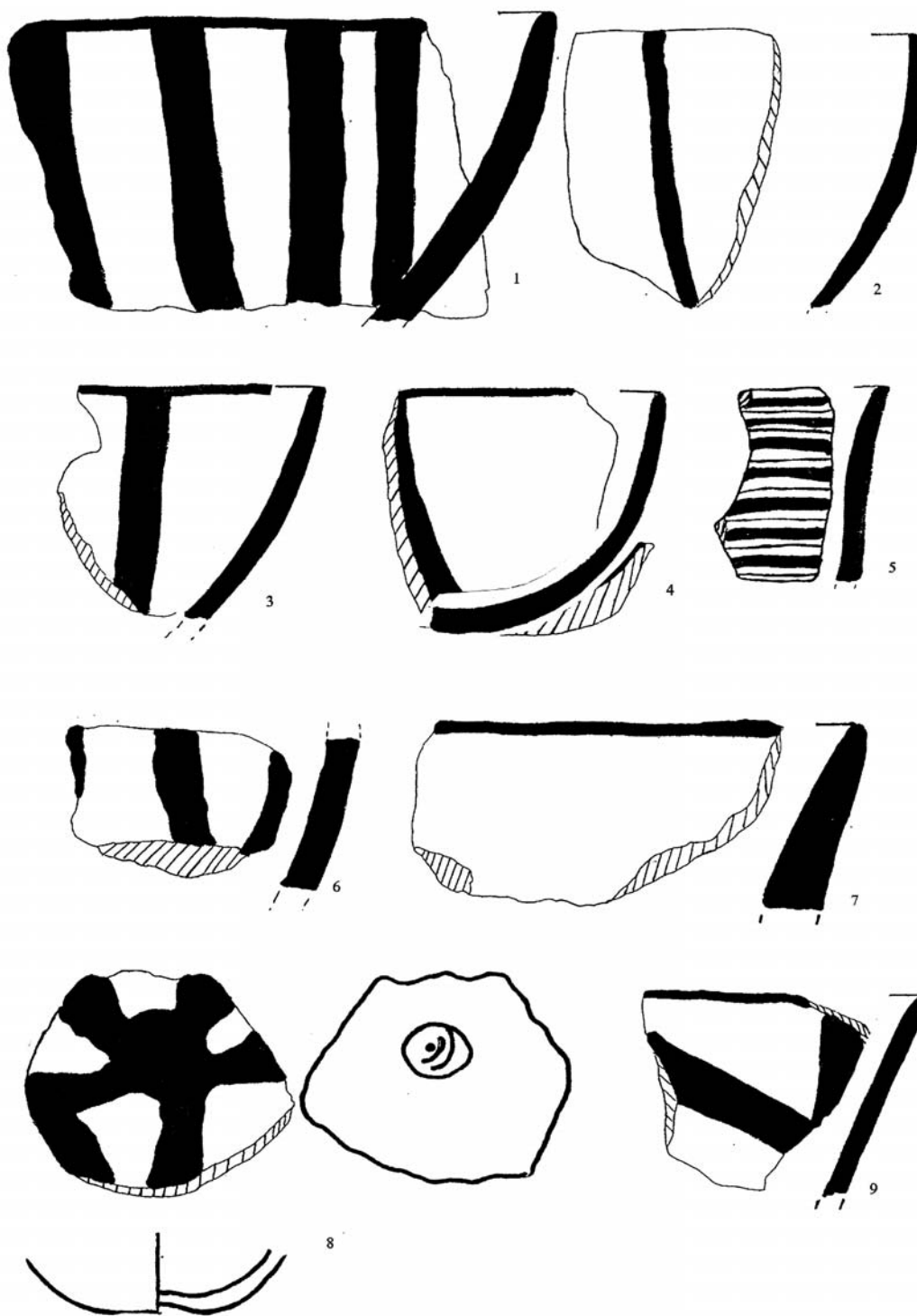

Рисунок 3. Расписная керамика из поселений Ходжахан и Аглы Дерё

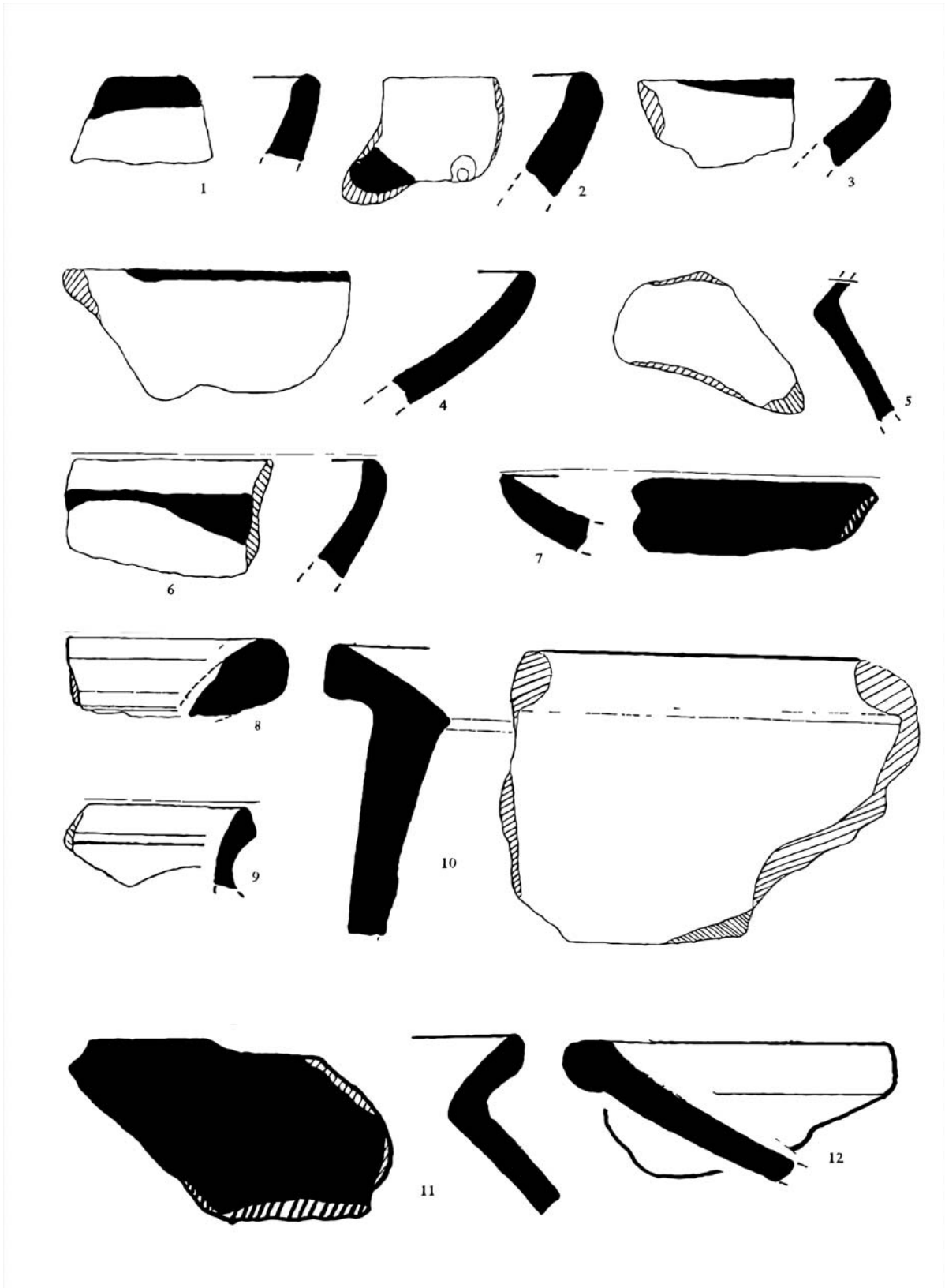

Рисунок 4. Крашенная и расписная керамика из поселений Бюк-Кесик и Пойлу

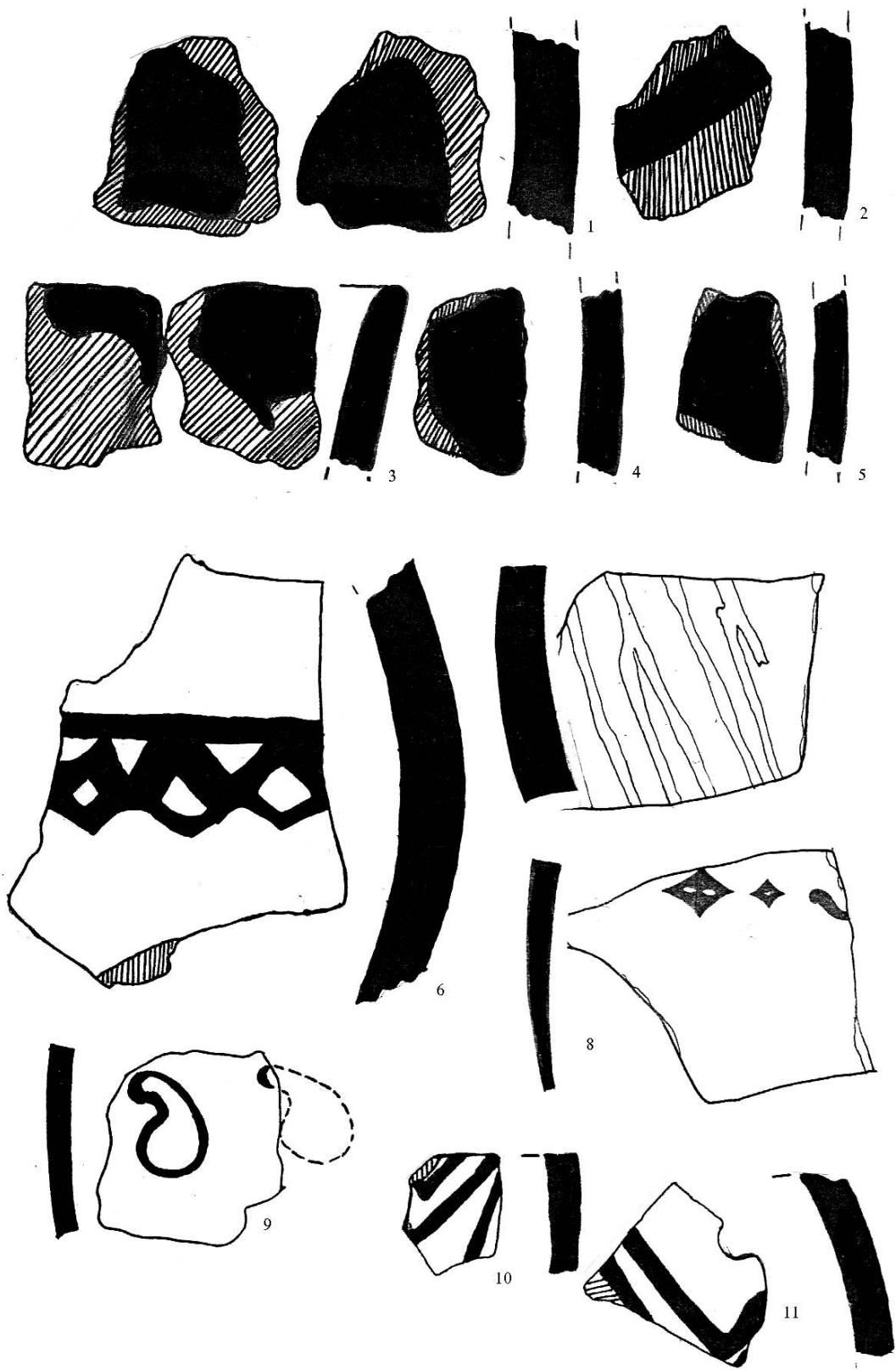
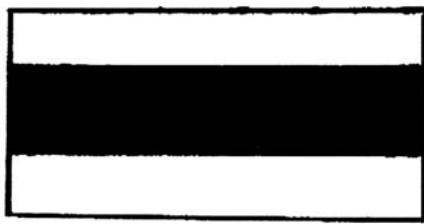
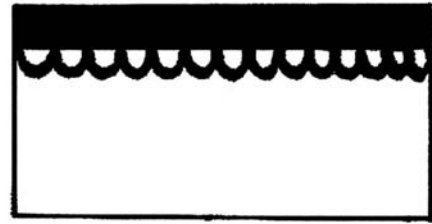

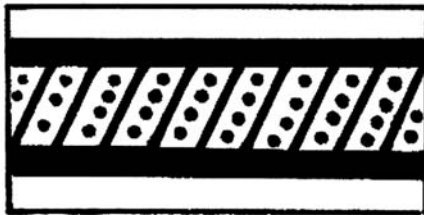
Рисунок 5. Крашенная и расписная керамика из поселений Исмаилтепеси, Лейлатепе и Пашатепе

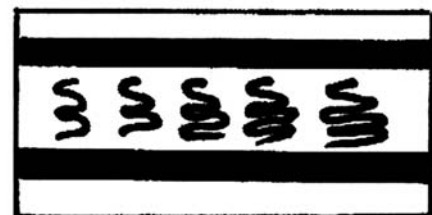
1

2

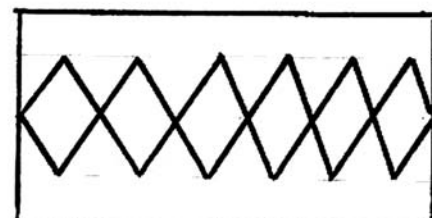
3

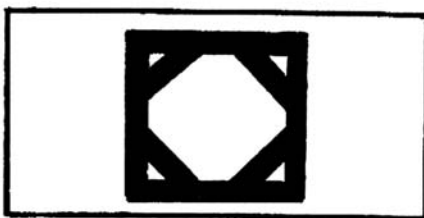
4

5

6

7

8

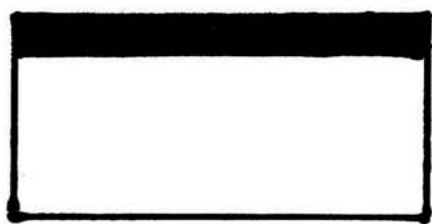

9

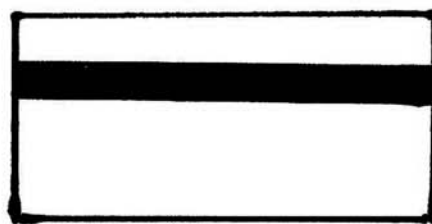

10

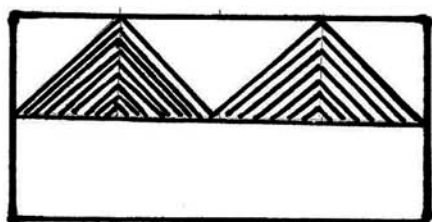
Рисунок 6. Характерные мотивы расписной керамики Азербайджана эпохи энеолита

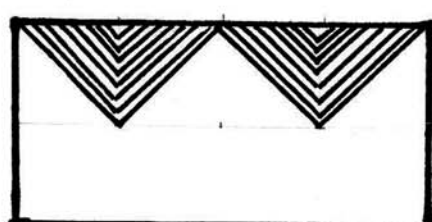
1

2

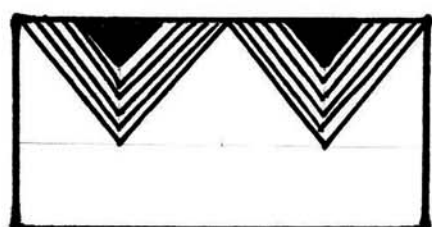
3

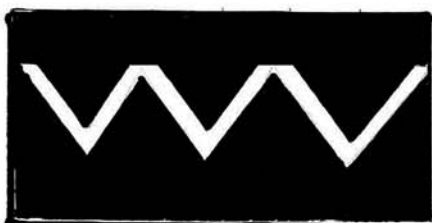
4

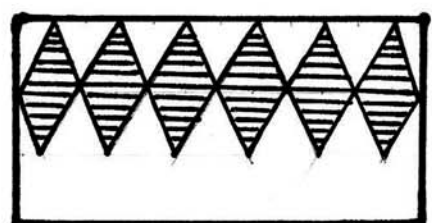
5

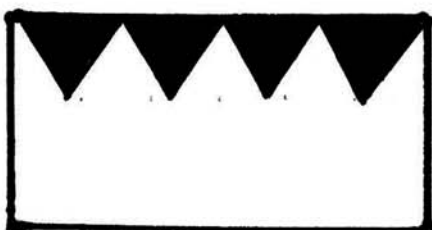
6

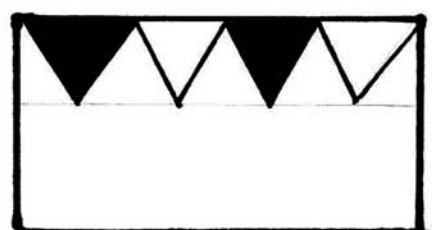
7

8

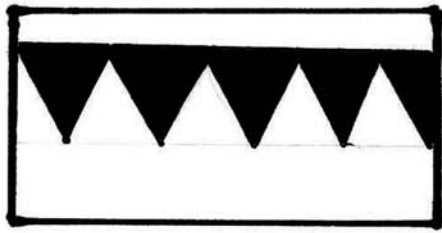

9

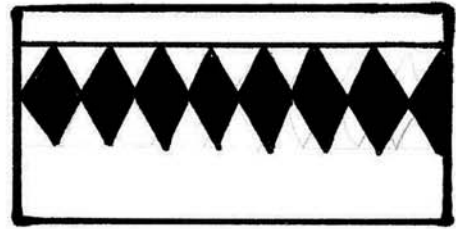

10

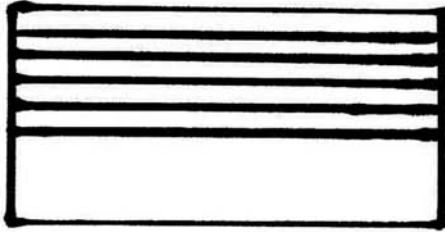
Рисунок 7. Характерные мотивы расписной керамики Азербайджана эпохи энеолита

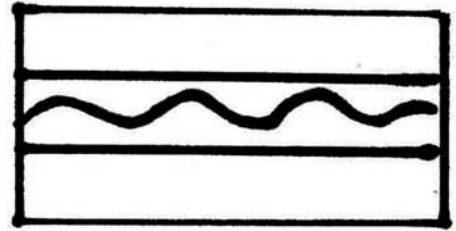
1

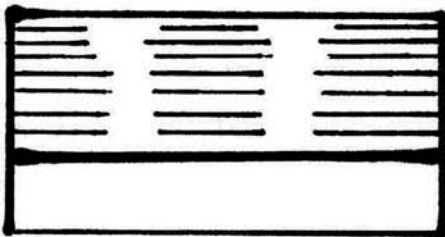
2

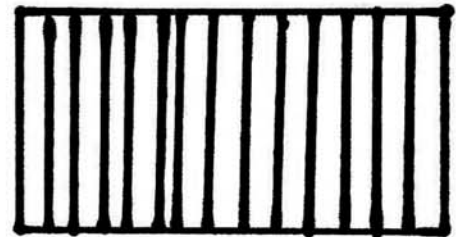
3

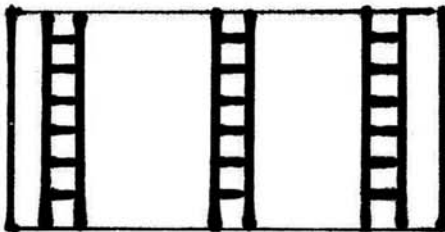
4

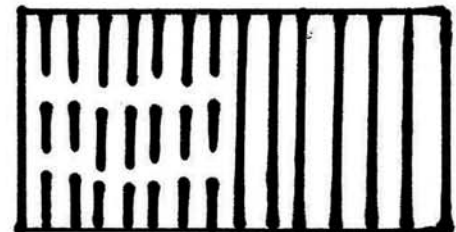
5

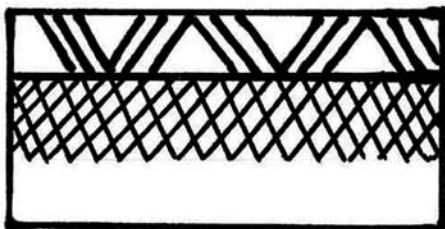
6

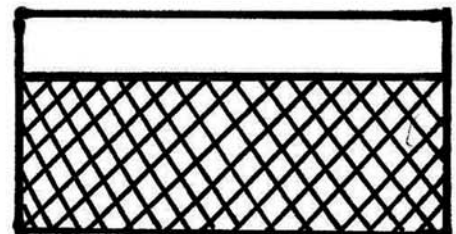
7

8

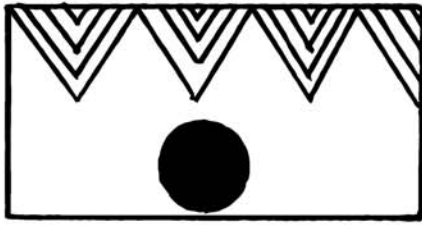

9

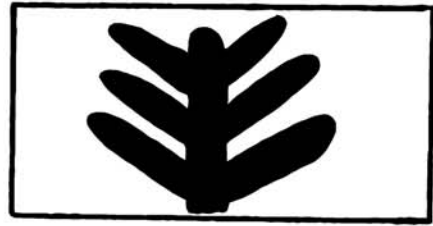

10

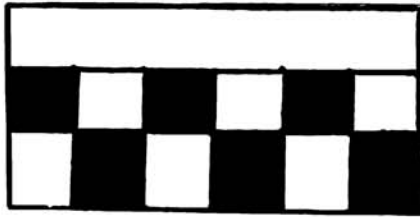
Рисунок 8. Характерные мотивы расписной керамики Азербайджана эпохи энеолита

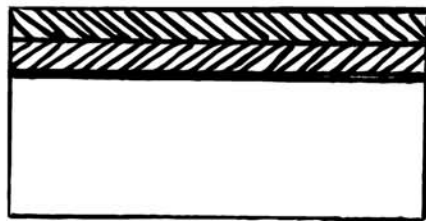
1

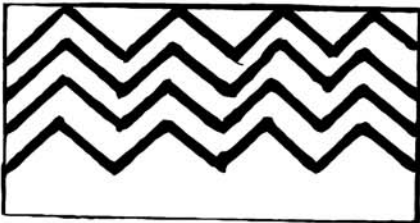
2

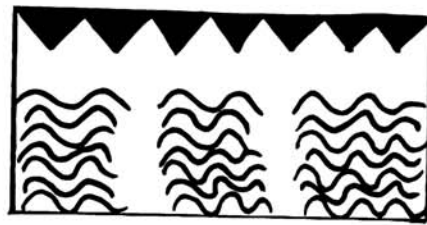
3

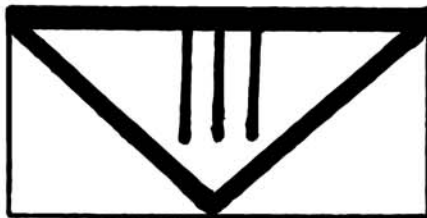
4

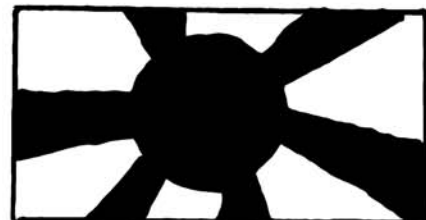
5

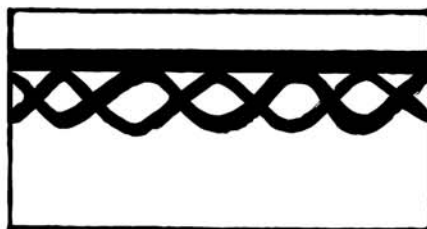
6

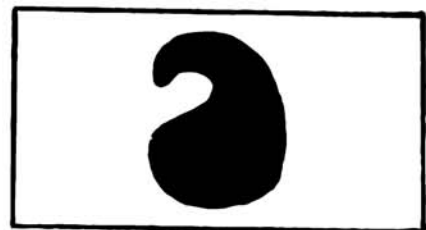
7

8

9

10

Рисунок 9. Характерные мотивы расписной керамики Азербайджана эпохи энеолита

НЕОЛИТ ЮГО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Одной из наиболее актуальных проблем археологии Кавказа является изучение южнокавказского неолита, особенно ее западной части, лучше всего заселенной в неолитическую эпоху.

Эпоха неолита является качественно новой ступенью в развитии первобытного общества, историческая сущность которой заключается в коренных изменениях, происшедших в обработке каменных орудий, в хозяйстве, в быту и в общественном строе.

Несмотря на кратковременность своего существования (3 тыс. лет), неолитическое общество создало и развило производящие формы хозяйства, в результате чего заложило прочный фундамент для перехода на производящие отрасли экономики - земледелие и скотоводство.

По материалам неолитических поселений территория Кавказского Причерноморья входила, в зону Восточномедиземноморской неолитической культуры, которая является частью переднеазиатской цивилизации новокаменного века. Поэтому особое внимание уделяется изучению вопросов зарождения, становления и путей развития производящего хозяйства в западной части Южного Кавказа. Исследование важнейшего аспекта этой проблемы - происхождение раннеземледельческой культуры имеет особое значение в деле изучения древнейшего Южнокавказского очага производящей экономики в целом. Предпосылки, содержание, периодизация и конкретная история этого процесса в западной части Южного Кавказа пока слабо исследована.

В предлагаемой статье эти проблемы будут рассмотрены на основе изучения памятников обнаруженных на Юго-Западном Кавказе.

Путем комплексного изучения (палинология, палеонтология, трасология) мы постарались восстановить ту биосреду, в которой зародилась и развилась раннеземледельческо-скотоводческая культура племен Юго-западного Кавказа.

Проблема перехода к производящему хозяйству многогранна и имеет ряд узловых вопросов, решить которые в одной статье не представляется возможным. Это также осложняется биосредой (большая влажность, высокая кислотность почвы) Кавказского Причерноморья, которая обусловила плохую сохранность органических веществ на поселениях. Полученные итоги вытекают из существующих фактических данных археологических источников.

Кавказское Причерноморье с севера и с юга ограничено склонами холмистых гор большого и малого Кавказа. На востоке Лихский хребет смыкает горы большого и малого Кавказа и создает огромный «амфитеатр», который к западу в направлении Черного моря широко раскрывается и характеризуется своеобразными климатическими условиями (Маруашвили, Липанова, 1977, с. 21).

Геоморфологические, палеонтологические и палинологические данные свидетельствуют что на протяжении длительного геологического периода - с конца третич-

ного периода природные условия данной территории не претерпели каких-либо существенных изменений. Растительный мир во многом сохранил характер третичного периода (Гроссгейм, 1936, с. 180. Кара-мурза, 1941, с. 36) . Из выше сказанного следует, что неолитический человек жил почти в тех же природных условиях, которые имеются на сегодняшний день на Юго-Западном Кавказе. Стабильный, влажный субтропический климат, богатый и разнообразный ландшафт, наличие плодородных почв в окрестностях неолитических поселений, густая сеть рек, родников, близость Черного моря, все это обусловило интенсивное заселение Западной части Южного Кавказа в неолитическую эпоху.

В западной части Южного Кавказа особо выделяются два геоморфологических района: Холмистая часть Северной Колхиды, которая представляет периферийная часть южных склонов Центрального и Западнокавказского хребта и Холмистая полоса Южной Колхиды охватывающая северные склоны Малого Кавказа (Маруашвили, Липанова, 1977, с. 21).

Из кавказских регионов неолит лучше всего изучен в западной части Южного Кавказа, (западная Грузия), особенно в Кавказском Причерноморье. В настоящее время там известно около 70 неолитических памятников (см. карту).

Первый неолитический памятник Кавказа - Одишское поселение (Зугдидский р-он) был открыт археологом А.Н. Каландадзе в 1936 г. Он же опубликовал результаты первых находок (Каландадзе А.Н, 1939, с. 263-271) а в 1941 году краеведом А.Л. Лукиным было открыто и опубликовано поселение Кистрик (Гудаутский р-он) (Лукин, 1950, с. 57) Кроме этого были сделаны также отдельные открытия, за которыми не последовало изучение памятников. Все эти поиски тогда не имели систематический характер и скоро надолго прекратились в связи с началом второй мировой войны.

Систематическое изучение неолитических памятников в Кавказском Причерноморье началось с 1956 года, когда институт истории, археологии и этнографии им. акад. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР запланировал изучение памятников новокаменного века. Вследствии чего в Кавказском Причерноморье (западная Грузия) устанавливаются мощные очаги неолитической культуры, были открыты и исследованы неолитические поселения: Анасеули I , Анасеули II, Гурианта (Озургетский р-он), Мамати (Ланчхутский р-он) , Кинтришские поселения-Кобулет, Хуцубани и др. Новооткрытые памятники в совокупности с раннеоткрытыми (Одиши, Кистрик) были монографически изучены и опубликованы (Небиеридзе, 1972, с.19-88, таб. I-XLVI).

Значительные открытия были сделаны в Юго-Западной части Южного Кавказа, в прибрежной зоне Черного моря. В 1967-1972 годах были исследованы следующие неолитические поселения: Хуцубани, Кобулет (Бердзенишвили, Небиеридзе, 1964, с. 7-16) Джиханджури, Чолоки, Квирик (Кобулетский р-он), Махвилаури, Чаисубани (Хелвачаурский р-он) (Гогитидзе, 1977, с. 14-52). Эти памятники отражают два хронологических этапа в развитии неолитической культуры Юго-Западного Кавказа. Особенно важным является поселение Кобулет, где наряду с богатым материалом был прослежен также нетронутый культурный слой.

В 1968-1972 гг. был исследован Даркветский многослойный навес (Чиатурский р-он), содержащий нетронутый раннеолитический культурный слой. (Небиеридзе, 1978, с. 21-24).

В 1970-1977гг. последовали открытия неолитических поселений: Гумуриши, Чхортоли, Гали I (Гальский р-он), Мелоури (Цхалтубский р-он) и другие (Каландадзе К.С.1986).

В 1969 г. энгурской археологической экспедицией было открыто неолитическое поселение Палури. На основе нетронутого слоя этого памятника с учетом других данных была предпринята попытка выделить на Кавказе новую культуру зонального характера (Григолия, 1977).

Значительный вклад в дело изучения неолитической культуры Кавказа, а в частности ее западной части внесли А.Н.Каландадзе, А.Л. Лукин, А.А. Формозов (Формозов, 1962, с. 89-149), Л.Н. Соловьев (Соловьев, 1961), Л. Д.Небиеридзе, Г.К. Григолия, К.С. Каландадзе, С.А. Гогитидзе и др.

Неолитические памятники характеризуются различной топографией. Население расселялось в прибрежной зоне Черного моря, на предгорных холмах, мысах, а также на речных и морских террасах. Они представлены как однослойными поселениями «открытого» типа, так и многослойными памятниками в навесах-гротах.

Неолитические племена расселялись небольшими поселками площадью примерно 1-1,5 га. Площадь Даркветского навеса, Апианчи и Циви мгвиме, а также домов Хорши (Григолия, Мгеладзе 1977, с. 13-15) и Кобулети настолько мала, что наводит на мысль о проживании в них лишь одной семьи, которая вероятно составляла социальную основу неолитического общества.

Явные следы жилищ на неолитических поселениях не сохранились, но фрагментарный материал (обмазка со следами прутьев, неглубокие ямы для деревянных столбов) на поселениях Хорши, Анасеули I, Анасеули II, Чхортоли, Кобулети, Дарквети дает возможность предположить, что эти поселения характеризовались наземными прямоугольными или округлой формы плетеными или деревянными строениями с глиняной обмазкой в которых проживали родовые группы с общим очагом.

На открытых поселениях культурные слои часто нарушены. Даркветский навес и грот Апианча многослойные памятники с хорошей стратиграфией, содержащие нетронутые раннеолитические слои. Имеются также несколько однослойных поселений с нетронутыми или частично потревоженными культурными слоями (Хорши, мелоури, Чхортоли). Благодаря этим памятникам стало возможным выработать периодизацию неолитической культуры. Они расширили также представления о ряде основных вопросов эпохи неолита, в частности таких узловых, как время зарождения и характер производящего хозяйства.

На основании изучения Юго-Западнокавказских памятников в неолитической культуре были выделены три последовательные ступени развития (Небиеридзе, 1986).

Раннеолитическая ступень характеризуется следующими памятниками: Циви мгвиме, Анасеули I, Дарквети IУ, Апианча I, Мелоури, Лемса, Хорши и др.

Обсидиановая и кремневая индустрия раннеолитической эпохи характеризуется микролитической и чрезвычайно развитой пластинчатой техникой. Возрастающее

значение ножевидных пластин (Таб. I, 3-6), обусловило развитие и усовершенствование техники подготовки нуклеуса и отщепление пластин.

В памятниках этой эпохи геометрические микролиты представлены только трапециями. Ранненеолитические комплексы характеризуются многочисленностью и разнообразием резцов и скребков. Также встречаются проколки, сверла, зубчатые вкладыши, стамесковидные орудия, ножи и др.

В обработке кремня появляются новые приемы, улучшается вторичная обработка орудий, развивается и утончается форма орудий. Вместе с мезолитическими формами появляются и новые. Для оформления рабочего края орудий уже применялась отжимная ретушь.

Костяной инвентарь сохранился только в пещерах и навесах. Он представлен шильями, проколками, иглами, ложилами, применялись роговые землекопалки.

Эпохальными признаками являются шлифованные и полированные орудия из разных пород камня. Они представлены топорами, теслами, долотами, терочниками, полировальниками, зернотерками, пращевыми камнями и др. (Таб. I, 1,2,7,8).

В ранненеолитических комплексах этого региона четко отражена преемственность и генетическая связь с местной, позднемезолитической культурой.

На Юго-Западном Кавказе пока что известны только безкерамические ранненеолитические памятники.

Средняя ступень неолитической культуры в Кавказском Причерноморье выделяется пока слабо. К ней относятся поселения типа Гумуриши и Гали 1. (Каландадзе К.С. 1986 с. 15, 47)). Эти памятники сочетают Черты раннего и позднего неолита т.е. безкерамические комплексы с дальнейшим развитием микролитической техники и полированных орудий.

Зародившееся в раннем неолите производящее хозяйство начало развиваться медленно, по восходящей линии, и уже в позднем неолите Кавказского Причерноморья имеем яркие памятники с развивающейся производящей экономикой.

Памятниками позднего неолита являются: Одиши, (Таб. IV, 1-8; Таб. V), Урта, (Зугдидский р-он), Кистрик (Гудаутский р-он) (Таб. VI), Анасеули 11 (Таб. II, III, IV-9-14). Гурианта (Озургетский р-он), Мамати (Ланчхутский р-он), Махвилаури (Батумский р-он), Чхортоли (Гальский р-он) (Таб. VII), Нижняя Шиловка (Адлерский р-он) и другие (Небиеридзе 1972).

Эти памятники в основном однотипны и имеют общие характерные черты: чрезвычайно развитая микролитическая техника, большое количество и разнообразие геометрических микролитов-трапеций с двумя и тремя обработанными краями, сегменты с притупленной дугой, высокие трапеции и высокие прямоугольники со струганной спинкой. Кремневые орудия в этих памятниках представлены разнообразными формами скребков, среди которых преобладают концевые на отщепах и пластинках и округлые, есть и микролитические. Надо отметить многочисленность и разнообразие резцов изготовленных на углу сломанной пластинки. Яркую серию представляют сверла-буравчики, ножи со спинкой, пластинки с ретушированными концами (Небиеридзе 1972, Таб. VII-X) и что главное вкладыши жатвенных ножей, определенные трасоло-

гическим методом, зубчатые и ретушированные пластинки (Коробкова, Эсакия 1982; Коробкова 1987).

По материалам Кавказского Причерноморья нами было прослежено развитие микролитической техники и геометрических микролитов с начало верхнего палеолита до пережиточных форм энеолита.

В Кавказских памятниках пока нет прямых указаний на назначение геометрических микролитов. Но несмотря на это, одно все-таки ясно, что микролитическая техника и геометрические микролиты на Кавказе зародились гораздо раньше, чем появилось земледелие. Геометрические микролиты, как вкладыши сложных составных орудий, должны были применяться как в собирательстве, так и в охоте и рыболовстве, т.е. микролитическая техника и геометрические микролиты зародились в недрах присваивающего хозяйства, нужды которого вызвали развитие микролитической техники. Степень развития микролитической техники и геометрических микролитов в археологических комплексах являются показателем удельного веса присваивающего хозяйства в экономике древнейших племен (Небиеридзе, 1986, с. 76).

Поздненеолитические памятники характеризуются обилием полированных и шлифованных орудий из твердых пород камня (Таб. II, Таб. IV-1-8). Каменные орудия также обрабатывались двусторонней техникой т.н. макролитической (Таб. V). Для обработки обушка полированных орудий часто применялась и "точечная" техника. Большая часть этих орудий была предназначена для вырубki леса и обработки дерева - топоры, тесла, долота, а другая часть - для земледельческих работ: киркообразные и мотыгообразные - двусторонне обработанные макролиты, сохообразные орудия, зернотерки, ступки, песты, молоты и терочки. (Таб. IV-1,8).

Особо надо отметить появление гончарства. Керамика представлена сосудами баночной формы с плоским дном, без ушек и с неотогнутым венчиком, сосуды изготавливались в ручную. Иногда они имели волнообразный венчик, а часто прямой с разнообразными насечками и углублениями. Сосуды украшались «елочным» или «колосовидным» орнаментом, редко встречались шишечковидные налепы. Глина в тесте содержала кварц и слюду (Таб. III; IV-9-14).

Материал из поздненеолитических памятников дает возможность предполагать, что по всей территории Юго-Западного Кавказа была распространена в основном однообразная неолитическая культура, которая характеризовалась выше указанными признаками. Это своеобразие отличало ее от соседних культур. Материал также указывает, что процесс освоения предгорной полосы, приречных террас и холмов продолжался в позднем неолите. В топографии древнейших поселений этого региона изменения не наблюдаются.

Изучение указанных памятников выявило общие и конкретные особенности неолитической культуры, на основе которых были выявлены ее локальные варианты. Внутри существующего единства памятников каждой ступени отдельные группы памятников имели свои специфические признаки, на основании которых удалось выделить локальные особенности. На основе результатов исследования, в раннем неолите Юго-Западного Кавказа были выделены три локальные группы этой культуры (Небиеридзе 2006, с.144)

Первая связана с Северо-Западной Колхидой и в основном представлена памятниками Кодорского ущелья (Апианча 1, Циви мгвиме); «открытым» поселением (Лемса) и Ацинской пещерой (около Сочи), все эти памятники многослойные.

Вторая группа охватывает Юго-Западную Клохиду и представлена однослойными поселениями «открытого» типа (Анасеули 1, Кинтришские поселения-Кобулет, Хуцубани).

Третья группа пока что представлена двумя открытыми однослойными поселениями Центральной Колхиды-Хорши и Мелоури и в восточной ее части Даркветским навесом (1У слой) и пещерой Котиас Клде (I слой).

Памятники всех трех групп имеют общие стадийные признаки проявляющиеся в общем сходстве техники производства и типологии орудий труда (пластинчатая и микролитическая техника, микролиты геометрических форм, серии скребков и резцов, орудия изготовленные из твердых пород камня). Но вместе с общим сходством, эти группы между собой имеют свои существенные отличия, что было обусловлено различной экологической средой, которая предопределяла разные хозяйственно-производственные занятия и специфический уклад жизни.

Существенное отличие отмечается прежде всего в сырьевом материале для орудийного производства.

Памятники первой и третьей локальных групп в основном представлены кремневой индустрией, а локальная группа Юго-Западной Колхиды обсидиановой индустрией. Разница в сырьевом материале указывает на две разные производственные традиции. Локальные группы различаются также своеобразием составных элементов. В памятниках Юго-Западной Колхидской локальной группы широко развита пластинчато-вкладышевая техника, что обусловило на этой стадии сравнительно малый процент и однообразие геометрических микролитов (только трапеции). В памятниках первой и третьей локальных групп техника изготовления микролитов более развита, а в первой группе вместе с трапециями имеются и сегменты. Разница также замечается в качестве изготовления отдельных орудий и в частоте их применения. Памятники второй и третьей локальных групп характеризуются большими и утонченными сериями микроскребок, что довольно слабо представлено в первой локальной группе. Также они отличаются низким качеством изготовления. Третья локальная группа отличается от предыдущих множеством геометрических форм. Эта же группа отличается большим числом орудий из твердых пород камня.

Внутри однородной поздненеолитической культуры выделяются два локальных варианта один охватывал предгорную, холмистую полосу Восточного Причерноморья-памятники типа Одиши-Анасеули 11, второй-приморские террасы Северо-Западной Колхиды (памятники типа Кистрика и Нижней Шыловки).

Для первой группы памятников характерна орнаментированная керамика - «елочно-колосковидный» орнамент, редко волнообразный. Сосуды часто имели венчик с насечками, углублениями или волнообразный.

Второй локальной группе не характерен орнамент. Сосуды имели гладкий венчик. Разница имеется в форме геометрических микролитов. В первой группе они представлены высокими прямоугольниками со струганной спинкой. Во второй - высокими

трапециями со струганной спинкой. Вторая группа отличается от первой сериями пластинок ретушью выделенной головкой и двухсторонней обработкой геометрических микролитов.

Пока этих признаков еще не совсем достаточно, однако, по всей вероятности, дальнейшее исследование памятников неолита Юго-Западного Кавказа еще ярче выявит эти черты и уточнит границы распространения как всей культуры, так и ее локальных вариантов.

Анализ Юго-Западнокавказских позднемезолитических, переходных от мезолита к неолиту и раннеолитических памятников показал постепенное, местное развитие производящего хозяйства, которое несмотря на длительность и неравномерность развития представляется как единый исторический процесс, начавшийся в раннем неолите и завершившийся переходом к производящему хозяйству, возникновением его отдельных отраслей (земледелие, скотоводство).

Археологические и палеонтологические находки свидетельствуют, что хозяйство эпохи раннего неолита было основано как на различных отраслях присваивающего, так и производящего хозяйства. Особенно большую роль играла охота, на что указывают множества костей диких животных. Главным объектом охоты были дикий кабан, благородный олень, косуля, дикий баран др.

Несмотря на большую роль охоты в раннем неолите уже фиксируется первый остеологический материал, указывающий на наличие животноводства (Дарквети IV). Выясняется что в раннем неолите в некоторых районах Юго-Западного Кавказа уже был одомашнен как крупнорогатый, так и мелкорогатый скот, свинья и собака. Среди домашних животных преобладала свинья, на что указывает множество костей этого животного. На ранней ступени развития животноводства преобладание свиньи кажется вполне естественным в условиях больших лесных массивов этого региона где было множество дубовых и буковых пород (Небиеридзе 1978, с. 69).

На начальной ступени производящей экономики эти обширные предгорные плато могли служить как пастбищами для крупного и мелкого рогатого скота, также для земледелия.

Предпосылки приручения животных, этого длительного и сложного процесса нужно искать в позднем мезолите.

В хозяйстве раннеолитических племен этого региона большую роль играло собирательство, где геоклиматические условия - теплый и влажный субтропический климат, множество видов съедобных плодов, эндемные виды злаковых растений создавали благоприятные условия для развития этой отрасли.

В Кавказском Причерноморье большое предпочтение уделялось сбору злаков дикого проса (*Panicum*). Находки зёрен этого растения в раннеолитическом слое Циви мгвиме (хупинипшахва) слой Б-1 (Соловьев, 1961, с. 69) указывают на особое значение этой культуры злаковых. Надо предполагать, что процесс культивации этого растения начинается уже с раннего неолита, так как для морфологических изменений растений требуется длительное время. В энеолите Южного Кавказа (Арахло 1) этот злак уже культивирован -Арахло I, II (Чубинишвили, 1973, с. 19); Имирис-гора(Джапаридзе.

Джавахишвили А И, 1972 с. 63-77); поселение Квацхелеби (Джавахишвили, Глonti, 1962 с. 61)

Археологические материалы подтверждают мнение, что просо было той культурой, которое положило начало земледелию в Кавказском Причерноморье (Киквидзе 1976, с. 18). Тут же следует отметить, что просо и рожь являются исторически засвидетельствованными культурами Юго-Западного Кавказа. Материалы свидетельствуют что в недрах присваивающего хозяйства на основе сложного собирательства происходит переход к земледелию.

Существование земледелия документируется материалами как раннего, так и позднего неолита. Особое внимание заслуживают жатвенные ножи Анасеули I, Анасеули II, определённые трасологическим анализом (Коробковой, Эсакия 1982). По мнению Г.Ф.Коробковой эти орудия употреблялись для уборки культивируемых злаков (Коробкова 1987, с. 123). Также были найдены мотыговидные орудия, полированные и шлифованные топоры, долота и тёсла (Анасеули 1), зернотёрки, тёрочки (Дарквети, мелоури), в навесах и гротах встречаются роговые землекопалки (Небиеридзе 1978, с. 60).

Таким образом, археологические материалы указывают, что на базе развитого охотничьего хозяйства и усложнённого собирательства создаётся основа для перехода к одомашниванию животных и искусственному выращиванию местных эндемных видов злаковых культур, что зарождение и становление производящей экономики происходило на местной основе с эпохи раннего неолита причем корни её зарождаются в недрах высокоразвитой присваивающей экономики позднемезолитических обществ.

Хозяйство поздненеолитических племен принадлежит к смешанному типу, что обусловлено сочетанием присваивающей и производящей экономики. Охота, собирательство и рыболовство пока играют большую роль, однако развитие присваивающего хозяйства по восходящей линии сокращается после позднего неолита. Что касается производящей экономики, в частности земледелия, то оно уже зародилось в ранненеолитическую эпоху и развивалось постепенно, а в позднем неолите прошло определенный путь развития, на что указывают находки на поселениях множество земледельческих орудий (вкладыши жатвенных ножей-зубчатые и ретушированные пластинки, кирковидные макролиты, мотыговидные и соховидные орудия, зернотерки, ступки, тёрочки и др.). Свидетельством земледелия являются обугленные зёрна найденные в хозяйственной яме неолитического поселения Кистрик (Лукин 1950). Указанный материал свидетельствует, что в позднем неолите, по сравнению с ранним, удельный вес земледелия значительно повысился.

В Кавказском Причерноморье в условиях влажного субтропического климата, очевидно развивалось подсечное, мотыжное и неполивное земледелие. Таким оно было засвидетельствовано и в историческую эпоху, таким остаётся оно и по сей день (Киквидзе, 1976, с. 50). На существование подсечного земледелия указывает этнографический материал и топонимика.

Период формирования смешанного комплексного хозяйства, которое приходится на первую половину неолита можно считать началом «неолитической революции».

Вопросы абсолютной хронологии Юго-Западного Кавказа слабо разработаны. Для неолита пока нет радиоуглеродных дат, поэтому до их появления пользуемся датами хронологически близких культур этого региона.

Для позднего мезолита пещерной стоянки Апианчи (Гульрипшский р-он, Западная Грузия) были получены две радиоуглеродные даты. Одна получена с верхней части слоя, непосредственно подстилающего под ранним неолитом без стерильной прослойки ЛЕ-9690±160 г. до н. э., т.е. примерно середина десятого тысячелетия, вторая проба взята с середины этого же слоя ЛЕ-9960±160 г. до н.э. т.е. начало десятого тысячелетия (Церетели, Коркия, Шатылова, 1990, с. 296-300).

Стратиграфически в Восточном Причерноморье (Апианча, Циви мгвиме) ранний неолит непосредственно залегает над поздним мезолитом, поэтому по данным Апианчи десятое тысячелетие в этом регионе надо считать нижней границей неолита. Особый интерес представляет радиоуглеродная дата 9000±300 г. до н.э., недавно открытого мезолитического погребения в пещере Котиас Клде (Чиатурский р-он, с. Свери) (Мешвелиани, Джакели, Бар-иозеф, Белфер Коен). Это рубеж X-IX тысячелетий. Тоже самое подтверждают переднеазиатские аналогии (докерамический неолит), которые датируются IX-VIII тыс. до н.э. На основании указанных радиоуглеродных дат, стратиграфии и переднеазиатских аналогов на сегодняшнем уровне исследования уже вполне возможно отнесение раннего неолита Кавказского Причерноморья к IX тыс. до н. э.

Для определения верхнего рубежа неолитической культуры пользуемся хронологически и территориально самыми близкими датами энеолитической культуры.

Радиоуглеродных дат из западногрузинских энеолитических памятников пока тоже мало. Заслуживает внимание калиброванная дата позднеэнеолитического слоя пещеры Дзудзуана (Чиатурский р-он) ТВ-315-4366±217 г. до н. э., т.е. последние столетия V тыс. до н.э. Дата более ранних энеолитических поселений переносится вглубь V тыс. до н. э.

По калиброванным радиоуглеродным данным раннеэнеолитическая культура Южного Кавказа датируется VI тыс. до н. э. (верхний слой Храмис диди гора и Арахло I) и вобщем считается синхронной с раннехалколитическими культурами Передней Азии зачатки которой справедливо предполагают в VII тыс. до н. э. (Кавтарадзе, 1981, с. 35-36).

Энеолитические памятники Северо-Западной части Южного Кавказа поселения с мотыжками «Сочи-Адлерского типа» на основании переднеазиатских аналогов (Хасуна, Сиалк, Сузы I) помещаются в рамки VI-IV тыс. до н. э. (Мунчаев, 1975, с. 50).

Таким образом, на основании имеющихся данных энеолитическая культура Юго-Западного Кавказа помещается в рамки первой половины VI-I пол IV тыс. до н. э. Верхняя грань неолитической культуры совпадает с рубежом VII-VI тыс. до н. э. А неолитическая культура этого региона в целом вероятно охватывает период IX-VII тыс. до н. э. зачатки которой могут переходить в X тыс. до н. э.

L. Nebieridze
(Georgia)

NEOLITHIC CULTURE OF SOUTH-WEST CAUCASUS

(Summary)

The best studied region for the Neolithic Culture is the western part of the south Caucasus, especially the Black Sea area. This territory was densely inhabited in the Neolithic period. By now, there has been found about 70 Neolithic sites.

Different landscapes were used by the Neolithic population: Black Sea shoreline, foothills, capes and river terraces. Both, "open air" settlements with single layer and multilayer cave sites have been found.

South-west Caucasus has a specific Neolithic culture. According to studies carried out in a comparison- typological way this typical neolithic culture has an elaborated chronology which is divided in three stages of development.

Tsivi Mgvime, Anaseuli I, Darkveti IV, Apiancha I, Melouri, Khorshi, Lemsá are examples of sites from the earliest stage.

Ghumurishi and Gali I settlements derives from the middle Neolithic period.

Sites such as Odishi, Urta, Kistriki, Anaseuli II, Gurianta, Mamati, Makhvilauri, Chkhortoli etc dates from the late Neolithic period.

Stone industries and ceramics from these complexes are discussed in the following article.

There is detected three early Neolithic and two late Neolithic local variations.

Studies of Neolithic sites has showed a local productive economy that was under development. It started in the early Neolithic period and ended with a farming culture.

Unfortunately we do not have C14 datings for western Georgian Neolithic period yet. Therefore C14 dating from Mesolithic and Chalcolite period is used for dating the Neolithic culture of the south-west Caucasus. In addition to these dating from the near east is also useful. With help from these datings the Neolithic culture of south-west Caucasus dates approximately from IX-X millennium BC.

Литература

1. Бердзенишвили Н.З., Небиеридзе Л. Д. Поселения каменного века в Кинтришском ущелье. Памятники Юго-Западной Грузии, 1, Тб., 1964.
2. Буш Н. А., Буш Е. А. Ботанико-географический очерк Кавказа. Л., 1935.
3. Гогитидзе С. А. Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья. Тб., 1977.
4. Григолия Г. К. Неолит Центральной Колхиды, Палури. Тб., 1977.
5. Григолия Г. К., Мгеладзе Н. Г. Предварительные результаты археологической экспедиции изучающей памятники каменного века Самегрело. Палевые археологические исследования в 1977 г. Тб., с.13-15.
6. Гроссгейм А. А. Анализ Флоры Кавказа. Труды БПИ Аз. ФАН, т. 1, Баку, 1936.
7. Кавтарадзе Г. Л. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тб., 1981.
8. Кара-мурза Э.Н. Растительные останки Чаудских слоев Юго-Западной Грузии. Флора и систематика высших растений, вып. V, Изв. АН СССР, М, 1941.
9. Каландадзе А. Н. Мезолитические и неолитические останки Грузии. Вестник институт языка, истории и материальной культуры, т. IV, 3, Тб., 1939.
10. Каландадзе К. С. Неолитическая культура Западной Грузии в свете новых археологических открытий. Тб., 1986.
11. Киквидзе И. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тб., 1976.
12. Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М. Первые жатвенные ножи Кавказа (рукопись). Л., 1982
13. Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних скотоводческих обществ Юга СССР, Л., 1987
14. Лукин А. Неолитическое селище кистрик близ Гудаут. СА, XII, М., 1950.
15. Мешвелиани Т, Джакели Н, Бар-иозеф О, Белфер-Коев А. Пещера Котиас Клде и первое палеолитическое погребение на Кавказе. Дзиебани, № 17-18, 2006, с. 10-12.
16. Маруашвили Л. И., Липанова Н. Н. Колхидская низменность. Тб., 1977
17. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975
18. Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тб., 1972.
19. Небиеридзе Л. Д. Даркветский многослойный навес. Тб., 1978.
20. Небиеридзе Л. Д. Ранние ступени развития Западнокавказской раннеземледельческой культуры. Тб., 1986.
21. Небиеридзе Л. Д. Локальные варианты культуры неолита Юго-Западного Кавказа, Международная конференция "Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа" Батуми, 2006.
22. Соловьев Л.Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупинипшхва в 1960 г. В кн.: Труды Абхазского ИЯЛИ, XXXII, Сухуми, 1961.
23. Формозов А. А. Неолит Крыма и черноморского побережья Кавказа. МИА, №102, М., 1962.
24. Церетели З. Д., Коркия Л. О., Шатылова И. В. . Итоги археологического и палеонтологического изучения многоярусной стоянки Апианча. Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Доклады международного симпозиума. Новосибирск., 1990.

Описание таблиц

Карта распространения неолитических памятников.

Таб. I. Анасеули I. Каменные и обсидиановые орудия

Таб. II. Анасеули II. Каменные орудия.

Таб. III. Анасеули II. Керамика.

Таб. IV. Одиши. 1-8- каменные орудия. Анасеули II. 9-14- керамика.

Таб. V. Одиши макролитические орудия.

Таб. VI. Кистрик. Каменные орудия и керамика.

Таб. VII. Чхортоли. Кремневые и каменные орудия и фрагмент керамики.

Description of The Plates

Tab. I. Anaseuli. I. Stone and obsidian tools.

Tab. II. Anaseuli II. Stone tools.

Tab. III. Anaseuli II. Ceramic

Tab. IV Odishi. 1-8 Stone tools. Anaseuli II 9-14 ceramics

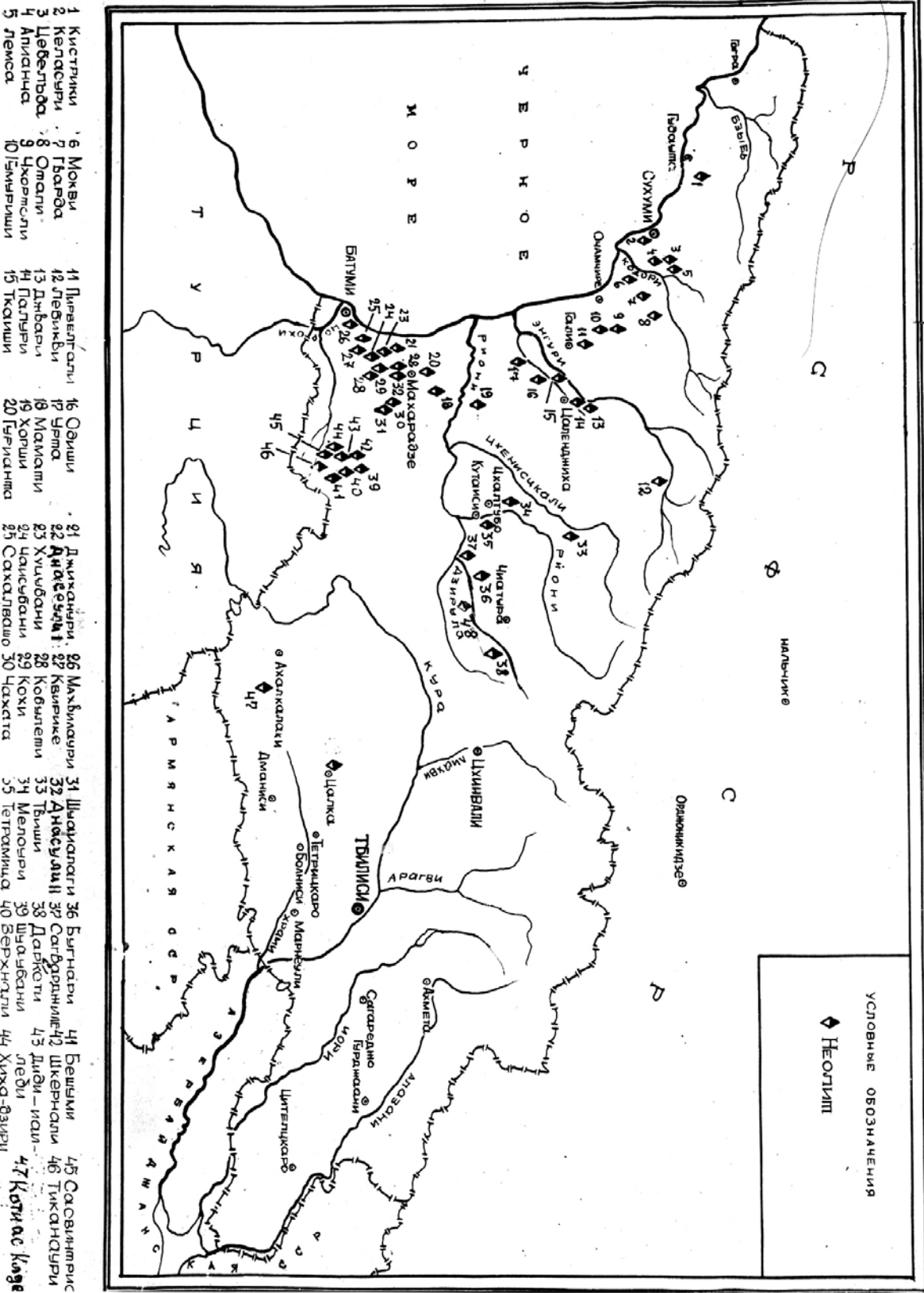
Tab. V Odishi. Macrolithic tools.

Tab. VI Kistrik. Stone tools and ceramics

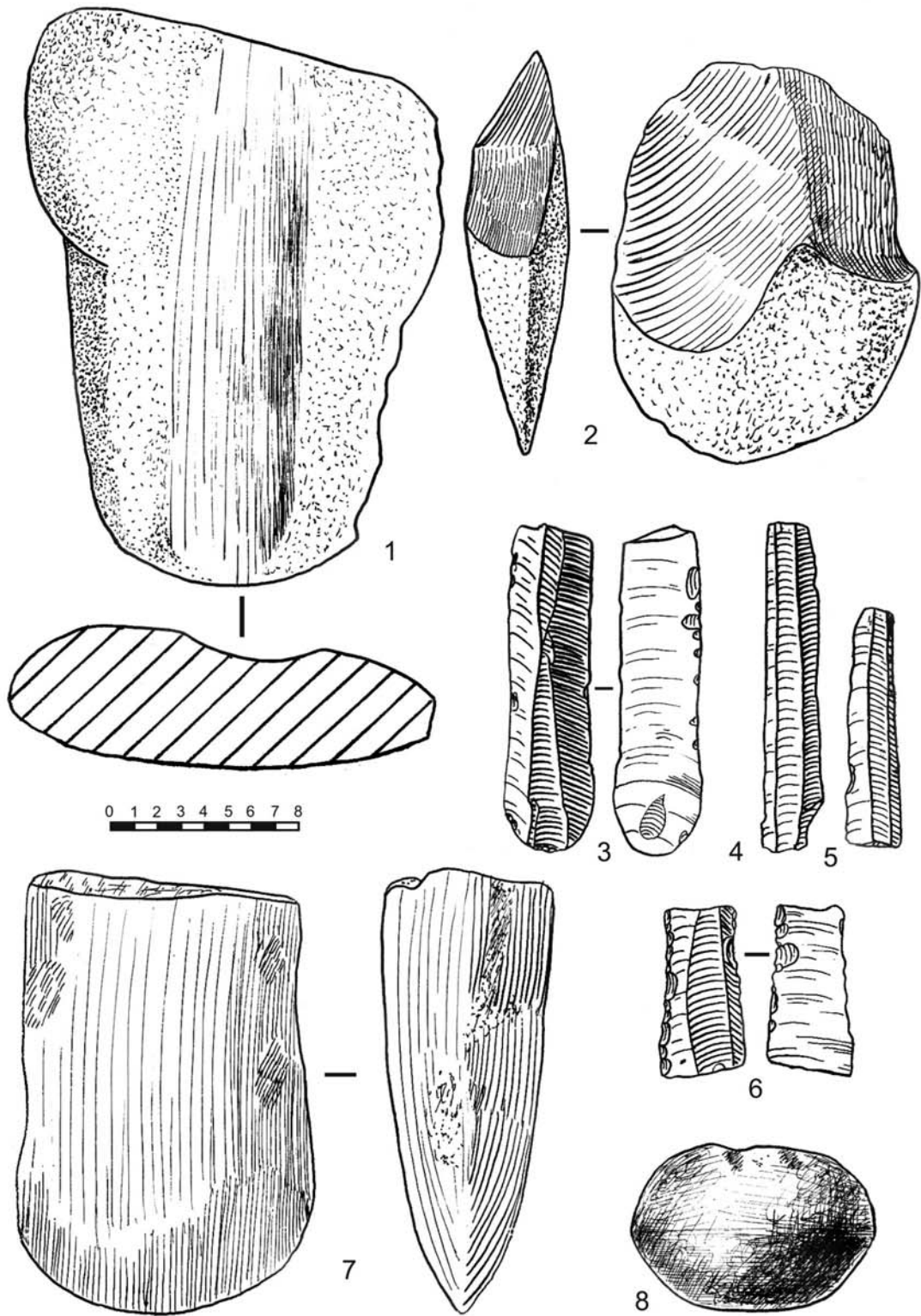
Tab. VII Chkhortoli. Flint and stone tools; Fragments of ceramic

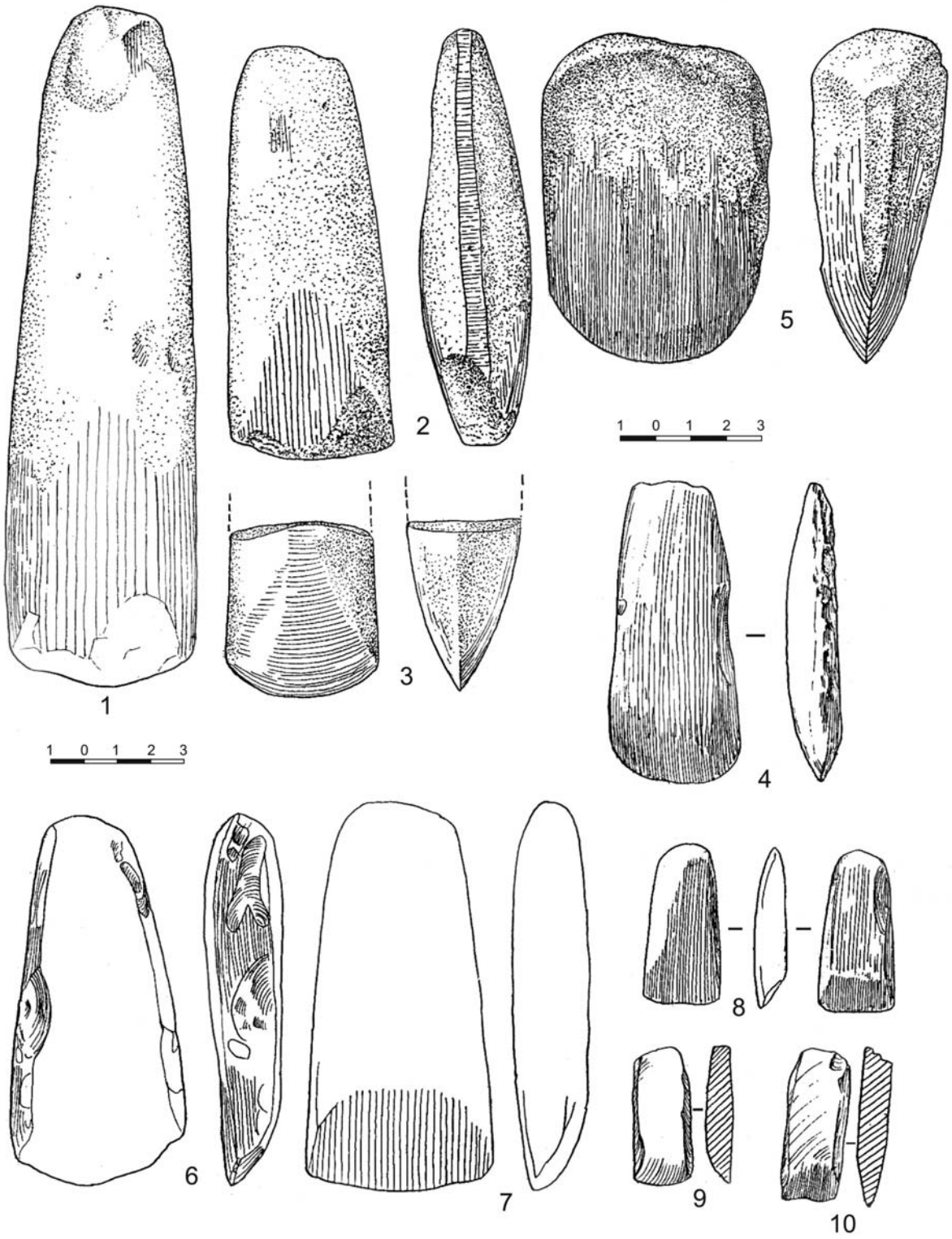
Небиеридзе Ламара Диомидовна
Археолог. Доктор исторических наук
Тбилиси. ул. Готуа 16. кв. 60.
Тел. 37-72-54

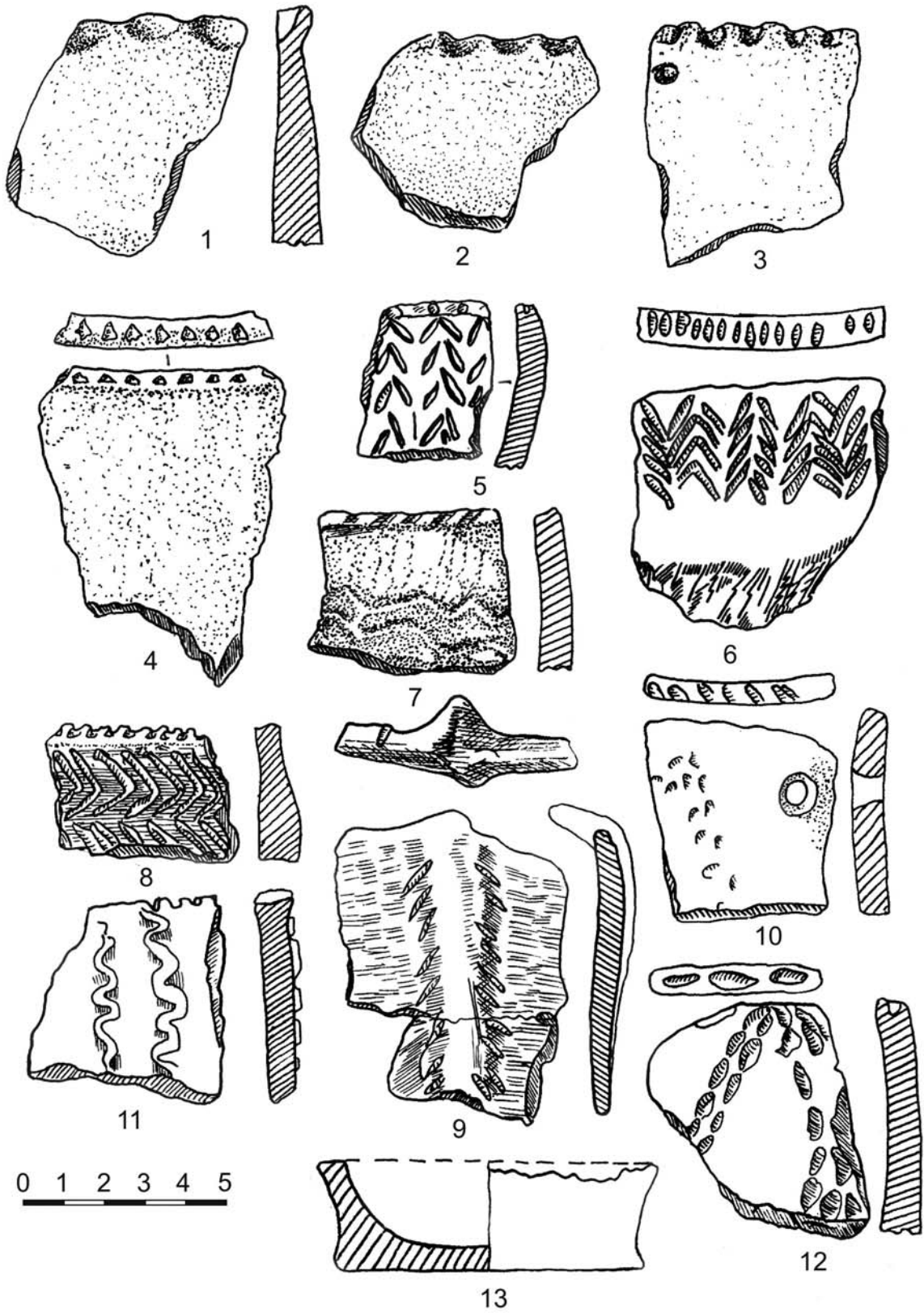
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГРУЗИИ

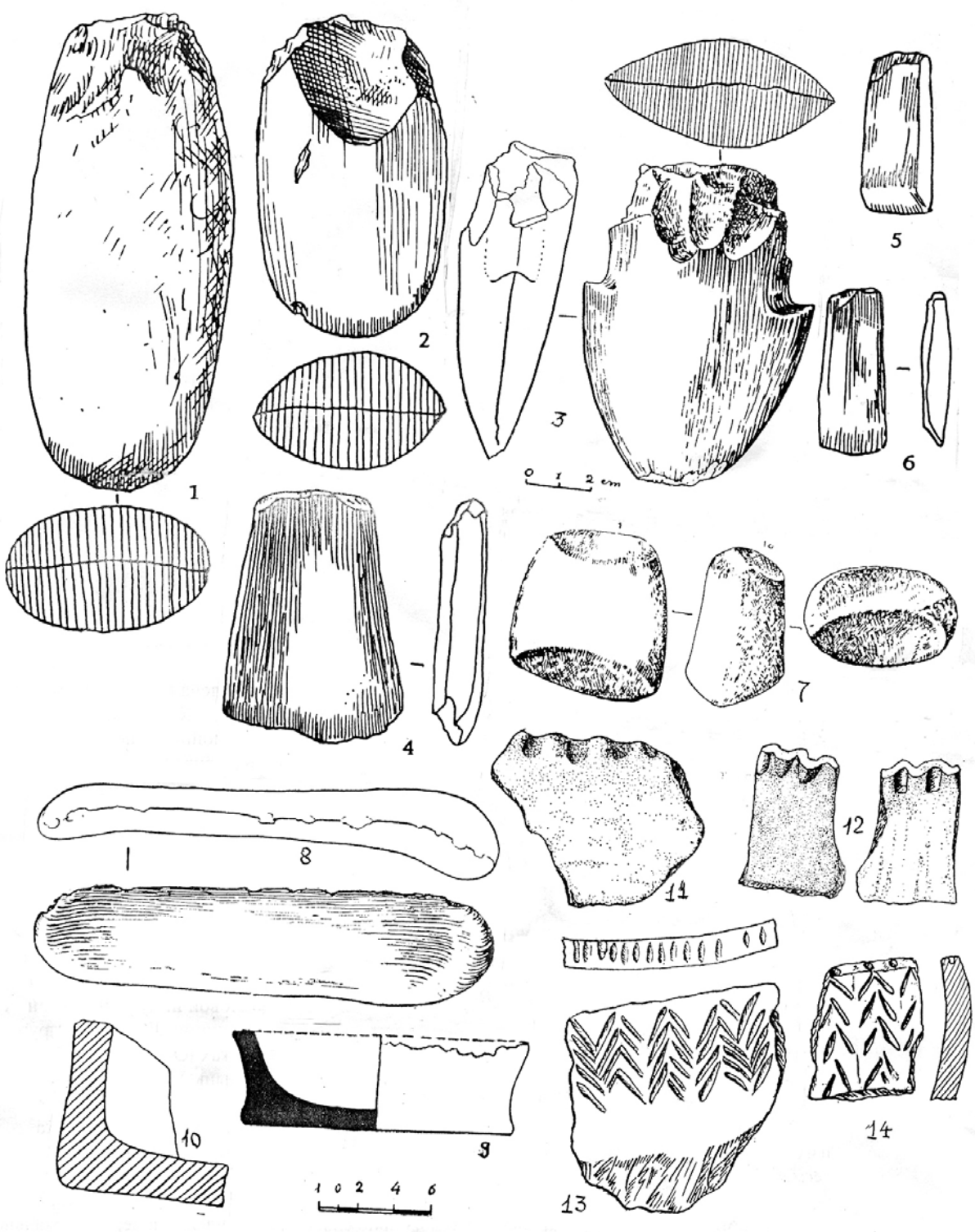

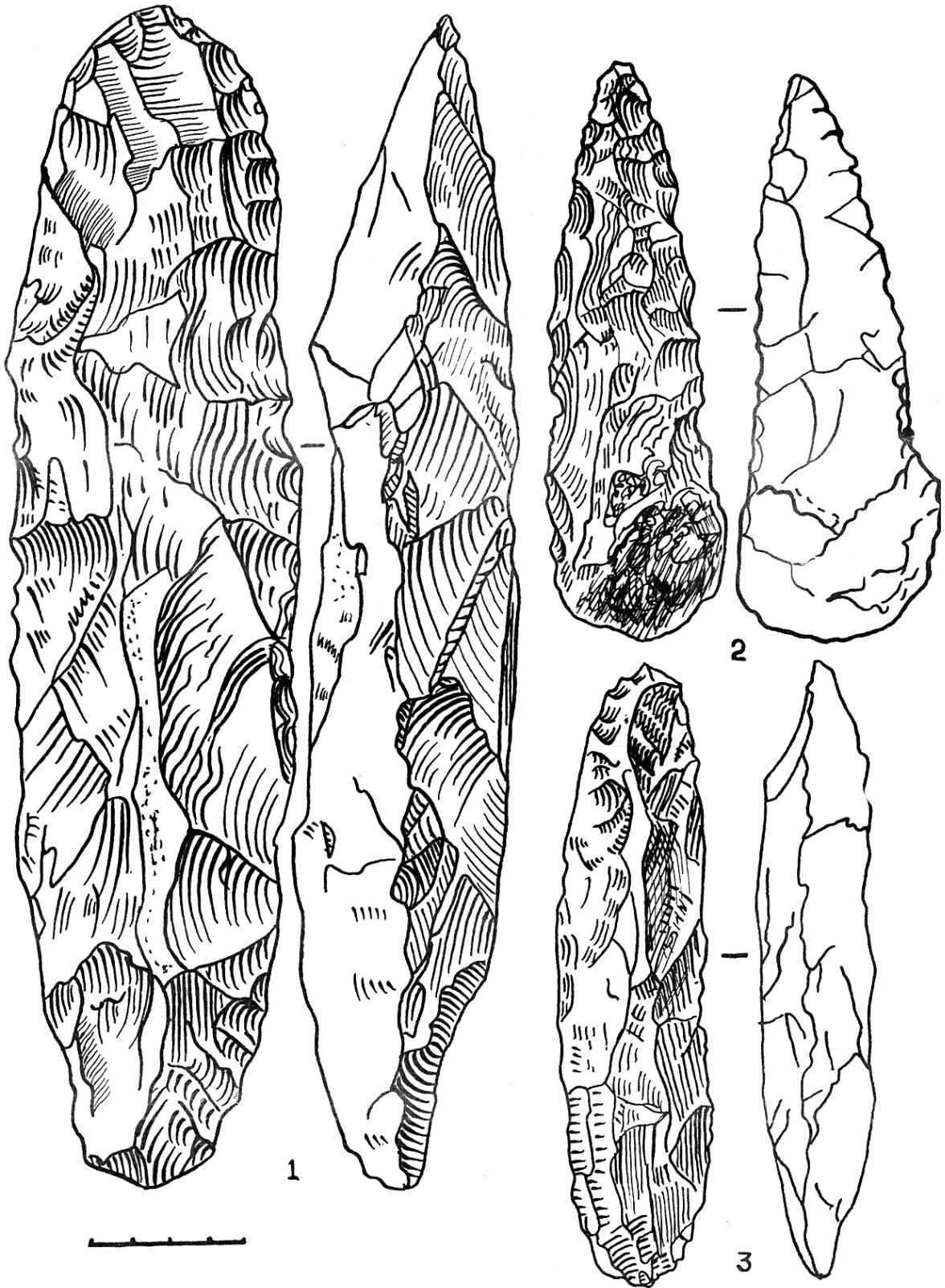

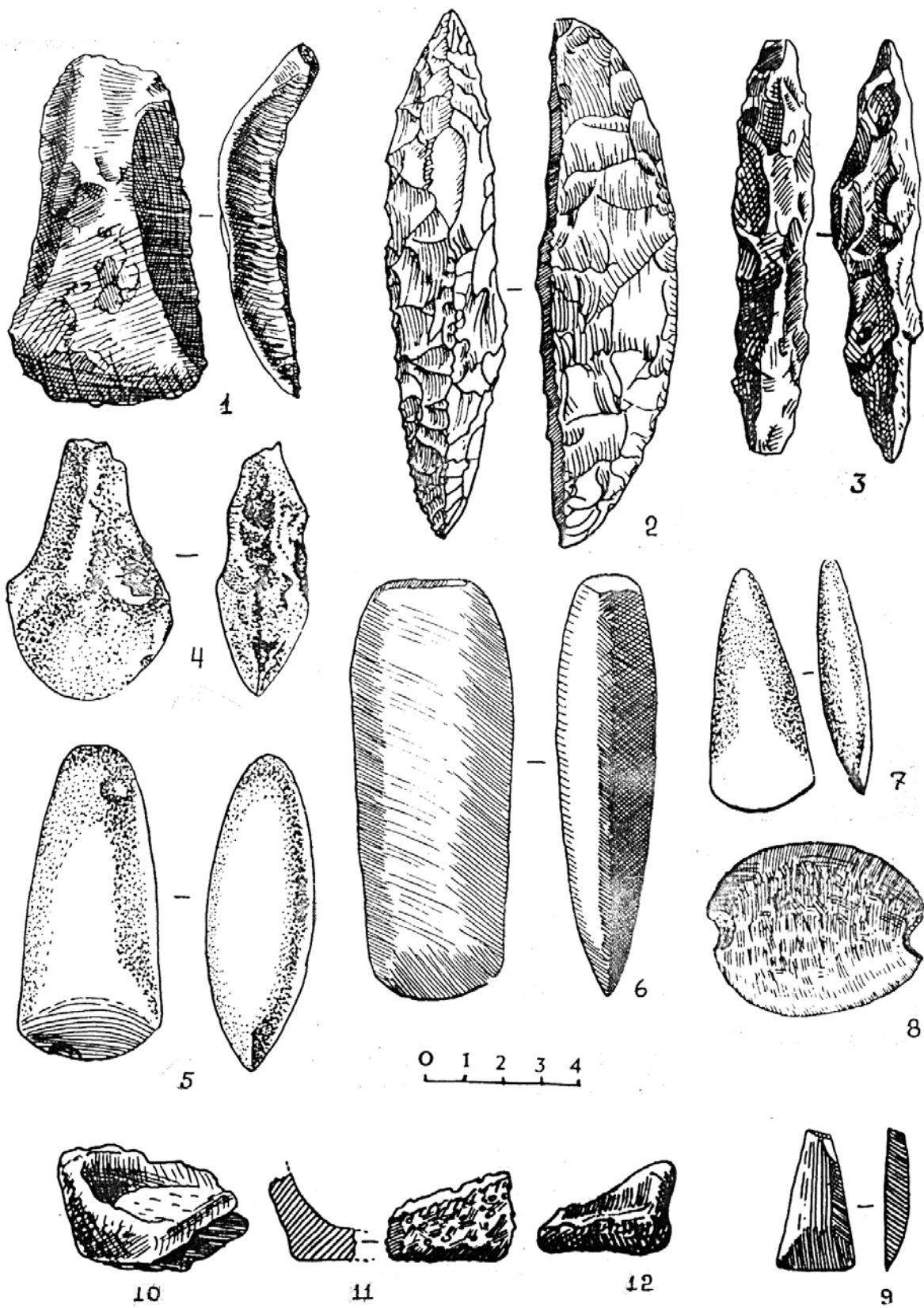

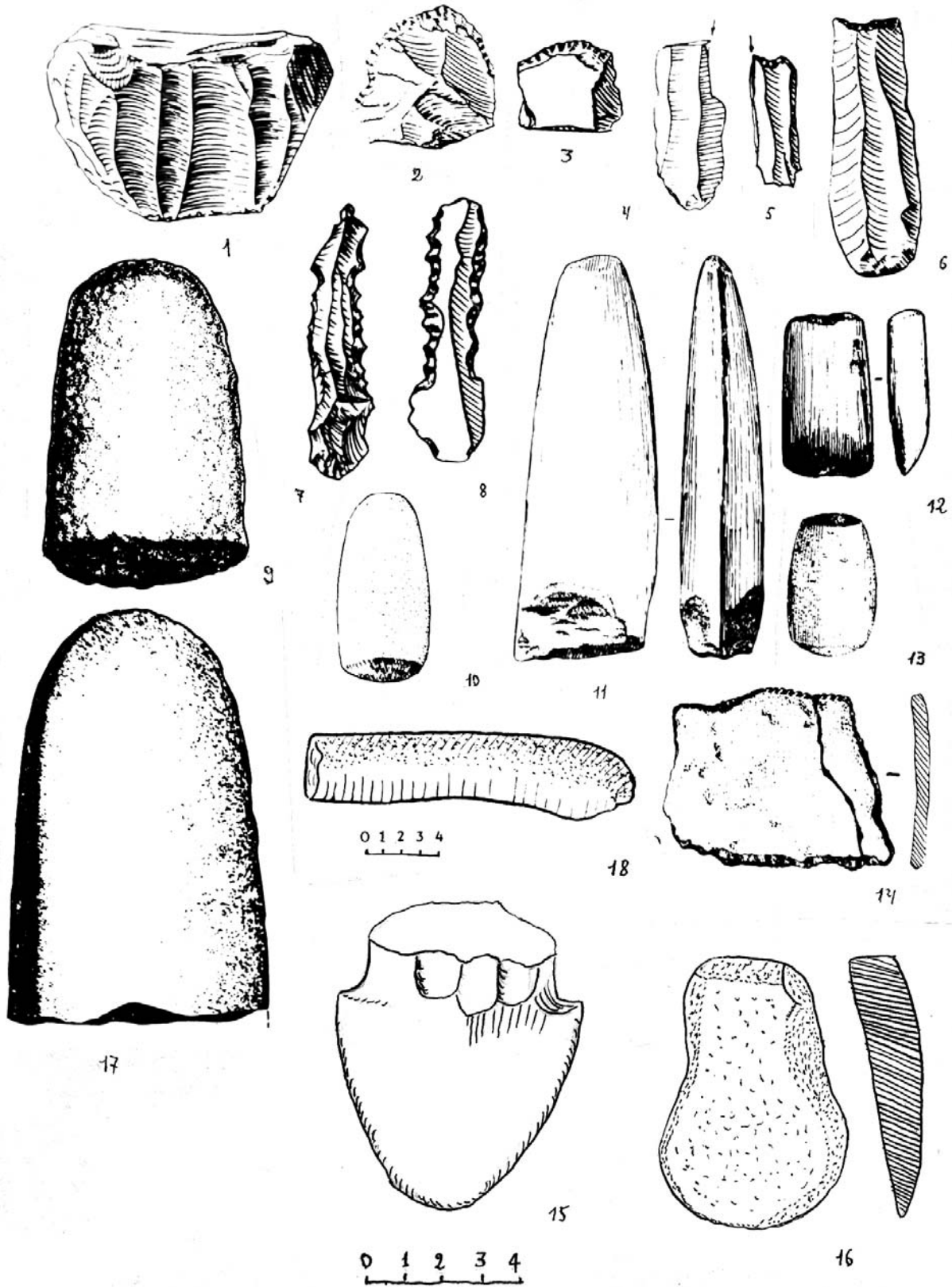

THE LATE ENEOLITHIC BURIAL MOUNDS (BARROUS, TUMULIS) OF AKSTAF A DISTRICT

In the 80s of the XX century in the territory of Azerbaijan, in Agdam district, in the zone of plain Garabag was explored the late Eneolithic settlement of Leylatepe, which radically for the character of ceramic material obtained there sharply differed from other eneolithic settlements of the South Caucasus being known to science then.

High quality ceramics of this settlement made in potter's wheel had the similar ones among the ceramic materials of Ubeid culture in Mesopotamia. In the same region besides Leylatepe were fixed registered other settlements with analogic archaeological material. These are the settlements of Chinartepe, Shomulutepe and Abdal Aziztepe.

Exploration of the settlement Leylatepe and other analogical settlements with specific archaeological material ventured to ascertain the presence (availability) of the archaeological culture of the late eneolithic epoch Leylatepe being new for Caucasus [13; p.10]. At that time, in the 80s of the XX century in the settlement of Beri Kldeebi, Georgia was revealed a cultural (cultivated) layer of 25 cm with analogical artifacts of Leylatepe culture. (4)

In 2004-2005 on Baku-Tbilisi-Ceyhan oil-pipe and South Caucasus gas-pipe routes, in the territory of Akstafa district, Azerbaijan were fixed and explored a number of settlements similar to Leylatepe. There are settlements of Poylu I and Poylu II on the 409 km and the settlements of Boyuk Kesik I and Boyuk Kesik II on the 438 km of the above stated route.

As the oil and gas-pipes passed just through the settlements of Poylu I, Poylu II and Boyuk Kesik I there had carried out archaeological excavations in these settlements and was collected lifting materials in the settlement of Boyuk Kesik II which is in 350 meters distance from Boyuk Kesik I.

It's generally known that in eneolithic settlements of Azerbaijan and in the whole South Caucasus are often met synchronous to settlements, burial which have always been the objects of thorough scientific explorations as well. For instance, all 85 burials (interments) of the settlement Kultepe I in Nakhchivan have been revealed in eneolithic layers of this monument [1, p.51]. Burials directly on the territory of the settlements in cultural horizons of eneolithic period are known in such monuments as Chalagantepe in Garabag, Alikemektepe in Mugan [14, p.168] and Babadervish in Gazakh district. (5) As well On the whole, in Azerbaijan, in eneolithic settlements have been revealed more than 130 different burials [10, p.52]. In the settlements of Leylatepe culture were found child burials too, which had been buried in ceramic vessels [2, p.17-18].

On the whole, in South Caucasus, including the territory of Azerbaijan, special sepulchers (burial grounds) outside the settlements of eneolithic epoch for the present weren't known. From this point of view, revealing and exploration of burial mounds of eneolithic epoch represents a great scientific interest. We fixed these burial mounds in 2004 on the 432 km of the pipelines, in the territory of Akstafa district, in a kilometer to the north-west from

the village Soyugbulag. From this once probably being large barrow fields which were used as the farming lands has remained only a small part where have been fixed more than thirty burial mounds towering above the earth surface with cobble stone embankment.

The burial mounds of Soyugbulag are not only the first sepulchers of eneolithic period found in South Caucasus, but on the whole, they are the ancient type of burial mounds known in the whole Caucasus up to day. It is appropriate as well to mention here that the settlements of Boyuk Kesik I, Boyuk Kesik II and the burial mounds of Soyugbulag are the early monuments of eneolith being fixed on the left bank of the river Kur, in Azerbaijan.

At the beginning of 2005 We dug out six burial mounds there which are believed to date from the late eneolithic period.

They all are connected for the identity of grave stocks, but the shape of the burial mounds embankment, sepulchral cells and burial rites are different. The sepulchral cells were of different sizes. They were quadrangle, oval and rectangular with round corners. All were dug in the mainland. Only one grave (burial mound 3) had been built on the mainland from the cobblestone and was of the oval form. Though there were found ceramic vessels, but weren't found any skeletons there. In the other graves the skeletons were laid down either on their backs, or on the sides. In burial mound 2 the skeleton was available, but there wasn't any archaeological material. In the burial mound 5 in the sepulchral cell was revealed a rare copper dagger of the eneolithic epoch (picture 4).

Burial mound 1 is interesting for its construction (picture 1). Like the other explored burial mounds of Soyugbulag in the zone of the pipeline, the upper part of the embankment was partly demolished by excavating machines during the earthworks, which made impossible to fix exactly the primary height and diameter of burial mound embankment. For its state, at the beginning of excavations the barrow embankment consisting of cobble stones alternately with earth was of 3,5 m length to the north-south and 2,5 m to the east-west. The sepulchral cell was covered with 2-3 cm thick clay plaster at a 70 cm depth. The rite, in which the grave was covered with clay plaster was found as far back as in Kultepe I [1. p.39]. The sepulchral cell was situated at a meter's depth in the mainland was constructed of adobes in 3 rows with the sizes of 50x30x10 cm and laid down all over the whole perimeter of the cell. During the brickwork as a mortar material was used yellow clay mortar. The sepulchral cell was in sizes of 2,4 m from the north-west to the south-east and 1,5 m from the north-east to south-west.

During the clearing of the grave on the skeleton and around it were found wooden remnants. Probably, the sepulchral cell had a wooden ceiling (overlapping) which was spread over with earth alternately with cobble-stones.

the skeleton was in badly intact In the grave and was laid down on the back with its legs to the north. The skeleton had been disturbed, fragments of hand bones were found near the waist and the legs of the buried, but the skull wasn't found at all. But the fixed state of the given burial mound in no way is connected with the robbery, because the clay plaster of the grave situating at a depth of 70 cm from the surface of the earth hadn't been disturbed. Perhaps we deal with the case of rites of reburial or a dismembered type of burial. The presence of a special pavement from cobble-stones under the leg bones which was paved for the reason these bones could stand still is one more argument in favor of the aforesaid.

The grave stock of the given burial consisted of 2 earthenware vessels. One of them was larger in comparison and was leaned against the north-west corner of the sepulchral cell. In order to keep this round-bottom vessel in vertical state small cobble stones were put around of its bottom. This light orange vessel had a pear-shaped body. In the content of the handwork earthenware vessel is distinctly seen the touch of sand. The surface of the vessel had a clay plaster with the touch of plants (for instance chaff etc). A poor baking. The mouth was funnel shaped the bottom is spherical, but the side walls were slightly flatten. The height of the vessel was 34,5 cm, diameter of the mouth 14,5 cm and the body of 26,5-28 cm (picture 2).

The second vessels had been placed in 30 cm distance from the south-west corner of the grave and was leaned against the grave wall. This was a small, orange earthenware pot with spherical body (picture 3). The vessels is a rough, hand made one, but good baked. The surface is covered with angobe (angobe is a slight clay mortar), the mouth is funnel shaped, but the bottom is oval. On the side walls are seen dark stains. The height of the vessel is 13 cm, diameter of halo is 8,2 cm, diameter of the body 13 cm.

Though the burial mound of Soyugbulag for their several signs have identical features with the burials of local eneolithic culture, but the main traits of these sub-burial mounds with their roots are inclined to Ubeid culture of Mesopotamia. Not only the elements of burial rites themselves, but the character of the grave stock says about it as well.

As it is known, near the settlements of the late Ubeid period there have been found sepulchers (burial grounds) which are situated beyond the settlements. But none of the burials of that period has the barrow embankment. Besides in the graves of well-known necropolis of Ubeid culture were buried only the adults (grown up). But the children were buried in the territory of the settlement under the floors of inhabitable premises as it was done in previous times [9, p.87]. but the Soyugbulag necropolis also contains sub-burial graves of adults. In the embankments of these burial mounds or between them are found child burials in ceramic vessels.

In connection with the above stated it is impossible not to touch the matter of the history of appearance of graves with burial mound embankment. In the scientific literature the appearance of burial mound embankments on the graves in the South Caucasus, including Azerbaijan is believed to be connected with North Caucasus, with the influence and migration of ethnic group bearers of this burial rite to the South.

It was suggested in science that the bearers of the idea of the barrow (burial mound) constructions in the Caucasus were the ethnic groups of Maykop culture. It is often grounded with that the burial mounds of Maykop are older than the rest known among those of the III millennium B.C. being revealed and explored in the whole Caucasus.

Though until the revealing of Soyugbulag burial mounds there existed such a doubtful view. But after the exploration of the burial mounds of Soyugbulag it is seen that the idea of barrow embankments on the graves in Caucasus has been formed according the data of present day archaeology, namely, in South Caucasus, in the valley of the river Kur and very likely, from there it was spread to the North Caucasus where this principle of burial rite was widely used by the tribes of Maykop culture. Old sepulchers of Ubeid culture side by side with burials in ordinary earth graves give the patterns of graves constructed from row-bricks

(adobes) as well [7, p.49]. The burial mounds of Soyugbulag have analogical construction of sepulchral cells as well, but unlike the Ubeid ones they have a barrow embankment in addition.

On the whole, predominant feature for the burials of Ubeid culture is the interments in the state of being stretched on their back. But in the graves of local variant of northern Ubeid culture, in spite of that whether those graves in the territory of the settlement itself, or the graves of separate necropolis predominant is the rite of burying in writhing pose and the graves with stretched skeletons fixed (registered) there the explorers attribute to the tribes-migrants from Southern Mesopotamia [9, p.87]. Besides it, in the monuments of pre-Ubeid culture in the settlements of Yarimtepe I; Yarimtepe II, in the graves of Khassun and Khalaf culture was witnessed the rite of dismembered burying [12, p.208].

As it is known, the burying on the left or on the right side is dominating in the graves of eneolithic period both in Azerbaijan and in the whole South Caucasus as well. Though there have been explored a small number of graves, the graves of Soyugbulag have given all the noted types: both the sepulchral constructions and the states of skeletons.

All sepulchral stock of the explored burial mounds of Soyugbulag in the zone of pipelines except one copper dagger was exclusively ceramic. Only one vessel from burial mound 5 had a flat bottom and funnel-shaped nimbus. For their shape and facture they have the similar analogies among the materials from Leylatepe, Ubeid and even Maykop [6].

Though in archaeological literature exists a firm opinion about the chronological frames of Leylatepe culture [2, pp.76-78] the explorations of recent periods (settlements of Boyuk Kesik I, Poylu and the burial mounds of Soyugbulag) testify that there is much work to be done in this direction on introducing clarity and correcting of upper and lower chronological limits of this striking culture.

Basing upon the radio-carbonic data the Ubeidic culture is dated from the end of the V millenium BC and the northern version of this culture from the I half of the IV millennium BC. [8, p.8; 2, p.76]. Hence, the explorers dated the culture of Leylatepe from the I half of the IV millennium, BC. but the final stage of this culture is believed to date from the middle of the given millennium [2, p. 76].

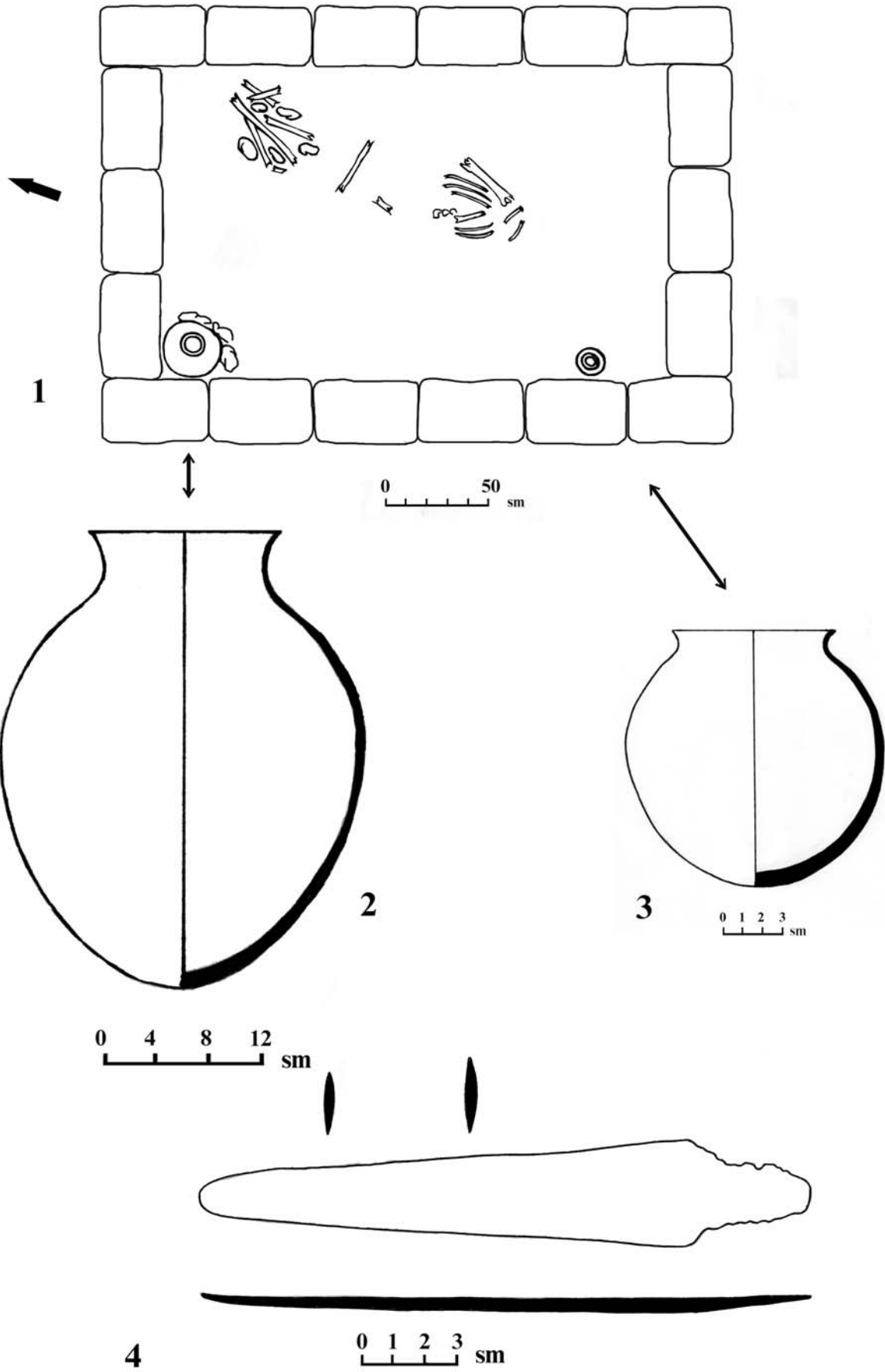
Thickness of the cultural (cultivated) layer reaches to 170 cm in Boyuk Kesik settlement. Coal taken from the settlement of Boyuk Kesik I (VI squire, depth 150 cm) was sent for analysis to Mayami (USA) in 2005. it was analyzed in Beta Analytical Radio carbonic Dating lab of the given city. The obtained chronological frame gives the age from 3970 to 3780 BC. It is the first and the only coalibrated date for the monuments of the Leylatepe culture. Taking into account the aforesaid we bring forward preliminarily for the burial mounds of Soyugbulag a chronological range within the II half of the IV millennium BC.

Thus, on the west of Azerbaijan in the valley of the river Kur, in the foothills of the Major Caucasus in a brief space of time were revealed several settlements of the culture Leylatepe. It is vividly testify that the culture of Leylatepe doesn't have a local character and it occupies a vast territory in the South Caucasus. One can say with great certainty that in future in Azerbaijan and in the south-east regions of Georgia, most probably; will be found new monuments of this type, including the burial mounds of eneolithic epoch.

In connection with revealing and studying of new monuments of Leylatepe culture in the South Caucasus, investigation of historical and cultural and ethnic links of Fore Asian and Caucasian region, (Mesopotamia – Ubeid South Caucasus – Leylatepe the North Caucasus - Maykop) according the archaeological materials obtains a new impulse and ample opportunity.

Literature

1. Habibullayev O.A. Eneolith and Bronze in the Territory of Nakhchivan ASSR. Baku, 1982.
2. Aliyev N., Narimanov I. Culture of the North Azerbaijan in the Epoch of the Late Eneolith. Baku, 2001.
3. Akhundov T.I. The Ancient Burial Mounds of the South Caucasus. Baku, 1999.
4. Glonty L.I., Javakhishvili A.I. New Data about the Multilayer Monument of Eneolithic Epoch – the Late Bronze in Shida Kratli – Beri Kldeebi. Brief information of the Institute Archeology the Academy of sciences, USSR 1987, № 192.
5. Ismayilov G.S., Aliyev V.G. Burial Monuments of the Ancient Settlement Babadervish. Transactions of NASA series history, philosophy, law (in Azerbaijani), 1977, № 2.
6. Koronevski S.N. The Ancient Settled Inhabitants in the Middle Terek. Moscow, 1993.
7. Lloyd S. Archaeology of Mesopotamia. Moscow, 1984.
8. Masson V.M. The Eastern Parallels of the Culture Ubeid. Brief information of the Institute Archeology the Academy of sciences, USSR issue 91, 1962.
9. Masson V.M. The Early Civilizations. Leningrad, 1989.
10. Mahmudova V. Burial monuments of early farming and cattle-breeding tribes of Azerbaijan (in Azerbaijani). Baku, 2003.
11. Merpert N.Y., Munchaev R.M. Settling of the Culture Ubeid Yarimtepe III in the North Mesopotamia. Soviet archaeology, 1982, № 4.
12. Munchaev R.M., Merpert N.Y. The Early Farming Settlers of North Mesopotamia. Moscow, 1981.
13. Narimanov I.G., Azimov M.S., Aliyev N.G. Works of the First Detachment of Mil-Garabag Expedition in 1985. Archaeological - ethnographic researches in Azerbaijan (1985), Baku, 1986.
14. Narimanov I.G. Culture of the ancient farming and cattle-breeding inhabitants of Azerbaijan. Baku, 1987.

ARCHÄOLOGISCHE BEFUNDE IN SÜDKAUKASIEN AUS DER „PROTO-KURA-ARAXES“ KULTURPERIODE*

Der kaukasische Kultursynkretismus lässt sich historisch durch die geographische Lage der Region an der Verbindungsstraße zwischen Europa und Orient erklären (Taf. I). Ein Beispiel dafür wäre die glänzende Maikop-Kultur der 1. Hälfte des 4. Jt. v. Chr.. Die Forschungsschichte des nordkaukasischen Altertums beginnt mit der Entdeckung des großen Kurgans von Maikop im ausgehenden 19. Jh. (Taf. III, IV, V, VI, VII) (Muntchaev 1994, S. 159-160, Andreeva 1977, S. 39-40). Am Ende des 20. Jh., das durch große archäologische Entdeckungen im Nordkaukasus gekennzeichnet war, erschienen zahlreiche Publikationen zum umfangreichen Fundmaterial (Jessen 1950, Korenevski 1988, 1990, 2004; Masson 1997; Muntchaev 1975, 1994; Resepkin 1991, 2000; Safronov 1982; Trifonov 1987, 1998; Frangipane 2000; Häusler 1994, u. a.. Beachtenswert sind Untersuchungen theoretischen Charakters bezüglich der Geneze der Maikop-Kultur, die auch als Kulturgemeinschaft von Maikop-Novosvobodnaja definiert wird, die den Zusammenhang zwischen dem maikopischen Fundmaterial und dem mesopotamischen Kulturguthervorheben.

Anfänglich, als es noch keine archäologische Nachweise aus Südkaukasien vorhanden waren, herrschte in der Fachliteratur die Meinung, dass der mesopotamische Einfluss nach Nordkaukasien über den Seeweg, das Schwarze Meer und die Südhänge des Großen Kaukasus gelangen könnte (R. Batankur, nach Muntchaev 1975, S. 376). Die späteren Entdeckungen in Zentral-, Ost- und Westgebieten Südkaukasiens archäologischer Befunde aus dem Spätchalkolithikum, die sowohl mit Maikop- als auch den vorderasiatischen Kulturen zu vergleichen sind, erlaubten es zu vermuten, daß der Verkehr zwischen Mesopotamien und Nordkaukasien auch landwärts stattfinden könnte (Taf. I,II,VII-XX).

In Ost- und Zentralgebieten sind die archäologische Fundorte dieses Typs ausschließlich im Flachland, in den Tälern von Kura und Araxes, d. h. an den Hauptstraßen, die von Süden nach Norden führten, nachzuweisen (Taf. I). Vergleichbare Fundorte sind auch in den bergigen Landschaften im Ostteil des westlichen Südkaukasiens entdeckt worden. Sie liegen in der Flusstälern, an der alten Verkehrsstrasse, die Ostanatolien über den Mamissoni-Paß mit dem Norden verband. Zuletzt ist eine große Anzahl der Befunde dieses Typs an der Ostschwarzmeerküste, einem bequemen Verbindungsweg zwischen Süd- und Nordkaukasien, anzutreffen.

Ein bedeutender archäologischer Fundort in Südkaukasien, der die Verbindung mit Vorderasien präsentiert, ist die Siedlung Techut im Ararattal (Torosjan 1976; Muntchaev 1982, S. 122-124). Die Keramikfunde aus Techut (Taf. VII) unterscheiden sich wesentlich von den üblichen Tonobjekten aus den südkaukasischen chalkolithischen Siedlungen. Es handelt sich um kugelrunde, bzw. konische Vorratsgefäße, die eine unterschiedliche Halslänge auf-

---

* Доклад был представлен на международной конференции - "От Маикопы до Триалети" в Берлине. 2006 г. 1-3 июня.

weisen. Einige Scherben sind durch hohe Brandqualität, gelbliche Oberfläche, eine schwarz- oder rotfarbene Bemalung gekennzeichnet und demonstrieren einen starken Einfluß der Nordubeyd-Kultur. Die Siedlung Techut wurde von den Ausgräbern mit dem späten Chalkolithikum datiert. Außer der Ebene von Ararat sind Siedlungen dieser Typs in Ost- und Zentralgebieten Südkaukasiens in der Ebene von Nachitševan: am linken Ufer des Araxes, in Mughan an der Kaspiseeküste, in den Niederungen von Mil-Karabach am rechten Ufer der Kura und im Gebiet von Gjandša-Kasach nachzuweisen (Taf. I). Ein wichtiger Fundort aus jener Epoche eines maikopischen, bzw. mesopotamischen Antlitzes ist der große Tumulus, A. Jessen merkte die Eigenart der Keramikfunde, verglich ihre Formen mit den Gold- und Silbergefäßen aus den Nachbildungen der maikopischen Formen und vermutete gleichzeitig auch die Möglichkeit der Kontakte zu den Ostgebieten Vorderasiens, Den Kurgan Učtepe datierte Jessen mit dem späten 3. Jt. v. Chr., der post-Kura-araxäischer Epoche (Jessen 1965, S. 185-186)

In der Ebene Mughan wurden am Ende des vorigen Jahrhunderts zwei chalkolithische Siedlungen Mišarčai und Alikemektepes ausgegraben. In Alikemektepes erreicht die Kulturschicht eine Höhe von 5,1 m. Es wurden 6 Bauphasen festgestellt. Die freigelegten viereckigen Lehmbauten dürften für Wohn- und Wirtschaftszwecken gedient haben. Außerdem wurden in Alikemektepes ca. 10 Keramiköfen entdeckt. Die Keramik aus Alikemektepes rotfarben, aus pflanzlich gemagertem, gut gebranntem Ton. Einige Objekte sind oberflächlich poliert und mit Kammabdrücken verziert. Auch bemalte Scherben sind es anzutreffen (Machmudov, Narimanov 1972, S. 48; Aliev, Narimanov 2001, S. 24-26, 53-55). Die oberflächlich eingesammelten Keramikfunde aus einer anderen Siedlung in der Ebene von Mughan- Mišarčai IV ähneln dem Fundmaterial aus Alikemektepes (Aliev, Narimanov 2001, S. 26, 36-53). Die zweite Gruppe chalkolithischer Fundorte im Ostteil Südkaukasien bilden die Befunde im Gebiet von Mil-Karabach (Taf. X). Es handelt sich um Siedlungen Leylatepe, Čınartepe, Šomulutepe, Abdalasistepe u. a.. Die Siedlung Leylatepe ist der bedeutendste archäologische Fundort dieser Gruppe. Der Befund ist dermaßen aufschlussreich, dass einige Forscher in Versuchung kamen, das gesamte späte Chalkolithikum in Südkaukasien als die Leylatepe-Kultur zu definieren (Narimanov).

Die Siedlung Leylatepe liegt auf einem Hügel, dessen Höhe 2m erreicht und einem Durchmesser von 50-60 m. aufweist. Es wurden 10 viereckige Lehmziegelbauten (Taf. IX) und 12 Keramiköfen von einer für Kaukasien ungewöhnlicher Konstruktion freigelegt. Unter dem Boden wurden 5 Bestattungspithoi entdeckt. Das archäologische Fundmaterial bilden vorwiegend Keramikobjekte, die in drei Gruppen einzuordnen sind. Zu den Gruppen I-II der Keramik von Leylatepe gehören feine scheibengedrehte Objekte, die nur durch Fehlen oder Vorhandensein sind. Die Gruppe III bilden handmodelierte Keramikobjekte. Die rotgebrannte Ware ist hellgrün angobiert. Einige Objekte sind mit Ritzen oder Bemalung verziert. Keramikfunde aus Leylatepe identisch.

Die Ausgräber vergleichen die Keramik von Leylatepe sowohl mit kaukasischen Keramikfunden aus Techut, Zopi, Berikdeebi, als auch der Tonware der Ubeyd-Kultur (Aliev, Narimanov 2001, S. 48-53).

In der Gruppe der chalkolithischen Siedlungen im Gebiet von Gjandscha-Kasach gehören Metestepe, Kečil Rustepes und Jatagier. Archäologisch sind nur Rustepes und Kečil

untersucht worden. Kleine Probeschnitte, die an diesen Orten gemacht wurden, erweisen ein mit Leylatepe vergleichbares Fundmaterial, das aus der Endphase des Chalkolithikums stammen (Aliev, Narimanov 2001, S. 27-30, 55) könnte.

Im Gebiet des Nachitčevan sind Befunde der spätchalkolithischer Epoche in Kültepe I, Ovčular tepes, Chaladsh, Damlama, Giaurčala, Arabengidž nachgewiesen wurden (Aliev, Narimanov 2001, S. 30-35, 56-64). Die Archäologische Ausgrabungen wurden nur in Kültepe I durchgeführt. Die mehrschichtige Siedlung Kültepe I weist eine 22 m. hohe Kulturschicht auf (Abibbulaev 1982). Die wichtigsten davon sind die zwei untersten Schichten: Die chalkolithische Schicht hat eine Stärke von 9,2 m. (Schicht I). Darauf folgt eine 8 m. starke Kulturschicht aus der Kura-araxes-Zeit (Schicht II). In Bauphasen XVI-XVIII der Schicht I wurde eine rechteckige, glatte lehmverputzte Kopfsteinmauer freigelegt. In allen chalkolithischen Bauphasen des Kültepe I wurden Bestattungen nachgewiesen. Es handelt sich um eine Qualitätsware aus gut gebranntem, planzlich gemagerten Ton die rotfarben, dezent ornamentiert und rötlich, hellgrün oder gelblich angobiert ist. Als eigenartiges Detail dieser Keramik sind die Gefäßhenkel zu nennen (Aliev, Narimanov 2001, S. 56-64).

Für alle Siedlungen, die in den kleinkaukasischen Niederungen aus der Endphase des Chalkolithikums nachgewiesen wurden, ist eine relativ geringe Ansiedlungsfrist und eine entwicklungsgeschichtliche Diskrepanz mit der vorangehenden Chalkolithischen Kultur von Šulaveri-Šomutepe kennzeichnend. Dabei wäre es zu betonen, dass die spätchalkolithische Schicht die unterliegende, wesentlich differente Kulturschicht unmittelbar, ohne jedwede sterile Zwischenschicht und Übergangsphasen zudecken. Die Keramik aus den spätchalkolithischen Phase unterscheidet sich wesentlich von der Keramik der unteren Schicht und besitzt sowohl vorderasiatische, als auch nordkaukasisch-maikopische Kulturzüge (Aliev, Narimanov 2001, S. 93, 94).

Aserbaidshanische Archäologen unterscheiden zwei Gruppen spätäneolithischer Siedlungen: Eine Gruppe der Fundorte wird in der aserbaidshanischen Fachliteratur unter der Bezeichnung „die Leylatepe-Kultur“ angegeben und mit 4. Jt. v. Chr. datiert. Die spätäneolithischen Siedlungen in den Gebieten von Nachitševan-Ovčular tepes, Khaladž und in der Ebene von Mughani: Alikemek tepes, die im Unterschied zu Leylatepe, eine Verwandtschaft sowohl mit der nachfolgenden Šulaveri-Šomutepe als auch der nachfolgenden Kura-Araxes-Kulturen aufweisen, werden von aserbaidshanischen Autoren getrennt untersucht. Dennoch bleibt mehreres an diesem Problem unklar und bedarf weiterer Erforschung.

Nach der Entdeckung der spätäneolithischen Siedlungen in Aserbaidshan wurde auch im georgischen Gebiet ein wichtiger Befund aus dieser Zeit nachgewiesen. Es handelt sich um die mehrschichtige Siedlung Berikldeebi am linken Ufer der Kura, in Zentralteil Südkaukasiens (Glonti/Djavakhishvili 1987, S. 80-87; Sakartvelos arqeologia: 1992, S. 65, Djavaxišvili 1998, S. 7-20). In Berikldeebi erreicht die Kulturschicht eine Höhe von 3 m. und besteht aus 14 Bauphasen von verschiedenen Kulturepochen von 5. Jt. v. Chr. bis zur Früheisenzeit Djavaxišvili 1998, S. 74. Glonti/Djavachishvili 1978, S. 80-87). Es wurden keine sterile Zwischenschichten nachgewiesen.

Schicht	Bauphasen	Kulturperiode
I	1. Bauphasen	Späte Bronzezeit/Frühe Eisenzeit
II	2. eingetiefte Gräber	Mittelbronzezeit

III	8. Bauphasen	Bedeni-Kultur
IV	2. Bauphasen	Kura-Araxes-Kultur
V	2. Bauphasen	Chalkolithikum

Die unmittelbar unter der frühbronzezeitlichen Kura-Araxer-Kulturschicht liegende Schicht V in Berikldeebi ist evident mit der vorkuraaraxäischer, Chalkolithischen Periode zu datieren. Hier wurde ein viereckige Heiligtum mit Tonwände Ausgegraben (Taf. XI). Die Ausgräber bieten die Zeitphase Ende 5. – 1. Hälfte des 4. Jt. v. Chr. für die Schicht V in Berikldeebi an (Glonti/Djavachischvili 1978, S. 86). Die Ausgräber vergleichen die Keramikfunde aus Berikldeebi (Taf. XII-XIII) mit dem Fundmaterial aus dem westgeorgischen Höhlensiedlungen Samele Klde und Samerzchle Klde, sowie der maikopischen und vorderasiatischen Keramik des 4. Jt. v. Chr..

Die Entdeckung in den westlichen Gebieten Südkaukasiens einer Keramik, die mit Leylatepe und Berikldeebi V eine Ähnlichkeit aufweist, ist für die Erfassung der spätä-neolithischen Epoche in Kaukasien äußerst wichtig. Es handelt sich um die Fundorte Voronzovskaja Pečera (Voronzovische Höhle) bei Adler (Rußländische Federation), mit typisch maikopischen Keramikfundmaterial (Sakartvelos arkeologi, II, 1992, S. 231), Siedlung Abastumani im Bezirk Adigeni in Südgeorgien, an der die dünnwändigen, rotpolierten, kugelförmigen Tongefäße des Maikop-Typs gefunden wurden.

In Westgeorgien, im Rioni-Kvirila-Becken sind bereits erwähnten Siedlungshöhlen: Samerzchle Klde und Samele Klde (Taf. XV) die wichtigsten Verfunde der spätä-neolithischen Epoche. Die Fundorte liegen unweit des Dorfes Sodi, Bezirk Čiatura, im Žuržulatal, an einem Nebenfluss des Kuirila (Glonti/Djavachischvili, A. Djavachischvili, G. kikvidze, Tuschabramischvili 1968, S. 3-14).

In Samerzchle Klde wurden zwei Kulturschichten nachgewiesen. Die unterste Schicht datierten die Ausgräber mit dem Oberen Paläolithikum, die Oberschicht mit Spätä-neolithikum. Zwischen den Kulturschichten wurde eine 0,80-0,85 m. dicke Sterilschicht nachgewiesen.

Keramikfunde aus der oberen, chalkolithischen Kulturschicht der Höhlensiedlung Samerzchle Klde (Taf. XIV) sind durch kugelförmige Gefäße unterschiedlichen Maßes, die einen relativ flachen Boden und einen scharf abbiegende kurze Krone besitzen, dargestellt. Der Ton ist rosafarben bis grau gebrannt. Die kleineren Fundexemplare sind rotpoliert, dünnwändig, aus quarzgemagerten Ton hergestellt. Die Gefäße sind ohne Henkel und Ornament, die die Randkante des halbkugelförmigen Gefäßkörpers umkreist. Unter der Kleinfunden aus Samerzchle Klde wären ein halbkugelförmiger Tiegel, eine Metallgussform sowie zahlreiche Feuersteinobjekte und geschliffene Steingeräte zu nennen.

In der Siedlungshöhe Samele-Klde wurde ein 2 m. starke Kulturschicht nachgewiesen. Oberflächlich eingesammelten und in den oberen Bauphasen entdeckten rotpolierten Scherben ähneln den Keramikfunden aus Samerzchle Klde lässt sich in zwei Gruppen einordnen (Taf. XIV). Es handelt sich um henkellose Töpfe und die dünnwändigen, meistens rotpoliert, kugelförmigen breitrandigen Gefäße, die weder einen Henkel noch eine Krone besitzen. Außer Keramikobjekte gibt es in Samele Klde eine große Anzahl von Stein-, Knochen- und Horngeräten nachzuweisen.

Die Ausgräber der Höhlensiedlungen Samerzchle-Klde und Samele Klde erklärten die chalkolithische Kultur in Westgeorgien als Vorläuferin der frühbronzezeitlichen kauka-

sischen Kura-Araxes-Kultur. Nach ihrer Überzeugung, verbreitete sich die westgeorgische chalkolithische Kultur nach Nordkaukasus und wurde dort zu einer Prämisse der Maikop-Kultur.

1968, zur Grabungszeit in Samelne-Klde und Samerzchle-Klde, stand die Feststellung eines Zusammenhanges zwischen dem kaukasischen Chalkolithikum und den vorderasiatischen Hochkulturen nicht auf der Tagesordnung. Damals wurde das archäologische Fundmaterial als homogen gedeutet. Der hypotesische Versuch, das kaskasische Chalkolithikum auf Vorderasien zu beziehen, wurde ein Jahrzehnt später unternommen (Andreeva 1977, S. 39-56) und durch die folgenden archäologischen Entdeckungen intensiviert.

Der neueste archäologische Fund, der den vorderasiatischen Einfluss auf Kaukasien des Chalkolithikums bestätigt, ist die Bronzehacke aus Ortšosani, bei Adigeni, Südgeorgien (Grabungsjahr 2005)(Djibladze 2005, S. 100-101). Das Fundobjekt ist eine genaue Nachbildung der maikopischen und vorderasiatischen bronzehacken (Taf.XVIII). Der Fundort Ortšosani ist insofern wichtig, weil er genau im Mittelpunkt zwischen dem Kulturraum des Maikop und der Siedlung Arslan-Tepe, die durch ein vergleichbares Fundmaterial gekennzeichnet ist, direkt an der Verbindungsstraße, die aus Vorderasien über Südkaukasien und den Mamissoni-Paß im Großen Kaukasus nach Nordkaukasien, ins Kulturgebiet von Maikop führte, liegt (Taf. I). Zu den archäologischen Befunden, die die kaukasisch-vorderasiatischen Relationen nachweisen, gehören die spätäneolithischen Relationen nachweisen, gehören die spätäneolithischen Siedlungen und Tumuli, die in Axtafin, im Grenzgebiet von Georgien und Aserbaidschan 2004-2005 entdeckt wurden.

Auf dem linken Ufer der Kura wurden die Siedlungen mit typhisch Leilatepe-Keramik nachgewiesen (Museibli 2005, S. 135) – Poilu I-II, Beyük-Kesik I, II, die voneinander in einer Entfernung von ca. 30 km. liegen. Die Entfernung Beyük-Kesik I und II ist dabei 350 m..

Ausgegraben wurde nur eine kleine Siedlungsfläche in Beyük-Kesik I. Das Grabungsareal umfasst den Raum zwischen der Eisenbahnstation Beyük-Kesik und Südufer der See Gjandar (Taf. I, XVI). Die Kulturschicht erreicht 2 m. (Goschgarli 2005, S. 74-75). Es wurden lehmverputzte Wirtschafts- und Wohnräume rechteckiger und runder Form freigelegt. Die zahlreichen Keramikfunde (Taf. XVI) aus Beyük-Kesik I lassen sich sowohl mit den vorderasiatischen (Guliev 2005, S. 82) als auch maikopischen Keramikobjekten vergleichen sind, zu nennen (Kvavadze, Museibli 2005, S. 110-111).

Das einzige C14 Datum für Beyük-Kesik stammt aus dem Labor in Beta, (Miami USA) und zeigt den Zeitraum 3970-3780 v. Chr. (Museibli 2005, S. 137).

Die Keramikfunde aus der 2 m. starken Kulturschicht von Beyk Kesik, die Gefäße, Stempel, Kleinplastiken sind ausschließlich vorderasiatisches Antlitzes, so dass die Siedlung Beyük-Kesik I mit großer Sicherheit als Wohnort der aus Vorderasien eingewanderten Völkerstämme gedeutet werden kann (Achundov 2005, S. 52).

Diese Annahme wird durch einen anderen Fundort, der in der Nähe von Beyük-Kesik, in Sojugh-Bulagh entdeckt wurde und die lehmziegelbelegte Grubengräber darstellt, gestärkt (Museibli 2005, S. 135-138) (Taf. XVII). Keramikfunde und der Bronzedolch aus Sojugh-Bulagh stellen nahe Vergleiche zu den vorderasiatischen und nordkaukasischen – maikopischen Fundobjekten dar (Taf. XVIII).

Die neusten Untersuchungen der Keramikfunde, die von ukrainischen Archäologen vorgenommen wurden, (Taf. XIX) beweisen die Verbindung der Maikop-Kultur nach Norden und Nordwesten, in die Steppenlandschaften des Schwarzen- und Asowischen Meerküsten (Rassamakin 1993, 2004)(Taf. XX).

Diesbezüglich sind einige Publikationen zur Kaukasusarchäologie, die den Zusammenhang zwischen dem südkaukasischen Spätäneolithikum und dem Fundort Ginč im Ostteil Nordkasiens betont wird, zu beachten (Aliev, Narimanov 2001, S. 51,93; Achundov 2005, S. 52).

Die archäologischen Angaben aus Ginč lassen es vermuten, dass am Ende des Chalkolithikums die vorderasiatischen Völker auch über die westliche Kaspiseeküste den Nordkaukasus erreichen könnten.

Die kaspische verbindungsstraße zwischen Vorderasien und Nordkaukasien wurde sowohl von den Völkern der chalkolithischen Šomutepe-Kultur wie auch später von den Angehörigen der Kura-Araxes- und Martkopi-Bedeni-Kulturen benutzt.

Das dargestellte archäologische Fundmaterial aus spätchalkolithischen Südkaukasien bestätigt die Hypothese von südmesopotamischer Herkunft der Maikop-Kultur. In der 1. Hälfte des 4. Jt. v. Chr. scheint eine große Völkerwanderung aus Vorderasien nach Kaukasien stattgefunden. Die vorderasiatischen Einwanderer erreichten über Gebirgspässe des Großen Kaukasus und die Meerküste den Nordkaukasus. Das vorhandene archäologische Fundmaterial lässt diese Entwicklungsgeschichte nur vermuten. Weitere Forschungen in dieser Richtung könnten mehrere historische Probleme des Alten Orients und Kasiens erläutern.

Die vorgesehenen archäologischen Forschungen in dieser Region könnten die von hypothetisch vorgeschlagene Bezeichnung: „Proto-Kura-Araxes-Kultur“ für das späte Chalkolithikum in Kaukasien berechtigen.

Beschreibung der Tafeln

- I. Eurasien: Verbreitungsgrenzen der Maikop-Kultur. Archäologische Befunde des Quasi-Maikop-Typs (Kartierung nach R. MunčaeV)
- II. Bronzewaffen und Arbeitsgeräte aus dem großen Kurgan von Maikop
- III. Keramikobjekte aus dem großen Kurgan von Maikop
- IV. Gold- und Silbergefäße aus dem großen Kurgan von Maikop
- V. Silbergefäße und Tierfiguren aus dem großen Kurgan von Maikop
- VI. Goldschmuck und Perlefunde aus dem großen Kurgan von Maikop
- VII. Funde aus der Siedlung Techut (nach R. MunčaeV)
- VIII. Keramikfunde aus dem Großen Kurgan Uč-tepe (nach Jessen)
- IX. Leylatepe: Lehmbauten (Zeichnungen nach Aliev und Narimanov)
- X. Spätäneolithische Keramik aus den Siedlungen in den Gebieten von Mil-Karabach, Mughan, Gjandscha-Karabach und Nachitševan (nach Aliev und Narimanov)

- XI. Heiligtum Berikdeebi (Grundriss). Bauphase V (Nach Žavachišvili)
- XII. Keramik maikopischens und vorderasiatisches Typs aus der Bauphase V in Berikdeebi (Nach Žavachišvili)
- XIII. Keramik maikopischens und vorderasiatisches Typs aus der Bauphase V in Berikdeebi (Nach Žavachišvili)
- XIV. Fundmaterial aus der Höhlensiedlung Samerzchle Klde (nach Glonti und Žavachišvili)
- XV. Fundmaterial aus der Höhlensiedlung Samele Klde (nach Glonti und Žavachišvili)
- XVI. Keramikfunde aus der Siedlung Beyük-Kesik (nach Achundov) Tonstempel (nach Buatschidze)
- XVII. Kurganfeld von Sojusbulagh. Konstruktion und Inventar von Grab Nr. 1. Dolch von Garb Nr. 5 (nach Museibli)
- XVIII. Bronzedolch aus dem Tumulus Sojusbulagh und Parallelvergleichsobjekte aus Maikop und Vorderasien. Bronzehacke aus Ortšošani und die Parallelvergleichsobjekte aus Maikop
- XIX. Keramik maikopisches Typs aus dem Steppengebiet der Ukraine (nach Rassamakin)
- XX. Fundort mit Keramik des Maikop-Typs aus den Steppengebiet der Nordschwarzmeerküste (nach Rassamakin)

Literaturliste

1. **Abibulaev 1982.** O. Abibulaev. Eneolit i bronza na territorii Naxičevanskoj ASSR, (auf Russisch) Baku, 1982
2. **Aliev, Narimanov 2001.** N. Aliev, I. Narimanov Kultura severnogo Asebaidschana v epochu posdnego eneolita, (auf Russisch), Baku, 2001
3. **Andreeva 1992.** M.V. Andreeva. K voprosu ojujnix cvjasax maikopskoj kulturi, (auf Russisch), SA, Nr. 1, 1977
4. **Sakartvelos Arkeologia 1992.** Sakartvelos arkeologia II (auf georgisch), Tbilisi, 1992
5. **Axundov 2005.** T. Axundov. Materiali k isucheniju peredneasiatskoj migraci na kavkas. Arxeologija, etnologija, folkloristika kavkasa. Mejdunarodnaja nauchnaja konferencija. Materiali konferencii, (auf Russisch), Baku, 2005
6. **Chiqovani 1989.** G.Ch. Chiqovani. Novie pamjatniki rannesemledelcheskoj kulturi Aragvckogo uschelija. Kavkas i civilizacii drevnrgo Vostoka. (auf Russisch)
7. **Chiqovani 1989.** G.Ch. Chiqovani. Glinjani sosud s sedmogo pogrebenija is rennesemledelcheskogo poselenija Aruxlo I. Mejdunarodnaja nauchnaja konferencija – Arxeologija, Etnologija, Folkloristika Kavkasa. (auf Russisch), Materiali konferencii, Baku, 2005
8. **Frangipane 2000.** Frangipane Marcella. The late Chalcolithic/EBI Secuence at Arslantepe. Chronological an Cultural remarks from a Frontier site. Cronologies des pays du Caucase et de L'Euphrate aux Ive-IIIe millenaires. Actes du colloque d'Istanbul, 16/19 decembre 1998. Édite par Catrine Marro et Harald Hauptmann, Institut Français d'Etudes Anatoliennes d'Istanbul de Boccard 2000
9. **Glonti I .dr. 1968.** L. Glonti, A. Djavaxishvili, J. Kikvidze, D. Tushabramishvili. Nekotorie itogi polevix rabot 1964 g. Urbnicckoi I Kvirilskoi arxeologitcheskoj expedicii. VGMG, XXV-B, Tbilisi, 1968

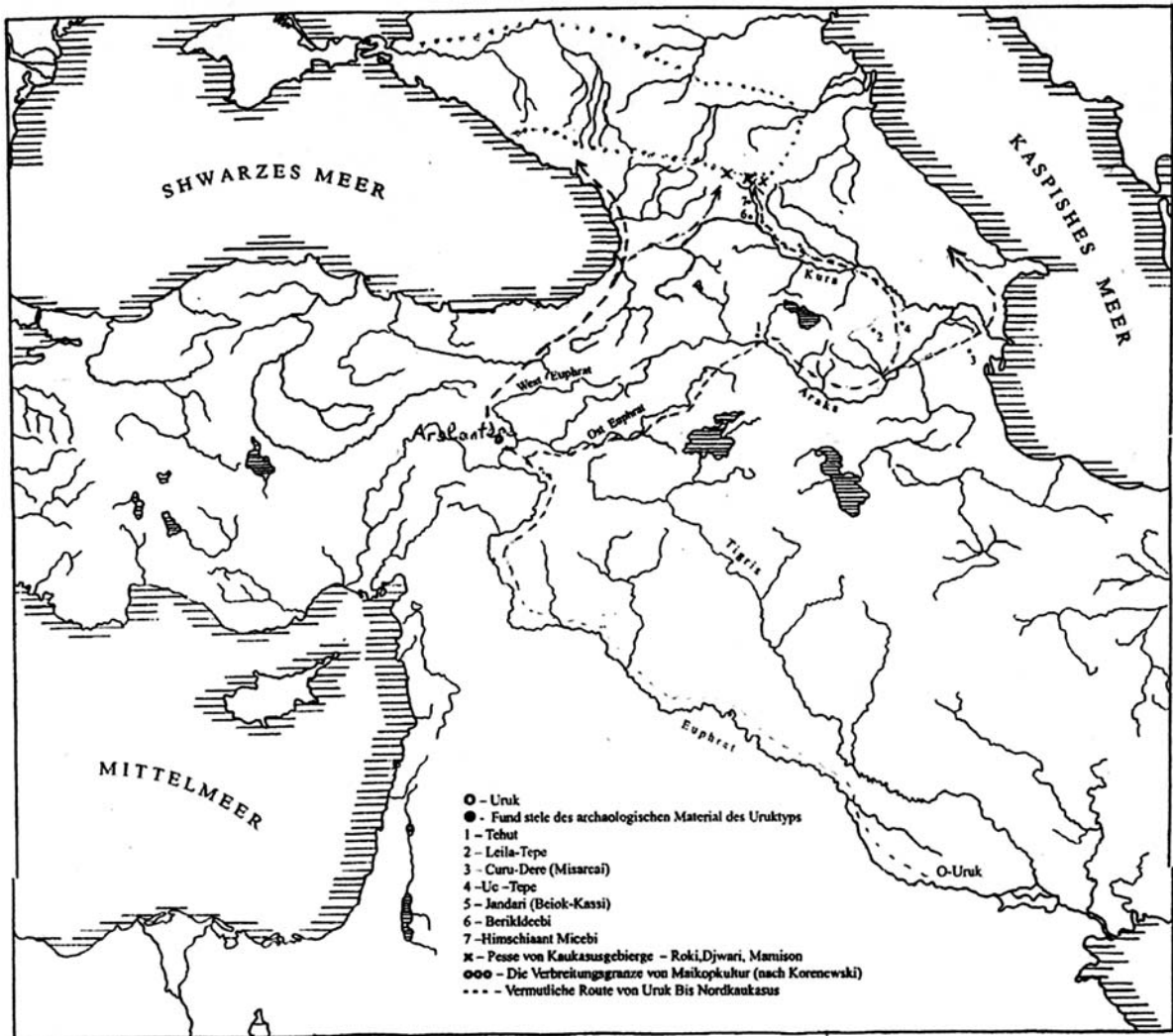
10. **Glonti, Djavaxishvili 1987.** L.I. Glonti, A. I. Djavaxishvili. Novie dannie o mnogoslinoim pamjatnike epoxi eneolita-posdnoi bronzi v shida kartli – Berikldeebi. (auf russisch). KSIA, 1992, Moskva, 1987
11. **Goshgarli 2005.** G. Goshgarli. Issledovanie arxeologicheskix pamjatnikov v Zonne nefteprovoda Baku-Tbilisi-Djeikhan i jushno-kavkazskogo gazoprovoda Baku-Erserum v 2004-2005 gg. Mejdunarodnaja nauchnaja konferencija - Arxeologija, Etnologija, Folkloristika Kavkasa. (auf Russisch), Materiali konferencii, Baku, 2005
12. **Guliev 2005.** F. Guliev. Urukskaja keramika jujnogo kavkasa. Mejdunarodnaja nauchnaja konferencija - Arxeologija, Etnologija, Folkloristika Kavkasa. (auf Russisch), Materiali konferencii, Baku, 2005
13. **Häusler 1994.** A.Häusler. Die Majkop-Kultur und Mitteleuropa. Zeitschrift für Archäologie. Vol. 28-94-2, Heidelberg, 1994
14. **Djavaxishvili 1969.** G. Djavaxishvili. Kvirilis xeobis arkeologiuri ekspediciis mier Tchiaturis raonis soped Yodshi gamokvabul Samele kldehi 1966 cels tschatarebuli muschaobis schedegebi. Sakartvelos sachelmcipo muyeumis arkeologiuri ekspediciebi (1965-1967) clebis angarishebi (auf georgisch), Tbilisi, 1969
15. **Djavaxishvili 1998.** A.Djavaxishvili. ausgrabungen in Berikldeebi (Šida Kartli), „Georgica“ – Zeitschrift für Kultur, Sprache und Geschichte Georgiens und Kaukasien, 21, Jahrgang 1998, Konstanz
16. **Djafarov 2005.** G. Djafarov. K voprosu o drevnix svjasax Aserbaidšana v svete novix arxeologicheskix dannix. Mejdunarodnaja nauchnaja konferencija - Arxeologija, Etnologija, Folkloristika Kavkasa. (auf Russisch), Materiali konferencii, Baku, 2005
17. **Djibladze 2005.** L. Djibladze. Novaja unikalnaja arxeologitscheskaja naxodka is Orchosani. Mejdunarodnaja nauchnaja konferencija - Arxeologija, Etnologija, Folkloristika Kavkasa. (auf Russisch), Materiali konferencii, Baku, 2005
18. **Jessen 1950.** A.A. Jessen. K xronologii bolshix kubanskix kurganov. (auf russisch), SA, XII, Moskva, 1950
19. **Jessen 1965.** A.A. Jessen. Raskopki bolshogo kurgana v urochice Uč-Tepe. Trudi Aserbaidžanskoj ekspedicii. (auf russisch), MIA, bip. 125, Moskva, 1965
20. **Kvachidze, Museibli 2005.** V. Kvachidze, n. museibli. Pechati poselenija drevnix zemledelcev Bejuk-Kjsik (Astafinskii raion, Aserbaidšan). Mejdunarodnaja nauchnaja konferencija - Arxeologija, Etnologija, Folkloristika Kavkasa. (auf Russisch), Materiali konferencii, Baku, 2005
21. **Korenevskii 1988.** S. N. korenevskii. K voprosu o meste proizvodstva metallicheskix vechei Maikopskogo kurgana. Voprosi arxeologii Adigei, (auf russisch), Maikop, 1988
22. **Korenevskii 1990.** S. N. korenevskii. K diskusii ob etnicheskoi interpretacii maikopskoj kulturi, SA; N4, (auf russisch), Moskva, 1990
23. **Korenevskii 2004.** S. N. korenevskii. Drevneishie semledelci i skotovodi predkavkasija (Maikopsko-Novosvobodnenskaja obchnoť – problemi vnutrennei tipologii), (auf russisch), Moskva, 2004
24. **Machmudov, Narimanov 1973.** P. Machmudov, I. Narimanov. Raskopki Alikemektepesi. Arxeologicheskie i etnogaripcheskie iziskania v Azerbaidšane v 1972 goda, (auf russisch), Baku, 1973
25. **Masson 1997.** V.M. Masson. Maikopskie lideri rannix obshestv na severnom Kavkase. Drevnie obshestva Kavkasa v epoxu paleometalla, (auf russisch), Moskva, 1997
26. **Munčaev 1975.** R. M. Munčaev. Kavkaz na zare bronzovogo veka, (auf russisch), Moskva, 1975
27. **Munčaev 1982.** R. M. Munčaev. Eneolit Kavkaza. Eneolit SSSR (auf russisch), Moskva, 1982
28. **Munčaev 1994.** R. M. Munčaev. Maikopskaja kultura. Arxeologija. Epoxa bronzi Kavkasa i Srednei Asii. Rannjaja i srednaja bronza Kavkaza, (auf russisch), Baku, 2005

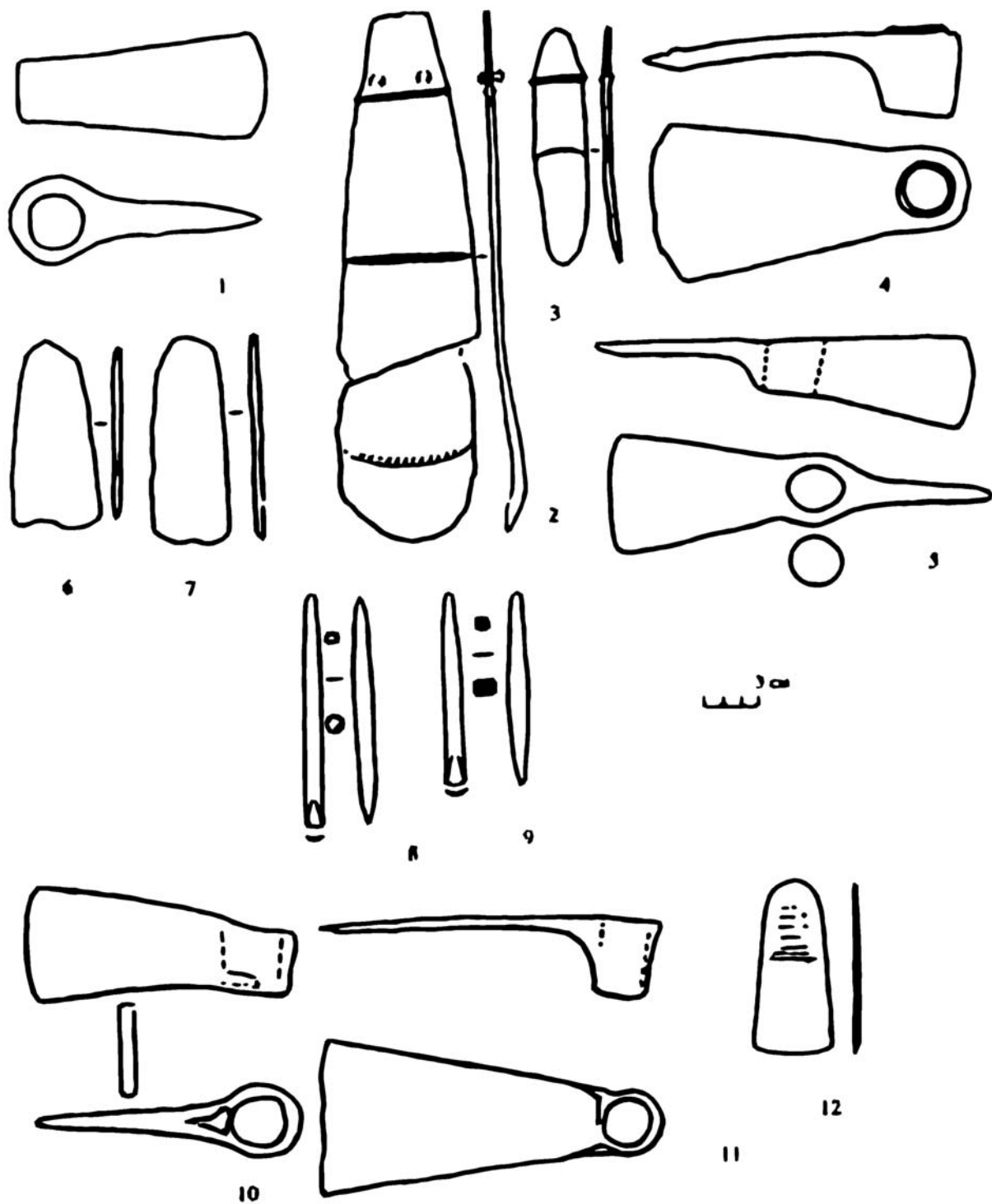
29. **Rassamakin 1993.** J.B. Rassamakin. Eneolit stepnogo Prichernomorija i Priasovija. "The Fourth Millenium B. C.", Sofia, 1993
30. **Rassamakin 2004.** J. B. Rassamakin. Stepi Prichernomorija v kontekste rasvitija semledelcheskix obshestv (auf ukrainisch). Arxeologija Nacionalna Akademiia Nauk Ukraini. Institut arxeologii, Kiiv, 2, 2004
31. **Resepkin 1991.** A.D. Resepkin. Problema genesis maikopskoi kulturi. Kavkas v sisteme paleometallicheskix kultur Evrasii, (auf russisch), Tbilisi, 1991
32. **Rezepkin 2000.** A.D. Rezepkin. Das Frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Maikop-Kultur in Nordwestkaukasien. Archäologie in Eurasien, Bd. 10, 2000
33. **Rezepkin 2004.** A.D. Rezepkin. Poselenie epoxi rannei bronzi Chishxo i nekatorie aspekti proisxojudenija i xronologii maikopskoi kulturi. Arxeolog: detektiv i mislitel. Sbornik statei posvjaschchenni 77 letiu Lva Samoilovicha Kleina, (auf russisch), Peterburg, 2004
34. **Safronov 1982.** V.A. Safronov. Xronologija, proisxojudenie i opredelenie etnikeskoi prinadlejnosti maikopskoi kulturi po arxeologicheskim i pismennim istochnikam. Xronologija pamjatnikov epoxi bronzi Severnogo Kavkasa, (auf russisch), Ordjonikidze, 1982
35. **Torosjan 1976.** R. M. Torosjan. Rannesemledelcheskoe poselenie Texuta IV tis. do n. E. Arxeologicheskie raskopki v Armenii, (auf russisch), Erevan, 1976
36. **Trifonov 1987.** V.A. Trifonov. Nekotorie voprosi peredeasiatskix svjasei maikopskoi kulturi (auf russisch), KSIA, vip. 192, Moskva, 1987
37. **Trifonov 1998.** V.A. Trifonov. Peredneasiatskie prototipi maikopskix isobrazenii Ivov: stil i xronologija. Ermitajnie chtenija pamjati B.B. Piotrovskogo, (auf russisch), CPB, 1998
38. **Xvistani 2005.** R. Xvistani. Obrasec antroporfnoi plastiki is Orchosani. Mejdunarodnaja nauchnaja konferencija - Arxeologija, Etnologija, Folkloristika Kavkasa. (auf Russisch), Materiali konferencii, Baku, 2005

Abkürzungsrichtlinien

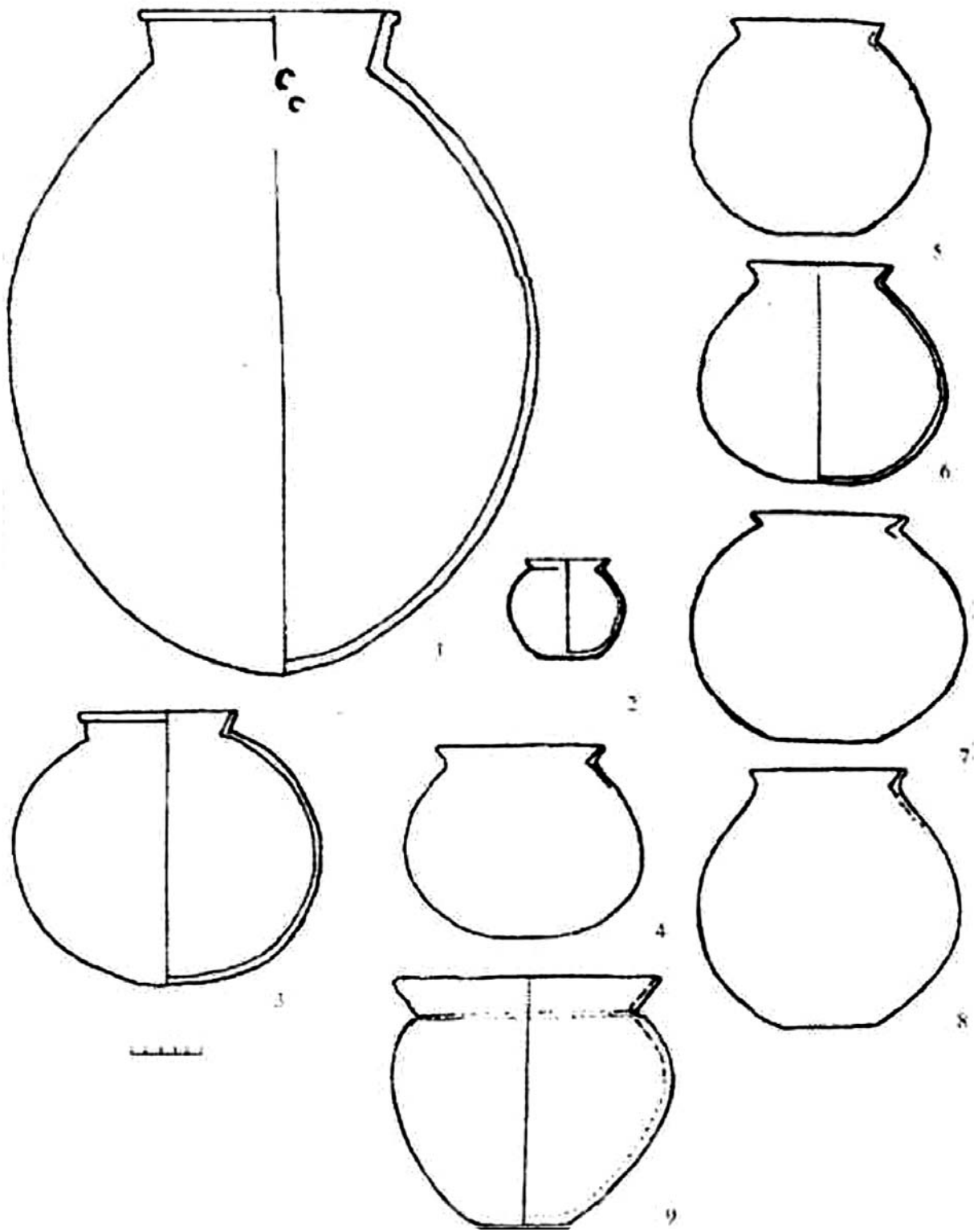
- KSIA** – Kratkie soobschčenia Instituta Arxeologii (Moskva)
MIA – Materiali i issledovania po archeologii SSSR (Moskva)
SA – Sovetskaia archeologia (Moskva)
VGMG – Vestnik Gosudarstvennogo Muzeia Gruzii (Tbilisi)

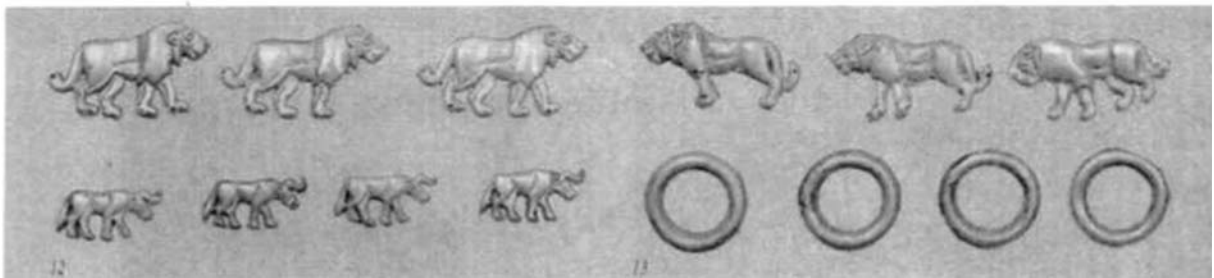
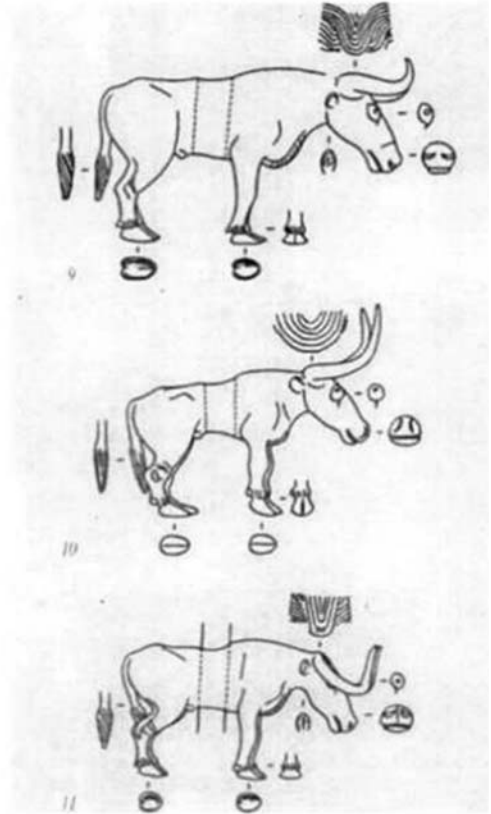
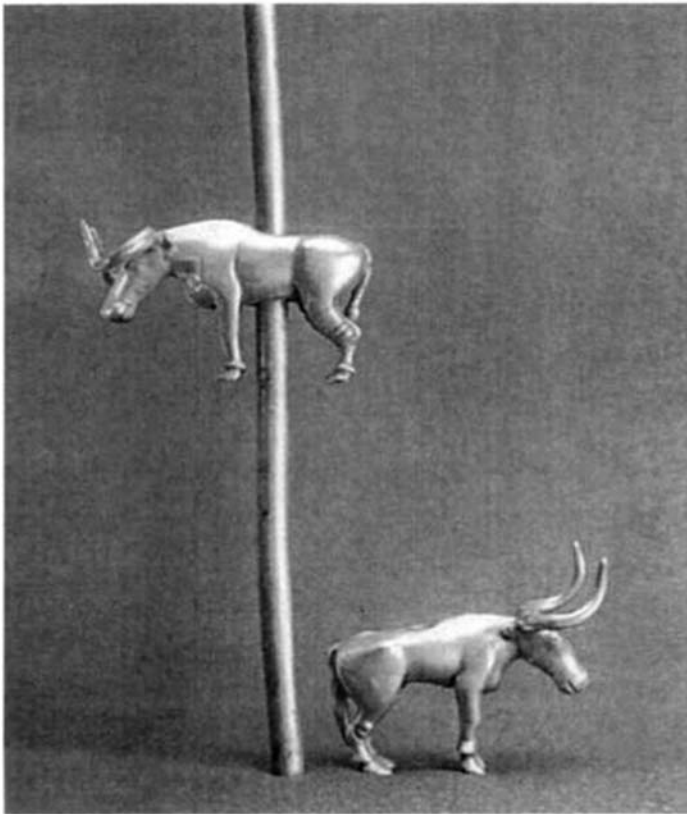
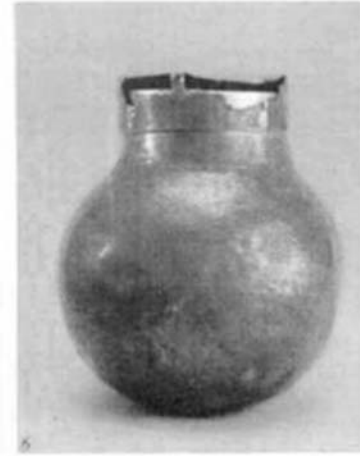
Пицхелаури Константин Константинович
 Археолог. Доктор исторических наук
 г. Тбилиси, ул. Чолокашвили 3/5
 Государственный университет Ильи Чавчавадзе
 Тел. 200103, моб. 877 14 33 14
 Эл.почта: kotepi2002@yahoo.com

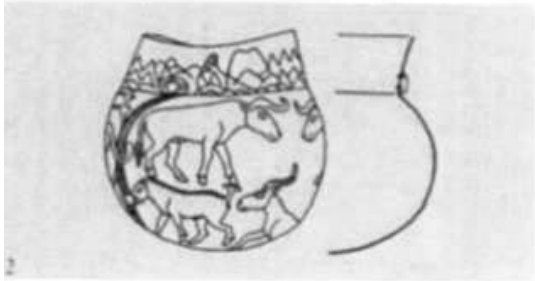

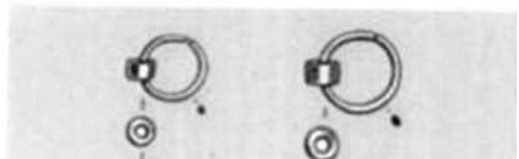
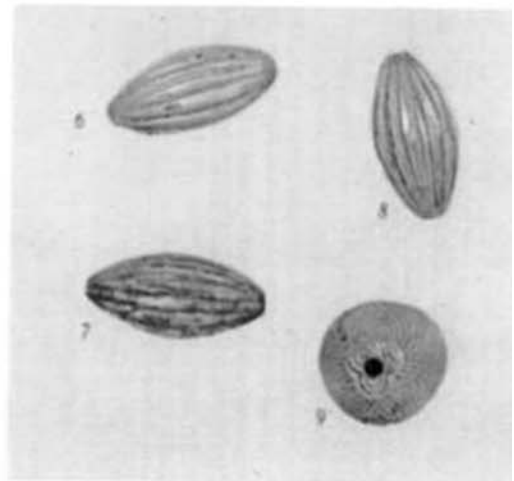
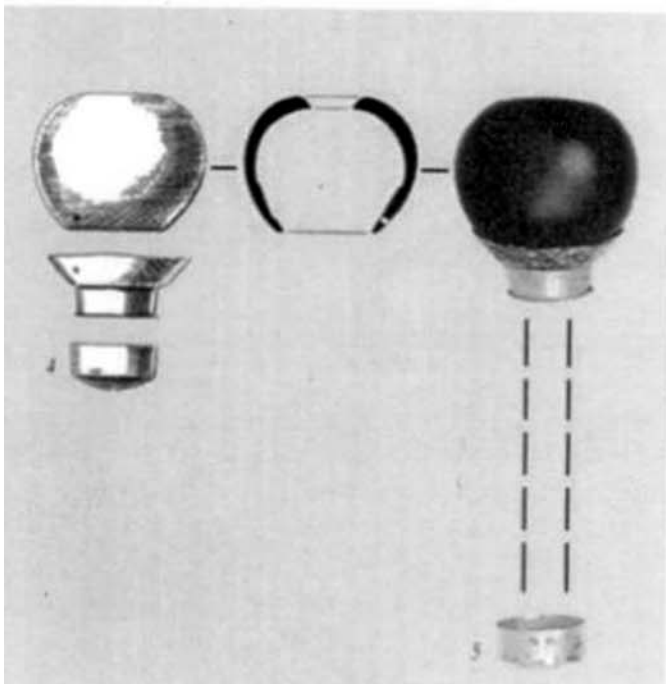
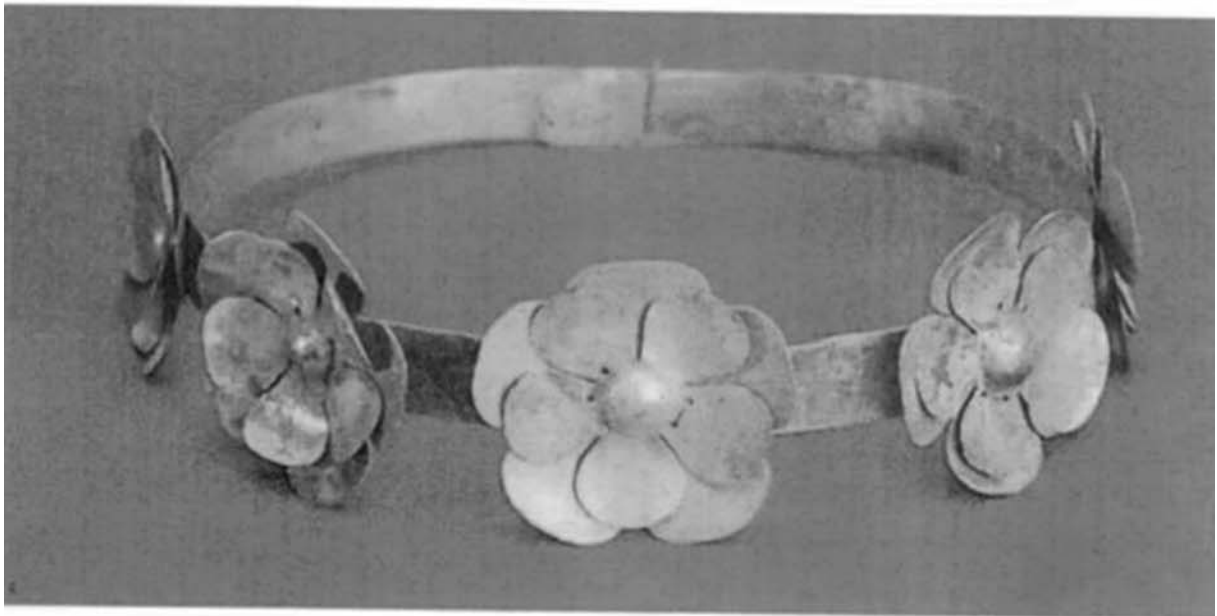
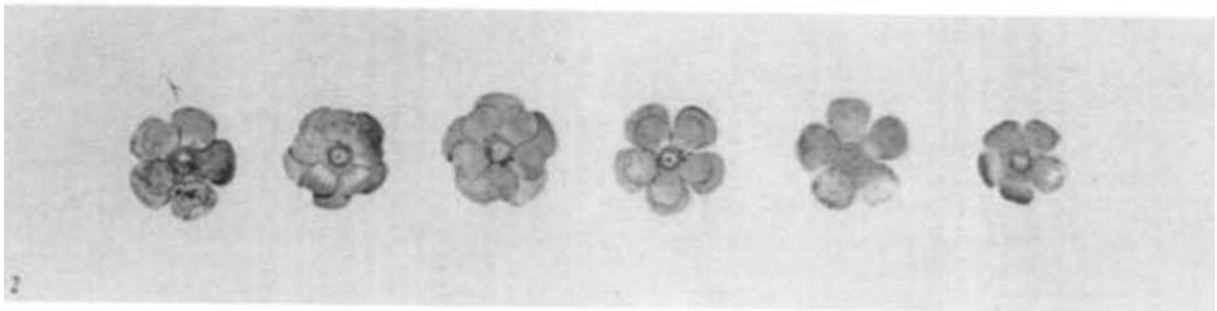
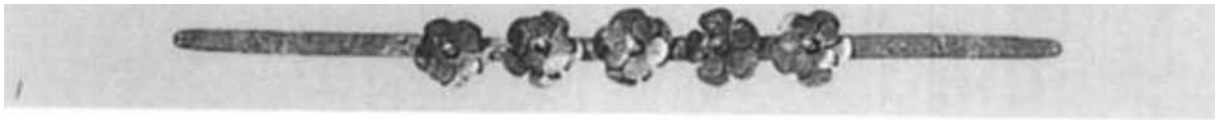

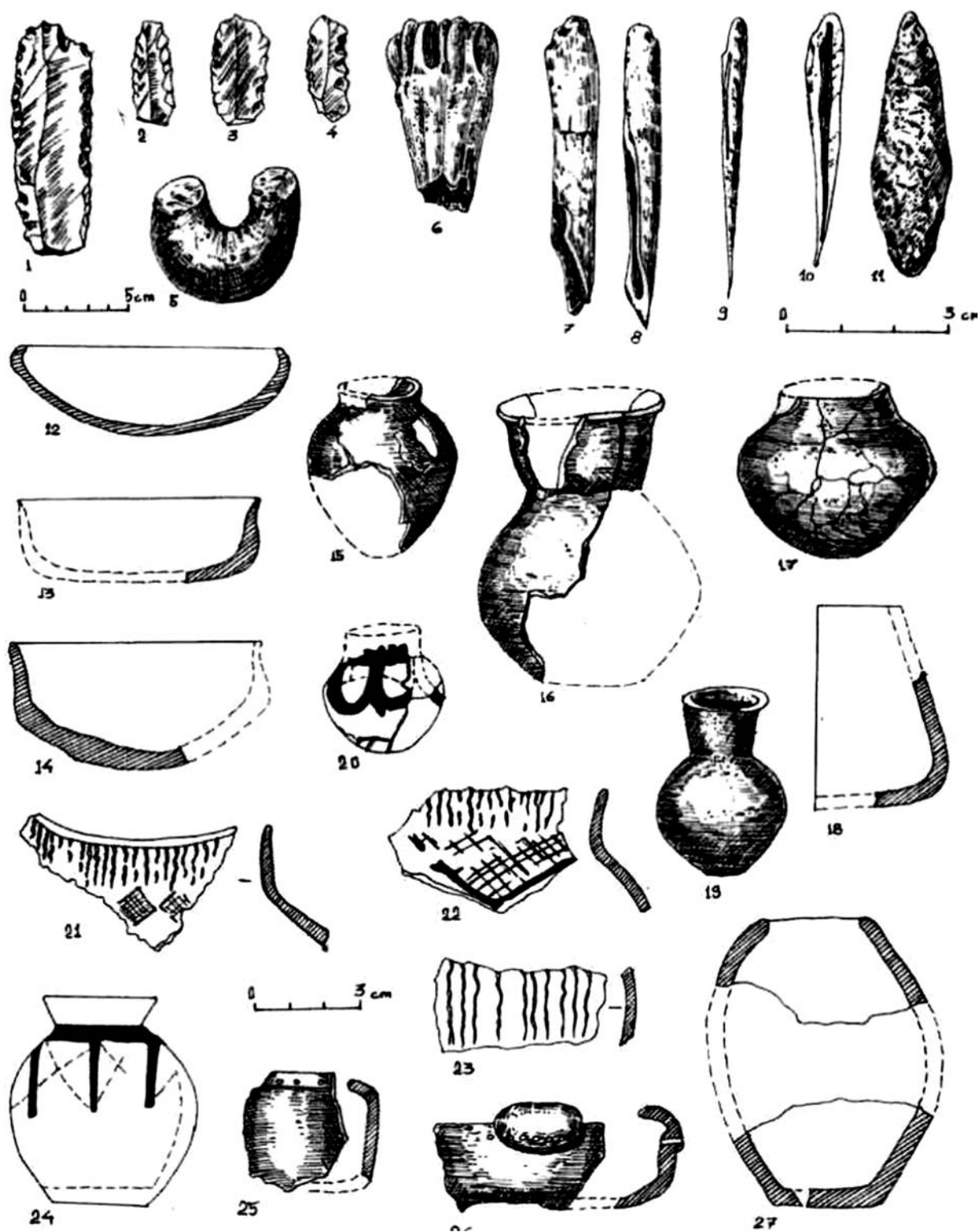

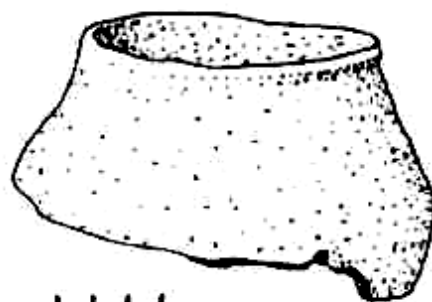
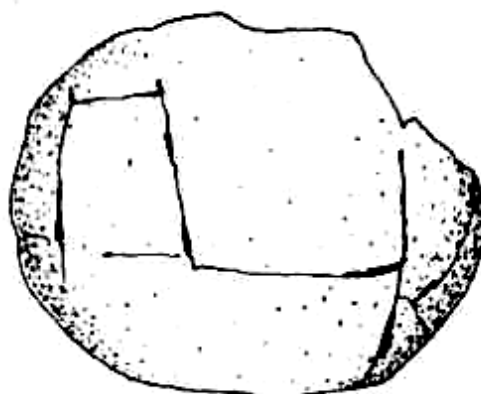
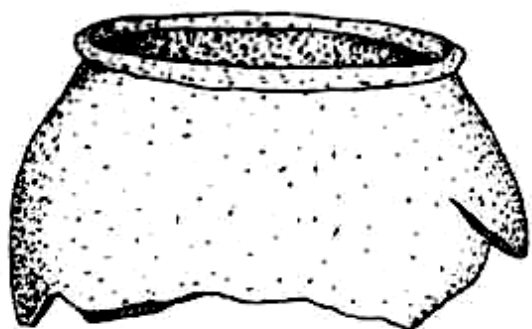
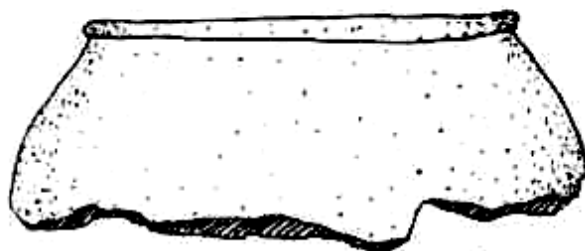

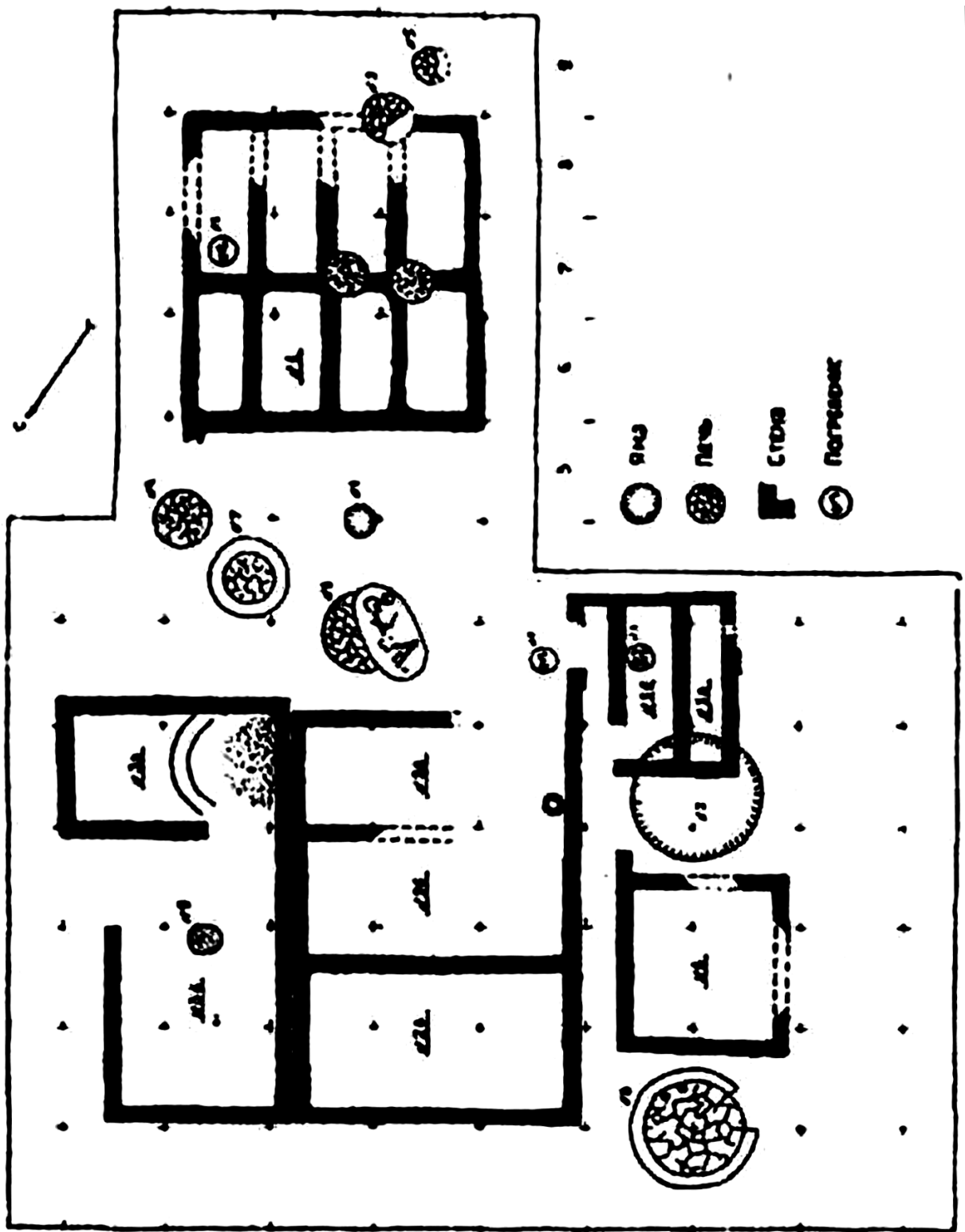
V

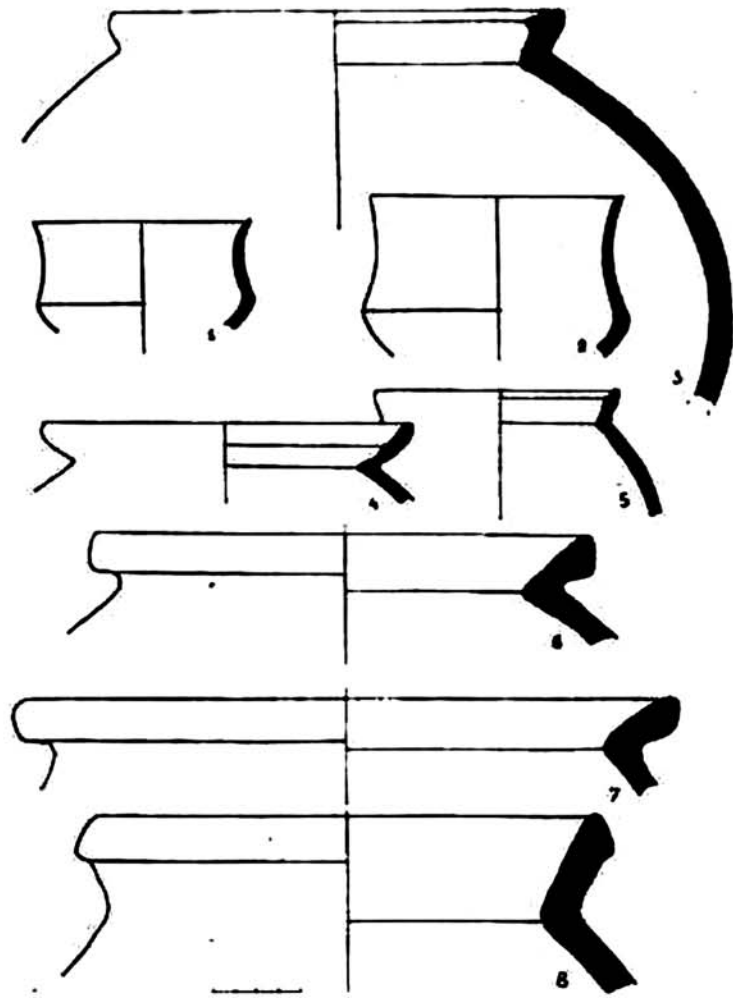
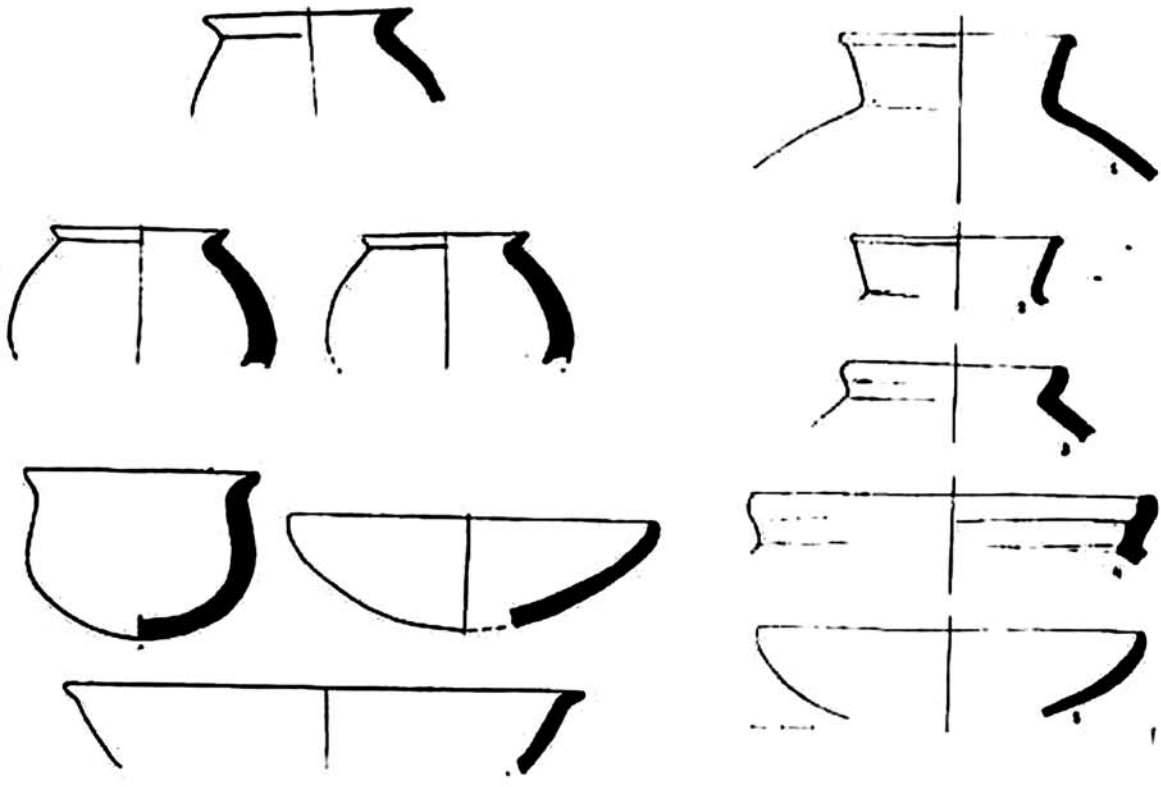

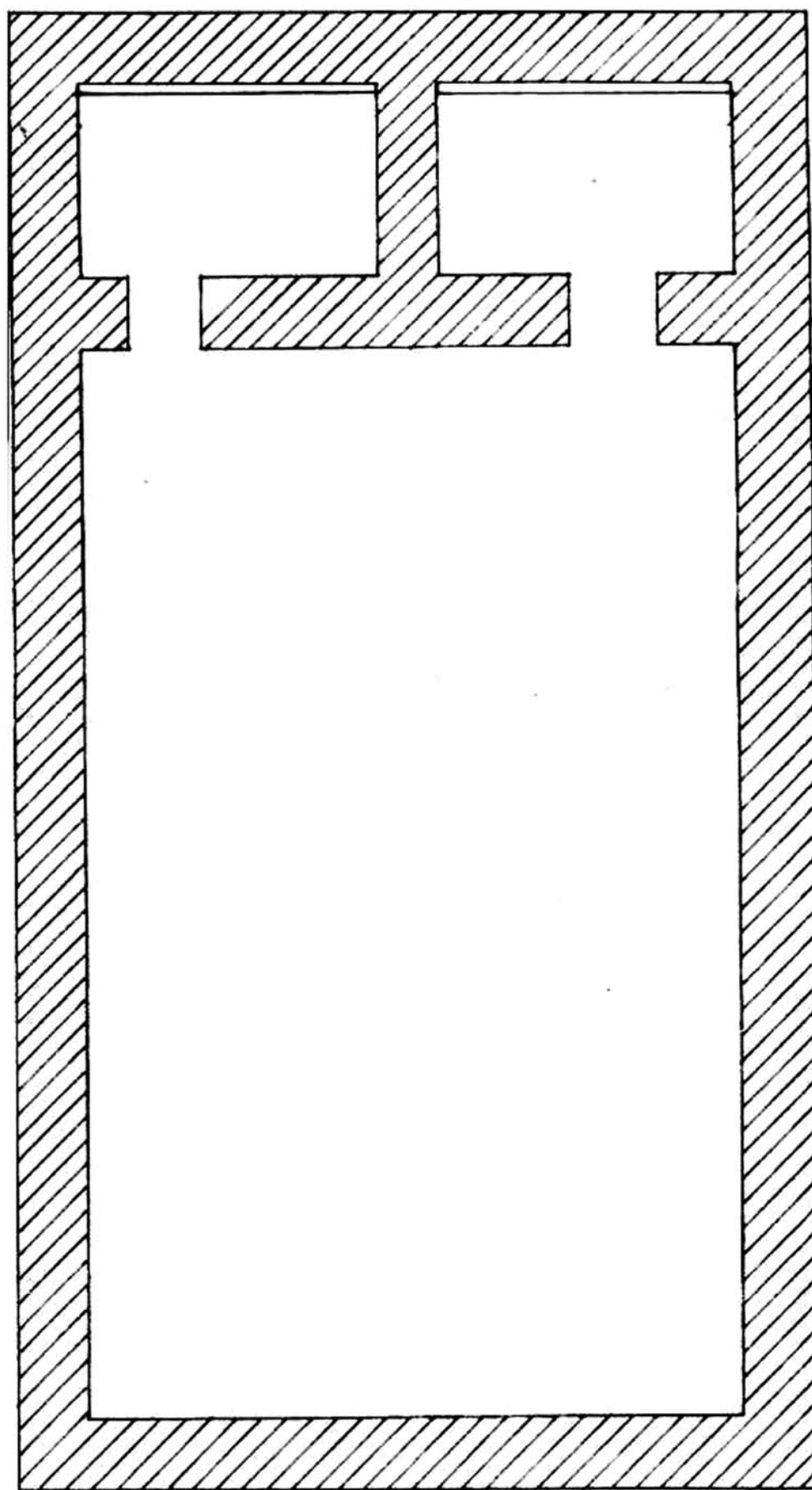

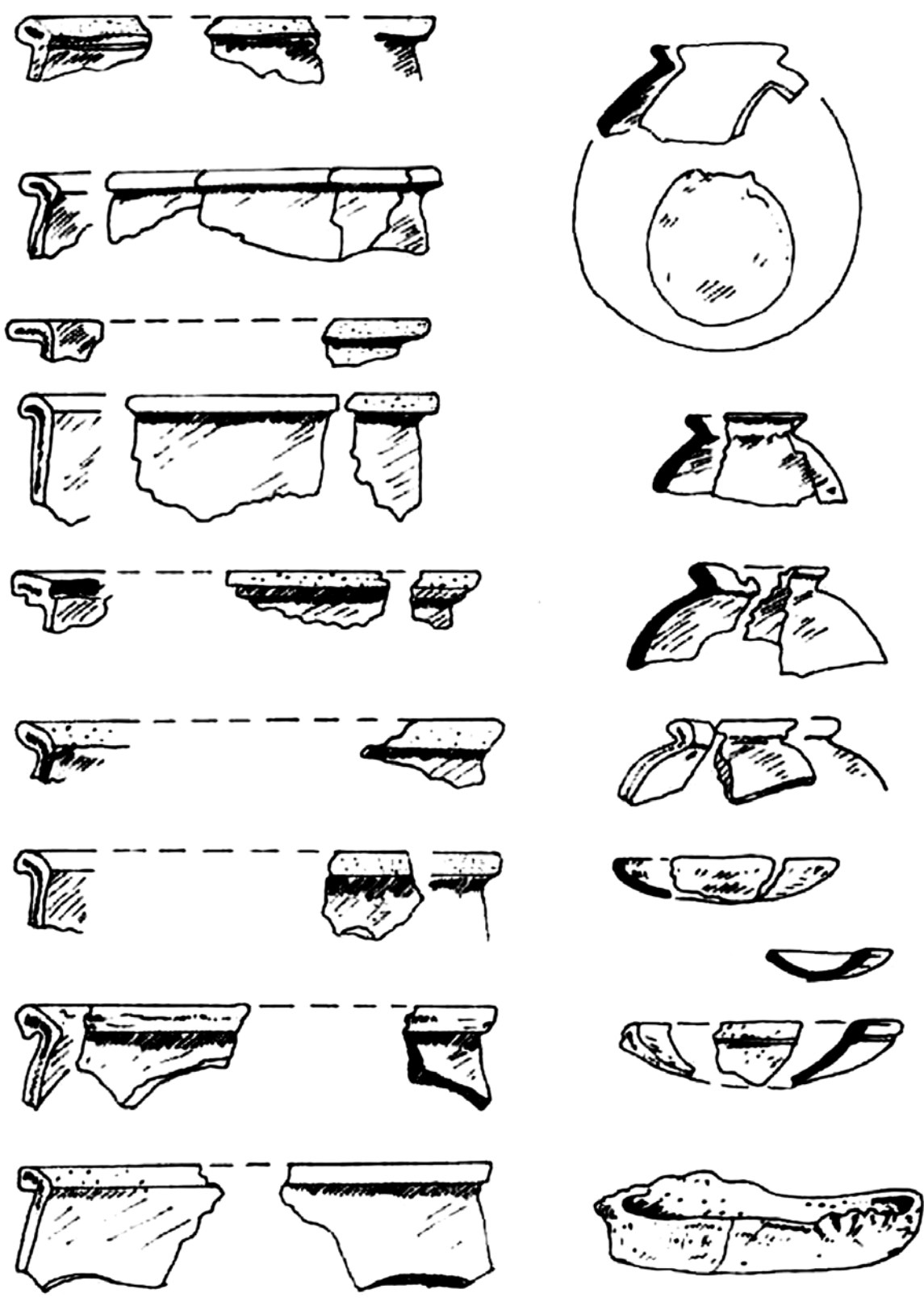

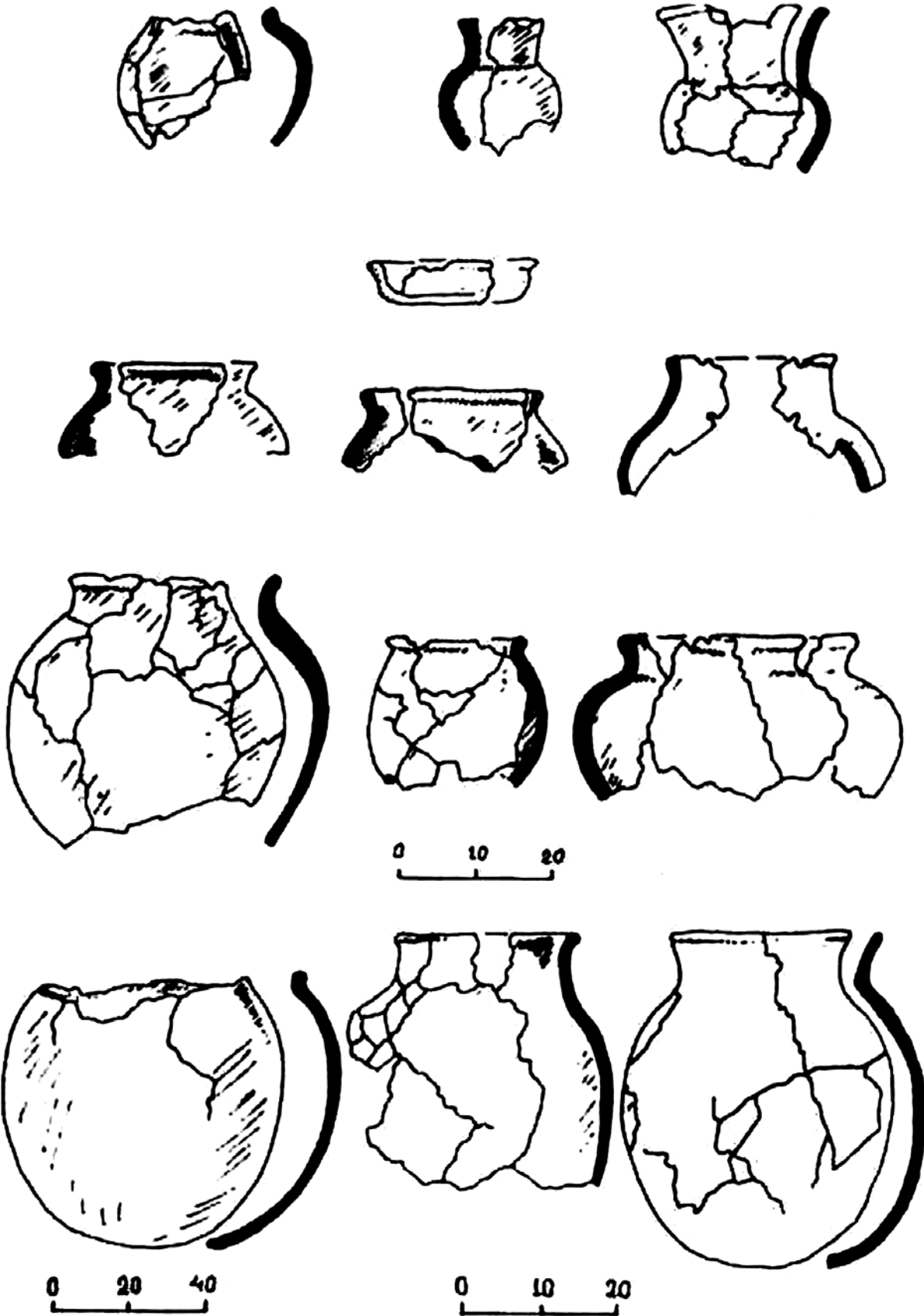

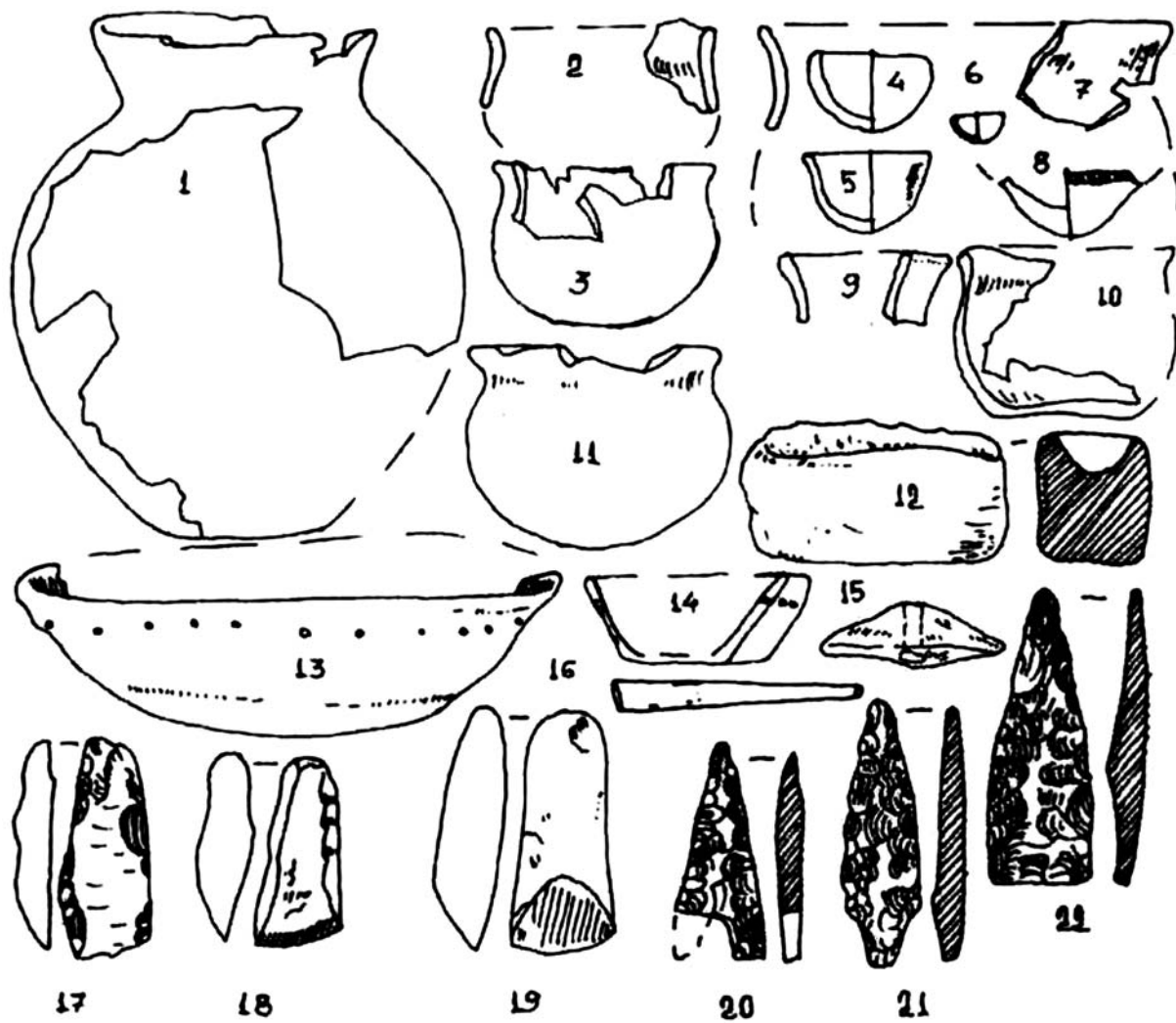

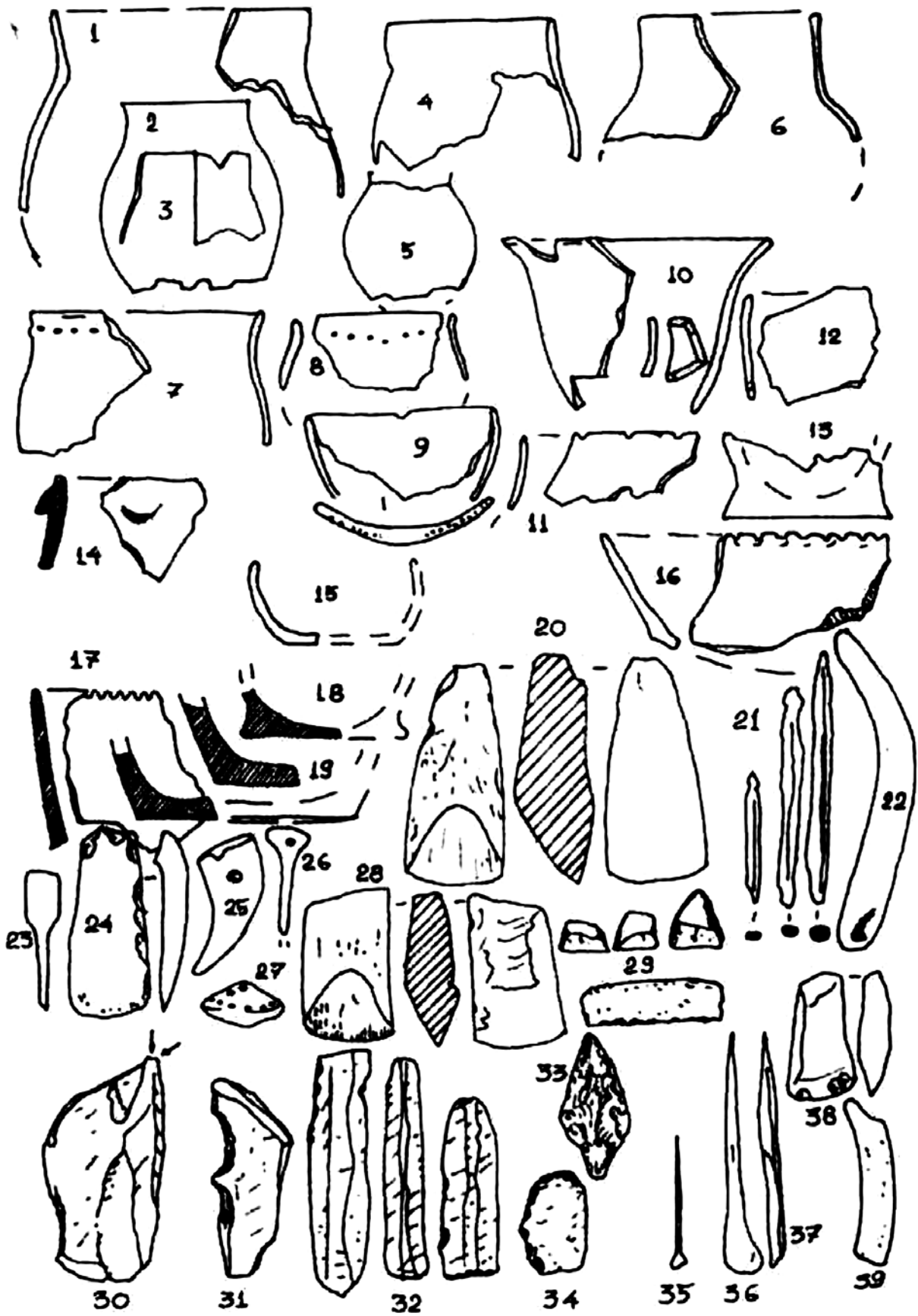

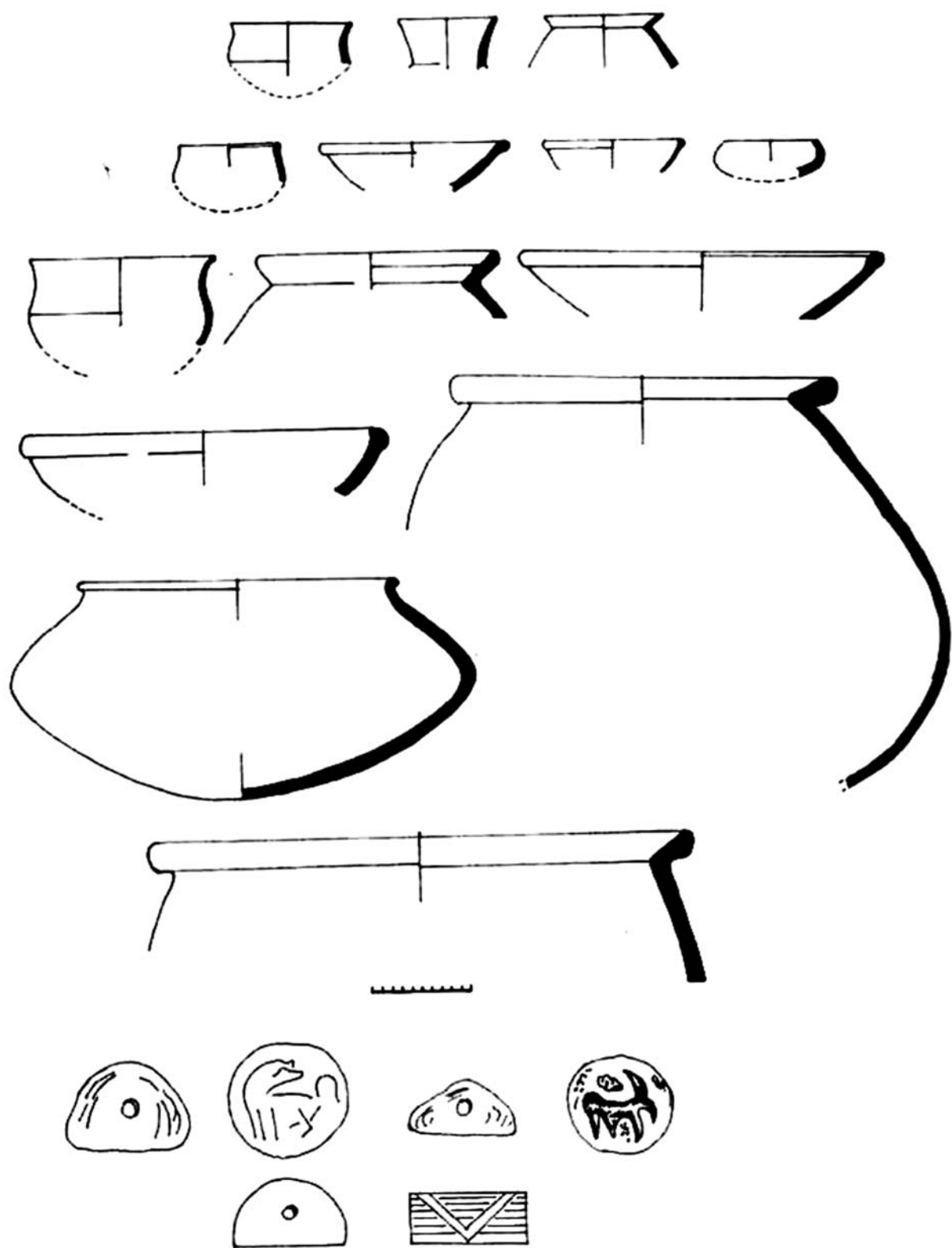

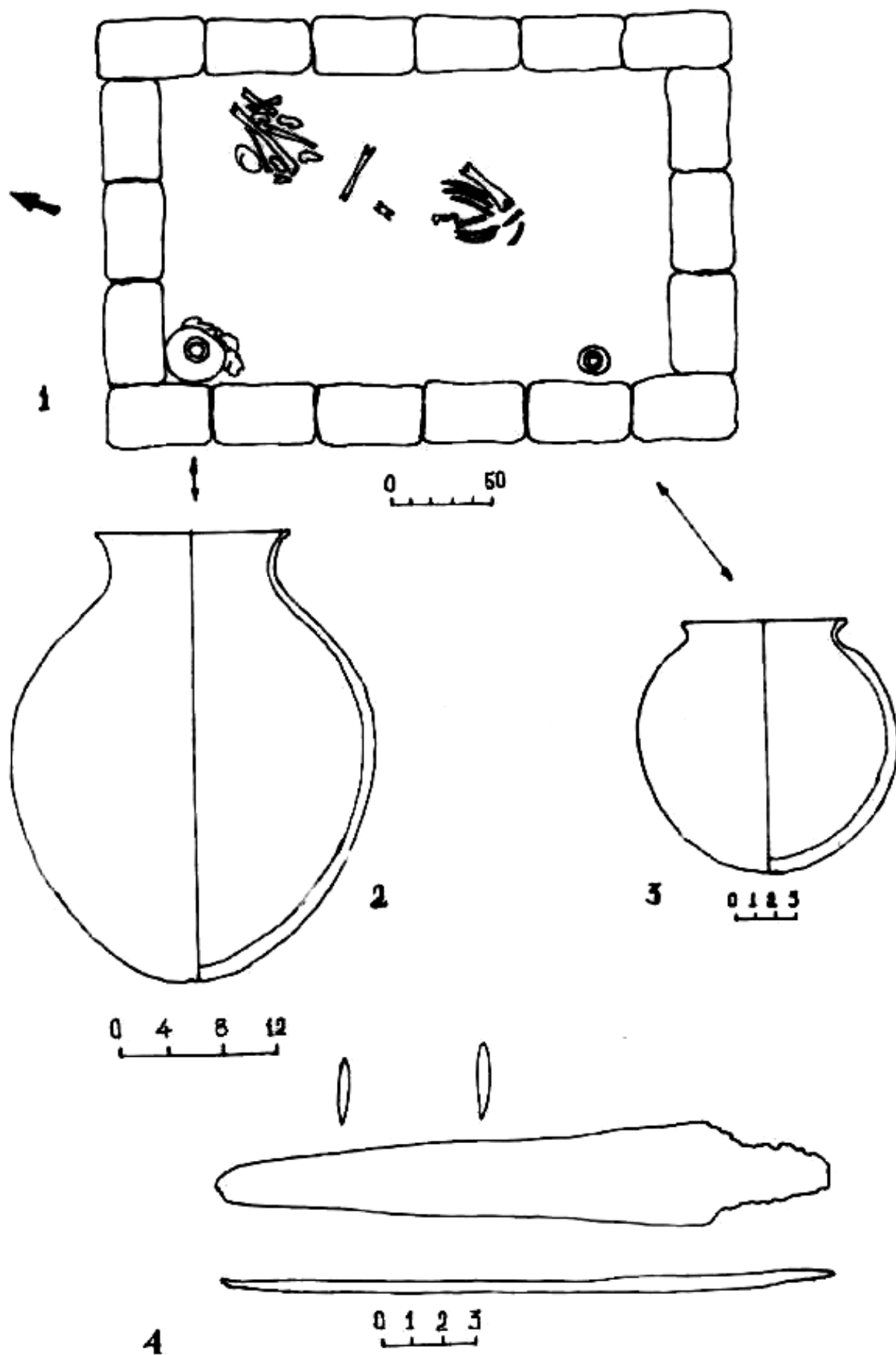
0 10 20

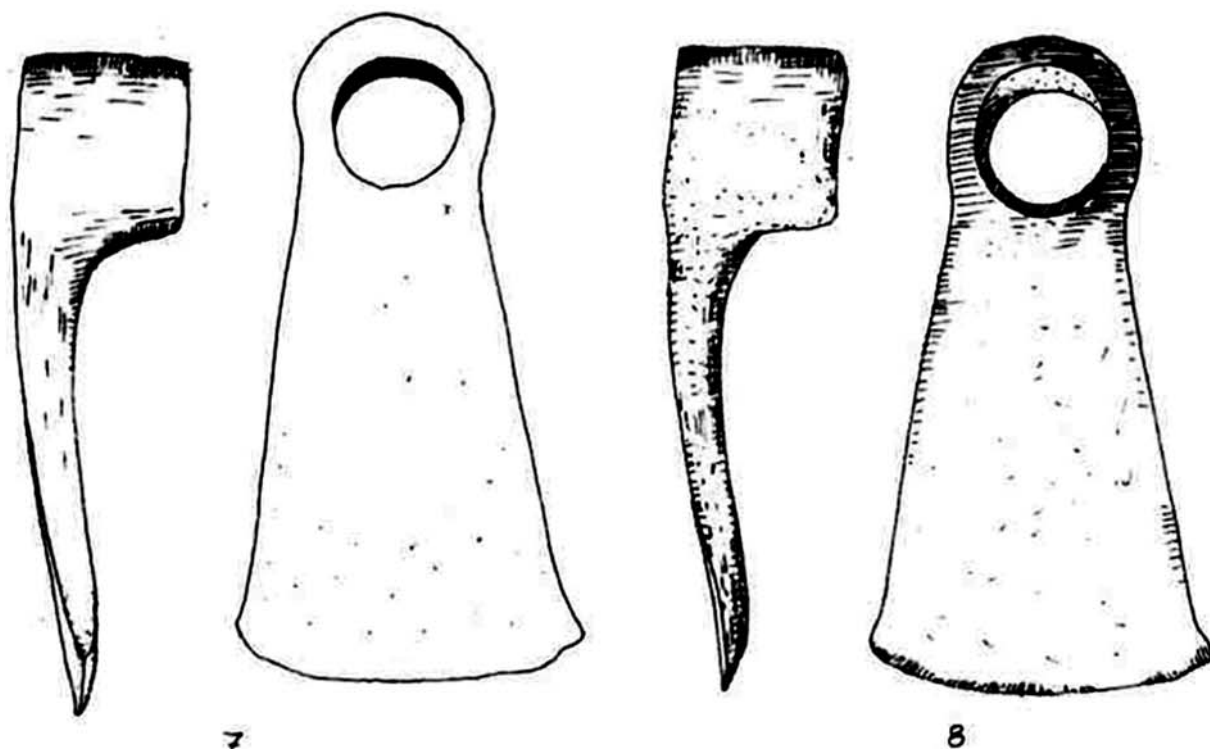
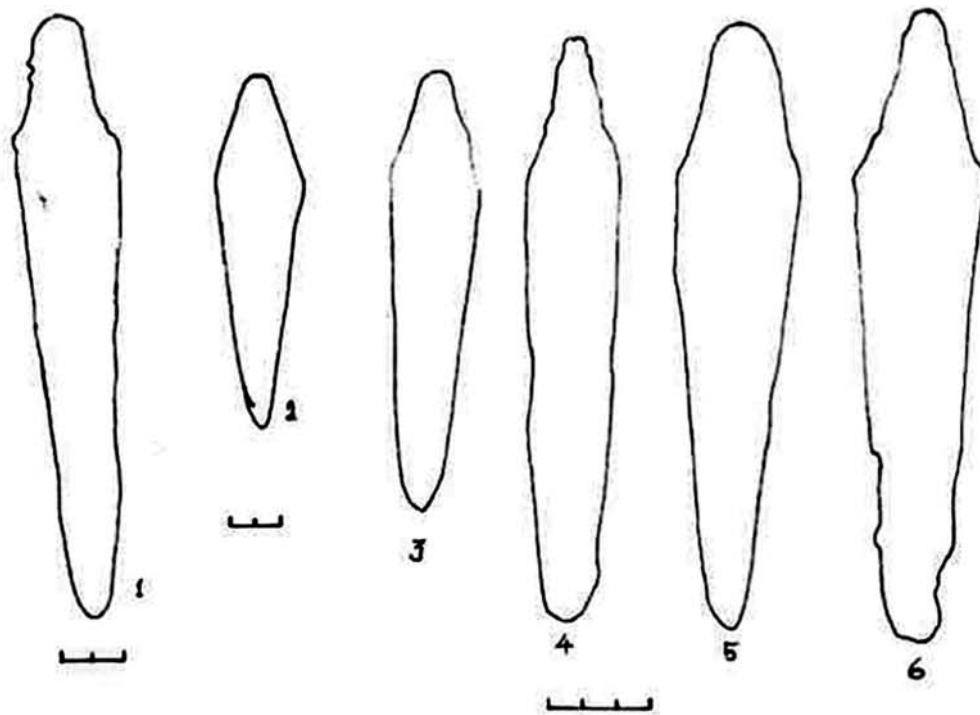

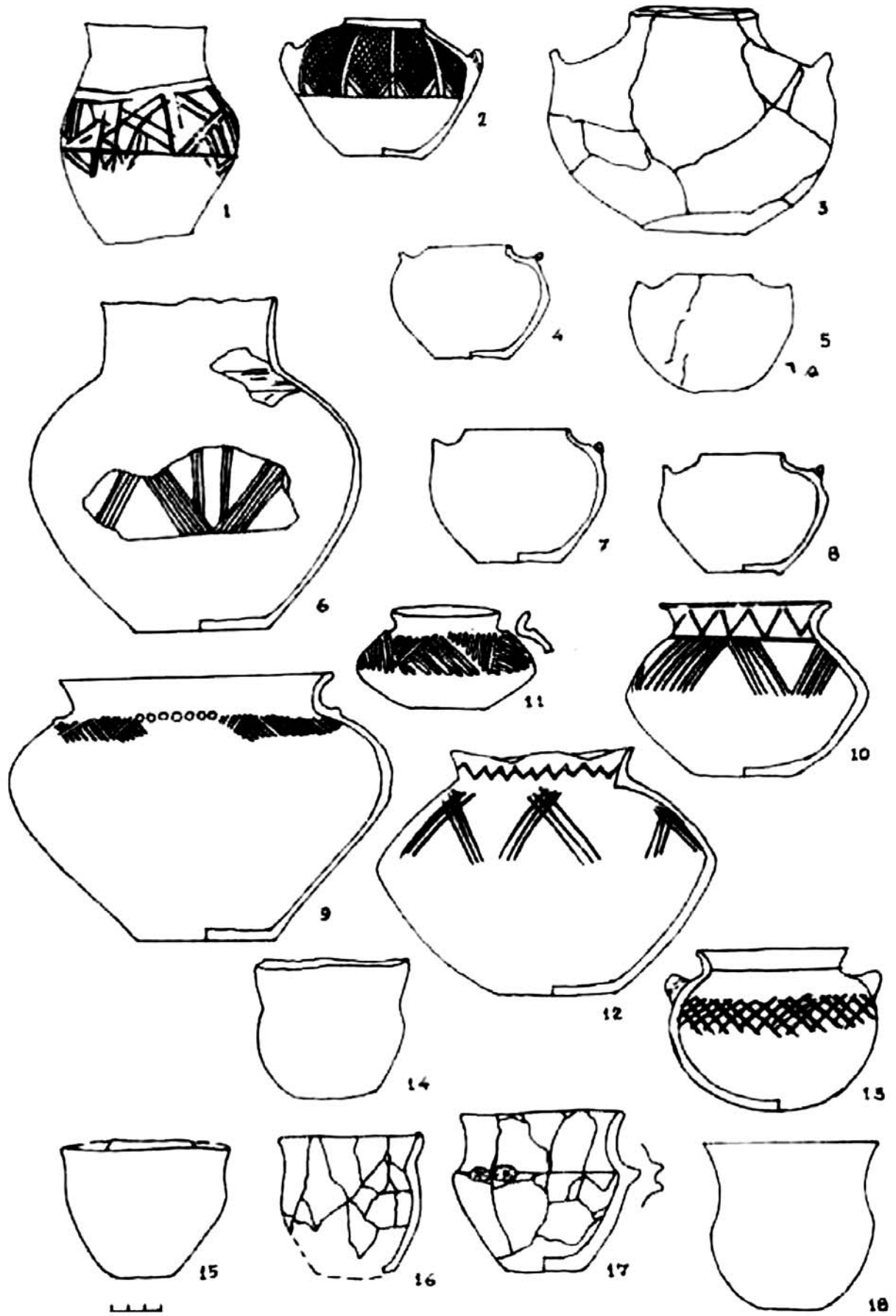

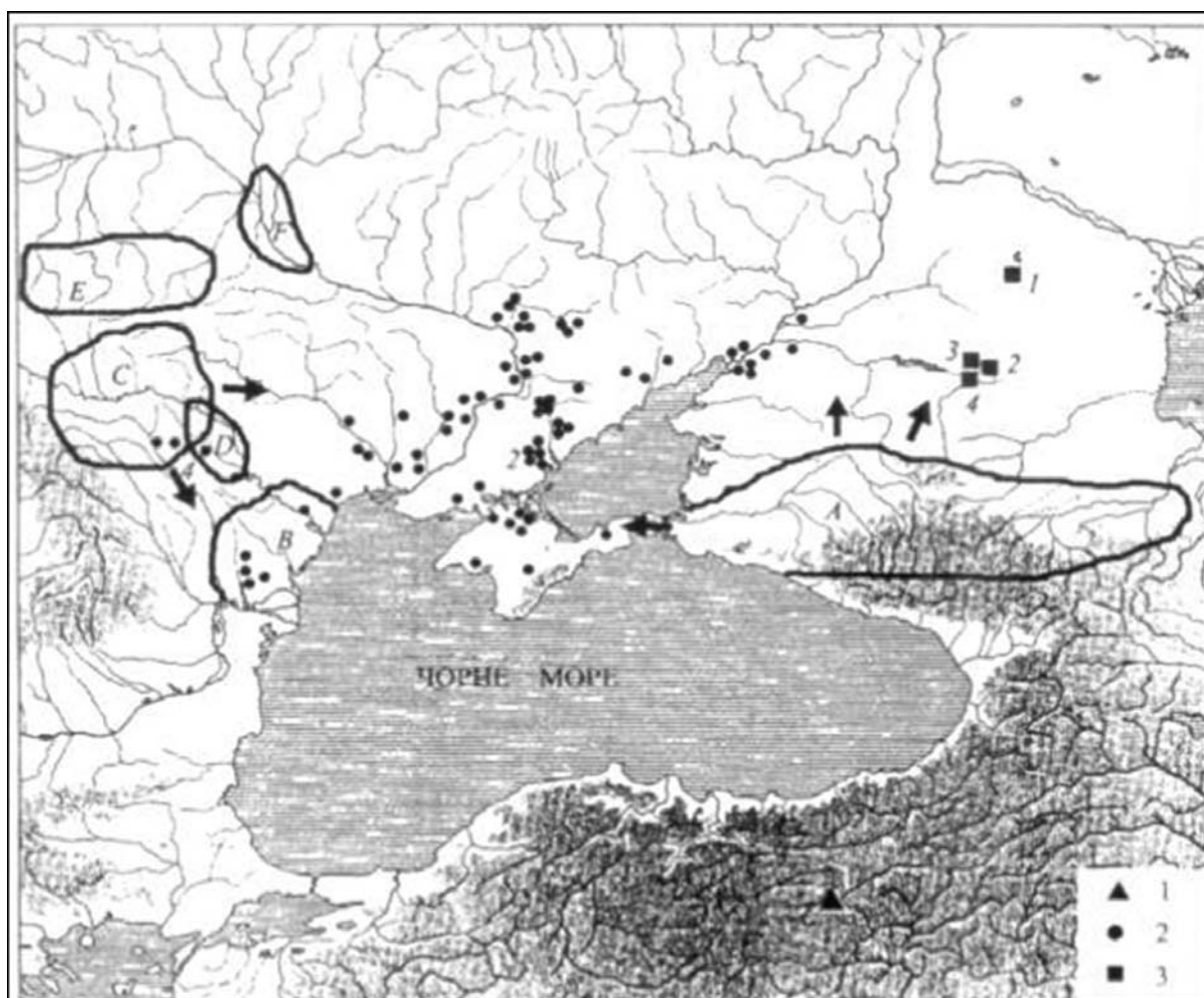

Рис. 4. Карта розповсюдження пам'яток животилівсько-вовчанського типу: 1 — тель Арслантеп у Східній Анатолії; 2 — поховання животилівсько-вовчанського типу: 1 — Животилівка (суч. м. Новомосковськ); 2 — Вовчанськ; 3 — Койсуг; 4 — Бурсучени (для межиріччя Дністра та Дунаю представлені лише вибіркові комплекси, в основному з підвісками болгарського типу); 3 — вибіркові поховання так званого степового Майкопа: 1 — Евдик; 2 — Манджикіни; 3 — Зунда Толга; 4 — Шарахалсун. А — зона розповсюдження майкопсько-новосвободненської спільноти (за Р.М. Муничасвим та В.А. Трифоном); В, С, D, E, F — основні локальні групи Трипілл С/2 (за В.Г. Петренком): В — усатівська; С — горлицька; D — вихватинська; E — горю

КОЛХИДСКАЯ РАННЕБРОНЗОВАЯ КУЛЬТУРА

За последние три десятилетия в результате планомерных систематических научных исследований постепенно исчезают белые пятна на археологической карте Западной части Южного Кавказа; выявленные здесь многочисленные первостепенные памятники всех археологических периодов и в особенности эпохи палеометалла дали возможность по-новому осмыслить процессы развития древнейшей истории этого региона.

Всестороннее изучение и сравнительный анализ двух десятков памятников и их археологического материала привели к важнейшим выводам.

Было установлено, что в III тысячелетии до н.э. на территории Западной части Южного Кавказа одновременно существовали две совершенно различные раннебронзовые археологические культуры. Восточная часть этой территории Имерети (Рион-Квирильский бассейн) целиком входила в основной ареал Куро-араксской культуры, а в Западной части – на всем Восточном побережье Чёрного моря, на её низменной полосе и прилегающих предгорьях, фиксировалась вторая довольно мощная раннебронзовая культура с высокоразвитым металлургическим производством, земледельческо-скотоводческой экономикой и весьма специфической керамической продукцией. Она не относится ни к одной из известных культур Кавказа – ни к Куро-араксской ни к Майкопской культурам и в корне отличается от них (Пхакадзе 2000: 50-52).

Общеизвестно, что великая и экспансивная Куро-араксская культура занимала не только большую часть Южного Кавказа, но и распространялась на Север, в Переднюю Азию (Анатолия, Сирия-Палестина, Иран) и Восточную Европу.

В этом аспекте особенно значительным представляется тот факт, что Куро-араксская культура не проникла на территорию Колхиды; на Восточно-Черноморском побережье пока что нет ни одного случая находки Куро-Аркских материалов. Мы считаем, что одним, если не единственным фактором этого исключения, являются те био-гео-климатические условия Колхидского Причерноморья, которые совершенно не соответствовали уже твёрдо сложившемуся хозяйственно-экономическому укладу Куро-араксского общества (Пхакадзе 1998: 32-36). Вместе с тем, обозревая и топографию Куро-араксских поселений, мы убедились, что они почти никогда не встречаются на Приморских равнинах (Пхакадзе 1998: 32).

Раннебронзовая культура, распространенная во всю длину равнинной полосы Колхидского Причерноморья, на всём протяжении III тысячелетия до н.э., не претерпевает каких-либо значительных трансформаций и инноваций культуры и в основном сохраняет и развивает традиционные черты предыдущих эпох.

С учётом расположения памятников и ареала их распространения, мы выделили её как раннебронзовую культуру Колхидской низменности или «Колхидскую раннебронзовую культуру» (КРБК), (Пхакадзе 1993: 119-121) (табл. I).

Термин «Очамчирская культура» встречающийся иногда в литературе (Л.Соловьёв, В.Бжания, И.Цвинария) совсем не отражает её сущности, ареала распространения, её культурную атрибуцию и не содержит возможностей выделения её локальных вариантов и этапов развития. Имея в регионе такие эталонные поселения как Испани и Пичори, где в стратиграфическом залежании прослеживаются все этапы развития ранней бронзы, именовать её «Очамчирской» кажется нам слишком узким и несодержательным.

Что касается термина «Протоколхская культура», она была внесена для обозначения истоков Колхидской позднебронзовой культуры. В начале I и II этапы «Протоколхской» культуры должны были соответствовать двум хронологическим периодам: ранней и средней бронзе (Микеладзе, 1974:32), но этот замысел осуществить не удалось. В результате получилось, что в академическом издании, посвящённом ранней и средней бронзе Кавказа и Средней Азии (1994), в отделе Западной Грузии в главе «Протоколхская культура» были рассмотрены только памятники средней бронзы, а памятники раннебронзовой эпохи вообще не фигурировали (Микеладзе, 1994:67-74). Вместе с тем нам кажется, что этот термин является больше общеисторическим и в некоторой степени, этническим.

Предложенный же нами термин «Колхидская раннебронзовая культура» отражает реальное положение сегодняшнего состояния изученности этого региона и даёт возможность конкретного определения этой археологической культуры, её хронологии, внутренней периодизации памятников, выделения локальных вариантов и др.

Колхидская раннебронзовая культура ещё находится в процессе изучения, но уже сейчас с уверенностью можно выделить её основные характерные черты: 1. Единая линия исторического развития, с сохранением традиции предшествующих эпох, без сильных инноваций или трансформации культуры; 2. Консервативный характер каменной индустрии; 3. Поселения хуторного типа, жилища, плетённые на сваях или специально утрамбованных глиняных площадках; 4. Неорошаемое плужное земледелие с применением дренажной системы; 5. Ведущая роль земледелия в экономике, преобладание хозяйственных орудий в наборе металлического инвентаря; 6. Дольменные погребения с вторичным захоронением (Северо-Западная Колхида); 7. Культовые обряды без применения очагов, подставок, подиумов и др.; 8. Весьма своеобразная и очень характерная керамическая продукция, которая является одной из основ выделения этой культуры и др. (Пхакадзе, 1993: 120-121).

К этой культуре относятся поселения: Мачара, Гуандра, Очамчире, Гумиста, Пичори, Ачандара (северо-западная Колхида), Диха-Гудзуба, Анаклия I, Саелиао, Шемокмеди, Чолипа (Центральная Колхида), Чакви, Испани (юго-западная Колхида). Погребальные памятники Колотаури и Дольмены (табл. I)..

Самые ранние памятники находятся в юго-западной (Чакви) и северо-западной части Колхидской низины (Мачара IV, Воронцовская пещера) и относятся к концу IV тысячелетия до н.э. Центральная же часть Колхидского Причерноморья ещё какое-то время оставалась незаселённой. Лишь к концу I-ой половины III тыс. до н.э. происходит её освоение энеолитическими племенами, спустившимися с гор и предгорья (Окуми,

Атара), поэтому раннебронзовая культура этого региона носит следы энеолитических традиций.

Остальные памятники относятся к развитой и финальной стадиям раннебронзовой культуры.

Памятниками развитого этапа являются поселения Очамчире, Гумиста-Ачандара, Диха-Гудзуба I, Пичори (8 слой), Испани (нижний горизонт), Колотаури и малые Дольмены. Из них более архаичными являются Очамчире и Испани (нижний слой), который датируется по С14 2640 г. до н.э. (тв 233).; а возраст Пичорского поселения (8-7 слой) определён по С14 2296 г. до н.э. (тв 460), следовательно, 26-23 вв. до н.э. являются хронологической рамкой развитого этапа этой культуры.

К финальному этапу относятся Мачара (III), Гуандра (Б), Испани (верхний горизонт), Саелиао, Пичори (6 слой), средние Дольмены, гроты Пал и Ахра-Капш. Их возраст определён по С14 концом III – началом II тыс. до н.э. (Испани 2180 в. до н.э. (тв 232)).¹

На всех этапах ранней бронзы каменная индустрия сохраняет свои консервативные, традиционные черты. Орудия изготавливаются техникой скола и точечной обработкой поверхности (топоры, тесла, долота) или формируются на расколотых вдоль гальках. Для северо-восточной Колхиды характерными являются орудия типа «пик» и мотыжки «Сочи-Адлерского» и «Сухумского» типов. В центральном и юго-восточном регионах те же орудия, большей частью шлифовано-полированные.

Из кремня изготавливались зазубренные вкладыши серпов и разнообразные накопечники стрел и копьев. Зернотёрки, пести, точильники и др. делались из разных пород камня (табл. V).

Энеолитические черты четко прослеживаются и в керамике: техника лепки сосудов, цвет, обжиг, обработка поверхности, отпечатки на днищах некоторые виды орнамента (точечный, ёлочный) явно свидетельствуют о продолжении энеолитических гончарных традиции в раннебронзовом веке.

Колхидская раннебронзовая керамика ручной лепки, грубая, твёрдого обжига, розовато-бурого или черноватого цвета, ведущие формы: миски, баночные, горшкообразные, карасообразные и прямостенные сосуды с массивными венчиками; ленточные ручки посредством щипа вделаны в стенку сосуда, днища плоские, иногда с отпечатками рогожи и циновки. Орнамент – рельефный валик вокруг плеча с насечками, защипами, отпечатками пальцев, ёлочные узоры и всевозможные налепы (овальные, шишковидные, седлообразные и др.) (табл. III).

Наряду с массовой, традиционной керамикой на некоторых памятниках развитого этапа (Очамчире, Пичори, Испани) находится малочисленная группа «парадной посуды», она тонкостенная черно или коричнево-лощённая изящных форм (кувшинчики, кружки, бокалы, вазы на полых ножках, двойные сосуды). Резные геометрические узоры, переходящие на ручки сосудов, являются основным украшением этих изделий. Они свидетельствуют о тесных взаимосвязях с Восточной Грузией, с культурой ранних Триалетских курганов и Бедени (Пхакадзе, 2003:24-26) (табл. II).

---

¹ В данном случае мы предпочитаем придерживаться некалиброванных датировок, так как калиброванные даты (тв 233) 3180 г.до.н.э., (тв 460) 2760 г.до.н.э., и (тв 232) 2650 г.до.н.э. слишком завышены, особенно из поселения Испани, что объясняется ее расположением в четвертичных торфяниках.

В керамике финального этапа ранней бронзы (конец III – начало II тысяч.) продолжают существовать формы и украшения предыдущей ступени, но вместе с тем появляются сложные зернистые и ногтевые узоры, клинообразный и гребенчатый штамп, шевроны и фестоны часто в комбинациях (Мачара III, Гуандра Б, Саелиао, Ахра-Капш и др.) (Пхакадзе, 2000:50-59) (табл. IV).

Высокого уровня достигает металлургическое производство. Многочисленные и многообразные металлические предметы из дольменов: проушные топоры, подтреугольные черенковые кинжальные клинки, однозубые и трёхзубые крюки с орнаментированной рукояткой давно получили признание в специальной литературе. Бронзовые орудия были обнаружены и в юго-восточной части Колхиды; поселения Испани дали очень интересный материал: вислообушные топоры, формы для их отливки и прекрасную деревянную модель.

Но полное представление о металлургической деятельности раннебронзового населения Колхиды даёт нам многослойное поселение Пичори (Гальский р-н). Двухстворчатые формы для отливки трубчатообушных топоров (60 штук), формы для отливки подтреугольных мотыг и сама мотыга, уникальные четырёхсторонние формы для отливки 4 разных предметов; Чаши, ковши, поддувала, шлак и др. наглядно являют о высоком развитии металлургической деятельности (табл. VI). В одном из помещений Пичори, т.н. «Мастерской» на полу был зафиксирован белый порошок, который был определён как мышьяк. Наличие большого количества металлических предметов и всех элементов, связанных с процессом их производства, показывает, что на поселениях Колхиды производство орудий происходило на месте. Важно отметить, что ближайшие залежи руды находились в 200-250 км. в горах Кавказа, Абхазии. В III тысячелетии до н.э. в горах добытое сырьё доставлялось на поселения, где и происходила их дальнейшая обработка: литьё, ковка, формовка нужных предметов и др. Этот факт является явным доказательством прекрасно организованного и уже отделённого друг от друга рудодобывающего и рудообрабатывающего дела (Барамидзе, Пхакадзе, 2001:156-160). Этот факт в свою очередь указывает на существовании в Западной части Южного Кавказа ещё одного важного металлургического очага в III тыс. до н.э., помимо Рион-Квирильского бассейна.

В высокоразвитой производственной экономике ведущее место занимало земледелие. Большинство металлических орудий (топоры, тесла, мотыга и др.), каменных и роговых изделий предназначались для обработки земли. Доказательством наличия плужного земледелия служат две уникальные деревянные сохи двух разных типов (Пичори).

На поселениях (Диха-Гудзуба, Пичори, Испани) обнаружены культурные злаки, просо, гоми, ячмень, пшеница двух сортов: мягкая, двузёрнистая, «маха» и др.

Колхидская раннебронзовая культура (КРБК) выявляет тесные взаимосвязи с синхронными памятниками Северного Кавказа, Передней Азии и Восточной Европы.

В конце IV – начала III тысяч. до н.э. вокруг Чёрного моря формируются культуры тесно связанные между собой, т.н. «Циркумпонтийская культурно-историческая зона». Её составляют Балканы и Эгейя – на западе, Анатолия – на юге, Кавказ – на востоке, Степные культуры – на севере. Эту большую территорию объединяли не только метал-

лургические навыки и сходство отдельных категорий археологических материалов (керамика), но главное, одинаковые культурные трансформации и динамические процессы, которые привели к определённым интеграционным явлениям во всём ареале как близлежащих, так и достаточно удалённых друг от друга областях (Мерперт, 1987:89-87; Черных 1987:98-106).

Колхидская раннебронзовая культура по своему расположению и составу материальной культуры является одним из составных регионов «Циркумпонтийской культурно-исторической зоны».

В единой раннебронзовой культуре Колхиды постепенно вырисовываются три локальных региона: северо-западный, центральный и юго-западный. Дальнейшее изучение памятников внесёт ясность в это предположение.¹

Pkhakadze G. (Georgia)

THE EARLY BRONZE CULTURE OF COLCHIS

(Annotation)

In the III mill. B.C on the Eastern shore of Black sea was fixed a very peculiar Early Bronze culture strikingly different from other two great cultures of this time – Kuro-Araxes and Maikop, with highly developed metallurgy, specific pottery, farming and cattle-breeding economy.

It was descended from local traditions of preceding epochs.

We identify it as “The Early Bronze culture of Colchis” accordingly to the distribution and concentrations of its monuments on the Colchis seashore lowland and adjacent hilly regions.

There are revealed nearly twenty sites of this culture: Machara, Guandra, Ochamchire, Gumista, Pichori small and middle sizes dolmens (North-west Colchis), Dikha-Gudzuba, Saelialo, Shemokmedi (Central Colchis), Kolotauri, Ispani (South-west Colchis) and etc.

We have determined all the characteristic, peculiar signs of this culture (in architecture pottery production, stone industry, cult service etc.), three chronological stages of its development and the framework of its existence in whole.

---

¹ В этом аспекте особенное внимание заслуживает дольмены; Абхазские и Северокавказские дольмены значительно отличаются друг от друга, как по форме, так и по содержанию. Очевидно, общим является только идея дольменов (Пхакадзе 2002:133-134).

Литература

1. Микеладзе Т.К. 1974. Изыскания по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-восточного Причерноморья. Тбилиси.
2. Микеладзе Т.К. 1994 «Протоколхская культура». Ранняя и Средняя бронза Кавказа и Средней Азии. Москва.
3. Мерперт Н.Я. 1987. Циркумпонтийская зона в раннебронзовом веке «Кавказ и Юго-восточная Европа в эпоху раннего металла». Тбилиси.
4. Пхакадзе Г.Г. 1992. Энеолит и ранняя бронза Западной Грузии. Археология Грузии т.II. Тбилиси. (на грузинском языке)
5. Пхакадзе Г.Г. 1993. Западное Закавказье в III тысяч. до н.э. Тбилиси. (на грузинском языке)
6. Пхакадзе Г.Г. 1998. Некоторые аспекты изучения «раннебронзовой культуры Колхидской низменности». Жур. «Дзиебани» №2. Тбилиси. (на грузинском языке)
7. Пхакадзе Г.Г. 2002. Некоторые соображения о дольменах Абхазии Международная конференция «Археология (IV) и этнология (III) Кавказа» IV. Тбилиси.
8. Пхакадзе Г.Г. 2000. Восточное Причерноморье в III тысячелетии до н.э. и культурные контакты. Взаимодействия культур и цивилизации. Санкт-Петербург.
9. Пхакадзе Г.Г. 2003. Западное Закавказье в системе палеометаллических культур Евразии. «Мецниереба». Тбилиси.
10. Черных Е.Н. 1987. Культурные контакты Циркумпонтийской области. Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
11. Baramidze M., Pkhakadze G., 2001, Die siedlung von Pitschori, eine Bronzeworkstatt in der Kolchis „Schütze aus dem Land das Goldenen Vlies Bochum“.

Описание таблиц

Таб. I. Карта распространения памятников Колхидской раннебронзовой культуры: 1 – Отхара; 2 – Гуандра; 3 – Эшера; 4 – Азанта; 5 – Шрома; 6 – Гумиста; 7 – Мачара; 8 – Хуап; 9 – Очамчире; 10 – Пичори; 11 – Анаклиа (Диха-Гудзуба); 12 – Саелиао; 13 – Шемокмеди; 14 – Испани; 15 – Чакви; 16 – Колотаури; 17 – Ахра-Капш; 18 – Пал.

Таб. II. Образцы типичной керамики развитого этапа ранней бронзы: 1-6, 18-30 – Пичори; 7-10 – Гумиста; 11-17 – Очамчире.

Таб. III Таб. 3. Темнолощённая керамика из поселений: 1-7, 9-10, 16-23 – Пичори; 8, 11, 13-15, 24-34 – Испани.

Таб. IV. Фрагменты керамики финального этапа ранней бронзы: 1-5 – Гуандра (Б); 6-10 – Мачара (III); 11-12 – Саелиао; 13-15 – Испани (верх. гор.).

Таб. V. Каменные изделия из поселений Колхиды; 1-7 – кремневые вкладыши серпов; 8-12 – наконечники стрел и Копьев; 13, 14 – топоры.

Таб. VI. Предметы металлургического производства из поселений Пичори: 1 – форма для отливки мотыги; 2-6 – топоров; 7, 10 – четырёхсторонняя форма, ковш; 11, 12, 14 – поддувала .

Description of plates

pl I. The map of distribution of Colchis Early Bronze age sites: 1. Otchara, 2. Guandra, 3. Eshera, 4. Azanta, 5. Shroma, 6. Gumista, 7. Machara, 8. Khuap.

9. Ochamchire, 10. Pichori, 11. Dikha-Gudzuba (Anaklia), 12. Saeliao (Kurzia), 13. Shemokmedi, 14. Ispani, 15. Kollotauri, 16. Shakvi, 17. Akhra-Kapsi, 18. Pal.

pl II. Traditional Early Bronze pottery of developed stage: 1-6, 18-30 – Pichori, 7-10 – Gumista, 11-17 – Ochamchire.

pl III. Black and brown polished pottery from settlements: 1-7, 9-10, 16-13 – Pichori 8, 11, 13-15, 24-34 – Ispani.

pl IV. Sheads of Early Bronze age final stage ceramics: 1-5 (Guandra B) 6-10 Machara (III), 11-12 Saeliao, 13-15 Ispani (up. level).

pl V. The stone industry: 1-7 flint sickle blades. 8-12 flint spear and arrow heads. 13, 14 – axes.

pl VI. Objects for metallurgical process from Pichori. 1 moulds for casting a hoe, 2-6 moulds for axes. 7-10 four-pieced mould for casting different objects, 13-ladle, 11, 12, 14 pipes.

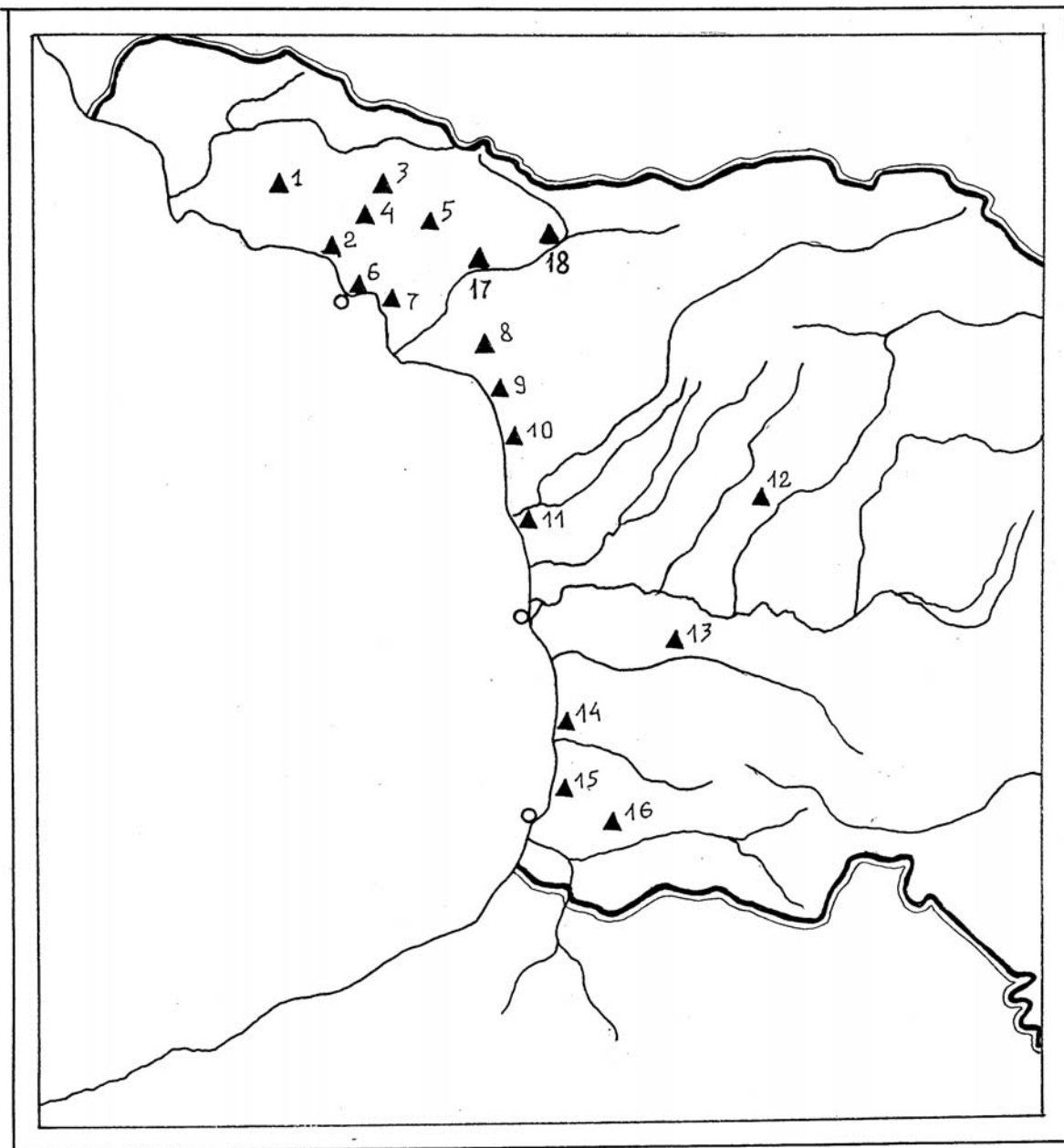
Пхакадзе Гуранда Григорьевна

Археолог

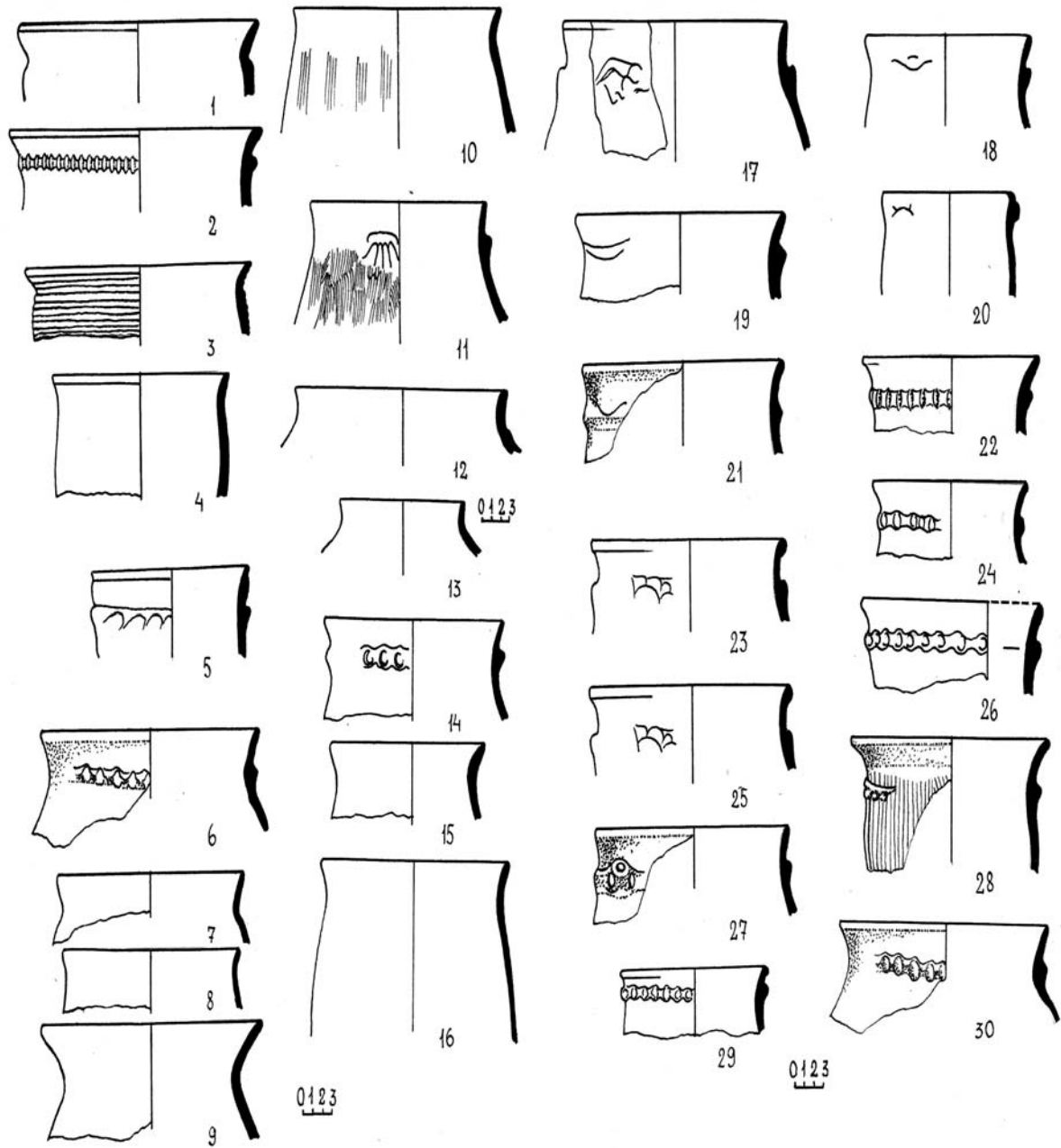
Доктор исторических наук

Г. Тбилиси, ул. Хоштария №3

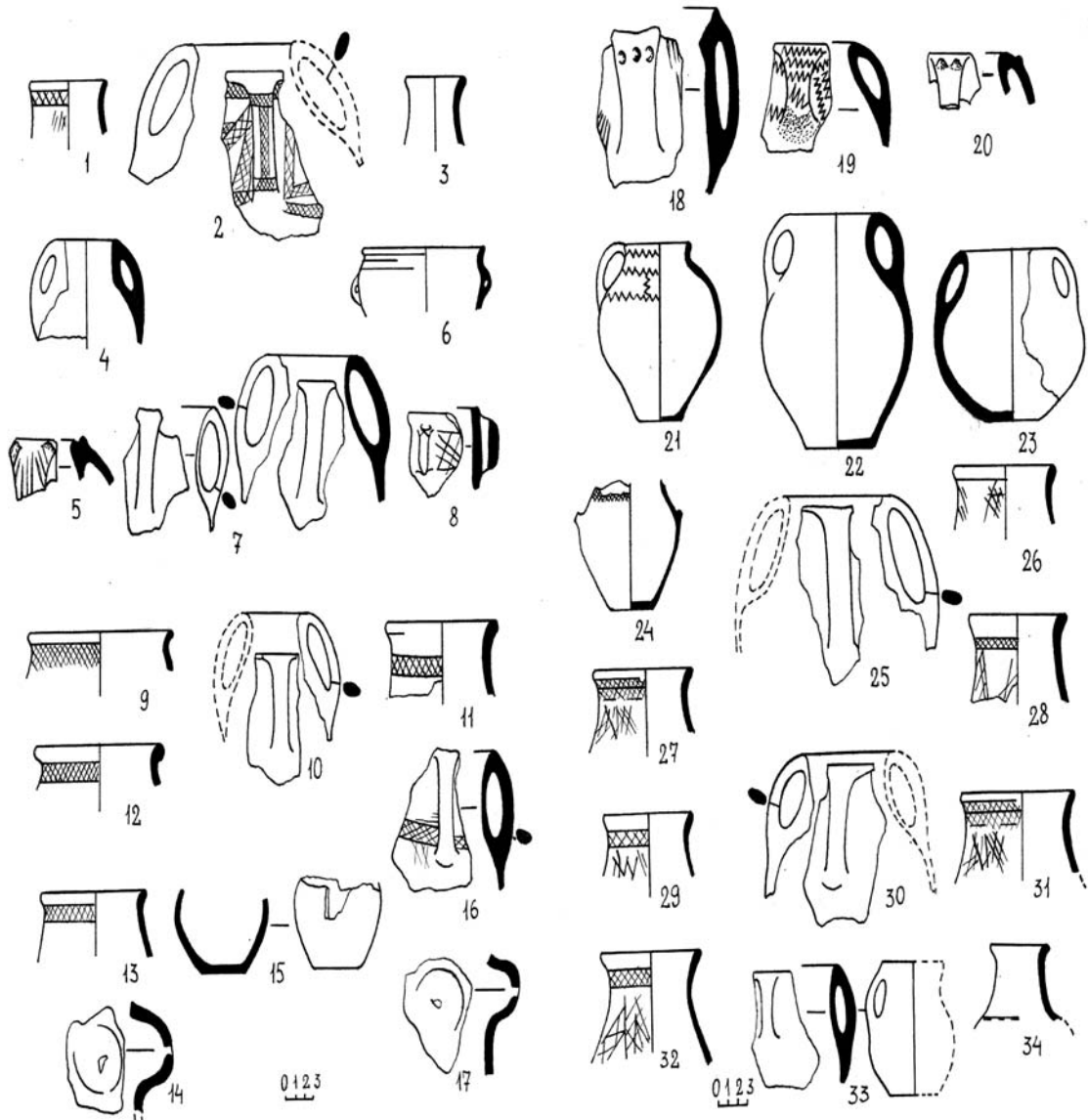
Тел.: 99 85 30, e-mail: Pkhakadze-G@posta.ge

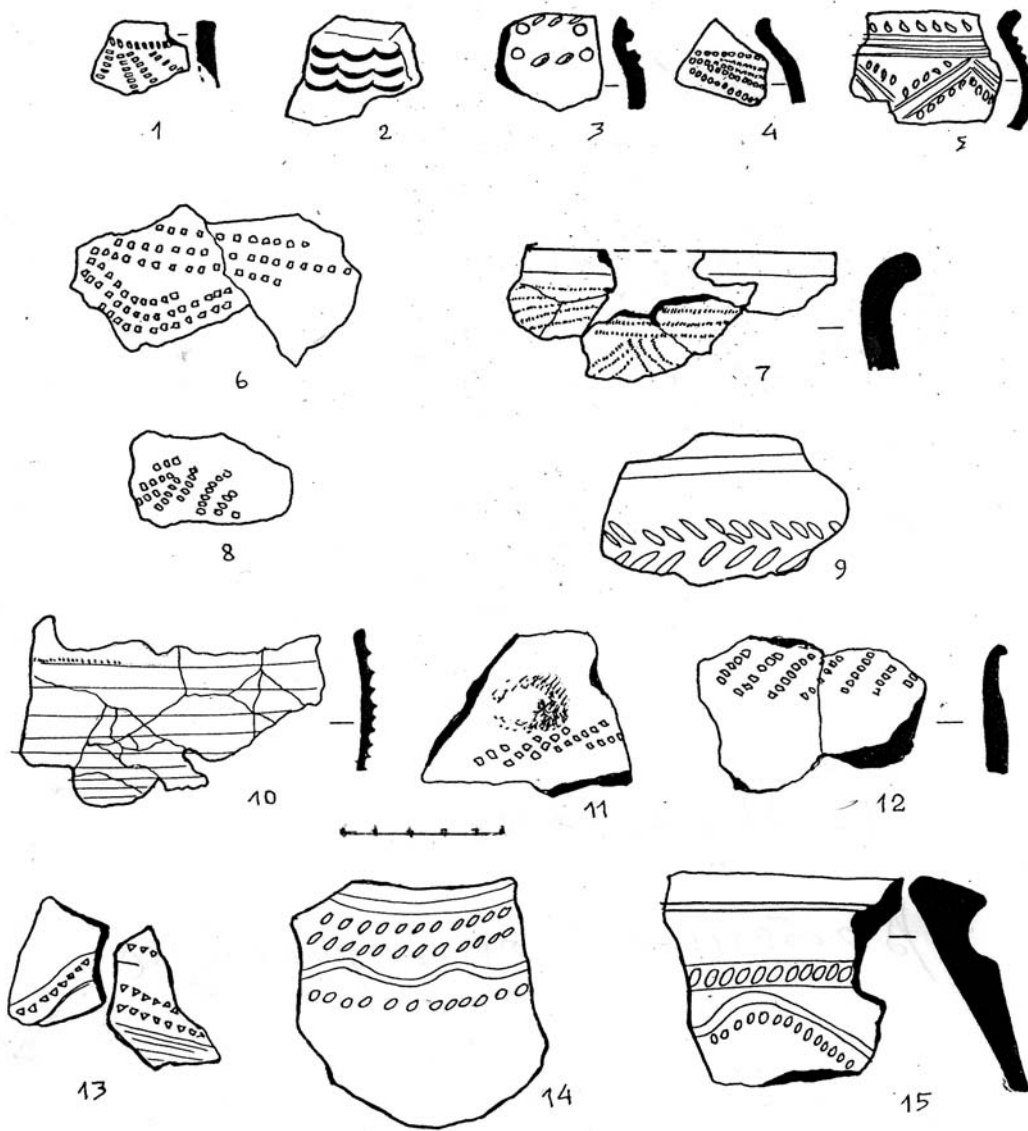
Таб. I.

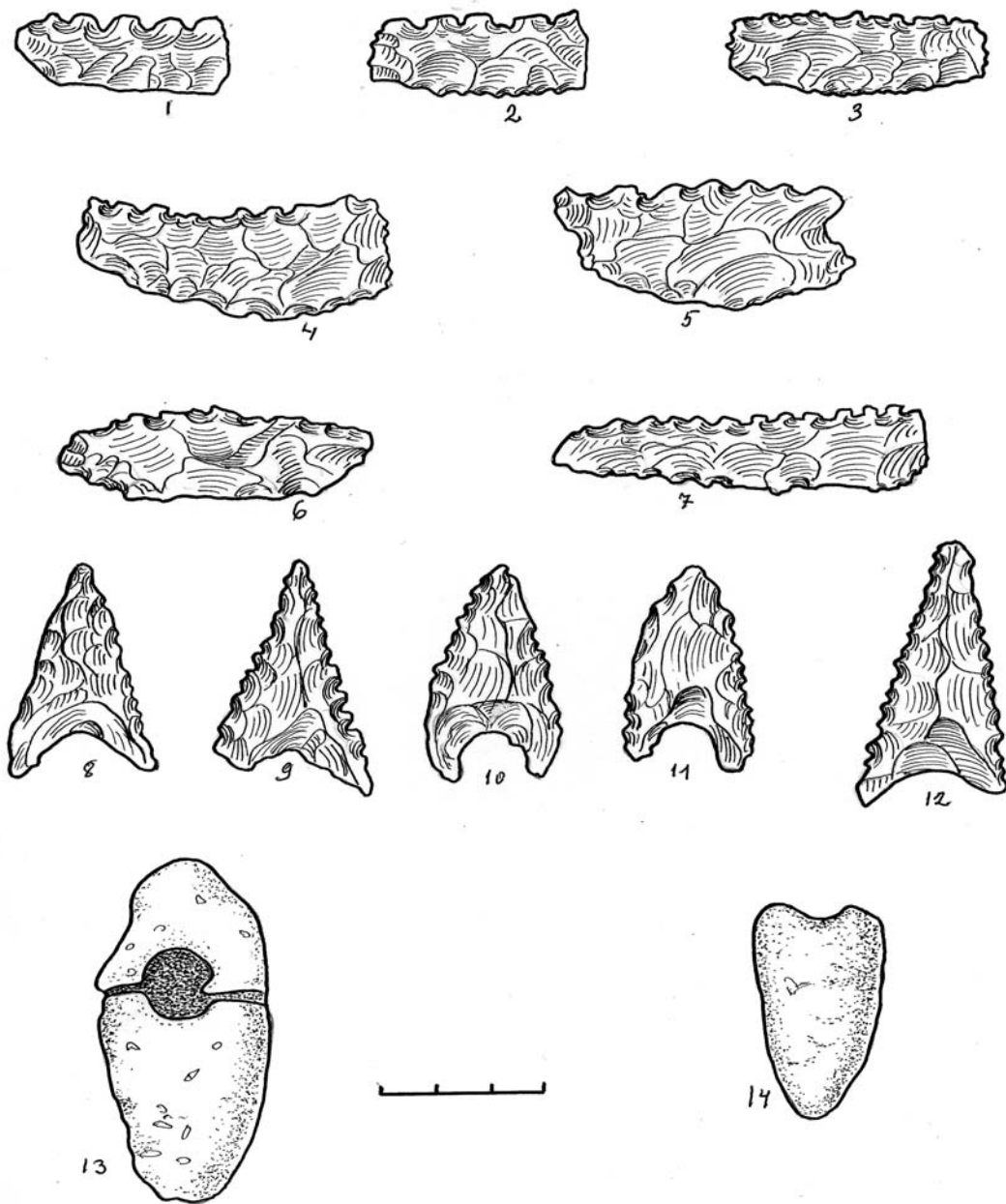
Ta6. II.

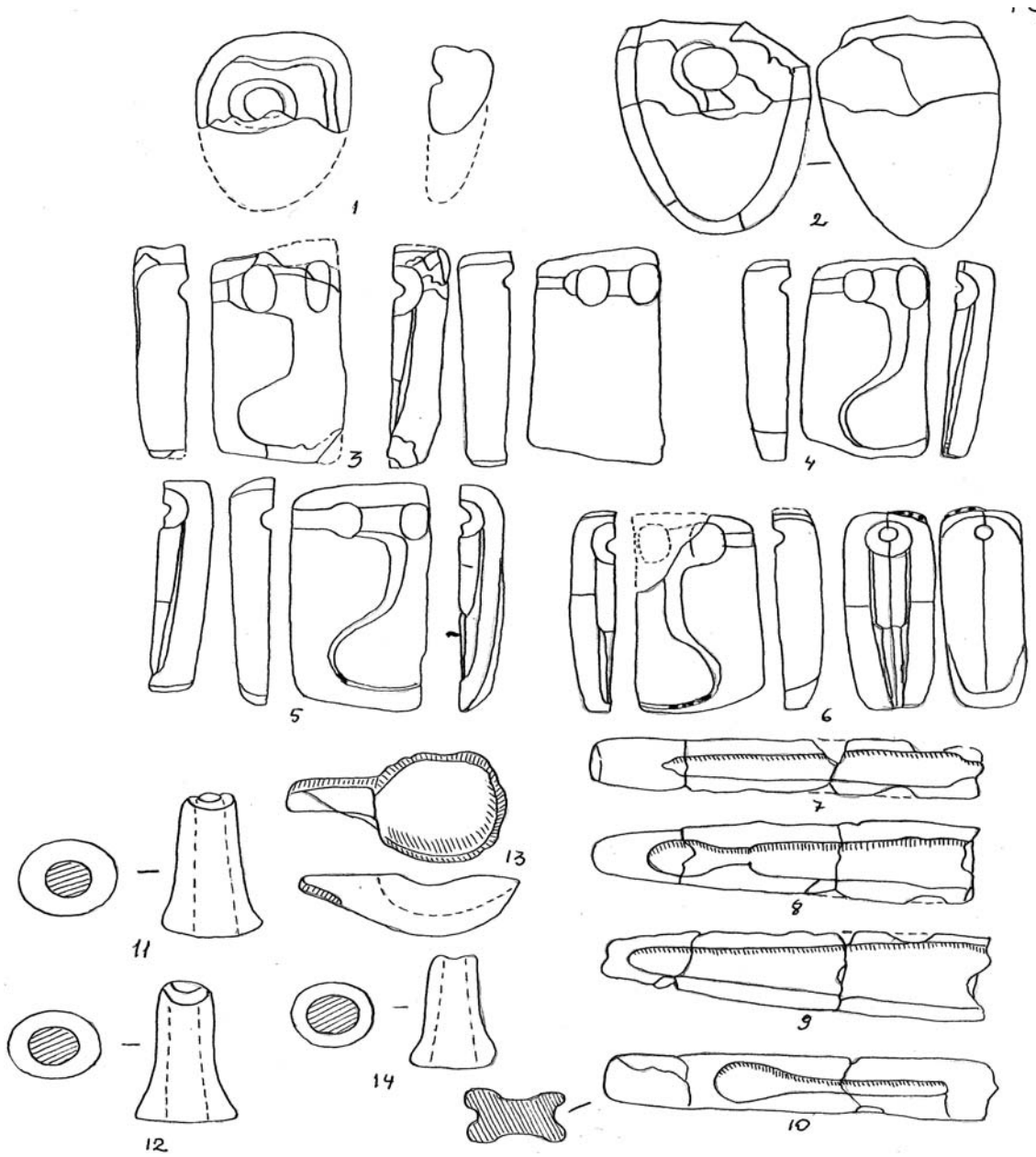
Ta6. III.

Ta6. IV.

Ta6. V.

Ta6. VI.

АНТРОПОМОРФНЫЙ ГОРЕЛЬЕФ ИЗ НАЦАРГОРА (ЮЖНЫЙ КАВКАЗ)

Терракотовый горельеф был обнаружен в центральном регионе Грузии – Шида Картли, в Хашурском районе, в с. Нацаргора (таб. I,1). Поселение расположено на левом берегу речушки Плеура, где в 1976-1992 гг. работы производила Археологическая экспедиция Хашурского района Центра археологических исследований под руководством А. Рамишвили.

На многослойном поселении, где мощность культурного слоя достигает 6-7 метров, выявлены слои эпохи ранней и поздней бронзы, а также античности. Раннебронзовый слой состоит из трёх строительных горизонтов. Нижний горизонт содержит исключительно куро-аракскую керамику, средний – как куро-аракскую, так и керамику беденской культуры, а поверх этих отложений, на одном из участков был расчищен фрагмент глинобитного пола (таб. I,2) с многочисленными фрагментами беденской керамики [Рамишвили 1991, стр. 24]. Именно здесь, в северо-западном участке поселения в 1985 году был обнаружен терракотовый горельеф [Рамишвили 1991, таб. 46]. Изображение повреждено (таб. II,1-3). Два фрагмента горельефа были обнаружены в северо-западном секторе поселения на глинобитном полу, носившего следы сильного пожара (квадрат NW 3,4\5,6), а один – в хозяйственной яме # 5 (квадрат NW 3\4), принадлежавшей тому-же помещению. Помимо этого, в поврежденных слоях обнаружены ещё несколько фрагментов, которые вполне могут быть частями этого предмета.

Горельеф светло-коричневого цвета, изготовлен из хорошо отмученной глины, поверхность полирована, на некоторых фрагментах заметны следы огня. Приблизительная высота изображения 0,28 м. Внешняя сторона изображения выпуклая (таб. II,4). Верхняя часть горельефа округлая и имеет семь выступов. Средний, самый высокий выступ, возвышается над поверхностью горельефа и разделяет её на две симметричные части. По сторонам расположены два углубления. С левой стороны в углублениях вставлены обсидиановые “пластинки”. Нижний обсидиановый “глаз” окружен рельефной спиралью (таб. II,2). Вторая сторона горельефа восстановлена частично, так что о существовании другого обсидианового “глаза” можно лишь предполагать (по существующим фрагментам сделано несколько попыток реставрации горельефа. В настоящей работе даётся одна из попыток, которая принадлежит Н. Шаншашвили). По краю горельефа, на небольшом расстоянии от внутреннего рельефного пояса расположена более толстая рельефная линия. Нижняя часть изображения также окантована рельефной линией, которая в центре раздваивается и повидимому в середине горельефа помещается ещё один фрагмент с рельефным изображением концентрического круга. В целом, горельеф имеет антропоморфный облик (таб. II,4; III,3).

На сгоревшем полу, вместе с горельефом, находились фрагменты глиняной посуды, кремневые наконечники стрел и вкладыш серпа (инв. №№ 1300-1559; таб. IV,1-31; V,1-24). Фрагменты керамики (инв. №№ 2045-2100) были обнаружены и в яме № 5 (таб.

V,25-33). По аналогичному керамическому материалу из стратифицированных памятников Южного Кавказа, этот слой датируется серединой III тыс. до н.э. и относится к финальной стадии ранне бронзовой эпохи. Некоторые типы нацаргорской керамики (таб. V,27,30) имеют определённое сходство с посудой начала III тыс. до н.э., характерной для западной и юго-западной Анатолии [Huot 1982, стр. 283,284; French 1963, стр. 38, рис. 5-8; Seeher 1987, стр. 160-161, таб. 31-9, 42-4,9, 48-3,4]. На этой же территории в ранне бронзовой эпохе засвидетельствованы т.н. Die Gesichtvasen [Schmidt 1902, рис. 33], которые имеют аналоги в Восточной Анатолии и Южном Кавказе [Koşay 1976, стр. 24, таб. 83-58,59, 85-51,69,70; Мирцхулава 2005, таб. IV-1,2]. Именно с этой антропоморфной керамикой стилистически схож горельеф из Нацаргора, хотя аналогов на Южном Кавказе терракотовый горельеф не имеет. Надо отметить, что этой же эпохой, концом ранне бронзового периода, датируется глиняный идол из Арагвского ущелья, который имеет спиралевидные глаза и нос, подобный рылу животного [Рашишвили 1981, таб. LXXII]. На поселениях раннебронзовой эпохи (Озни, Тетрицкаро, Амиранис гора) иногда встречаются фрагменты очень толстостенной керамики, украшенной рельефным орнаментом, иногда спиральным [Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, стр. 38, таб. 26-104; Гобеджишвили 1981, рис. 23, 24; Орджоникидзе 1983, таб. XIV]. Возможно, они являются фрагментами предметов, схожими с нацаргорским горельефом.

В конце раннебронзовой эпохи на Южном Кавказе появляются антропоморфные глиняные очажные подставки с инкрустированными обсидианом глазами (с. Звели [Чубинишвили 1976, стр. 20], Бериклдееби [Джалабадзе 2003, стр. 45]). Определенное сходство с нацаргорским горельефом имеют глиняный сосуд и фрагменты подобных сосудов, обнаруженных на Бериклдееби, в слоях беденской культуры (в помещении №№ 2,3,8,12, у жертвенной платформы и в яме № 86). Этой керамике свойственно широкое устье, к которому приделана плоская ручка. На месте соединения устья с ручкой прилеплены роговидные выступы, что придает сосудам зоо, или антропоморфный облик. М. Джалабадзе считает, что они употреблялись в определенном ритуале [Джалабадзе 2003, стр. 45, таб. I].

Горельеф из с. Нацаргора имеет стилистическое сходство с антропоморфными изображениями на больших глиняных сосудах (таб. VI,3-7), которые были обнаружены в Анатолии, на поселении Пулур в X-IX слоях и датируются началом III тыс. до н.э. [Koşay 1976, стр. 128-132, таб. 83, 85]. На этом же поселении были выявлены глиняные антропоморфные очаги (таб. VI,1,2), на которых глаза и рот изображены рельефными спиралями [Koşay 1976, таб. 19, 21]. Определённое сходство с горельефом имеют также фигурки четырехглазых антропоморфных существ, которые были обнаружены в Сирии, на Тель-Браке в "Eye-Temple" [Goff 1963, рис. 657-660], а также алебастровая стела (таб. VII,5) из Мари (Сирия) с изображением антропоморфного существа со спиральными глазами [Fortin 1999, рис. 295].

Определить назначение горельефа из с. Нацаргора, по имеющимся данным, затруднительно. Известно, что в конце III тысячелетия до н.э. в Месопотамии были распространены терракотовые фигуры в высоком рельефе, которые размещались на стене домашнего алтаря, или в дверях помещения. Среди них были изображения божеств, мифологические или обрядовые сцены, а также изображения (таб. III,1,2) и маски

демонов - обереги от злых духов [Дьяконов 1990, стр. 335]. Амулетами, призванными защитить человека от демонов, безусловно, являлись также цилиндрические печати с изображением т.н. "фриза сражающихся" [Фоссе 2001, стр. 45-46]. Для всего древневосточного искусства раннединастической эпохи был характерен мотив борьбы. Так называемый "фриз сражающихся" Ш. Фоссе и А. Перро считали персонификацией борьбы богов - защитников человека против природных стихий, против всех сил зла [Фоссе 2001, стр. 45]. Горельеф из с. Нацаргора имеет сходство с юным персонажем с растрёпанными волосами (возможно это рогатая тиара), сражающимся с дикими животными (таб. VII,1,4), изображённым на шумерских печатях раннединастического периода (первая половина III тысячелетия до н.э.) [Moortgat 1988, стр. 33]. С этим персонажем месопотамской глиптики определённое сходство имеют антропоморфные фигуры, изображенные на фресках Арслантепе VI A (конец IV тыс. до н.э.), расположенных у входа в помещение [Barbagli 2003, стр. 26]. У этих существ растрёпанные волосы, наподобие язычков пламени. На одной фреске фигура стоит между двух бугорков, на другой – держит в руках зубчатый предмет, или же сами руки имеют зубчатую форму (таб. VII,2-3).

Изображение божества в зубчатом, рогообразном или лучистом головном уборе, иногда со множеством глаз было распространено в IV-III тысячелетиях до н.э. на Ближнем Востоке. Видимо оно представляло собой локальное божество – защитника городов, домов и людей. Жители Древнего Востока различали две, очень отличающиеся по численности и значению, разновидности демонов - добрых и злых. Добрые демоны играют лишь охранительную роль: они занимают тело человека, дом или дворец, чтобы воспрепятствовать злым духам проникнуть туда и произвести опустошение. Место не должно было оставаться пустым. Если дух, покровительствующий человеку, покидает его, им не замедлит завладеть злой гений. Таким образом, человек и его жилище постоянно находятся в состоянии одержимости [Фоссе 2001, стр. 19]. В первый разряд добрых гениев следует поместить божества, которые считались покровителями как людей, так и городов. Иногда ими являлись верховные божества. Покровителем города Ниппура, например считался Нинурта - юный бог - герой, победитель дракона и разных мифических существ. Нинурта был сыном Энлиля. Он покровительствовал плодородию полей, скота и рыболовства. Бог растительности и плодородия, Нинурта был также богом войны. Его символом была фантастическая львиноголовая птица Имдугуд. Ипостасью Нинурты в Лагаше был Нингирсу, в Кише - Забаба, в Дилбате - Ураш [Black, Green 1992, стр. 138,182,187].

В Месопотамии терракотовые статуэтки богов, или демонов-покровителей подвешивались к дверному косяку. Иногда изображения рисовались или вырезались в виде барельефа на стенах. Некоторые защитные статуэтки имеют митру, окруженную по нижнему краю двумя парами рогов.

Можно предполагать, что подобное защитное божество, или демон-покровитель был изображён на горельефе из Нацаргора. Возможно Нацаргорский горельеф также вешался на стенку, или ставился на подиум.

По нашему мнению, антропоморфный горельеф из Нацаргора типологически схож с апотропейными предметами раннединастической эпохи Месопотамии, хотя сти-

листически близок к антропоморфным изображениям эпохи ранней бронзы Южного Кавказа и Анатолии.

В конце ранне бронзовой эпохи на Южном Кавказе происходят большие социально-политические перемены. Появляются «царские», индивидуальные курганы, которые отличаются своим величием. В этих погребениях были обнаружены атрибуты власти, изготовленные из драгоценных металлов, в некоторых случаях – повозки. К курганам примыкали грандиозные ритуально-процессионные дороги [Narimanishvili 2004]. С курганами, в некоторых случаях, связаны вертикально поставленные камни – менгиры [Нариманишвили, Шаншашвили 2007, стр. 164]. Поверхность курганов и процессионных дорог иногда посыпались обсидианом [Шаншашвили 2004, стр. 71]. Меняются керамические типы, орнамент на керамике. Все эти данные взаимосвязаны и указывают на новые социально- политически и этнические явления. Одним из проявлений этих инноваций, вероятно, является терракотовый горельеф из Нацаргора.

Литература:

1. **Гобеджишвили Г. 1978.** Поселение Тетрицкаро. Тбилиси. (На грузинском языке).
2. **Джалабадзе М. 2003.** Об одном типе керамики из поселения Бериклдееби. - Дзиебани, дополнения X. Проблемы археологии Кавказа эпохи бронзы-железа. Тбилиси, стр. 45-47 (На грузинском языке).
3. **Дьяконов И. М. 1990.** Люди города Ура. Москва.
4. **Жоржикашвили Л., Гогадзе Э. 1974.** Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси.
5. **Мирцхулава Г. 2005.** Из истории культа плодородия. - Дзиебани, № 15-16. Тбилиси, стр. 100-118. (На грузинском языке).
6. **Нариманишвили Г., Шаншашвили Н. 2007.** Мегалиты и культ предков на Южном Кавказе. – Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси, стр. 164-165.
7. **Орджоникидзе А. 1983.** Самцхе-Джавახети в эпоху ранней бронзы. Тбилиси (на грузинском языке).
8. **Рамишвили Р., и др 1981.** Археологические исследования в Арагвском ущелье. - Полевые археологические исследования в 1978 году. Тбилиси, стр. 129-143.
9. **Рамишвили Ал. 1991.** Раскопки в Хашурском районе в 1984-1986 гг. - Полевые археологические исследования в 1986 году. Тбилиси, стр. 22-25.
10. **Фоссе Ш. 2001.** Ассирийская магия. Санкт-Петербург.
11. **Чубинишвили Т. и др. 1976.** Итоги полевой работы Квемо Картлийской археологической экспедиции. - Полевые археологические исследования в 1974 году. Тбилиси, стр. 19-21.
12. **Шаншашвили Н. 2004.** Значение обсидиана в погребальном ритуале. - Дзиебани № 13-14. Тбилиси, стр. 68-73 (на грузинском языке).
13. **Barbagli D. 2003.** Arslantepe. Alle origini dello stato. - Archeologia Viva. Anno XXII, # 99. Firenze, pp. 21-36.

14. **Black J., Green A. 1992.** Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. London
15. **Goff B.L. 1963.** Symbols of Prehistorique Mesopotamia. New Haven and London.
16. **Fortin M. 1999.** Syrie. Terre de civilisation. Quebec.
17. **French D.H. 1963.** Excavation at Can Hasan. Second Preliminary Report. 1962. - Anatolian Studies. vol. XIII, pp. 29-42.
18. **Huot J.-L. 1982.** Les ceramiques monochromes lisées en Anatolie a l'epoque du Bronze ancien. Vol.1-2. Paris.
19. **Koşay H.Z. 1976.** Keban Project. Pulur excavations 1968-1970. Ankara.
20. **Moortgat A. 1988.** Frühe Bildkunst in Sumer. Bonn.
21. **Narimanishvili G. 2004.** Ritual roads at Trialeti Barrows. – Journal of Georgian Archaeology. Tbilisi, pp. 120-133
22. **Seeher J. 1987.** Die Keramik 1.- Korfmann M. (Hrsg). Demircihuyuk. Band III,1. Mainz am Rhein.
23. **Schmidt H. 1902.** Die Keramik der verschiedenen Schichten. –Dörpfeld W. (Hrsg). Troja und Ilion: Ergebnisse der Ausgrabungen Schichten von Ilion 1870-1894 (Band 1), S. 243-319. Athen.

Описание таблиц:

Таб. I . 1. Карта Ближнего Востока и Кавказа. 2. План помещения.

Таб. II. Терракотовый горельеф из с. Нацаргора.

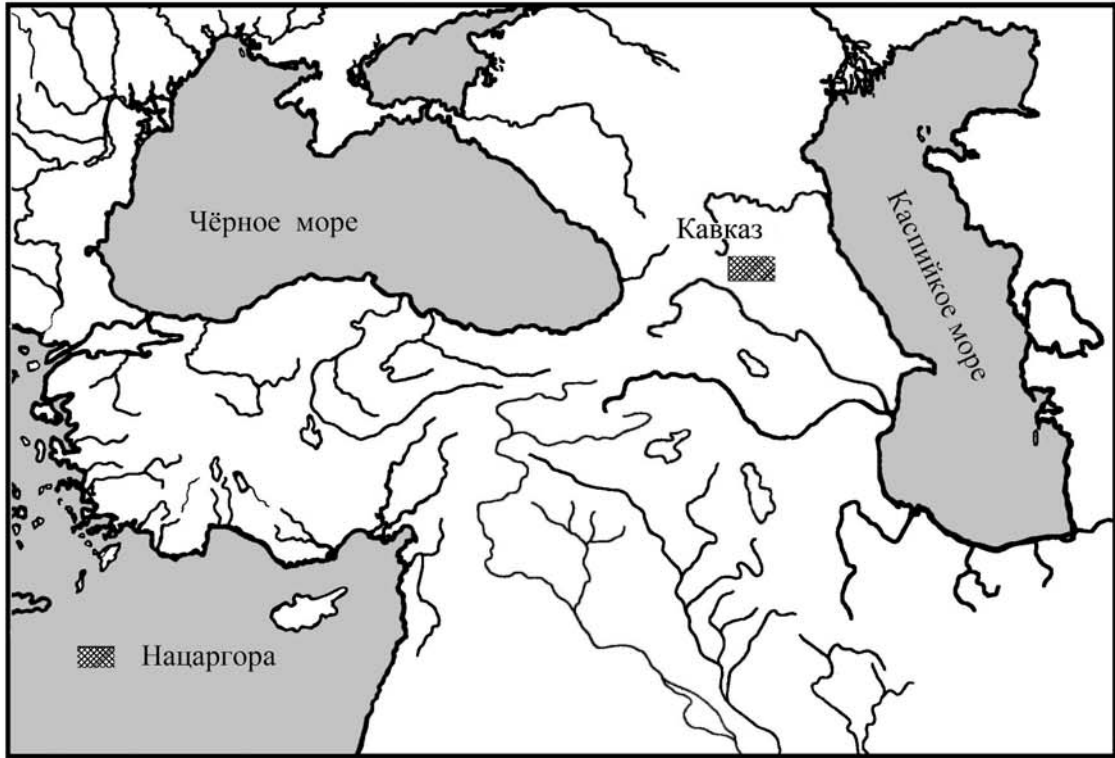
Таб. III. 1,2. Наддверные обереги из Месопотамии. 3. Терракотовый горельеф. Реконструкция.

Таб. IV. Керамика из помещения.

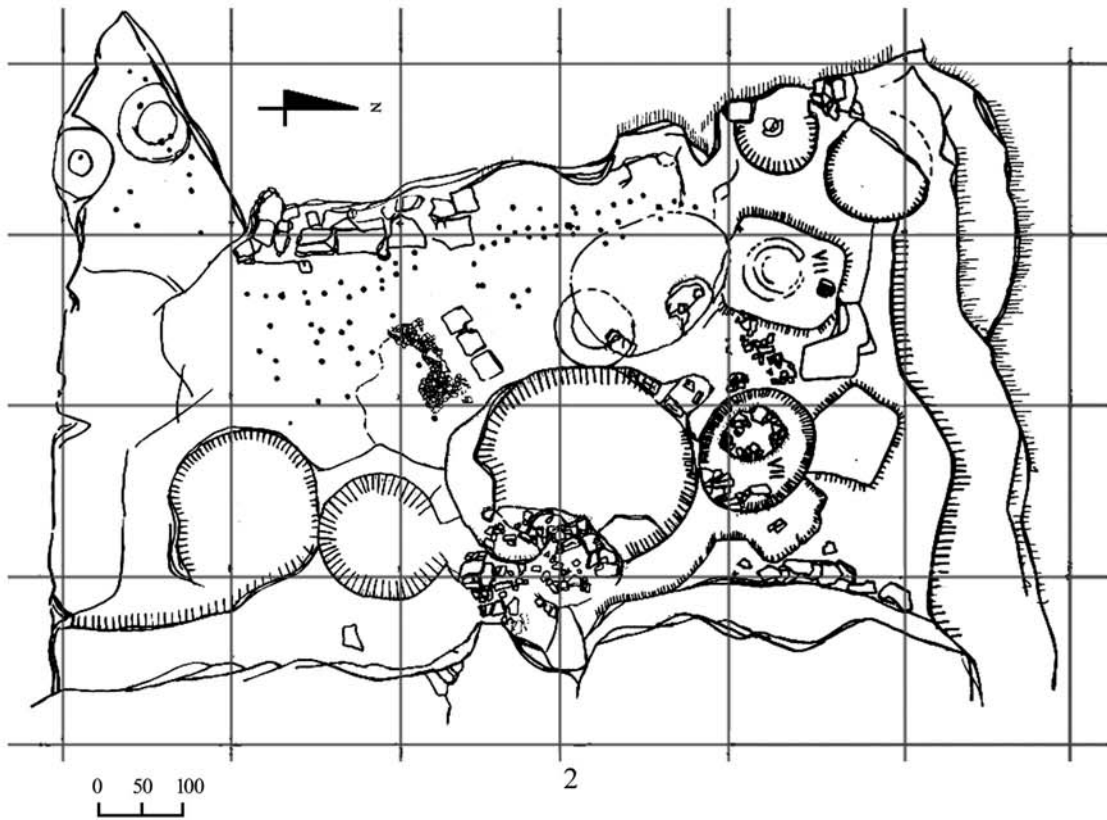
Таб. V. 1-3 Каменные изделия; 4-24. Керамика из помещения. 25-33. Керамика из ямы N 5.

Таб. VI. Антропоморфные очаги и керамика из Пулура.

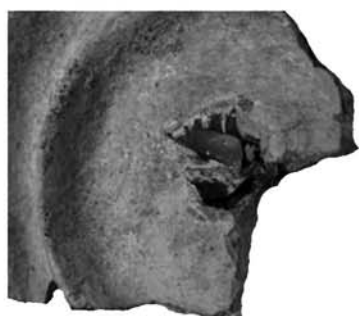
Таб. VII. 1,4. Раннединастические шумерские печати. 2,3. Фрески из Арслантепе. 5. Стела из Мари.

1

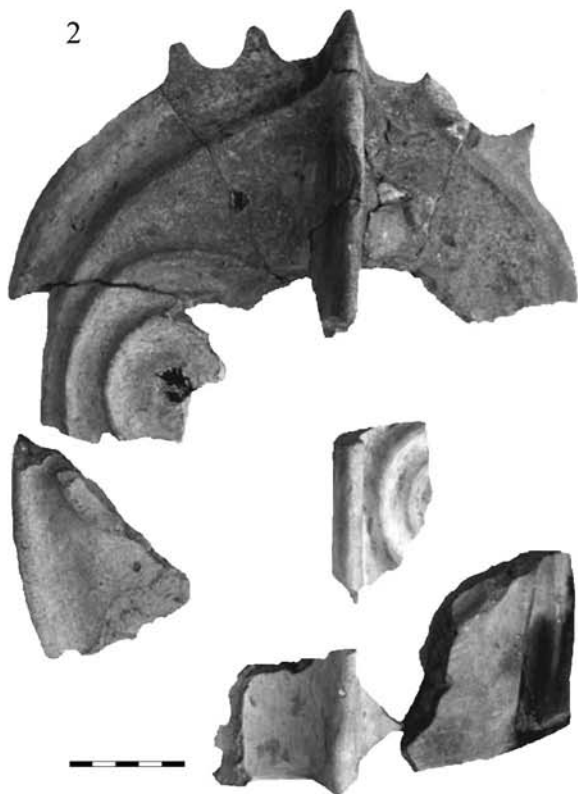
2

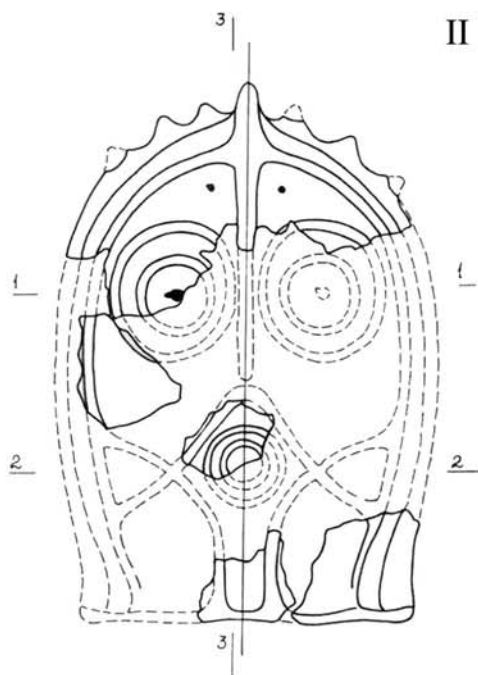
1

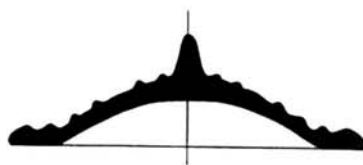
2

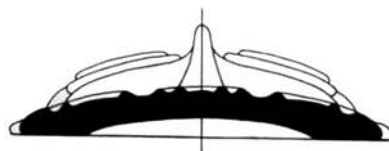
3

1-1

2-2

3-3

4

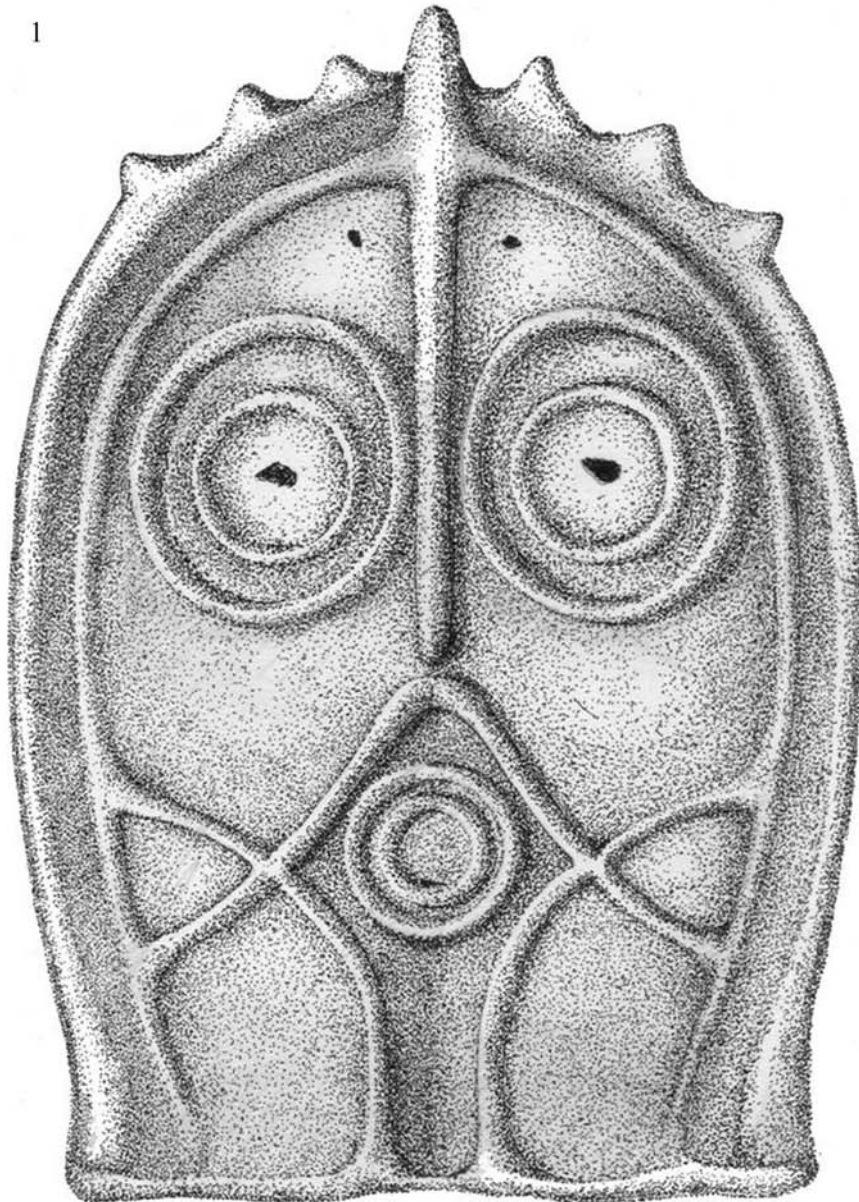
II

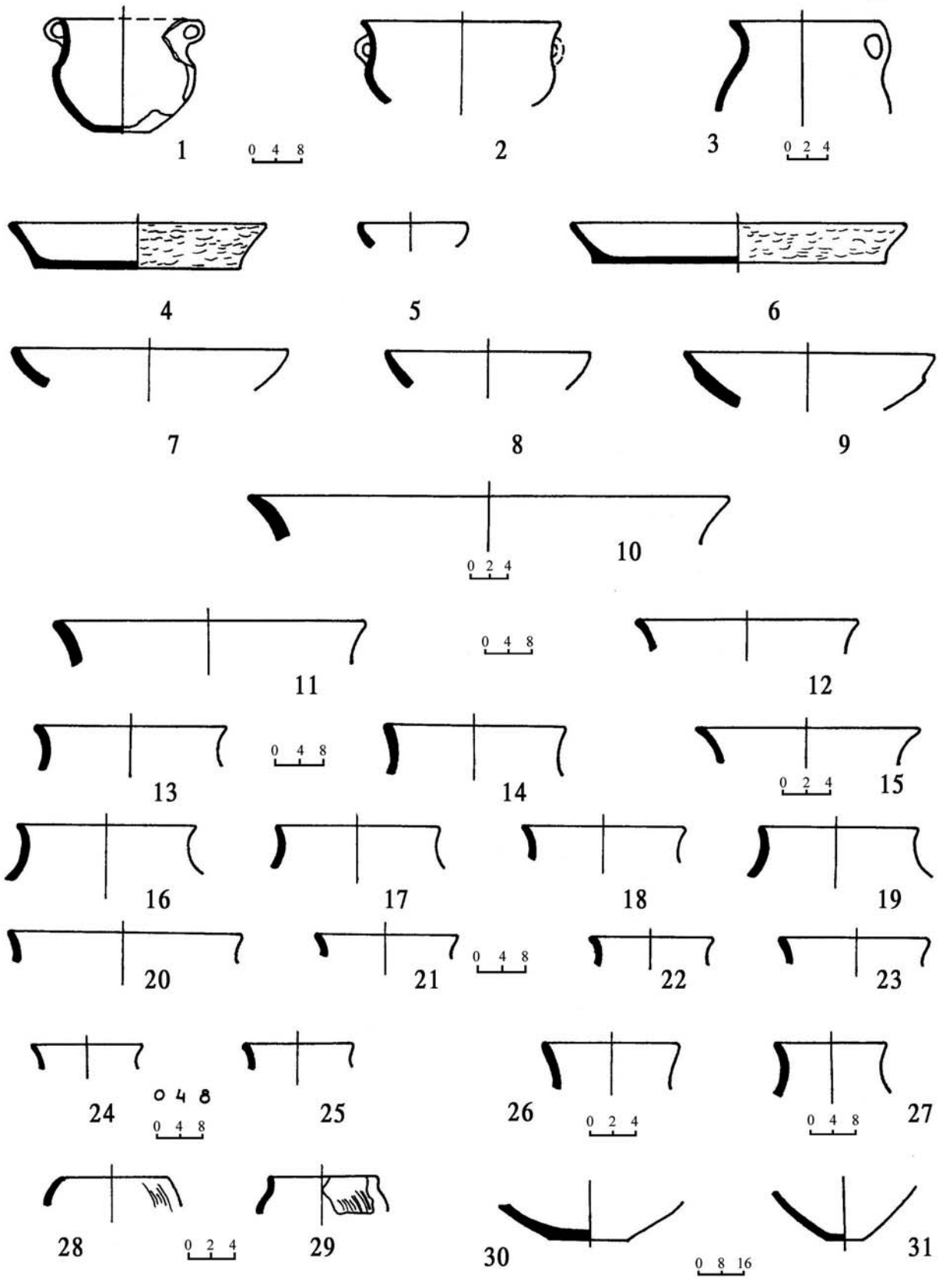
1

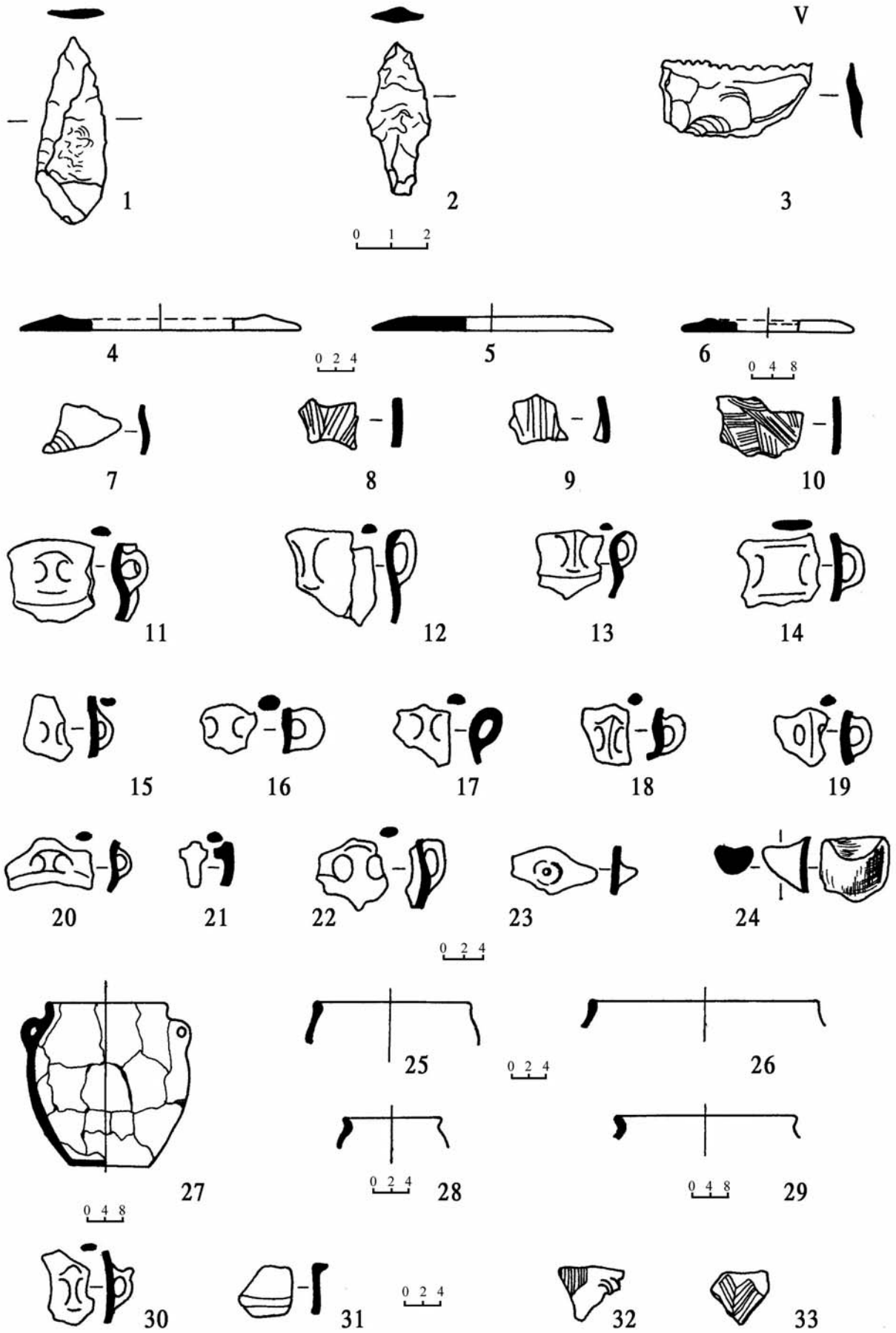
2

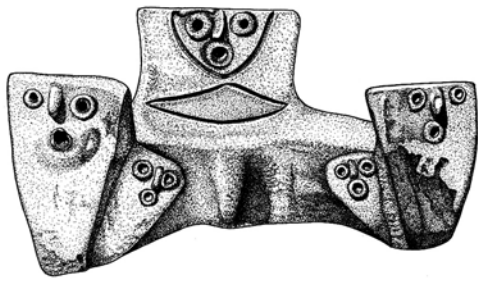

3

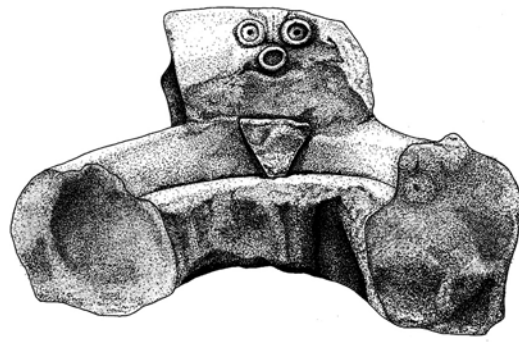

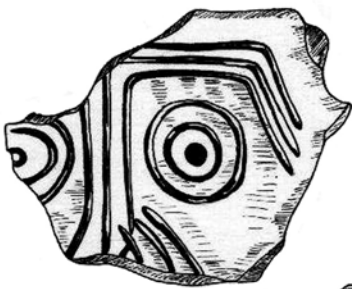

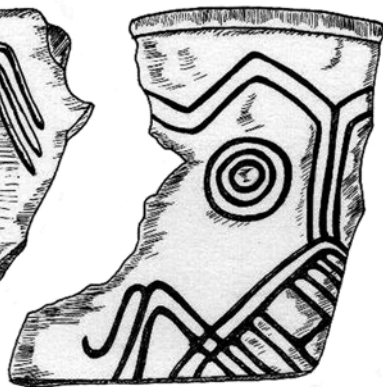
1

2

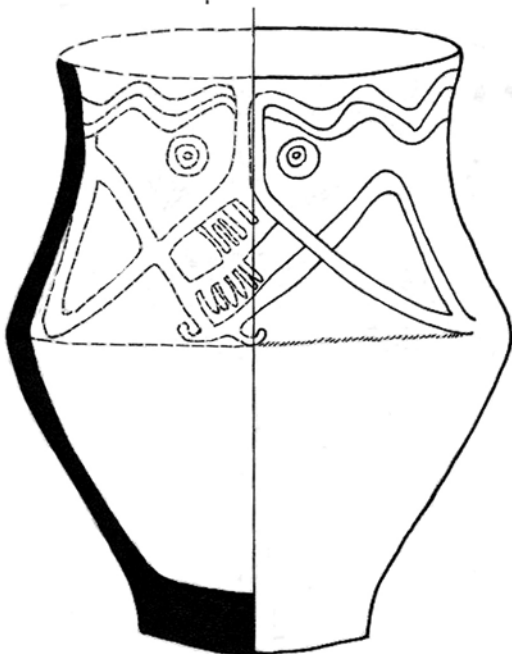
3

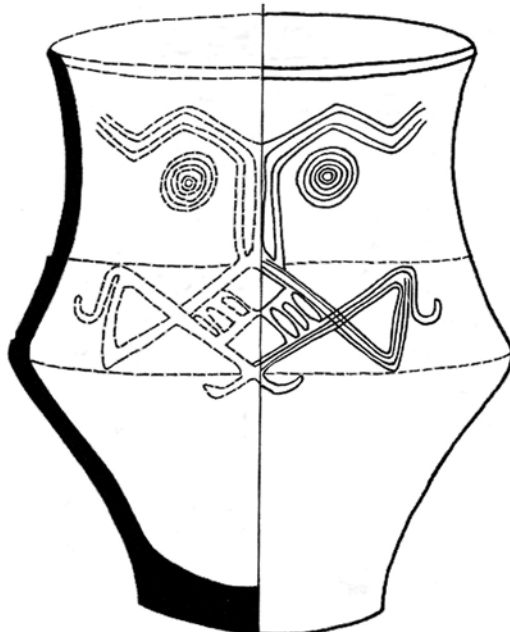
4

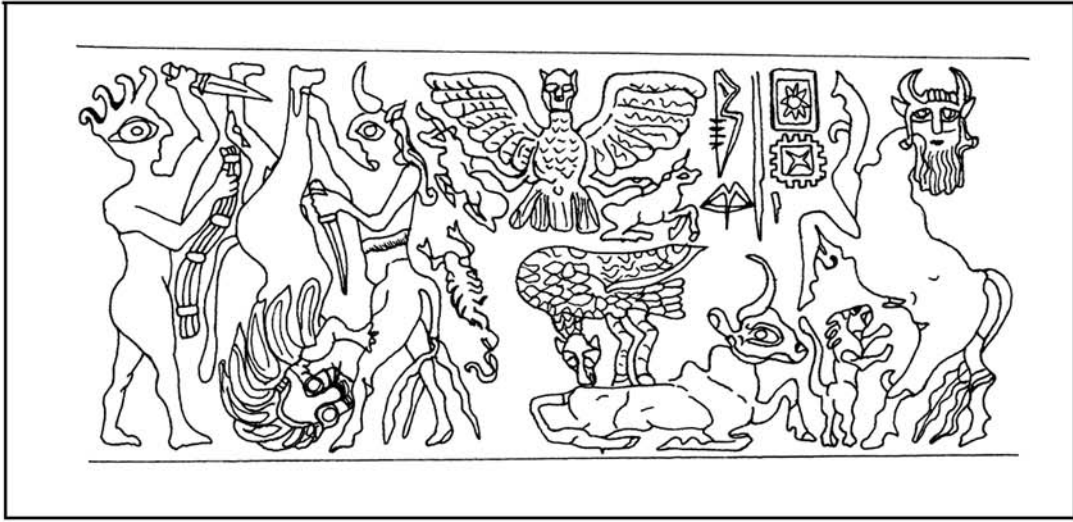
5

6

7

1

2

3

4

5

НИКЕЛЕВАЯ БРОНЗА НА КАВКАЗЕ

Из производственно-географического ареала распространения сплавов, полученных на основе меди в раннебронзовый период, особый научный интерес вызывает вопрос производства-распространения никелевой бронзы. Настоящая работа представляет еще одну попытку разобраться в существующем положении вокруг указанной проблемы, возникшую в результате спектрального анализа двух бронзовых артефактов, обнаруженных в процессе археологических работ, проведенных в Ахалцихском районе вблизи села Вале, в местности Орчосани, на трассе нефте- и газопровода Баку-Тбилиси-Джейхан.

Для представления о взаимоотношениях археологических культур данного периода в Кавказско-Переднеазиатском регионе одним из важнейших является комплексный анализ историко-металлургического производства (выделенный тип сплавов, категории и формы инвентаря, технологическая схема изготовления и др.) Период существования производства и соответственно технико-технологические данные металлических предметов, факт обнаружения металлических артефактов (перемещение) в неметаллургических районах, процессы социально-экономических взаимоотношений между развитыми и периферийными культурами вызывают большой интерес для выяснения исторического процесса ареала функционирования горнометаллургических центров и снабжения из них металлическим материалом соседних регионов.

Со второй половины IV тыс. до н. э. В Кавказско-Переднеазиатском регионе (включая Ближний Восток) отмечено освоение и распространение мышьяковистых легирующих сплавов, полученных на медной основе, а также украшений, предметов военного и хозяйственного назначения, изготовленных из мышьяковистой бронзы (Арслан-тепе, Нахал Мишмар, памятники куро-аракской культуры и др.). Медно-мышьяковистые сплавы являются ведущими в металлургической системе раннебронзового периода (вторая половина IV тыс. – первая половина III тыс. до н. э.).

Для бронзового производства кавказско-переднеазиатских металлургических регионов этого периода является нетипичным и с металлургической точки зрения исключенным распространение выплавки никелевой или мышьяковисто-никелевой бронзы, что хорошо подтверждается материалами, обнаруженными на археологических памятниках Ближнего Востока (Нахал Мишмар, Амул F), Месопотамии (Хасек-Хеюк, Ур), Анатолии (Арслан-тепе VII, VIII; Алишар 1, 2), Ирана (Сузы) (Авилова и др., 1999, с.56; Авилова, 1996, с.68-81). К тому же, значительное количество предметов из никелевой бронзы известно для майкопской культуры (Черных, 1966, с.98-99, таб.1).

Что касается кавказских регионов, как Северного, так и Южного Кавказа, то на памятниках обработки цветных металлов бронзового периода использовались комплексные медные руды, которые отличались разным минеральным составом. В ранне и среднебронзовые периоды в бронзовой металлургии обрабатывались оксидные и сульфидные руды, а на позднебронзовом этапе использовались, в основном, сульфидные медные руды (халкопирит + пиротин). Никельсодержащая медная руда на Кавказе

геологически не доказана (Мачабели, 1958, с.152-154; Орбеладзе, 1958, с.104-106). Возможность использования руды этого типа в местной бронзовой металлургии, предполагаем, отсутствовала.

Как видно из химико-технологических анализов продукции производства цветных металлов бронзового периода Кавказа-Передней Азии, в раннебронзовый период заметно влияние центров бронзовой металлургии Южного Кавказа и Передней Азии на синхронные изделия Северного Кавказа, что сравнительно уменьшается в среднебронзовый период. В это же время для кавказских металлургических центров характерны изделия металлургического производства, созданного на основе местных минеральных ресурсов, которые представлены, в основном, выплавкой мышьяковистой бронзы. Исключением является компонент никеля, который редко встречается в бронзовом инвентаре раннебронзового периода.

Еще в начале 20-го века известный исследователь древнейшей металлургии Кавказа А. Иессен отмечал, что в бронзовом инвентаре майкопской культуры представлены предметы из никелевой бронзы, однако трудно доказать их происхождение в историческом месте, возможно лишь допустить южный импорт изделий такого типа на Северный Кавказ (Иессен, 1935, с.109-110).

И. Селимханов говорил относительно распространения, включая Кавказ, всех предметов, содержащих никель, из одного общего центра – из Омана (Селимханов, 1960, с.43; Джапаридзе, 1976, с.214).

Высказывалось также мнение, что предметы майкопской культуры, изготовленные из мышьяковисто-никелевого сплава, представляют собой готовые импортные изделия или должны быть произведены на месте из металла, доставленного из южных культурных центров (Махмудов и др., 1968, с.25-26).

Изучив бронзовый инвентарь майкопской культуры, входящий в I раннюю группу, Е. Черных предположил, что металлургический источник для этого материала нужно искать в регионах южнее Кавказа (Иран, Передняя Азия, Анатолия). Для подтверждения отмеченного приводятся данные химического состава бронзового инвентаря, обнаруженного во время раскопок Амука (F, G, H, I) в Сирии, который характеризуется, сходно с инвентарем майкопской культуры, высокой концентрацией никеля в своем составе (Черных, 1966, с.45; 1978, с.63; Авилова и др., 1999, с.56).

О. Джапаридзе считает, что медно-никелевый металл майкопской культуры доставлен из Передней Азии. Ц. Геворкян, сравнивая группы меди с высокой концентрацией никеля из Анатолии и раннего майкопа, а также учитывая некоторое несоответствие в микроструктуре, предполагает существование разных источников медной руды (Джапаридзе, 1976, с.215).

Думают, что на Кавказе месторождения меди не содержат никеля, и его обнаружение здесь связывают с тесными взаимоотношениями с регионами Передней Азии (Нариманов, Джафаров, 1990, с.5-14).

Исследователи полагают, что расположенные на Иранском плато медно-никелевые месторождения Талмеса и Мескана являются главными источниками распространения металлургии никелевой меди, в том числе и на Кавказ (Авилова и др., 1999, с.57).

Высказаны различные мнения относительно происхождения предметов из никелевой бронзы в майкопской культуре. Согласно В. Галибину, никель в сплаве присутствует не в результате обработки медной руды, содержащей никель, а в результате наличия в мышьяковистом минерале местных аурипигмента и реалгара соответственно примеси никеля. Он не разделяет мнение о южном происхождении предметов из никелевой бронзы и считает, что в производстве ранних металлов на Кавказе должны были использоваться Белореченские месторождения Северного Кавказа (Галибин, 1991, с.60-61).

Вопрос о происхождении никелевой бронзы связан с аспектом экономического развития известных горнометаллургических комплексов, особые признаки обработки металла которых можно объяснить географическим расположением. В такой стране древнейшей цивилизации, как Египет археологически не известен сплав, содержащий никель.

На территории Египта медные руды известны на Синайском полуострове и в восточной пустыне. Руды карбонатного (малахит, азурит) и силикатного (хризосола) происхождения, которые в различном количестве содержат основной элемент ($Cu = 10 - 14\%$), среди элементов рудной примеси не имеют никеля (Лукас, 1958, с.319-326).

Относительно происхождения обнаруженного материала, что является основной темой работы, видна важная информационная связь с Анатолийским регионом, который исторически сыграл большую роль в деле развития древнейшей медно-бронзовой металлургии. Особое внимание привлекают его юго-восточные районы, где обнаружены медные рудные выработки раннебронзового периода (Palmieri et al., 1999, p.576).

Известен результат химического анализа металлического материала и медных минералов энеолит-раннебронзового периода из раскопок Арслан-тепе, где определенно интересен факт наличия в составе минералов вместе с компонентами мышьяка и антимона высокого содержания никеля. Из минералов выделены две группы. Среди них интересна группа с высоким содержанием никеля, в которой фигурирует никель-гексагидрат ($NiSO_4 \cdot 6H_2O$) и анабергит ($Ni_3 AS_2 O_8 \cdot 8H_2O$). В указанных минералах вместе с медью в качестве основных компонентов представлены никель и мышьяк (Palmieri et al., 1993, p.p.574-575; 1992, p.395). Минералы обеих групп с различными легирующими компонентами создают хорошую возможность для металлургического производства меди бронзового периода. В то же время не исключено их одновременное использование в сплаве.

В последний период проблемы распространения никелевой бронзы коснулась группа ученых под руководством Е. Черных, исследующая развитие древнейшей культуры в географической зоне вокруг Черного моря.

Культурное взаимоотношение регионов вокруг Черного моря, основанное на принципах металлургии – обработки металла, объединяло целиком географическую территорию, что продолжалось в течение длительного отрезка исторического времени (ранне и среднебронзовая эпохи), с третьей четверти IV тыс., включая середину II тыс. до н. э. Её южная культурная зона объединяла территорию Кавказа-Передней Азии, где заметно технико-технологическое своеобразие медно-бронзового производства

локальных металлургических центров и, в то же время, общие организационно-экономические показатели металлургических центров (Cernyh et al., 1991, p.p.14-16).

Существование нескольких синхронных культур, входящих в систему этого объединения раннебронзового периода, являлось предпосылкой их культурной общности и взаимовлияния, что хорошо проявилось в развитии металлургического производства. Район Сирии-Месопотамии (Тепе-Гавра VIII-VI, Амур F-H), Передняя Азия (Мерсин XX-XII, Бейдже Султан XX-XIII, Троя I-III) и Кавказ (Шулавери-Шомутепе, Дамцвари-гора, Техут, Майкоп, Новосвободная, Куро-Аракс, Марткоп) составляют локальные этнокультурные элементы этого периода, которые входят в единую систему металлургических провинций Евразии. Готовая продукция и технологическая схема изготовления предмета зависели от уровня развития каждого металлургического центра и создавали историческую перспективу объединения их в систему.

Как было отмечено, в культурном слое Орчосанского поселения раннебронзового периода в зольной яме, вместе с глиняной антропоморфной статуэткой и керамическим материалом, являющимся носителем стилистических традиций Куро-Аракса, Бедени и западногрузинских пещерных поселений, обнаружена бронзовая мотыга с высоким содержанием никеля (Орджоникидзе, Джибладзе, 2007; Джибладзе, 2005, с.100-101). Вместе с этим, в Орчосани, кроме элементов куро-аракской и беденской культур, выделена группа керамики, характерной для имеретинских пещер раннебронзового периода (Орджоникидзе, 2005, с.73-74). Следовательно, этот памятник признан одним из пунктов встречи керамических традиций культур раннебронзового периода Западной и Восточной Грузии (Орджоникидзе, 2005, с.73; 2004, с.75). В раннебронзовом слое Орчосанского поселения обнаружен также бронзовый наконечник стрелы, который представляет собой зауженный на конце плоский стержень (общая длина – 7,0 см.), имеющий четырехгранное поперечное сечение, удлиненную треугольную головку (длина – 2,5 см.) с острым концом и опущенными плечиками. Получен с помощью отливки, полностью сохранился (Таб. I₆).

Орчосанский наконечник стрелы стоит близко к орудиям раннекурганной культуры (марткопский этап, курганы беденского периода), относящимся к категории пирамидоголовых (Джапаридзе, 1998, с.12-45, 79-82), и выделяется среди известных бронзовых наконечников стрел, бытовавших на разных ступенях куро-аракской культуры (Орджоникидзе, 2004, с.63-67, 107-109).

В отличие от наконечников стрел, характерных для раннекурганной и куро-аракской культур, которые изготовлены из типичного медно-мышьяковистого сплава (Инанишвили, 2003, с.55-56; Джапаридзе, 1998, с.122-123), орчосанский экземпляр получен из мышьяковисто-никелевой бронзы.

Мотыга отлита в двухстворчатой форме и полностью сохранилась, поверхность патинирована (Таб. I₁). Имеет округлой формы обух (высота – 4 см., ширина – 3,5 см.), круглое отверстие для рукояти. Обух с передней стороны к задней покатым так, чтобы рукоять была плотно закреплена в отверстии. Трапециевидной формы массивное тулово (толщина – 1 см.) к рабочему концу постепенно расширяется (ширина тулова в верхней части – 4 см., у рабочего конца – 7 см.). Можно сказать, что мотыга такой формы на

территории Южного Кавказа в распространенных куро-аракской, беденской и триалетской культурах по сей день не обнаружена (Дзидзигури, 2000, с.171-195, 207-218).

В ареале распространения центрально-закавказской культуры, на территории Внутренней Картли (Карельский, Душетский, Каспский районы) в период конца II тыс. и начала I тыс. до н. э. появляются бронзовые мотыги, входящие в колхидский культурный круг. Указанный факт объясняется влиянием элементов колхидской культуры на территории Внутренней Картли (Дзидзигури, 2002, с.71-72). Как известно, в ранне и среднебронзовый периоды в Колхиде бытовали типологически отличные от орчосанского изделия горизонтальные, с округлыми плечиками и широким туловом мотыги, с заостренным узким рабочим краем: Пичорский центральный холм VIII-VII, Анаклия II, Урекский клад (Коридзе, 1965, с.10-11; Джибладзе, 2007, с.71-72, таб. XCV₂₄₋₂₇; Микеладзе, 1990, таб. VII_{12,19}).

По нашему мнению, орчосанское изделие по типологическим данным почти идентично известным изделиям, входящим в раннюю группу майкопской культуры, распространенной в северо-западной части Кавказа: поселение Галугай I, Псекупский могильник (раскопки Ловпача, захоронение № 150), Майкопский и Заманкулский курганы (Кореневский, 1993, с.183; 1995, с.63-65, 170, рис. 85; 2004, с.183; Иессен, 1960, с.173; Мунчаев, 1994, с.199, таб. 48_{11,18}). Схожесть с этими предметами просматривается почти по всем типологическим элементам (Таб. I₂₋₅). Особенно видна близость с бронзовой мотыгой Галугая I. Отмечается также факт использования однотипного никелевого сплава для мотыг из Орчосани и раннего периода майкопской культуры. Если в этом периоде Майкопа в бронзовых предметах иного назначения содержание никеля достигает 4-5% (Авилова и др., 1999, с.57), то в предметах категории хозяйственного назначения концентрация никеля не превышает 0,13-0,85% (Кореневский, 1995, с.65; 2004, с.98-99, таб. I).

С этой стороны совершенно противоположную картину имеем в ареале куро-аракской, беденской и триалетской культур, где бронзовые предметы, в основном, изготовлены из мышьяковистого сплава, и компонент никеля представлен в качестве обычной примеси в ряду элементов. Переднекавказские бронзовые мотыги, изготовленные по традиционным формам майкопской культуры, представляются в качестве своеобразного местного типа. В то же время указанный материал конфигурацией сближается с древнейшими орудиями этой категории из Ирана и Элама (Сиалк III, Сузы) (Кореневский, 1995, с.66). Одновременно с этим, если присмотреться к орчосанскому изделию, по некоторым деталям видна его близость к известным орудиям этого типа в Древневосточном мире (Сузы, Мернис, Тепе-Гавра, Тепе-Сиалк, Ур, Эриду, Библос – таб. II₁₋₉) (Андрианов, 1978, таб. XCV₁₁₋₁₃; Muller-Karpe, 2002, p.95-96, fig. 81).

Орчосанская бронзовая мотыга по форме и химическому составу (содержание никеля в бронзе) проявляет сходство с орудиями этого типа майкопской культуры. Предположительно, что они изготовлены из медно-никелевого сплава одного типа, на базе медной руды с одинаковыми геохимическими данными, имеют, возможно, один источник происхождения и, соответственно, пути перемещения-распространения. Вместе с этим, возникает вопрос, нужно ли рассматривать орчосанскую мотыгу как готовое импортное изделие или её следует считать предметом хозяйственного назна-

чения, отлитым на месте из медного сплава, содержащего никель, доставленного на Кавказ извне.

Медные орудия майкопской культуры (вислообушные топоры, мотыги, комбинированное орудие топор-кирка) вместе с другим материалом (формы керамики, техника её изготовления, цвет, некоторые виды орнаментации, изделия искусства, изготовленные из драгоценного металла и т. д.) связывают с переднеазиатским влиянием – происхождением (Анатолия, Сирия, Палестина, Иран, Элам, Месопотамия, Хеты) (Иессен, 1960, с.90, 188; Формозов, 1965, с.208; Андреева, 1977, с.39-56; Мунчаев, 1975, с.329; 1990, с.170; Трифонов, 1987, с.20-21; Джапаридзе, 1976, с.195, 203-204; Пхакадзе, 1978, с.30 и др.). Учитывая материалы, происходящие из этого региона (Тепе-Гавра, Урук, Телль-ат-Телалат, Арслан-тепе VI, VII, Амука F и др.), нижняя дата распространения ранней майкопской культуры должна быть перенесена в конец IV тыс. до н. э. (Андреева, 1977, с.39-56; Резепкин, 1989, с.17; Мунчаев, 1994, с.164), что на сей день признано большинством исследователей (Мунчаев, 1994, с.170).

По мнению Р. Мунчаева, содержащие никель бронзовые предметы ранней группы майкопской культуры изготовлены из руды, привезенной извне (Джапаридзе, 1976, с.215), что выглядит сомнительно.

С. Кореневский мотыгу майкопской культуры (Галугай I) рассматривает как своеобразный местный переднекавказский тип, изготовленный носителями традиций майкопской культуры (Кореневский, 1995, с.66).

Чтобы прийти к некоторой ясности в вопросе о происхождении орчосанской бронзовой мотыги и соответственно об установлении центра медно-никелевого месторождения, можно обратиться к сравнению данных химического состава базового сплава образца (а также других показателей) майкопских и других известных металлических изделий. В материале ранней группы майкопской культуры содержание никеля доходит до 3,4-4,5% (Черных, 1978, с.63; Авилова и др., 1999, с.58). В сплаве никелевой бронзы из известных раскопок Амука (E) никель представлен 10%-ами; в Хасек-Хеюке и в Уре – 2-5,9%-ами; в инвентаре Киша, Телль-Амара, Арслан-тепе (VI, VII), Алишара (I), Бейджесултана, Тарсу, Пулура (Черных, 1978, с.44-45; Авилова, 1996, с.68-81; Авилова и др., 1999, с.56-57; Геворкян, 1980, с.81; Вулл, 1961, с.61) также отмечено высокое содержание никеля; бронзовые предметы Суз (10%), Трои (8,9%), Нахал-Мишмарского клада (8,6%) (Черных, 1966, с.44-45; Селимханов, 1970, с.55; Tallon, 1987; Tadmon et al, 1995) тоже характеризуются высоким процентным содержанием никеля.

Воспользуемся результатами спектрального анализа бронзового материала I этапа майкопской культуры и известного бронзового инвентаря Амука из сирийских раскопок, а также данными химического состава исследованных нами двух предметов (мотыга, наконечник стрелы) (Таб. 1). По концентрации легирующих элементов в отмеченных бронзовых сплавах, внесенных в трехкомпонентную систему, выделены сплавы двух типов: 1) оловянистая бронза и 2) мышьяковистая бронза с высоким содержанием никеля (Рис. 1). Согласно схеме распределения элементов, изученные нами бронзовые предметы нужно отнести к металлургической группе никелево-мышьяковистого сплава.

Таблица 1

N	Шифр	Предмет	Место обнаружения	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	-	Нож	Майкопский курган		0,002	-	0,02	-	0,035	-	0,50	0,01	1,05	-	-
2	-	Топор	Майкопский курган	94,1	0,001	0,01	-	0,01	0,50	0,007	4,55	0,05	1,60	-	0,005
3	-	Мотыга	Майкопский курган	95,7	0,005	0,04	-	0,01	0,05	0,02	3,57	0,06	0,85	-	-
4	-	Тесло	Майкопский курган	89,9	0,005	0,01	0,01	-	0,03	0,002	9,08	0,2	4,40	0,002	-
5	-	Нож	Костромская к.3	95,05	0,001	0,2	-	0,007	0,07	0,02	3,65	0,15	3,20	0,001	0,001
6	-	Тесло	Костромская		0,001	0,01	-	0,002	0,04	0,01	4,23	0,12	2,50	0,02	0,001
7	1406	Шило	Бамут, к.9 п.9		-	0,001	0,005	0,005	0,003	-	2,00	0,001	3,50	-	0,001
8	1079	Нож	Тимашевская		0,002	0,003	-	0,001	0,04	0,003	2,20	0,003	1,22	-	0,005
9	1404	Нож	Бамут, к.9 п.9		-	0,008	-	0,004	0,01	0,003	4,00	0,005	4,0	-	-
10	1405	Нож	Бамут, к.9 п.9		-	0,001	-	0,003	0,01	0,003	2,50	0,002	2,5	-	-
11	959	Нож	Новосвободная, к.2, п.2		-	0,003	-	0,001	0,5	0,005	1,20	0,009	0,35	-	-
12	771	Нож	Андрюковская		0,005	0,001	0,01	0,001	0,01	0,005	3,10	0,007	1,00	-	-
13	1407b	Заклепка	Бамут, к.9 п.9		-	0,005	0,008	0,007	0,01	0,004	2,20	0,04	4,0	-	0,003
14	1071	Топор	Р. Кубань		-	0,02	-	0,001	0,04	0,008	2,50	0,001	0,90	-	-
15	1073	Шило	Р. Кубань		0,005	0,005	-	0,004	0,03	0,008	2,00	0,004	1,00	-	0,001

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
16	1072	Долото	Р. Кубань		-	0,03	-	0,006	0,09	0,02	3,00	0,002	1,50	0,001	0,003
17	1076	Тесло	Р. Кубань		-	0,01	-	0,001	0,12	0,009	2,60	0,002	1,10	0,001	0,001
18	1074	Тесло	Р. Кубань		-	0,02	-	0,006	0,08	0,004	2,40	0,003	1,60	0,005	0,001
19	1075	Тесло	Р. Кубань		-	0,03	-	0,007	0,09	0,007	2,60	0,001	1,20	0,002	0,001
20	1101	Нож	Р. Кубань		-	0,02	-	0,001	0,04	0,013	4,00	0,004	1,40	0,009	0,005
21	1083	Нож	Р. Кубань		-	0,01	-	0,003	0,03	0,004	1,15	0,003	0,70	-	0,003
22	1102	Нож	Р. Кубань		-	0,009	-	0,001	0,16	0,006	2,50	0,002	0,85	0,003	0,003
23	1082	Нож	Р. Кубань		-	0,03	-	0,002	0,12	0,014	2,70	0,001	2,0	0,007	0,005
24	и-683	Мотыга	Орчосани	93,7	-	0,02	-	0,001	0,3	-	2,50	0,03	4,0	-	-
25	и-682	Стрела	Орчосани	96,3	-	0,001	-	0,001	0,16	-	1,50	0,04	1,20	-	-
26	-	Шило1	Амук С-Ф	95,5	-	0,003	-	-	-	-	1,35	-	0,93	0,05	-
27	-	Шило2	Амук F	94,1	-	0,001	-	-	-	-	2,05	-	2,73	-	-
28	-	Шило3	Амук G	93,7	1,52	0,003	-	-	-	-	0,45	-	1,20	-	-
29	-	Шило4	Амук H	96,1	-	0,03	-	-	-	-	0,40	-	0,40	-	-
30	-	Шило5	Амук I	93,9	-	0,01	-	-	-	-	1,62	-	2,73	0,02	-
31	-	Шило6	Амук I	88,5	8,51	0,1	-	-	-	-	0,04	-	0,16	-	-

Если учесть, что шумерийский бронзовый материал из Ура, Киша, Телль-Асмара, а также Трои III тыс. до н. э., который изготовлен из сплава с высокой концентрацией никеля (Aitchison, 1960, p.62-64; Cheng et al., 1957, p.352, tab. 1,2), и химически изученный нами бронзовый инвентарь аналогичны и в то же время характеризуются однотипными данными содержания элементов примеси в материале, то рудная база производства этого сплава (месторождения меди) генетически была одного происхождения.

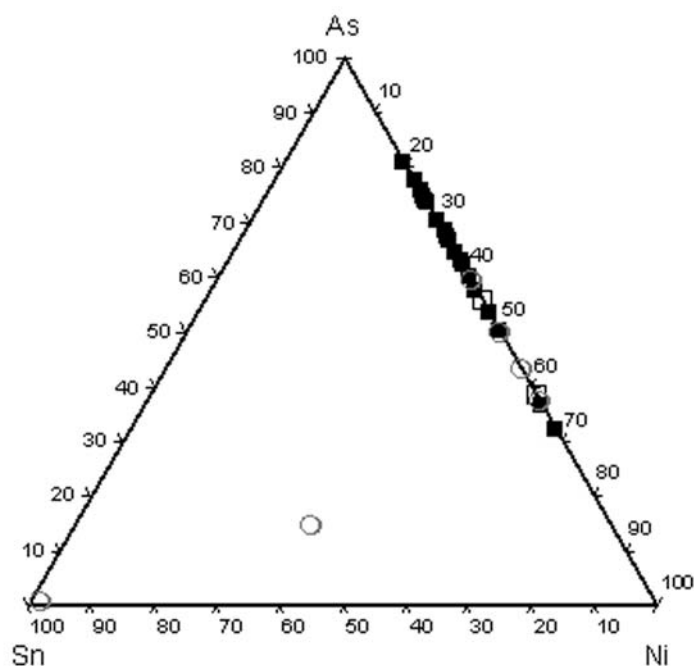

Рис. 1. Диаграмма распределения бронзового материала в трехкомпонентной системе:

■ - Майкоп; □ - Орчосани; ○ - Амул.

Опираясь на существующие на сегодняшний день результаты историко-металлургического исследования относительно функционирования известных горнометаллургических комплексов вокруг Черного моря в III тыс. до н. э., в то же время признавая концепцию объединения южных регионов (Ближний Восток, Анатолия, Кавказ, Иранское нагорье, Месопотамия) в географический ареал на основе культурных тесных торгово-экономических связей, можно ставить вопрос о предполагаемой локализации центра производства никелевой бронзы и о направлении перемещения артефактов, изготовленных из сплава указанного типа.

Как известно, в период формирования древнейшей государственности на большой территории Передней Азии наблюдались широкие контакты между отдельными культурами (керамические формы, металлический материал и др.), которые выражались во взаимообмене достижениями на дорогах, в пунктах поселеней и горнометаллургических производств (типичные изделия урукской керамики достигают Северной Месопотамии и Центральной Анатолии, регионов производства бронзы – Тепе-Джикса и Норсун-тепе и т. д.). В то же время возникает спрос на импорт, на ввезенный материал (металлические изде-

лия). Можно допустить, что продукт достигал пунктов, отдаленных на большое расстояние, благодаря взаимобмену культурными достижениями и активному процессу организованного перемещения, масштабы которого занимали большое географическое пространство вдоль торговых путей и перекрестков дорог (Potts, 1994, p.45-47,73).

На территории Передней Азии для III тыс. до н. э. типичен факт распространения металлических предметов, а сам артефакт, независимо от происхождения, является престижным. В регионах, бедных месторождениями металла, предметы такого назначения изготавливали из импортного материала или использовали привезенный готовый продукт (Авилова и др., 1999, с.61). В металлогенных районах, несмотря на существование местного металлургического производства, распространялся импортный материал, что объясняется усилением торгово-экономических взаимоотношений.

С IV-III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке (Месопотамия, Сирия, Египет и др.) в период формирования городской цивилизации социально-экономические перемены, организация обмена-торговли оказывали большое влияние на функционирование и организацию горнометаллургических центров, соответственно повышается спрос на металлический материал и готовую продукцию (Wertime, 1964). Кавказ к этому периоду не являлся включенным в систему взаимоотношений городов-государств и ранних централизованных государств, но представлял собой периферийный и, в то же время, активный металлургически-производственный регион, принимал участие в общем процессе транзитного распространения общего обмена-снабжения и новых инноваций в еще более отдаленные районы и существовавшие там культуры. В то же время, Южный Кавказ в период III-II тыс. до н. э. рассматривают как регион аккумуляции культурных импульсов, проистекающих из центров как Малой Азии, так и Месопотамии, который испытал влияние этих культурных контактов и сам принимал участие в процессе их распространения-миграции в направлении еще более отдаленных регионов (Оганесян, 1988, с.160). Думаем, допустимо предположить распространение взаимосвязанных импульсов, идущих из культурной зоны Южного Кавказа на Северный Кавказ, на фоне географических и культурных взаимоотношений. В частности, имеется в виду, что одним из направлений перемещения металлических изделий или сплавов (никелевая бронза), распространявшихся из районов южных цивилизаций, являлась дорога через Кавказ, включая майкопский культурный ареал.

Предполагают также другой путь распространения майкопской культуры из Передней Азии, согласно которому связи с Передней Азией осуществлялись по дорогам, проходящим через Закавказье и близлежащую территорию (Формозов, 1965, с.208; Джапаридзе, 1976, с.204; Пхакадзе, 1978, с.33; 1993, с.44). Допустимо предположить (Р. Мунчаев, М. Марковин) связи майкопской культуры с регионом Передней Азии по морю или посредством использования Балканской дороги, обходя Закавказье (Пхакадзе, 1978, с.33; Джапаридзе, 1976, с.204).

Процесс передвижения культурных импульсов южных цивилизаций на Южный Кавказ, по нашему мнению, хорошо демонстрируют археологические данные: майкопские материалы известного Абастуманского поселения, обнаруженные элементы майкопской культуры в пещерах Верхней Имеретии и Абхазии (Пхакадзе, 1978, с.24-26; Небиеридзе, 1986, с.90; Орджоникидзе, 2004, с.75, Пхакадзе и др., 1980, с.20-21), а также схожесть подвергшейся влиянию беденских традиций керамики на са-

мом Орчосанском поселении с хозяйственными изделиями майкопской культуры (Орджоникидзе, Джибладзе, 2007, с.6), что еще более убедительно подтверждает точку зрения относительно распространения майкопской культуры дорогой, проходящей из Передней Азии на Южный Кавказ.

Как показали данные эксперимента, получение мышьяковисто-никелевого сплава было возможно также из содержащей в небольшом количестве серу и богатой указанными элементами медной руды. В системе оруднения меди Передней Азии такие рудные выходы, зафиксированные в месторождениях Талмеса и Мескана (Западноиранское плато), предполагается, использовались в III тыс. до н. э. для отливки известных и распространенных изделий из бронзы, содержащей никель (Авилова и др., 1999, с.57). Никельсодержащие медные месторождения расположены также на Оманском полуострове, не исключено, что они были включены в процесс получения выплавки никелевой бронзы и её дальнейшей транспортировки. Оманские медные месторождения, как видно, приемлемы для металлургического производства никелевой бронзы. Как изучено, они сравнительно слабые по мощности и, в основном, содержат сульфидный минерал меди, что подтверждается отходами местного производства и химическим содержанием рудных образцов (Hauptmann, 1980, p.135-136). Поэтому Оманские месторождения могли представлять собой лишь второсортный объект в снабжении Переднеазиатского региона указанным материалом (Селимханов, 1970, с.55). Что касается индийских известных никельсодержащих медных месторождений Сингбхума, где обнаружены рудные разработки и шлаки металлургического производства, а также металлические изделия с высоким содержанием никеля (3,56%), они относятся к зоне первичного оруднения меди, функционирование которой в период IV-III тыс. до н. э. видится менее предположительным.

Поэтому можно сказать, что регион оруднения никельсодержащей меди на Иранском плато (Анаракский район) должен представляться одним из основных горнометаллургических очагов создания и распространения выплавки никелевой бронзы, известных в Передней Азии. Результаты проведенного в этом направлении изотопного анализа свинца оказались как положительными, так и отрицательными. Думаем, что будущие исследования уточнят высказанное нами мнение относительно происхождения артефактов из никелевой и мышьяковисто-никелевой бронзы и распространения их в Передней Азии.

Из всего вышесказанного вытекает, что соответственно рассмотренному нами территориальному распространению обнаруженных предметов из никелевой бронзы (Иранское плато, Месопотамия, Ближний Восток, Анатолия, Кавказ), можно представить направление дорог, доставлявших металлургические инновации, исходившие из южных цивилизаций, и их связь с пунктами, удаленными на малое и большое расстояние. Южный Кавказ, по своему географическому расположению и стратегической функции, можно считать одной из магистралей распространения культурных импульсов, идущих из центров древнейших цивилизаций (Рис. 2).

Месторасположение археологического памятника Орчосани (см. карту, памятник-18) определяется так называемой «Урукской экспансией» в самой северной её части, которая с запада связана с Анатолией, а с юга – с Междуречьем и Ближневосточным культурным миром. Распространение на север, в майкопский культурный ареал иной

волны развития историко-металлургического производства, проистекающей с юго-запада, по данным на сегодняшний день, можно видеть по культурной дороге, проходящей через Кавказ.

Периферийной частью распространения артефактов из никелевой бронзы в III тыс. до н. э. в регионе Передней Азии в северном направлении культурного географического пространства можно считать Алишар-Арслан-тепе-Пулур-Орчосани – памятники ареала майкопской культуры. Предположительно, Тепе-Гавра-Игдир-Орчосани-Майкоп также должны быть рассмотрены в направлении, связанном с культурными взаимоотношениями.

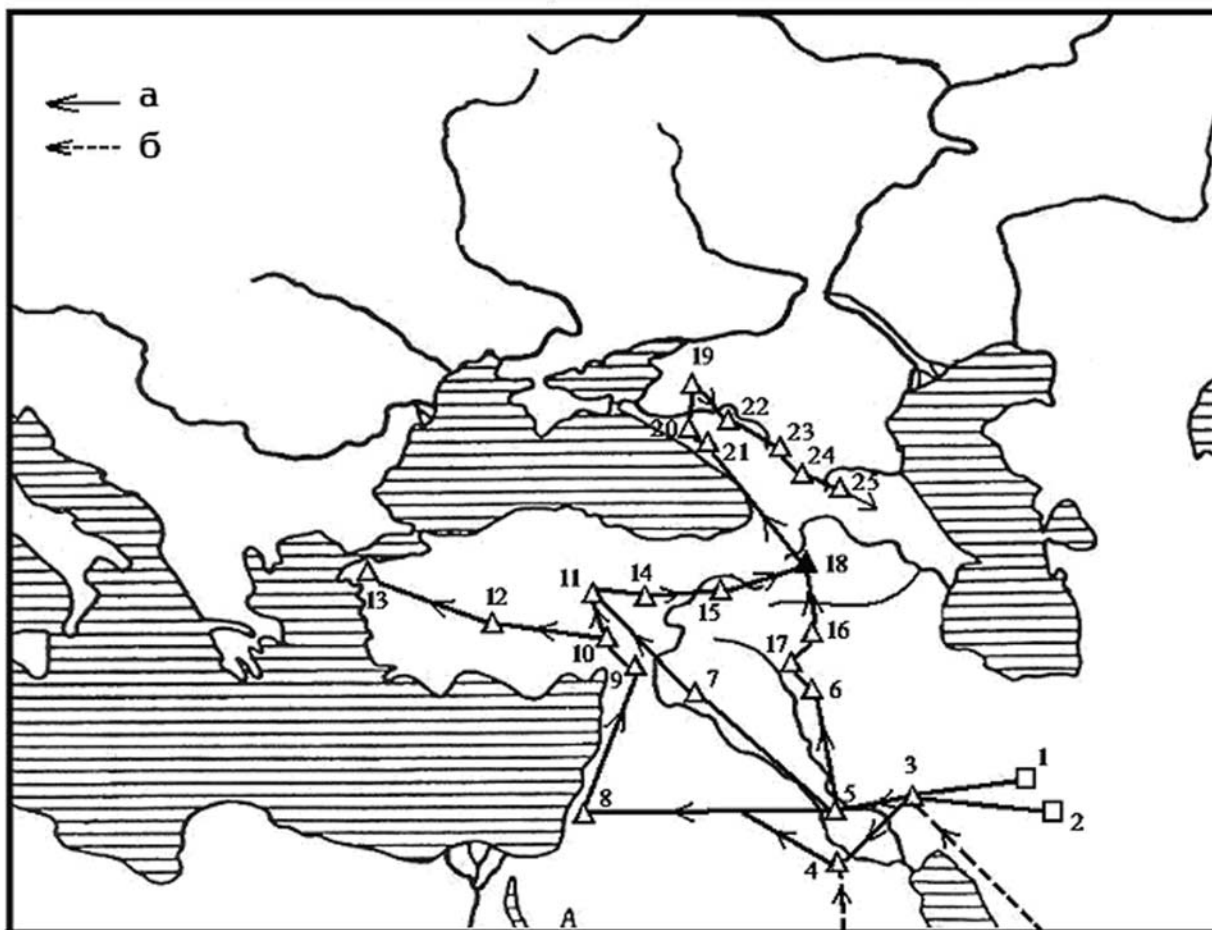

Рис. 2 Схематическая карта распространения никелевой бронзы в регионе Передней Азии (III тыс. до н. э.).

а. Импульсы развитой металлургии, исходящие с Иранского плато;

б. Дорога перемещения никелевой меди с Оманского полуострова.

1. Мескан, 2. Талмес, 3. Сузы, 4. Ур, 5. Киш, 6. Тепе-Гавра, 7. Хасек-Хеюк, 8. Нахал-Мишмар, 9. Амул, 10. Тарсу, 11. Алишар, 12. Бейджесултан, 13. Троя, 14. Арслан-тепе, 15. Пулур, 16. Игдир, 17. Тель-Ахмар, 18. Орчосани, 19. Тимошевская, 20. Майкоп, 21. Новосвободная, 22. Костромская, 23. Чеген, 24. Бамут, 25. Нальчик.

Представленные культурные импульсы распространения изделий из мышьяковисто-никелевой и никелевой бронзы на Кавказ в III тыс. до н. э. должны отображать историческую закономерность их южного происхождения.

Литература

1. Авилова Л. И., Антонова Е. В., Тенеишвили Т. О. Metallургическое производство в южной зоне циркупонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы. РА, №1, 1999, с.51-66.
2. Авилова Л. И. Металл Месопотамии в раннем и среднем бронзовом веке. ВДИ, №4, М., 1996, с.68-81
3. Андреева М. В. К вопросу о южных связях Майкопской культуры. СА, №1, 1997, с.39-56
4. Андрианов Б. Земледелие наших предков. М., 1978.
5. Вулл Л, Халдеев. Ур, М., 1961.
6. Галибин В. А. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа. Древние культуры прикубанья. Л., 1991.
7. Геворкян Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.
8. Джапаридзе От. К вопросу об этнической истории картвельских племен. Тб., 1976 (на груз. яз.).
9. Джапаридзе От. К этнокультурной истории картвельских племен в III тыс. до н. э. (Раннекурганная культура). Тб., 1998 (на груз.яз.).
10. Джибладзе Л. Новая уникальная археологическая находка из Орчосани. Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа. Баку, 2005, с.100-101.
11. Джибладзе Л. Поселения III-II тыс. до н. э. Колхидской низменности. Тб., 2007 (на груз.яз.).
12. Дзидзигури Л. Древнейшая земледельческая культура Южного Кавказа (Орудия) (Неолит-поздняя бронза-раннее железо). Тб., 2000 (на груз.яз.).
13. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, М-Л., 1935.
14. Иессен А. А. Хронология больших Кубанских курганов. СА, XII, М-Л., 1960, с.157-200.
15. Инанишвили Г. Основы технической экспертизы древностей. Тб., 2003 (на груз.яз.).
16. Кореневский С. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
17. Кореневский С. Галугай I – поселение майкопской культуры. М., 1995.
18. Кореневский С. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004.
19. Коридзе Д. К истории колхидской культуры. Тб., 1965 (на груз.яз.).
20. Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.
21. Мачабели Г. А. Никель. Природные ресурсы Грузинской ССР, I, М., 1958, с.148-150; 152-154.
22. Махмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г. О древнейшей металлургии Кавказа. СА, №4, 1968, с.16-26.
23. Микеладзе Т. К. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы-раннего железа). Тб., 1990.
24. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
25. Мунчаев Р. М. Майкопская культура. Ранняя и средняя бронза Кавказа. «Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии». М., 1994, с.158-225.
26. Нариманов И. Г., Джафаров Г. Ф. О древнейшей металлургии на территории Азербайджана. СА, №1, 1990, с.5-14.
27. Небиеридзе Л. Ранние ступени развития раннеземледельческой культуры Западной Грузии. Тб., 1986 (на груз.яз.).
28. Оганесян В. З. Серебряный кубок из Карашамба. Историко-филологический журнал, №4 (123), Ереван, 1988, с.145-160.

29. Орбеладзе В. И. Медь. Природные ресурсы Грузинской ССР, I, М., 1958, с.93-110.
30. Орджоникидзе Ал. Ранние комплексы Орчосанского поселения. Дзиебани, №15-16, Тб., 2005, с.69-83 (на груз.яз.).
31. Орджоникидзе Ал., Джибладзе Л. Еще раз относительно Орчосанского поселения. Дзиебани, №17-18, Тб., 2007, с. (на груз.яз.).
32. Пхакадзе Г. Г., Каландадзе К. С., Орджоникидзе А. З. Результаты работ Абастуманской экспедиции. ПАИ (1980), Тб., 1982, с.20-21.
33. Пхакадзе Г. Вопросы взаимоотношений культуры раннебронзового периода Западной Грузии и майкопской культуры (по пещерным материалам). Вопросы археологии Грузии, III, Тб., 1985, с.22-36 (на груз. яз.).
34. Пхакадзе Г. Западное Закавказье в III тыс. до н. э. Тб., 1993 (на груз.яз.).
35. Резепкин А. Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам погребальных памятников Новосвободненского типа), Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1989.
36. Селимханов И. Р. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.
37. Селимханов И. Р. О никеле в древних медных сплавах. Доклады АН Аз ССР, т. XVIII, №6, Баку, 1962, с.43-46.
38. Селимханов И. Р. Разгаданные секреты бронзы, М., 1970.
39. Трифонов В. А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей Майкопской культуры. КСИА, №192, М., 1987, с.18-26.
40. Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
41. Черных Е. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
42. Черных Е. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. СА, №4, 1978, с.53-82.
43. Aitchison L. A. History of metals, I, London, 1960.
44. Cheng C.F; Schwitter C. M. Nickel in Ancient Bronzes. AJA, 61, #4, 1957. p.352, tab. 1,2
45. Cernyh E. N; Avilova L. I; Barceva T. B; Orlovskaja L. B; Teneishvili T. O. The Circumpontic Metallurgical as a system. From East and West, Vol. 41-NOS, 1-4, 1991. pp. 11-45.
46. Hauptmann A. and Weisgerber G., Third millenium BC Copper production in Oman. Revue D'Archeometrie, vol. III, Paris, 1980. pp. 131-138.
47. Kavtaradze G. L. The importance of metallurgical data for the formation of a Central Transcaucasian chronology. The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt, Beiheft, 9, 1999.
48. Michael Muller-Karpe. Zur Metallverendung im Mesopotamien des 4. und 3 Jahrtausend Anatolian Metal. II, Bochum, 2002.
49. Potts T. Mesopotamia and the East An Archaeological and historical Study of foreign relations 3400-2000 B. C. Oxford, 1994.
50. Palmieri A. M; Septok K; Chernykh E. Apchaeometallurgical research at Arslantepe. Arkeometri Sonuclari Toplantisi, VIII; Ankara, 1992. pp. 391-398.
51. Palmieri A. M; Sertok K; Chernykh E. From Arslantepe Metalwork to Arsenical Copper Technology in Eastern Anatolia. Between the Rivers and over the Mountains. Roma, 1993. pp. 573-599.
52. Schachner A. Zur Entwicklung der Metallurgie im Ostlichen Transkaukasien (Azerbaycan und Nachcevan) Wahrend des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. Anatolian Metal, II, Bochum, 2002, pp. 115-130.

53. Tadmor M; Kegem D; Begemann E; Hautmann A; Pernicka E; Schitt-Strecker S. The Nahal Mishmar hoard from the Sudlan desert. Technology composition and provenance. *Atgot.* 27. 1995.
54. Tallon E. *Metallurgie Susienne I. de la fondation de Suse au XVIII e siècle avant s-c.* Paris. 1987.
55. Wertim T. A. Man's first encounters with metallurgy // *Science*, 146, 1964.
56. Yener K. A; Ozbal H; Kaptan E; Pehlivan A. N; Goodway M. Kestel: An Early Bronze Age Source of tin Ore in the Taurus Mountains, Turkey. *Science*. 1989, 244; 117-264.

Описание таблиц

Таб. I. Бронзовые мотыги: 1 – Орчосани, 2 – Псепкупск, 3 – Галугай I, 4 – Майкоп, 5 – Заманкулск (по Р. Мунчаеву и С. Кореневскому); 6 – наконечник стрелы (Орчосани).

Таб. II. Бронзовые мотыги из Передней Азии: 1,2,3 – Сузы; 4 – Мар; 5,9 – Ур; 6 – Тепе-Сялк; 7,8 – Тепе-Гавра (по Андрианову и М. Мюллер-Карпе).

G.Inanishvili, L.Jibladze
(Georgia)

NICKELIFEROUS BRONZE IN CAUCASUS

Abstract

While considering the Bronze Age alloys obtained on the copper base the issue of origin of nickeliferous bronze alloy incites specific interest. The results of chemical-technological analysis of two bronze artifacts exposed during archaeological works carried out on the route of Baku-Tbilisi-Ceihan oil and gas pipelines in Akhaltsikhe region, settlement Vale, Orchosani section are the results of attempts of problem interpretation.

Analysis of historical-metallurgical artifacts (used alloy type, inventory categories and forms, technological scheme of production et al) encompass significant information necessary for interpretation of interaction of archaeological cultures of the region of Caucasus-Asia Minor of the considered period. The fact of revealing of metal material of various forms and chemical composition in non-metallogenic regions belongs to the sphere of problematic issues of socio-economic relations between the synchronous cultures.

Metallurgical artifacts created on the base of local mineral resources (arsenical bronze) are characteristic for metallurgical centers of Caucasus of that period.. Exception is a nickel component in cast object, which is seldom encountered in bronze inventory of 3rd millennium B. C.

Distribution of bronze casts alloyed with nickel is not typical for the 4th –3rd millennium Caucasus-Asia Minor and with the metallurgical point of view the following places should be stated: Asia Minor (Nakhal Mishmar, Amuqi F), Mesopotamia (Hasek-Heijuk, Ur), Anatolia (Arslan-Thefe VII, VIII, Alishar 1,2) Iran (Susa), Caucasus (Maikop culture).

Due to absence of nickeliferous copper ores in the Caucasus, nickeliferous and arsenic-nickeliferous bronze inventory exposed in the area of Maikop culture is interpreted as imported material and their southern origin is emphasized (Yessen, 1935. Selikhanov, 1960; Chernykh, 1966, 1978; Narimanov, Japarov, 1990; Avilova et al. 1999).

Historical-economic progress of Asia Minor in Early Bronze Age was conditioned by the prospects of reciprocal influence and integrity of cultures existing there, which is well proved by distribution of achievements of metalworking.

The above stated Orchosani bronze artifacts typologically are analogous to the objects of this category in early group of Maikop culture (axe, spearhead). At the same time detailed analysis clearly shows their close relation to the inventory of this series distributed in Old Oriental world (Suzo, Mernis. Thefe-Gavra, Thepe-Sialky, Ur, Eridu and others). Material is identical according to chemical composition (nickeliferous bronze), which makes probable their production on the base of copper ore of homogeneous geo-chemical indices. Therefore it might well be that the objects were made of one-type copper-nickeliferous alloy and that they have common metallurgical production center.

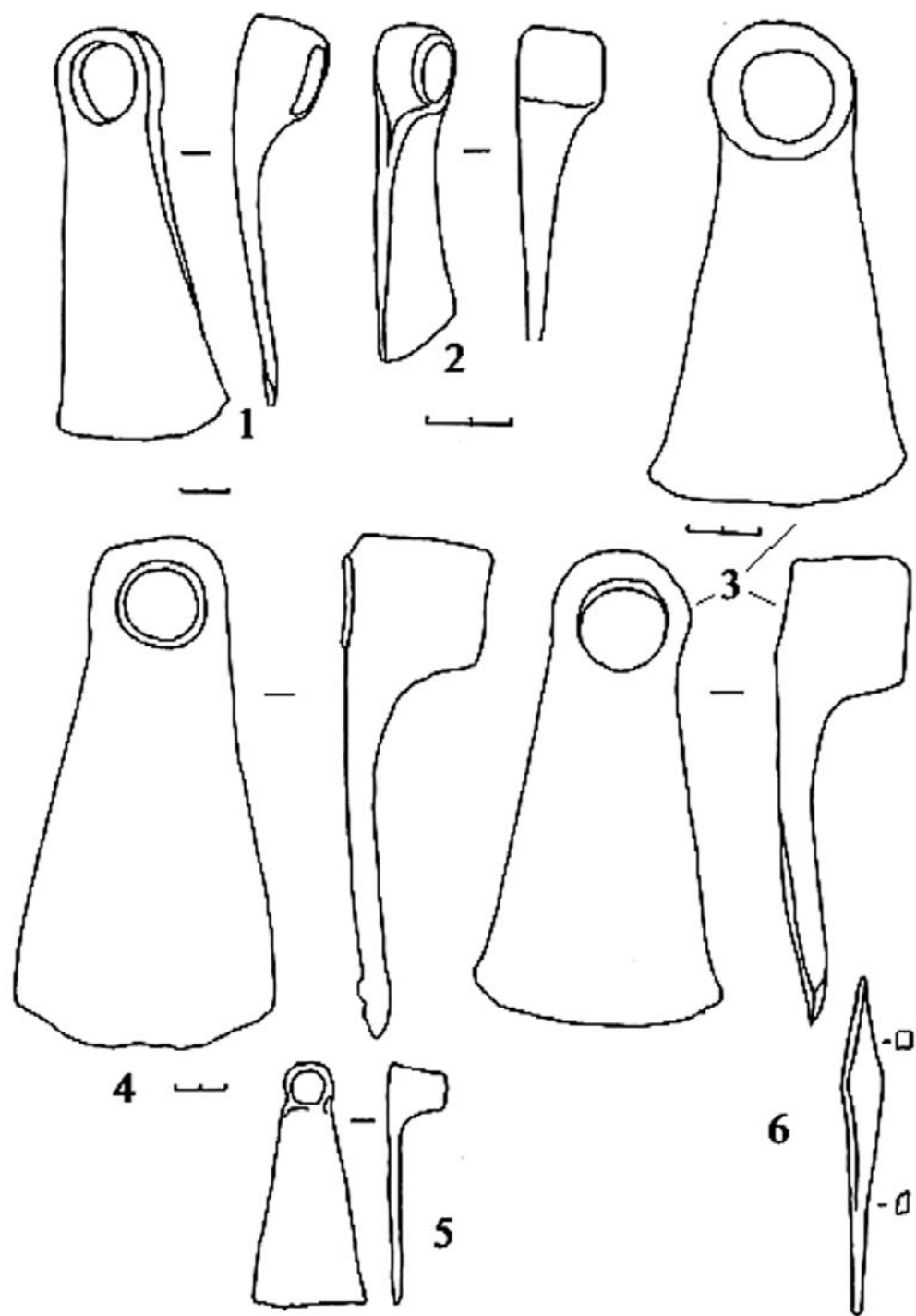
On the background of socio-economic transformations which took place on the territory of Asia Minor in the 3rd millennium B.C. the South Caucasus, as the extreme peripheral region of extension of the known "Urjuk expansion", took active part in the general process of transitional displacement of southern innovations, including the area of distribution of Maikop culture.

Г. Инанишвили

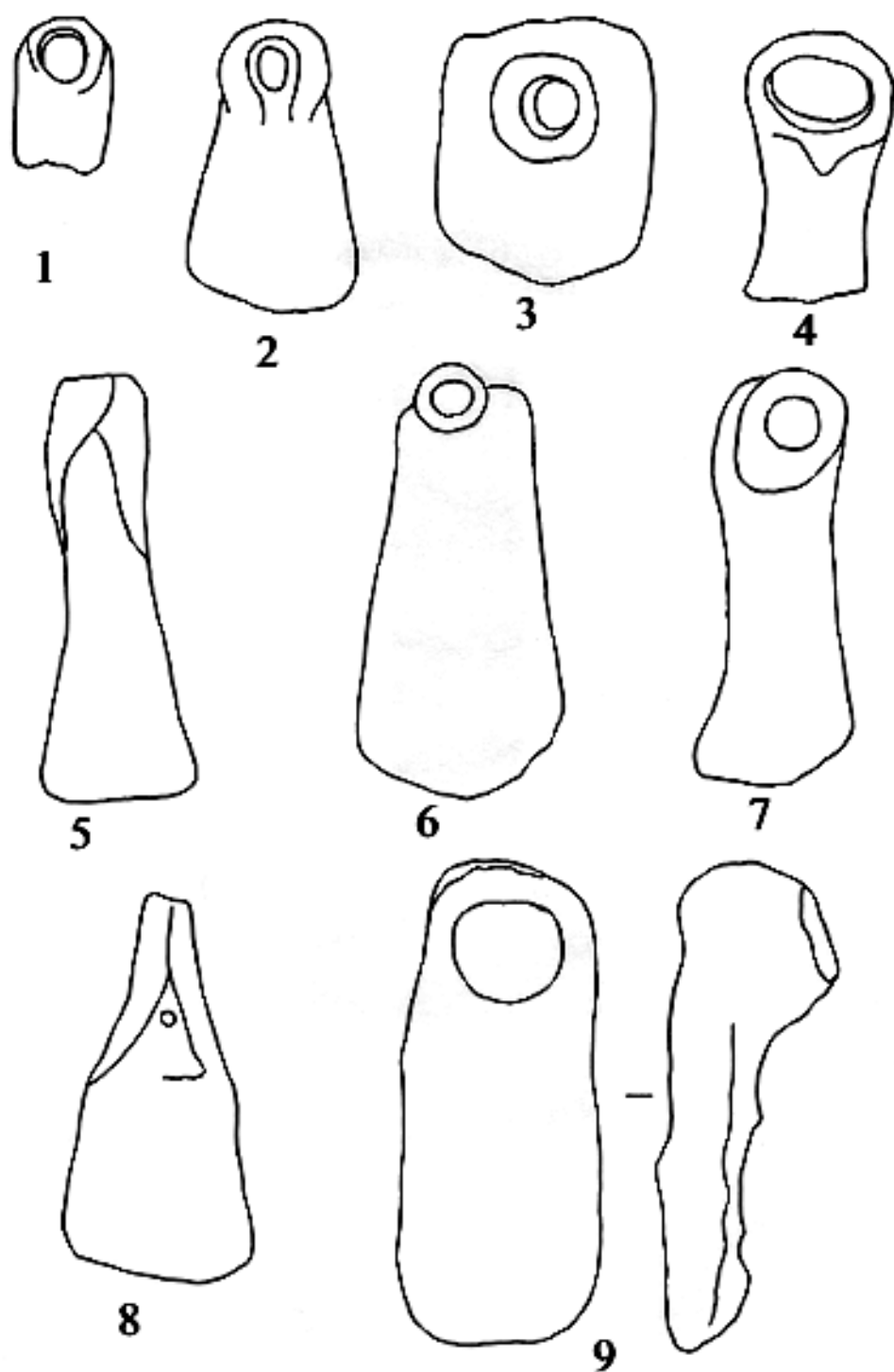
Грузинский технический Университет.
Доктор исторических наук, профессор.
Тбилиси, Цулукидзе III пер. 4 кв. 27.
тел. 45-73-01. 893 78-80-14
E-mail: g_inanishvili@mail.ru

Л. Джигладзе

Археологический Центр Национального музея Грузии.
Старший научный сотрудник.
Доктор исторических наук.
Тбилиси, Вазисубани IV м/р I кв. корп. 9. кв. 19
тел. 79-98-95
E-mail: lerijibladze@yahoo.com

Таб. II

ДРЕВНЕГРУЗИНСКИЙ ОЧАГ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Проблема поиска истоков государственности является одной из главнейших в грузинской историографии. До недавних времен, работа в этом направлении велась, главным образом, на основе древневосточных, греческих, римских и древнегрузинских источников [Меликишвили, 1989; Гиоргадзе, 2001, 6-20; Мухелишвили, 2001, 4-5; Лорткипанидзе О., 2001, 31-97; Лорткипанидзе М., 2001, 136-141; 2007, 148-152; Коранашвили, 2001, 98-134; 2002, 103-189].

За последние годы на Иорском плоскогорье (Табл. 1) была выявлена целая система протогородских поселений конца II-начала I тыс. до н.э., археологическое изучение которых, думается, внесет определенную ясность в научную разработку данной проблемы.

На основе этого, возможны кардинальные изменения в перспективе исследований возникновения и развития древнейших государств на территории Кавказа – сплочение ее в единый блок с переднеазиатскими цивилизациями и совершенно новая постановка проблемы становления государственного института в данном регионе.

Основным фундаментом формирования и развития кавказской культуры являются богатые внутренние природные ресурсы и возникшее на этой прочной основе единство экономических и политических интересов общества.

К тому же, одним из главных факторов поступательного движения кавказской культуры на протяжении веков являлись активные контакты с внешним миром, а в особенности – соседство с цивилизациями Древнего Востока.

Кавказ, пролегающая между двумя морями узкая полоса суши, представляет собой одно из соединяющих два мира – Европу с Азией – звеньев и, естественно, на каждой ступени истории он включен в систему международных взаимосвязей благодаря проложенным по нем транзитным дорожным магистралям.

По гористому Кавказу эти пути ведут по наиболее удобным, с этой точки зрения, маршрутам, в основном, вдоль речных долин. Обусловленные географической средой, тянущиеся между гор эти магистрали были традиционными и стабильными, хотя, в зависимости от происходящих как на самом Кавказе, так и во внешнем мире процессов, они были то активно загружены, то совершенно прекращали функционировать. На это убедительно указывает топография расположения археологических памятников, зафиксированных вдоль этих дорог.

Подобными основными артериями на Южном Кавказе являлись низины рек Мтквари (Кура), Риони и Аракса и ущелья, связанные с главными перевалами Главного Кавказского Хребта – Крестовым и Мамисонским. Естественно, с этой целью использовались также прибрежные полосы Черного и Каспийского морей.

Параллельно с основными дорожными магистралями, на юге Кавказа, несомненно существовали и их ответвления, также идущие вдоль речных долин. Они, наряду с

природными ресурсами, выполняли чрезвычайно значительную функцию в становлении и развитии местной культуры того или иного региона и усиливали жизнеспособность основных транзитных артерий.

Одна из значительных внутренних дорожных магистралей Южного Кавказа, проложенная по богатому природными ресурсами региону, по-видимому, проходила параллельно реке Мтквари, вдоль долины реки Иори и функционировала более или менее активно на протяжении многих веков. О её жизнеспособности, наряду с имеющимися в нашем распоряжении весьма скудными фактическими археологическими материалами, гласит также информация, полученная благодаря современным техническим средствам, в частности, дешифровке спутниковых и аэрофотоматериалов. Согласно этим данным, на берегах Иори и Иорском плоскогорье в целом, включая прилегающую к Мтквари низменность, были зафиксированы археологические памятники с резким эпохальным колебанием в численности. Одна их часть, привлекающая мое внимание, уместается в хронологические рамки конца II-начала I тыс. до н.э. и отличается по многим значительным особенностям¹¹.

На Иорском плоскогорье на протяжении каждых 3-4 километров простираются защищенные мощной фортификационной системой большие поселения этого времени, состоящие, как правило, из двух частей. На вершине горы расположена цитадель, обнесенная несколькими мощными стенами и защитным рвом; её непосредственным продолжением являются на склонах гор, распланированные террасами жилые кварталы, также защищенные фортификационными строениями (Табл. II-VI). Очень редко двухчастичные поселения конца II-начала I тыс. до н.э. особо крупных размеров, защищенные мощной фортификационной системой, расположены и в низменности (Табл. IV).

Вокруг больших поселений на Иорском плоскогорье часто встречаются и мелкие поселения. Они почти всегда расположены компактными группами. Считаю, их необходимо рассматривать комплексно, в целом. Это представляется вполне реальным, поскольку по дешифровке одного из аэрофотоснимков, в нагорье Назарлеби, вокруг нескольких таких поселений фиксируется одно общее ограждение.

По аэро и спутниковым снимкам хорошо прослеживается, что большинство поселений построено по предварительно составленному проекту. На это указывают стройная планировка расположенных внутри крепостных стен жилых помещений и сами оборонные сооружения, являющие собой единую, удачно подогнанную к рельефу мощную фортификационную систему (Табл. II-VI).

В защитные ограждения больших поселений включены ворота, особо укрепленные мощными четырехугольными башнями. К тому же, в фортификационной системе цитадели ворота разных ограждений никогда не расположены друг против друга, чтобы нападающий в случае взятия первого порога, был вынужден пройти как можно более длинное расстояние до вторых ворот и столкнуться с большими препятствиями для проникновения в центральную часть цитадели. С той же целью, в ряде случаев,

---

11 Существует ряд указаний, что распространенные на Иорском плоскогорье памятники культуры конца II-начала I тыс. до н.э. следует рассматривать в едином блоке с археологическим материалом соседних регионов, в особенности же – низины среднего течения Мтквари.

внешние ворота соединялись с цитаделью специальными узкими коридорами, защищенными с двух сторон мощной оградой.

Таким образом, почти все известные мне детали планировки оборонительных сооружений этих поселений идентичны защитной системе переднеазиатских городов [Hoofstuk, 1947; Bittek, Naumann, 1952; Naumann, 1971].

Это в равной степени относится и к строительной технике фортификационных сооружений всех поселений тех времен. На фундаменте 4-5 метровой ширины, сложенном из крупных блоков сухой кладкой, возведены сетчато, горизонтально расположенные наслонения из больших деревянных бревен, проемы которых заполнены щебнем. Внутренняя и внешняя стороны сложенных подобным образом крепостных стен, видимо, были покрыты плетенкой, а затем оштукатурены толстым слоем глины. Восстановить эту конструкцию удалось во время раскопок развалин крепости XVII-XVI вв. до н.э. «Тахтиперда» близ Дедоплисцкаро. Данный памятник, видимо, пострадал от землетрясения и сильного пожара, поэтому отмеченная кладка построения его ограды и четырехгранных башен хорошо фиксируется как по сгоревшим деревянным балкам, так и по другим многочисленным данным. Лишь это открытие позволило мне разобраться, отчего каменные основания оград вокруг цитаделей поселений конца II-начала I тыс. до н.э. на Иорском плоскогорье были везде покрыты толстым слоем мелкого щебня. Принимая во внимание результаты раскопок ограды крепости «Тахтиперда», не исключено, что и в этом случае оно возникло после истления деревянных конструкций ограды. Подобные завалы над каменными фундаментами встречаются вокруг цитаделей почти всех поселений, а зачастую, и нижних поселений Иорского плоскогорья. Как видно, эта техника строительства защитных сооружений, как и по всей Передней Азии [Naumann, 1971], традиционна и на Иорском плоскогорье в конце II-начале I тыс. до н.э. Существование сходной конструкции оборонительных стен на Иорском плоскогорье хорошо подтверждено и при раскопках поселений городского типа XII-X вв. до н.э. в Удабно [Pitskhelauri, 2002; Korfmann, Pitskhelauri, Bertram, Kastl, 2003]. Примечательно, что она и позже встречается на археологических памятниках центральной части Южного Кавказа.

Дешифровка спутниковых и аэрофотосъемок часто позволяет восстановить и довольно сложную систему водоснабжения этих поселений, которая, видимо, соединяла расположенную на вершине горы цитадель с водными ресурсами с помощью тайных тоннелей (Табл. II). Строительство подобного рода сооружений было довольно сложно и требовало большого инженерного опыта. Оно, равно как и планировка и строительство грандиозных для тех времен оборонительных систем, связано с чрезвычайно трудоемкими работами и хорошей организацией значительных масс людей, которое могло выполнять лишь общество, стоящее на высоком социальном уровне.

Помимо общего характера как хорошо продуманного топографического расположения поселений, так и возведенных по схожей строительной технике, стройно распланированных мощных фортификационных и жилых кварталов, археологические памятники Иорского плоскогорья конца II-начала I тыс. до н.э. отличаются также идентичностью высокотехнологически выполненных керамических и бронзовых изделий.

Заслуживает внимания особая многочисленность бронзового боевого оружия тех времен на Иорском плоскогорье – мечей, кинжалов, наконечников копий различ-

ной величины и назначения, топоров, наконечников стрел и т.д. [Picchelaury, 1997, Taf. 11-26; 37-46,47(627-630) 51-61, 62(955-957), 72-86, 99-102].

Судя по изученным погребениям тех времен, почти каждый мужчина, наряду со своей гражданской деятельностью, видимо, был к тому же воином, поскольку, как правило, погребался вместе с боевым оружием. В таком случае, естественно думать, что общество, к которому они принадлежали, при необходимости могло собрать многочисленное и сильное войско.

Литейная техника и конструкция боевого оружия этого периода своим высоким уровнем и изысканностью выделяется во всем окружающем регионе.

В связи с нашей тематикой необходимо остановиться на бронзовых мечах с усеченным концом клинка [Picchelaury, 1997, Taf. 37-44; Pizchelaury, 1984, Abb. 45,46,55-58,63] (Табл. VII1-5). Они имеют мощную металлическую рукоятку и с обеих сторон заточенный, широкий длинный рабочий клинок, конец которого усечен или закруглен и намеренно утолщен, что придает ему особо сильную рубящую функцию. Крупные размеры и тяжесть этих мечей заставляют думать, что они были рассчитаны лишь на всадников. Существование такого оружия со столь точно взаиморассчитанными деталями функционального назначения – размеры, форма, даже вес – неизвестны мне среди внешнего окружения той эпохи. Несомненно, массовое производство столь усовершенствованного боевого оружия указывает на высочайшее развитие ремесла. Также точно рассчитаны все детали синхронных им мечей, характерных для верхнего течения Иори и Алазани. Они также несут функцию рубки, но рассчитаны на пеших воинов. Соответственно, они вдвое короче и легче [Picchelaury, 1997, Taf. 45,46(610-620) (Табл. VII5). Большое количество длинных, тяжелых мечей с усеченным острием несомненно указывает и на то, что общество этого времени на Иорском плоскогорье в случае войны могло среди войска иметь и вооруженные конные соединения с весьма значительной функциональной нагрузкой. Подтверждением тому служит и то, что на памятниках Иорского плоскогорья в большом количестве обнаружены бронзовые и железные удила начальных веков I тыс. до н.э. В частности, предметы такого назначения десятками принесены в жертву в храме бога войны в Мелаани [Picchelaury, 1997, Taf. 92; Pizchelaury, 1984, Abb. 53-54] (Табл. VII13).

О высоком социальном развитии и большом боевом потенциале общества Иорского плоскогорья конца II-начала I тыс. до н.э. должен указывать и тот факт, что в их боевом снаряжении, по-видимому, имелись и боевые колесницы. Этот факт естественно не исключает существования регулярных частей среди их военных соединений. На это конкретно указывает найденная близ Дедоплискарро, на горе Гохеби, в одном из комплексов святилища бронзовая модель боевой колесницы с запряженными лошадьми [Pizchelaury, 1984, Abb.62] (Табл. X). Колесница эта, по сопутствующему материалу, хорошо датируется начальными веками I тыс. до н.э. Существенно, что в центральной части Южного Кавказа боевые колесницы появляются уже с XIV-XIII веков до н.э., когда во всем этом регионе, включая Иорское плоскогорье, установлено существование единой культуры [Пицхелаури, 1973, 148,161,163,164; Пицхелаури К.К., 2005]. Это подтверждается обнаружением бронзовых моделей боевых колесниц в богатых захоронениях Лчашен, близ озера Севан и Лориберде [Мнацаканян, рис. 5,7; Деведжян, 1981, рис. 6; Esayan, 1990, Abb. 4,5] (Табл. VIII, IX).

С учетом всего вышеизложенного, нельзя исключать, что в конце II и в начале I тысячелетий до н.э. в центральной части Южного Кавказа существовало довольно сильное политическое объединение с надежно укрепленными поселениями, которое в случае необходимости могло собрать хорошее вооруженное войско с потенциалом эффективно противостоять даже превосходно вооруженным военным частям.

Считаю допустимым предполагать, что в центральной части Южного Кавказа, в первой половине I тысячелетия до н.э. именно такая сила воспрепятствовала мощным урартским военным соединениям и приостановила их продвижение на север. На это указывает, в первую очередь, то, что окрестности Севанского озера являются четкой границей распространения урартских памятников на север. Глубже, в центральной части Южного Кавказа, подтверждены находки лишь единичных урартских предметов, которые, не исключено, являлись военными трофеями [Пицхелаури, 1965, таб. 14(3); Пицхелаури, 1973, 164; Kossak, 1983, Abb. 29,30; Погребова, 1967].

Однако бесспорно, что, помимо всего сказанного, в первую очередь, необходимо выявление той экономической основы, которая являлась главной предпосылкой становления допустимой, по моему мнению, цивилизации.

Рубеж II и I тыс. до н.э. на Южном Кавказе – эпоха, когда общество осваивает производство железа. В науке принята теза, что данное новшество в корне меняет темп развития, поэтому ему отводится революционная роль в развитии человеческого общества. Таким образом, по общему признанию, общество, освоившее в столь раннем периоде производство железа, должно быть, являлось особенно сильным экономически и имело социально передовое устройство.

Общество, населяющее Иорское плоскогорье в эту эпоху, по-видимому, обладало всеми предпосылками для такого развития.

Вследствие специально проведенных, в данном регионе, геологических работ было установлено, что он достаточно богат для того периода железной рудой высокого качества [Мгелиашвили, 1988]. Археологические разведки подтвердили интенсивную разработку выявленных руд уже на рубеже II-I тыс. до н.э. На это указывают существующие здесь в достаточном количестве открытые карьеры по добыче железной руды и многочисленные железообрабатывающие мастерские.

Таким образом, несмотря на малоизвестность железных артефактов с этих регионов, возможно предположить, что одной из главных экономических основ и движущей силой развития существующей на Иорском плоскогорье на рубеже II-I тыс. до н.э. цивилизации, было металлургическое производство железа. Не исключено, что оно явилось также рычагом особого поступательного движения в социальном отношении.

Все это в целом – а) постройка поселений по предварительному проекту и их единая системная планировка; б) четкое размежевание цитадели и жилого поселения вне ее; в) мощные фортификационные постройки, возведенные по высокоразвитой строительной технике, имеющей общие давние традиции, находящие параллели с памятниками переднеазиатских цивилизаций; г) пехотные и конные военные соединения, оснащенные высококачественным, изготовленным по усовершенствованной технологии оружием и боевыми колесницами, указывающими на боевой потенциал общества Иорского плоскогорья; д) достигшие наивысшего уровня развития на основе полезных

ископаемых и геоклиматических условий – разные отрасли сельского хозяйства, гончарное дело, металлургия и металлообработка и т.д. Несомненным подтверждением тому следует считать выявление отделенных от поселений больших комплексов гончарных и металлообрабатывающих мастерских на Иорском плоскогорье (Хирса, Квемо Кеди), открытие многочисленных разнообразных орудий сельскохозяйственного назначения и т.д.; е) расположение Иорского плоскогорья на одной из основных транзитных дорожных магистралей через Кавказ, явившееся величайшим фактором для сообщения данного региона с внешним миром, в особенности – с цивилизациями Древнего Востока и усвоения исходящих от них прогрессивных импульсов; ж) существование общих идеологических принципов общества, основанных на религиозных верованиях, о чем свидетельствуют большие святилища, расположенные вдали от поселений [Pizchelauri, 1984], в которых главное место отводилось культовому служению божествам плодородия и войны; з) особое развитие железной металлургии и металлообработки, что могло являться основным стимулятором экономического и социального развития общества; и) существование особенно частой сети поселений и могильников второй половины II-начала I тыс. до н.э. в горных и низменных районах центральной части Южного Кавказа, чего не наблюдалось за предыдущие периоды. Это, бесспорно, должно указывать на значительный демографический взрыв в эту эпоху, что, несомненно связано с высоким экономическим развитием и политической стабильностью страны. Естественно, в соответствующем положении, должно быть, находился социальный уровень общественного развития, который, предположительно, намного опережал предыдущие ступени.

Думается, наряду с этим, моему предположению о возможном существовании в центральной части Южного Кавказа мощного политического объединения в период, близкий к рубежу II-I тыс. до н.э., о чем мне доводилось отмечать и раньше [Пицхелаури, 1973,164], придает большую убедительность факт выявления датированных этим периодом богатых курганных погребений на правом берегу Мтквари, напротив Иорского плоскогорья, в предгорье Нагорного Карабаха, близ сел Борсунлу и Сарычобан [Джафаров, 1986,1993]. Здесь, в больших погребальных залах, вместе с многочисленным местным и импортным археологическим материалом, было открыто несколько принесенных в жертву основному покойнику людей и оседланных коней, что четко указывает не только на имущественное превосходство погребенных в этих могилах лиц, но и на их высокий социальный статус в тогдашнем обществе.

Думаю, основываясь на новопривлеченный фактический материал, с большей ясностью можно говорить и о существовании грузинского этноса в центральной части Южного Кавказа уже со II тыс. до н.э.

При обсуждении данного вопроса я хотел бы вновь обратить внимание на один из письменных источников истории Грузии, а конкретно, на ту часть сочинения грузинского историка XI века Леонтия Мровели «Житие грузинских царей и первых из отцов и родичей» [Леонтий Мровели, 1955, 3-11], где он, как считается, опираясь на имеющиеся в его распоряжении древние источники, дает нам достоверные сведения о доклассовой эпохе Кавказа в целом и о грузинских племенах в частности [Джавахишвили, 1945, 183; Кекелидзе, 1923, 54; Церетели, 1941; Лорткипанидзе, 1966, 11; Чилашвили, 1958, 5-19, и карта; Коранашвили, 2002, 180, 294].

Д.Мусхелишвили расценил эти сведения как отражающие положение конкретно IV-III веков до н.э. [Мусхелишвили, 1966]. Я также имел возможность выразить свое отношение к данной проблеме, отнеся одну часть этих историко-географических сведений к более древней эпохе, посчитав их за отголосок событий если не конца II, то, во всяком случае, начала I тыс. до н.э. [Пицхелаури, 1973, 196-197].

Основным аргументом к принятию мной такого решения явилось совпадение историко-географических сведений, данного письменного источника, в частности – совпадение границ расселения грузинских племен с областью распространения археологических культур конкретного периода.

Теперь же эти утверждения, по-видимому, находят больше оснований и дают возможность часть этих сведений отнести даже к более древней эпохе.

Как известно, интересующий нас письменный источник начинает повествование о древнейшей эпохе грузинской истории с потомка библейских лиц, Таргамоса, разделившего свою удельную землю – Кавказ восьми сыновьям: Гаосу, Картлосу, Бардосу, Мовакану, Лекосу, Эросу, Кавкаосу и Эгросу [Леонтий Мровели, 1955, 4]. Одним из этих восьми его сыновей был прародитель грузин – Картлос, после кончины которого его супруга поделила принадлежащую ему землю между пятью сыновьями: Мцхетосом, Гардабосом, Кахосом, Кухосом и Гачиосом [Леонтий Мровели, 1955, 8-9].

Наиболее значительно здесь то, что указанные в письменном источнике, описанные скрупулезно границы территорий, принадлежащих как Картлосу, так и брату его Эросу и потомкам Картлоса, совпадают с границами распространения установленных вследствие археологических исследований определенных периодов археологических культур и их локальных вариантов¹.

В частности, по имеющимся в моем распоряжении археологическим материалам, совершенно несомненно, что границы удельных земель Картлоса и брата его, Эроса, вместе совпадают с границами распространения триалетской культуры среднебронзового периода первой половины II тыс. до н.э. [Кушнарева, 1983; 1993, 98-171, рис. 33(1); Джапаридзе, 2003, 165-172, Гогадзе, 1972; Puturidze, 2003, 112; Мартиросян, 1964, 74; Джапаридзе, 1969, 9-13; Куфтин, 1949, 16, 34-35] и генетически родственной ей, следующей за ней центральнозакавказской культуры ранней ступени позднебронзового периода [К. Пицхелаури, 1913, 163, 164; К.К.Пицхелаури, 2005], когда эти культуры во всем этом регионе более или менее однообразны, конечно, с определенными внутренними нюансами.

Как видно из письменного источника, удельная страна Картлоса после его смерти разделяется между его сыновьями. В связи с этим, особенно важно то, что, сообразно с данными письменных источников, в следующих ступенях развития начинает распадаться и единая центральнозакавказская культура. Вначале, на втором этапе позднебронзового периода, в VIII в до н.э., на низменности среднего течения Мтквари, на территории нынешнего Шида Картли, появляется т.н. культура кинжалов с листовидными

---

¹ Археологические памятники конца II-начала I тыс. до н.э. не во всех краях Восточной Грузии не изучены с одинаковой полнотой, поэтому на данном этапе исследования я довольствуюсь лишь частичным сличением данных письменного источника с итогами археологических исследований. По этой причине мной намеренно упущены из виду удельные территории сыновей Картлоса – Гардабоса и Гачиоса, указанные в письменном источнике.

кинками¹, ареал распространения которой почти полностью совпадает с границами указанной в письменном источнике удельной земли Мцхетоса, одного из сыновей Картлоса. На территории же, принадлежащей Эросу, брату Картлоса, в это время выделяется культура кинжалов и мечей с составными рукоятками, возникшая на корнях предшествующей центральнокавказской культуры и охватывающая не только пределы удельной земли Эроса, но и полностью двуречье Иори-Алазани в целом, до реки Арагви к западу и до реки Мтквари к югу.

На следующей же ступени развития, в конце II-начале I тыс. до н.э. в этом регионе происходит весьма значительный процесс сегментации археологической культуры, сличение которой со сведениями письменного источника можно считать довольно веским основанием для признания этнизации общества, которому принадлежали эти группы археологических материалов.

Данные заключаются в следующем: 1. На низменности среднего течения Мтквари, удельной земли Мцхетоса, одного из сыновей Картлоса, на второй ступени позднебронзового периода, примерно в XIII веке до н.э. была распространена т.н. культура кинжалов с листовидным клинком, содержащая чуждые для этого края артефакты; 2. В конце II-начале I тыс. до н.э., в стабильно прежних пределах, характерным для этого края становится целый блок своеобразных артефактов, продолжающих генетически старые традиции ранней, первой ступени центральнокавказской культуры, возникших и развитых на ее корнях. Здесь чрезвычайно важно то, что, как отмечалось, пределы распространения материалов этой группы, как и хронологически предшествующего ей блока культуры бронзовых кинжалов с листовидным клинком, точно вмещаются в границы указанной в письменном источнике удельной земли Мцхетоса, сына Картлоса. Естественно, существование столь твердых границ материальной культуры на протяжении довольно большого отрезка времени и ее совпадение с пределами расселения названного в письменном источнике одного из грузинских племен или определенной группы населения, делает необходимым связать эти данные друг с другом.

Также примечательно, что в эту эпоху, в двуречье Иори-Алазани, до долины Арагви к западу, к югу же – включая низину Мтквари, а, возможно, и южнее, где на второй ступени позднебронзового периода была распространена культура бронзовых кинжалов и мечей с составной рукояткой, в конце II-начале I тыс. до н.э., на основе ее

---

1 Здесь обязательно нужно отметить, что главнейший артефакт этой культуры – бронзовый листовидный клинок кинжала, и не только он, имеет неместные корни. Кинжалы предшествующего периода, как на всей центральной части Южного Кавказа, так и в данном регионе, совершенно иного типа – с бронзовой рукояткой, которые в технологическом смысле изготовления стоят на гораздо высокой ступени развития. К тому же, любопытно, что оружие того же назначения, времени следующей за культурой листовидных клинков, диаметрально отличается от него, по-прежнему это – кинжалы с бронзовой рукояткой, которые, видимо, развиты на традициях старой местной культуры.

Таким образом, кинжалы с листовидным клинком, характерные для археологического материала 2-ой ступени позднебронзовой эпохи, в данном регионе представляются совершенно инородным явлением, которые существуют лишь в течение короткого отрезка времени. Как бы неожиданно ни было, ближайшие параллели к ним можно найти среди синхронных западноевропейских материалов, сходных как по форме, так и по отдельным деталям. Думается, в дальнейшем следует обратить на это особое внимание, и данный диссонанс в развитии местной культуры должен стать предметом особого рассмотрения. Тем более, что при исследовании археологического материала этой эпохи находит довольно реальную почву активизация взаимосвязей Южного Кавказа с Европой [К.К.Пицхелаури, 2008].

развития появляются различающиеся по многим особенностям, но явно имеющие единую основу три группы археологических материалов, границы распространения которых почти полностью совпадают с приведенными в письменном источнике пределами территории, принадлежащей в одном случае Эросу, а в другом же – двум сыновьям Картлоса: Кахосу и Кухосу.

По моему мнению, изложенные фактические данные позволяют констатировать возможно несколько предварительные, но, полагаю, все же довольно убедительно, следующие соображения:

В письменном источнике подчеркнута родственная связь Эроса с Картлосом и, естественно, Картлоса со своими потомками. В связи с этим, весьма важно, что археологические культуры, распространенные на территории их расселения и составляющие их локальные группы, исходящие с начала II тыс. до н.э. из одной основы, являются последовательным развитием друг друга, представляют собой продукт почти тысячелетней мысли единой группы людей, отличаясь от всего своего окружения по многим особенностям, и сохраняют в течение довольно пространныго периода вид конгломерата тесно связанных друг с другом многих общих черт. Таким образом, с этой точки зрения, данные письменного источника полностью гармонируют с итогами археологических исследований.

Примечательно также, что, как и по письменному источнику, объединение времен Картлоса, видимо, распадается после его смерти, и на территории его удельной земли в отдельных регионах начинают править его сыновья. Сообразно этому, и по археологическому материалу, на ранней ступени среднего и позднебронзового периода в первой половине II тыс. до н.э. до XIV века включительно культура в этом регионе общая, затем же, в конце II-начальных веках I тыс. до н.э., эта общность распадается на отдельные локальные группы, генетически связанные с предыдущей ступенью. Таким образом, и с этой точки зрения описанные в письменном источнике события в точности совпадают с этапами развития археологической культуры данного региона.

Для полного осознания археологических культур и определения их этнокультурной сути чрезвычайно важен и тот несомненный факт, что приведенные в рассмотренном нами письменном источнике границы удельных земель Эроса и Картлоса совпадают с пределами распространения характерных для данного региона культур первой половины и середины II тыс. до н.э., на следующей же ступени развития, после распада единой археологической культуры на группы, в конце II-начальных веках I тыс. до н.э. границы этих локальных культур совпадают с границами земель, принадлежащих потомкам Картлоса.

Ясно, что совпадение сразу стольких историко-географических фактических материалов, приведенных в письменном источнике, с границами распространения выявленных по археологическим исследованиям культур, говорит о многом и, естественно, не могут быть случайны. А это, несомненно, дает надежду, что в будущем историко-географические сведения, приведенные в письменном источнике, будут датированы достаточно достоверно. В частности, реальное существование границ земель, принадлежащих Картлосу и Эросу, возможно, будет соотнесено к первой половине II тыс. до н.э. до XIV века до н.э. включительно. Дата же историко-географических сведений, свя-

занных с сыновьями Картлоса, будет определена концом II-начальными веками I тыс. до н.э.

Думаю, на основе всего вышеизложенного, уже появляется возможность создания достоверной опоры для этнизации археологических культур II и начальных веков I тыс. до н.э. в центральной части Кавказа. У нас уже имеются и другие авторитетные указания о существовании фактического материала, необходимого для убедительных суждений по этой проблеме [Меликишвили, 1965, 103; Мухелишвили, 2002, 6,7]. Считаю, что все это является достаточным основанием, чтобы выделенную мной цивилизацию второй половины II-начальных веков I тыс. до н.э. в центральной части Южного Кавказа предварительно именовать протогрузинской.

Таким образом, я попытался изложить свою точку зрения о существовании на Кавказе неизвестной доселе цивилизации с определенной этногенетической атрибуцией, чтобы прояснить, насколько необходимо возобновление исследования в этом направлении, поиск дополнительного материала и его осмысление на этом фоне.

Я далек от мысли, чтобы на данном этапе исследования придать своим заключениям форму утверждений, хотя и не исключено, что они вовсе не отдалены от истины.

Повторяю, для меня главное, чтобы поставленная проблема стала объектом как можно более широкомасштабного фундаментального исследования, так как ее результаты, возможно, внесут значительный вклад в переосмысление одного отрезка древнейшего прошлого Кавказа.

Надеюсь, научная общественность заинтересуется нашим предложением, сочтя необходимым расширить исследование в данном направлении и примет активное участие в деле ее реализации.

Указанная литература

На грузинском языке:

- 1. Гиоргадзе Г. (2001),** Даиаэн-Диаух: негрузинский мир? В сборнике – У истоков грузинской государственности, Тбилиси.
- 2. Гогадзе Е. (1972),** Периодизация и генезис курганной культуры Триалети, Тбилиси.
- 3. Джавахишвили И. (1945),** Цель истории, источники и методы раньше и теперь. кн. 1, Древняя грузинская историческая литература, Тбилиси.
- 4. Джапароде О. (1969),** Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси.
- 5. Джапаризе О. (2003),** У истоков истории Грузии, Тбилиси.
- 6. Кекелидзе К. (1923),** Литературные источники Леонтия Мровели, «Моамбе» Тифлисского университета, 3, Тифлис.
- 7. Коранашвили Г. (2001),** Вопрос существования государственности в древней Колхети. В сборнике – У истоков грузинской государственности, Тбилиси.
- 8. Коранашвили Г. (2002),** Проблемы древней истории Грузии, Тбилиси.
- 9. Леонтий Мровели (1955),** Житие грузинских царей и первых из предков и родичей, Картлис Цховреба, т. 1, Тбилиси.

10. **Лорткипанидзе М. (1966)**, Грузинская историческая литература раннефеодального периода, Тбилиси.
11. **Лорткипанидзе О. (2001)**, Существовало ли государство в Колхети. В сборнике – У истоков грузинской государственности, Тбилиси.
12. **Мгелишвили Т. (1988)**, Предварительные данные рудопроявления железа пустыни Давид-Гареджи. Труды археологической экспедиции Кахети, 8, «Гареджи», Тбилиси.
13. **Меликишвили Г. (1965)**, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси.
14. **Мухелишвили Д. (1966)**, Город-крепость Уджарма, Тбилиси.
15. **Мухелишвили Д. (2002)**, О проблеме этногенеза грузин. В сборнике – Этногенез грузинского народа, Тбилиси.
16. **Мухелишвили Д. (2001)**, От редактора. В сборнике – У истоков грузинской государственности, Тбилиси.
17. **Пицхелаури К. (1965)**, Древнейшая культура племен, проживающих на территории Иоро-Алазанского бассейна, Тбилиси.
18. **Пицхелаури К. (1973)**, Основные проблемы истории племен Восточной Грузии, Тбилиси.
19. **Пицхелаури К.К. (2005)**, Центральноразкавказская археологическая культура, Тбилиси.
20. **Пицхелаури К.К. (2009)**, Южный Кавказ, северное Причерноморье и Европа в эпоху энеолита и бронзы, динамика контактов археологических культур, Тбилиси (в печати).

На иностранных языках:

1. **Деведжян С. (1981)**, Лори Берд I, Результаты раскопок 1969-1973 гг., Ереван.
2. **Джафаров Г. (1986)**, Борсунлу – погребение племенного вождя, Баку.
3. **Джафаров Г. (1993)**, Курган эпохи бронзы вблизи Сарычобана, Советская археология, Москва.
4. **Куфтин Б.А. (1949)**, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию, Тбилиси.
5. **Кушнарeва К.Х. (1983)**, К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе, Краткие сообщения Института археологии (Средняя Азия и Кавказ), 176, Москва.
6. **Кушнарeва К.Х. (1993)**, Южный Кавказ в IX-II тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития, Санкт-Петербург.
7. **Мартirosян А. (1964)**, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван.
8. **Меликишвили Г. (1989)**, Древнейшие раннефеодальные государства и племенные союзы Западной Грузии, Очерки истории Грузии, I, Тбилиси.
9. **Мнацакaнян А. (1960)**, Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан, Советская археология, №2, Москва.
10. **Погребова М.Н. (1967)**, Урартские мечи из Закавказья, Советская археология, №2, Москва.
11. **Церетели Г. (1941)**, Армазская билингва, Тбилиси.
12. **Bittel K. und Naumann R. (1952)**, Bogazkoy-Hattusa. Ergebnisse der Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts und der Deutschen Orientgesellschaft in den Jahren 1931-1939. Architektur. Topographie. Landskunde in Siedlungsgeschichte, Stuttgart.

13. **Esayan S. (1990)**, Schutzwaffen aus Armenien. Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Band 9-10, Mainz am Rhein.
14. **Hoofdstuk E. (1947)**, Der Hethitische Vestingbaukunde. Kermonenten der Antieke Beschaving en Haar Moderne Beleving, Leiden.
15. **Kossak G. (1983)**, Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus. Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Band 5, München.
16. **Lordkipanidze M. (2007)**, The Problem of the Origin and Continuity of Statehood in Georgia. In: Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences, vol. 175, no.3. Tbilisi.
17. **Korfmann M., Picxelauri K., Bertram J., Kastl G. (2003)**. Erster Vorbericht zu den Vermessung und Ausgrabungsarbeiten in Udabno (Ost-Georgien) 2000-2004, Archäologische Mittelungen aus Iran und Turan, Band 35-36, Berlin.
18. **Naumann R. (1971)**, Architektur Kleinasiens von ihrem Anfängen bis zum Ende der Hethitischen Zeit. Tübingen.
19. **Picxelauri K. (1984)**, Jungbronzezeitliche bis ältereisenzeitliche Heiligtümer in Ost- Georgien. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Band 12, München.
20. **Picxelauri K. (1997)**, Waffen der Bronzezeit auf Ost-Georgien. Espelkamp.
21. **Pitskhelauri K. (2002)**, South Caucasian Ancient Civilization in Gareji Desert (Udabno), Festschrift für M.Korfmann, Mauerschau, Band 2, Remshald-Crunbach.
22. **Puturidze M. (2003)**. Social and Economic Shifts in the South Caucasian Middle Bronze Age. Archaeology in the Borderlands. Investigations in Caucasia and Beyond, Los Angeles.

Описание таблиц

I – Иорское плоскогорье, заштрихованный ареал в центре карты

II – Удабно I, поселение с мощной цитаделью (аэрофотосъемка)

III – Удабно II и III (аэрофотосъемка)

IV – Цитадель большого поселения на Иорском плато (аэрофотосъемка)

V – Цитадель и нижний город поселения Назарлеби (аэрофотосъемка)

VI – Комплекс городских поселений Цицматиани в Ущелье Иори (аэрофотосъемка)

VII – Бронзовое боевое оружие, характерное для Иорского плоскогорья во второй половине II и в начале I тыс. до н.э.

VIII-IX – Модели бронзовых боевых колесниц, запряженных конями и с воинами из курганов Лчашен на берегу оз. Севан

X – Модель бронзовой колесницы, запряженной конями, из святилища Гохеби

Пицхелаури Константин Николаевич

Археолог, профессор эмеритус

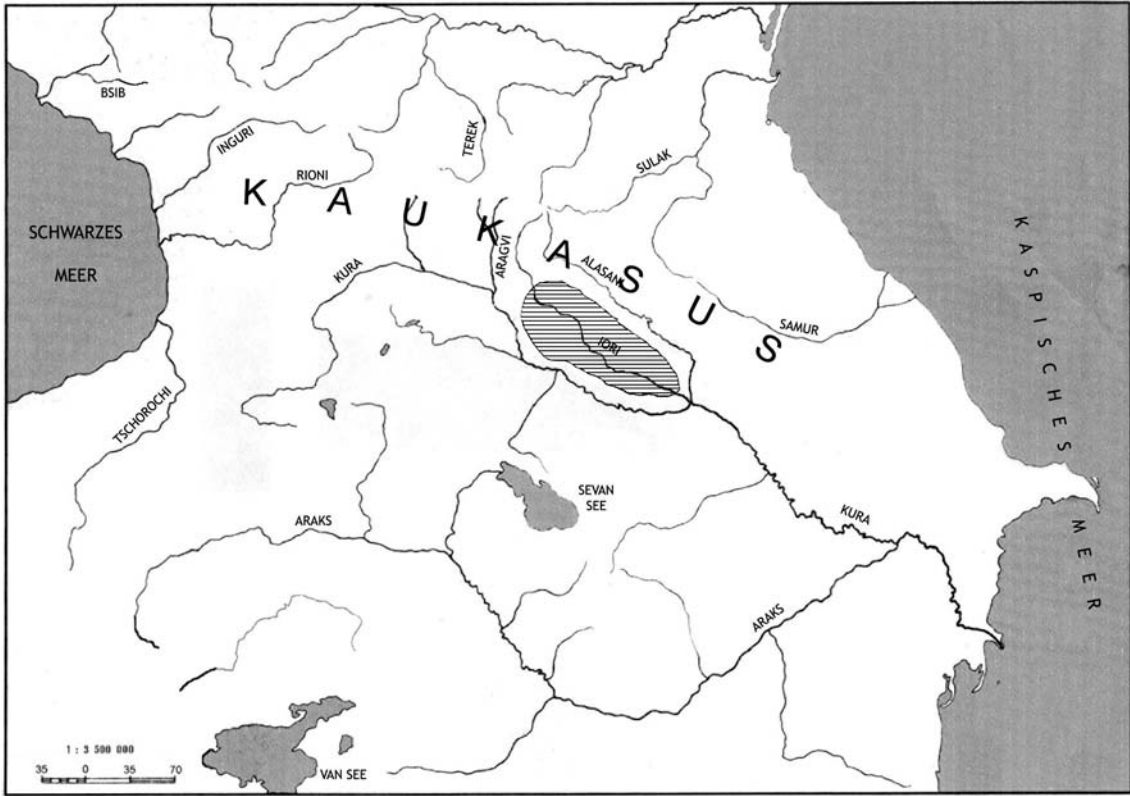
Тбилиси, ул. Чолокашвили 3/5

Государственный университет Ильи Чавчавадзе

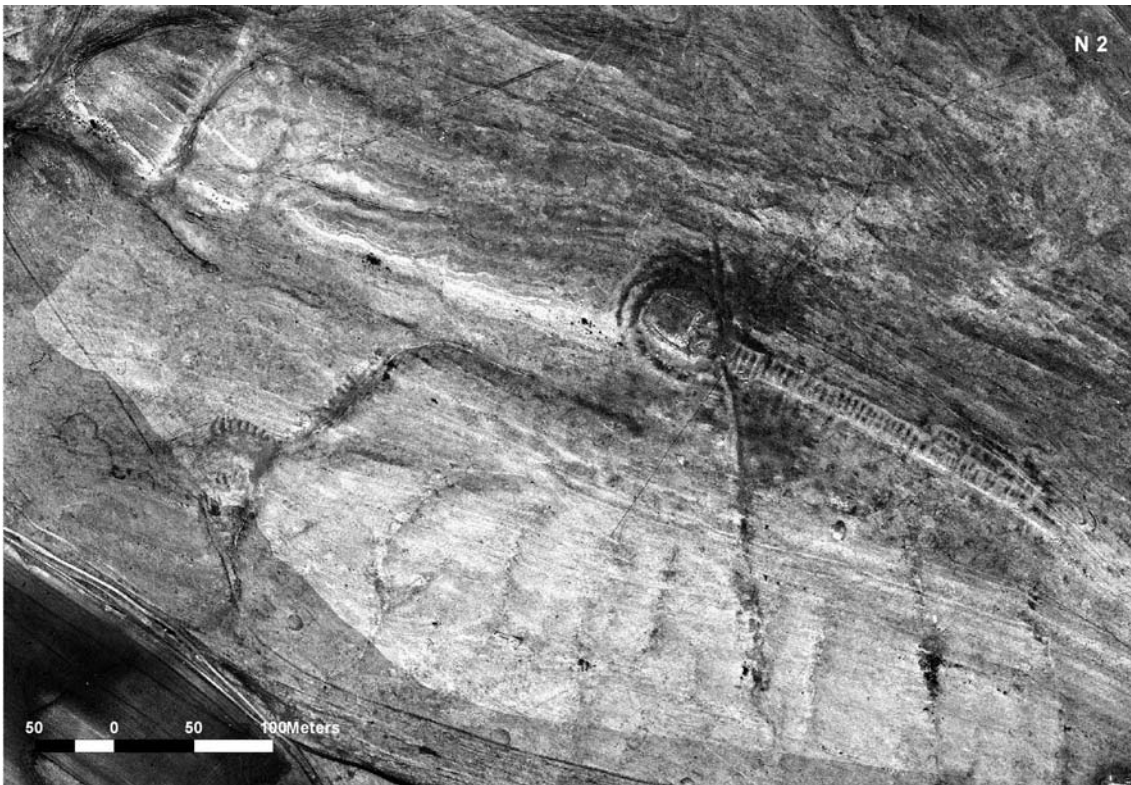
Тел: 22-01-03; моб: 899 48-63-42

Эл-почта: kiazopi@yahoo.com

I

II

III

IV

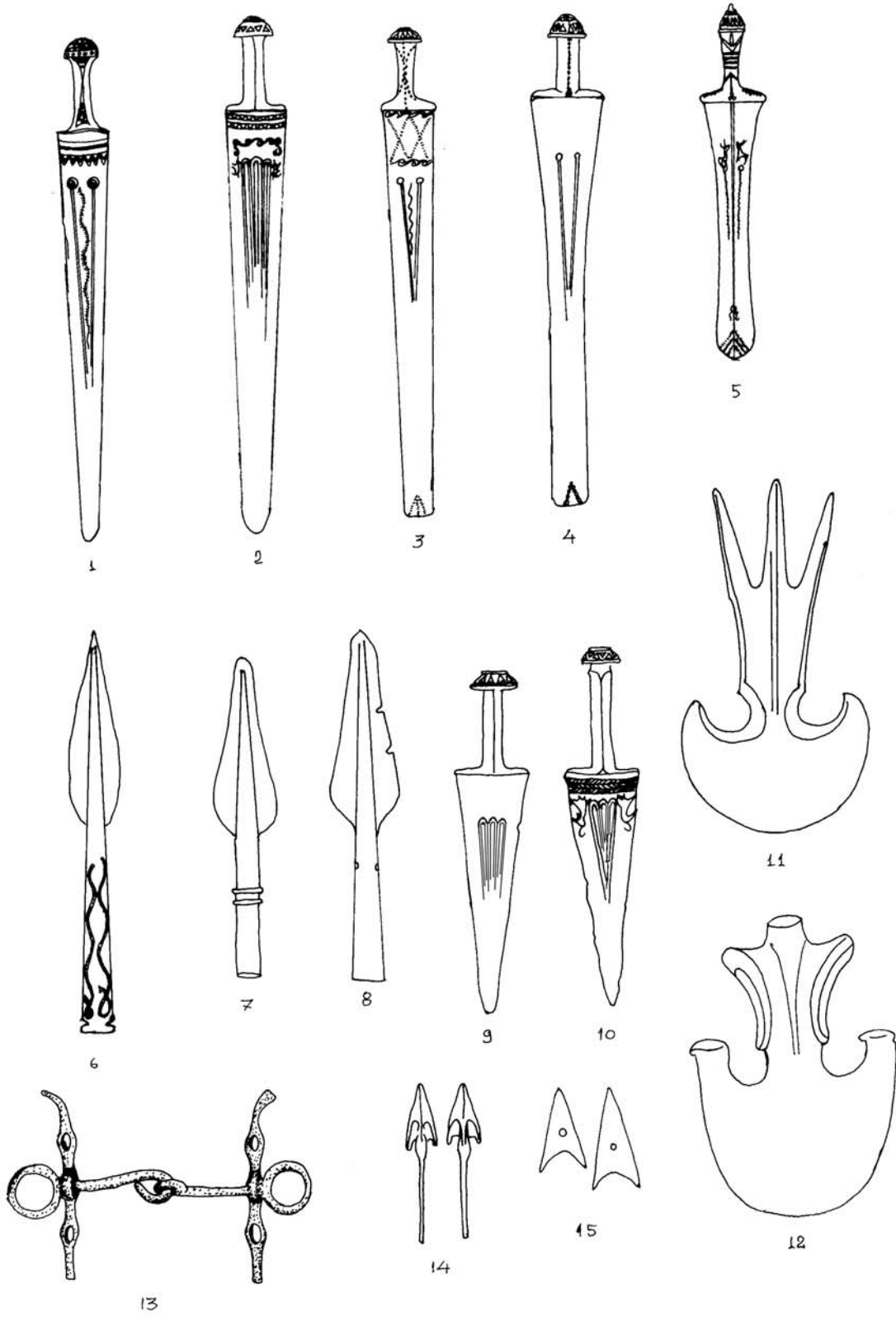

V

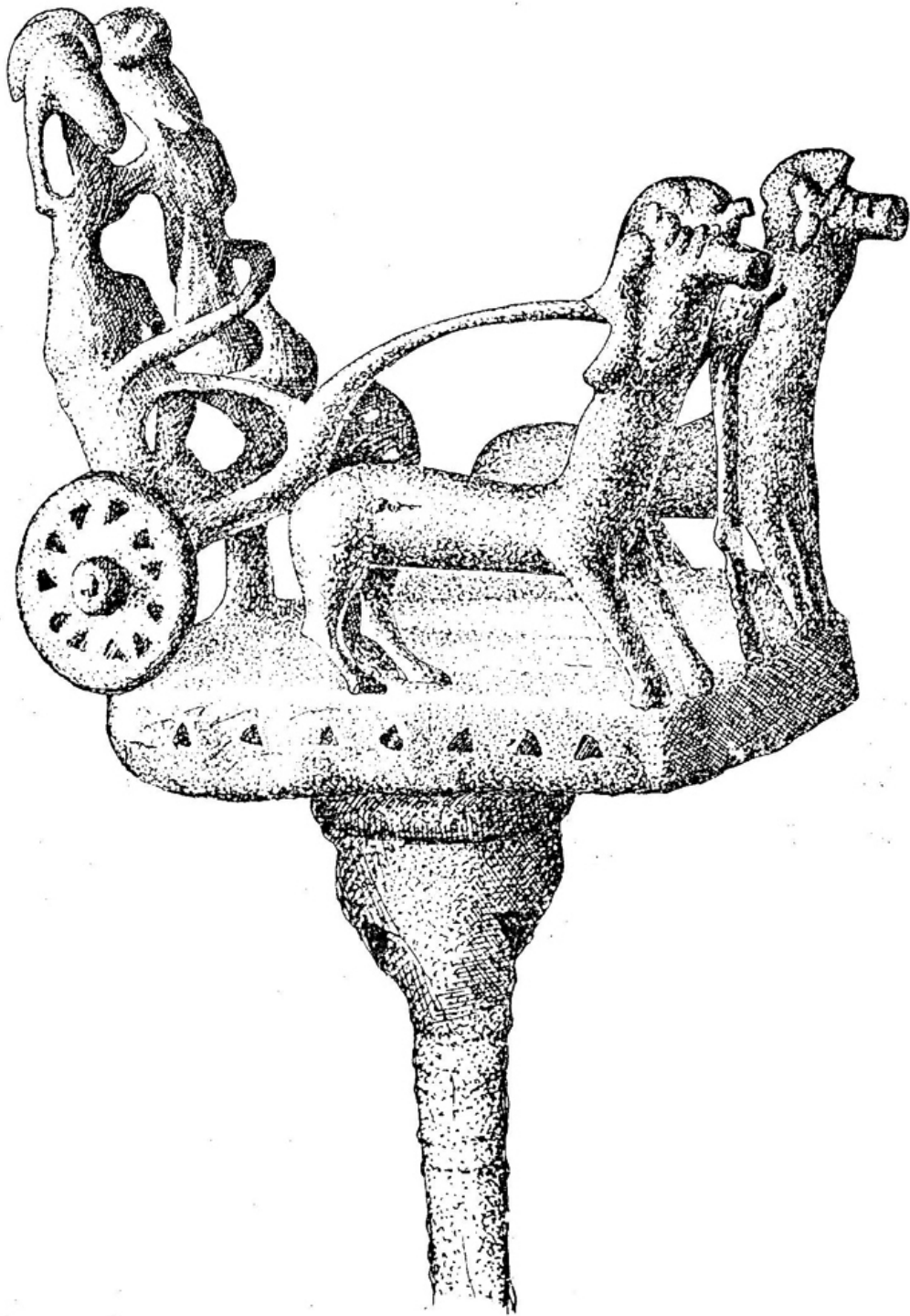

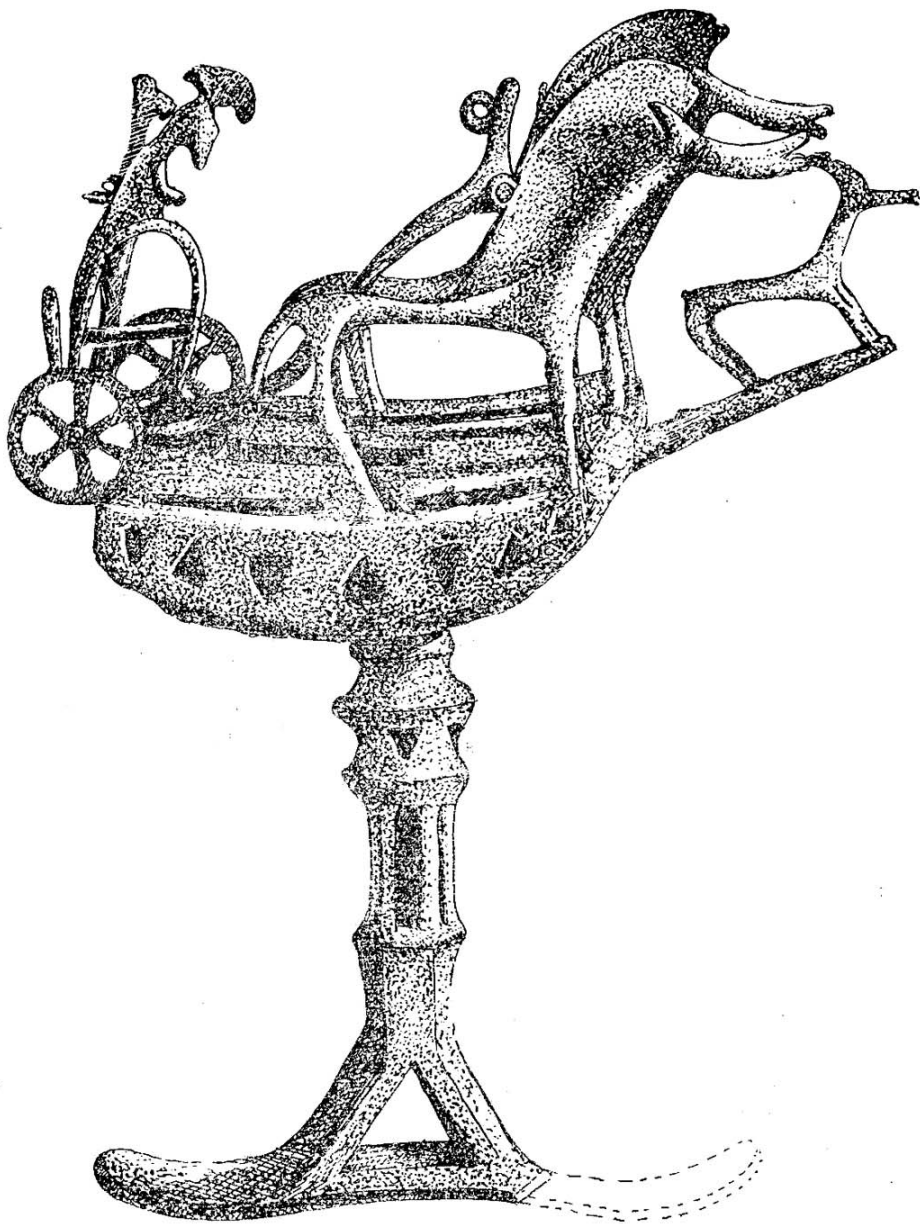
VI

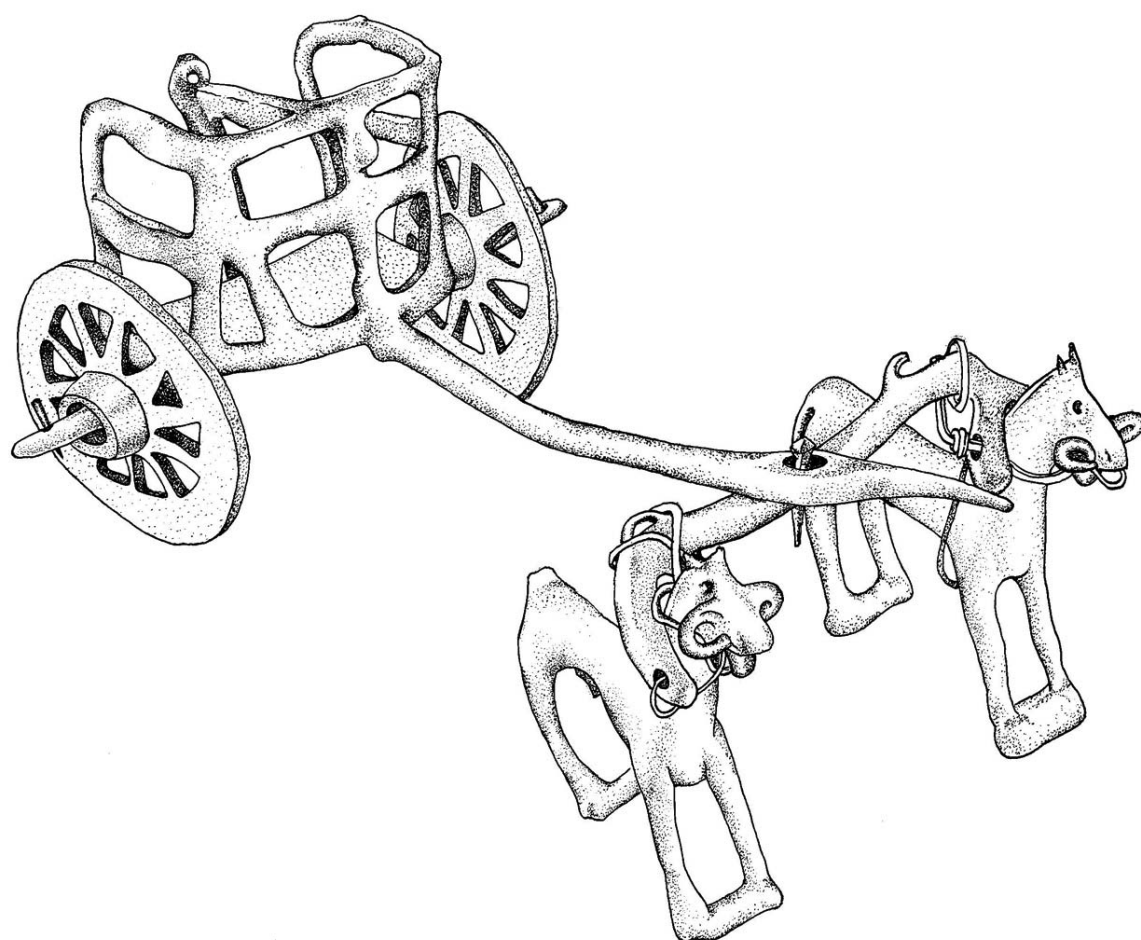

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТА ПЛОДородия ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ

Возникновение религии – большой шаг человеческого общества к цивилизации. Отвлеченное мышление – презумпция человека мыслящего, хотя находки погребений неандертальцев во Франции, Палестине и Крыму дали основание исследователям предположить, что они уже имели представление о существовании духа (58, с.8). О религиозных представлениях нижне-палеолитического-мустьерского человека рассуждают в связи с находками костей пещерного медведя в альпийском Петерсхале и Драхенлохе, которые в каменных ящиках были уложены в определенном порядке. Ученые этот момент связали с охотничьей магией или тотемизмом в его самом примитивном понимании (58, с.9). Допускается, что истоки религии в первобытном анимизме (66, с. 98).

В верхнем палеолите, когда сформировался современный человек, признаки религиозных верований–представлений обозначились более четко. Погребения этого периода явно несут следы ритуала. В это же время появляются памятники материальной культуры – скульптура, пещерная живопись. На стенах пещер, в основном, изображены животные и охотничьи сцены, что также, по-видимому, указывает на охотничью магию. Что касается скульптуры, ориньякские скульптуры, в основном, женские, на больших территориях довольно однообразны – стеатопигические, с подчеркнутыми половыми признаками. Эти изображения, в основном, найдены возле очага, по этой причине их принято считать изображениями «великой матери», «матери очага» или «хозяйки очага» (59, с. 80).

Известно, что большие хозяйственные и социальные сдвиги, в особенности «неолитическая революция» порождают в обществе интеллектуальные новшества, в том числе, в сфере культа (48, с.5). Формирование различных видов производящего хозяйства первобытную религию делает более парцеллярной; постепенно укрепляется и становится многообразной магия, вкладывающая новое содержание в тотемизм и анимизм, последние же, со своей стороны, пополняют магию. Магия, т.е. действия культового характера, особенно своим содержанием, довольно консервативна и способствует утверждению господства в обществе определенных обрядов (66, с. 59). Магические обряды подпитываются определенной идеологией, последняя же тесным образом связана с хозяйственной деятельностью. Магия - это общность определенных обрядов и связана с верой, что человек может воздействовать на природу, людей, животных и, наконец, на богов. Человек очень хочет, чтобы это было именно так, соответственно, верит или его убеждают в этом, но для этого необходимо выполнение ритуала с полным соблюдением обряда (67, с. 95). Зачастую, исполнение магических обрядов вместе с действием требует и словесного сопровождения, как бы его озвучивания, заволагования, просьбы.

Ритуальное словесное соотношение с действием или наоборот, претерпевает определенные изменения и усложняется – от ритуала к ритуалу, в одном и том же обществе и от общества к обществу (38, с.18). Магия существует двоякая - удачная охота,

оплодотворение, рост урожая, вызов дождя и др.; магия запрещающая – табу, воспрещается то или иное действие. Считается, что отсюда начинаются и утверждаются традиции.

В неолитическую эпоху культовые памятники особенно приумножаются, ритуал захоронения усложняется и становится разнообразным. Своеобразной интерпретацией природных явлений человек стремится к их обобщению, появляются комплексы магического действия, задача которых воздействовать на производственно-оплодотворяющие силы; множатся петроглифы и появляются фаллические изображения, в то же время возникают лучистые изображения полукругов и кругов. Допускается вероятность изображения светил; хотя на раннем этапе, возможно, это вовсе не изображения астральных божеств. Позднее, когда появляется ориентация погребальных строений по сторонам света, определенно происходит обожествление светил, что, в свою очередь, связано с развитием земледелия.

В этот период на Кавказе особенно усиливается семейно-родовой культ, что большей частью связано с очагом, и все связанное с ним – огонь, зола – становится святым; усиливаются культы земледелия и животноводства, это же, само собой, связывается с плодородием, и магические обычаи окончательно группируются вокруг очага.

На начальном этапе земледелия, видимо, являлось, в основном, обязанностью женщины, что послужило катализатором возрастания ее роли в общественном труде и ее повышенного общественного положения. Очаг, огонь, приготовление пищи, рождение детей и уход за будущим поколением обуславливают ее особое положение, формируются магические правила-обычаи размножения-оплодотворения, что в конечном итоге завершается формированием культа матери. В картвельском пространстве божество, покровитель, ангел-хранитель семьи и очага – женщина (32, с. 143).

В этнографической действительности Сванети хорошо сохранились древнейшие обычаи, где сохранение огня – обязанность женщины, она слуга культа очага; впервые вводимую в семью невесту обязательно обводили вокруг очага и т.д. (27, с. 120, 151). Эти моменты одновременно отображаются в религии; вновь приумножаются женские скульптурные изображения с резко подчеркнутыми бедрами и грудью, животом и символами оплодотворения. Эти изображения, начиная с эпохи Ориньяка, в Европе и Азии располагались возле очага и являлись «хозяйкой огня», покровительницей его и теперь уже семьи и плодородия. В деле укрепления семьи и очага эти скульптурки приобретают особое значение. В Южном Двуречье засвидетельствовано, что при возведении молельни в ее основание клались скульптурки (51, с. 192). В Чатал-Хуюке скульптуры имелись и в жилищах, а Дж. Мелаарт отмечает, что, покидая жилище навсегда, их никогда не оставляли, а забирали на новое место (68, с. 179-180). Эти скульптуры божества дома и их большое значение особенно хорошо видны в Библии, в том эпизоде, когда Яков, сын Исаака, бежит от тестя и забирает несметные богатства, а жена его Рахиль крадет у отца скульптуры божества очага. Погнавшись за ними, тесть требует лишь возвращения этих идолов (5, с. 31, 30), которые он получил в наследство от своего великого предка, отца Авраама-Тары. Эти скульптуры, в то же время, давали права наследника.

В архиве Нуза, в клинописной надписи было завещание – отец оставляет завещание на большую часть состояния своему старшему сыну и в подарок – скульптурку божества очага. Согласно законодательству Хамурапи, зять, получивший от тестя в подарок идола, имел право на наследство в качестве сына (16, с. 78). Скульптуры идола такой большой силы, естественно, связаны с очагом и располагаются вблизи него, очагу и огню придается большая сила и значение, они пользуются особым почтением в Двуречье и Египте, у народов Сибири и Китая. Даже в Библии бог является в виде огня; в «Книге Еноха»¹ началом всего является огонь, в Ригведе создателем всего является бог огня Агнэ, так же как в Авесте. В Египте – всемогущий Ра – солнце; в греческом – одинаковая основа у Зевса и огня и т.д. (60, с. 181).

Развитие животноводства резко увеличивает производительность труда, хозяйство делается многоликим, что вызывает изменения в религии. Производящее хозяйство зависит от природы, климата, тут и возникает культ природных явлений, вырисовываются новые признаки символических изображений – астральная символика. Предполагается, что тотемический культ преобразуется в обычай жертвоприношения – в жертву приносятся отборные излишки урожая и скота – дабы безболезненно использовать остальное и обеспечить последующий урожай (66, с. 89). Производящее хозяйство заинтересовано в воспроизводстве, что само по себе является носителем идей оплодотворения. Вот здесь создаются итифальные изображения.

На Кавказе, в частности в Грузии, в эпоху энеолита - ранней бронзы, археологические культуры создаются и развиваются на базе крепко связанных друг с другом животноводства и земледелия. Видимо, на более раннем этапе определяющим было животноводство, роль которого в хозяйствовании возрастает по мере развития земледелия, соответственно, развивается и усложняется идеология, сфера культа. На раннем этапе, в сфере социальной организации культа предполагается семейный ритуал. Атрибуция, подтверждающая его на Кавказе (и не только), во множестве имеется в недрах энеолита и раннебронзовой Куро-Араксской культуры. Затем подтверждается ритуал коллективных молельней сельской общины, и, наконец, – храмовый ритуал (39, с. 55). Эта схема развития культово-ритуального служения вполне приемлема, но с коррективом – семейный ритуал не прерывается, существует постоянно, а в некоторых местах Грузии и Кавказа сохраняется и поныне.

В Грузии, в эпоху позднего энеолита уже видна общинная молельня (Тетри Мгвиме, Храмис Диди Гора, Имирис Гора, Бериклдееби²). В эпоху культуры Куро-аракса специальные культово-ритуальные строения имеются в Самшвилде, Квацхелеби, Амиранис-гора (Ахалцихе), Тетри Цкаро. Позднее появляются настоящие храмы (Мохраблур, Кирбет-Керак).

Материалов семейно-культового ритуала эпохи неолита-энеолита пока добыто сравнительно мало. Возможно, причиной этому является малоизученность хорошо сохранившихся жилищ на памятниках круга Сиони-Гинчи. Сравнительно больше этих материалов в кругу Шулавери-Шомутепе. Как мы уже отмечали, подобные материалы

1 «Книга Еноха» полностью найдена в XVIII веке на эфиопском языке; это ценный источник о религиозном мировоззрении иудеев дохристианской эпохи

2 Высказано предположение, что молельня Бериклдееби может относиться к периоду Куро-аракса.

множатся и становятся многообразными в культуре Куро-Аракса. Это очаги для хранения вечного огня, ямы, глиняная пластика, очажные подставки с бычьими рогами или изображением полумесяца и т.д. В Куро-Араксской культуре сильным выглядит культ быка, связанного с очажной подставкой, очагом, вечным огнем. Эти подставки зачастую зооморфны или антропоморфны и в конечном счете связаны с фаллическим культом и оплодотворением. Глиняные скульптуры быка на памятниках раннеземледельческой культуры указывают на их связь с пахотным земледелием, т.к. тесная связь культа быка с последним, по этнографическим данным, происходит с началом использования быка в качестве тягловой силы (62, с. 60). По-видимому, в религии куро-араксинцев уже существовала определенная божественная иерархия. Одно из ранних божеств представляется в облике быка, и его превращение в культ было обусловлено его использованием в качестве тягловой силы. В то же время, он связан с плодородием и, соответственно, с очагом. В культуре Куро-Аракса имеется множество зооморфных объектов поклонения – в виде барана, козы, оленя, собаки, цапли и змеи. Вообще эта культура характеризуется зооморфизмом (39, с. 56), что также широко распространено в передней Азии, Египте, Индии и др. Что касается быка, в этих странах он также особое божество. В некоторых аграрных культах, в частности, в тех странах, где дождь имеет особое значение, бык трансформируется в божество дождя. Поэтому в Ригведе, земля – корова, вода оплодотворяет землю, как бык корову (66, с. 92).

Большой интерес представляет зафиксированный в этнографической действительности Лечхуми (Западная Грузия) сакральный ритуал «бослоба» (религиозный праздник), который празднуют члены семьи с предводительством ее главы. В ритуале упоминается слово «кот-мозвери»¹, отправляется он возле очага и в хлеву, где благословляют каждую скотину, особо же обхаживают быка, просят бога его мощи, от этого зависит благополучие скота вообще (7, с. 154). В ритуале обязательно участвует деревянный или глиняный фаллос. В результате исследования этого ритуала, проф. В.Бардавелидзе сделала вывод, что «босла» - имя божества, покровителя скотоводства, которым в дальнейшем названо помещение для скота «босели» (хлев) (4, с. 103). Предполагается, что слово «босели» производное от слова «бос», которое раньше могло означать бык.² В Рачинском (горная Грузия) варианте «бослоба» упоминается магическое слово «буа», что могло быть именем божества – покровителя скота. В народе оно представлено как мохнатое, волосатое существо, которым пугают детей (7, с. 156).

Интерес представляет цена скота в индоевропейской традиции. Согласно «хеттским законам», пахотный бык был самым дорогим – 12 сиклов серебра, затем следует оплодотворяющий бык – 10 сиклов, яловая корова – 8 сиклов, корова – 7 сиклов (42, с. 572). Я.Киквидзе, думается, совершенно справедливо допускает, что итифальные, антропоморфные очажные подставки Куро-Араксской культуры и их взаимоотношение с очагом указывают, что уже существовал подобный «бослоба» ритуал, тем более, что рога-тые подставки считаются изображением быка, связанным с его культом (14, с. 171). На культ быка указывают фигуры быка, раскопанные в молельне Цхинвальской Нацаргора

---

1 Мозвери по-грузински означает «молодой бык», а слово «кот, кут» обозначает фаллос (3, с. 188)

2 Ср. латинское – Bos

(эта молельня датирована второй половиной II тысячелетия до н. э. – 8, с. 255). В древних религиях бык олицетворяет лунное божество, его рога представляют луну, последняя помещена на голове быка в лунном храме Алтын-Тепе. “Небесным быком” зовется божество Нана в надписи Урского зикурата, молодая луна изображена вместо рогов на голове быка триалетского пояса. В форме лица итифальной, антропоморфной скульптуры, найденной в “В” уровне Хизанаант гора, раскопщик памятника Я.Киквидзе усматривает изображение луны (14, с. 172).

Интерес представляют новогодние традиционные обычаи, зафиксированные этнографически в Грузии. Большая их часть посвящается урожаю, размножению скота и вообще оплодотворению. Наряду с другими действиями, примечательно особое отношение к быку в связи с пахотой и севом. Зачастую, на новый год, наряду с поздравляющим (ведущий обряд), в семью вводили быка, которого три раза обводили вокруг очага (2, с. 144). В грузино-кавказской действительности этнографические исследования подтверждают богатое мифологическое прошлое быка. На тотемное прошлое быка указывает обычай распределения поровну между членами общины мяса жертвенного быка (24, с. 7); велика роль быка в деле возвращения переселенного населения; кровь жертвенного быка рассматривается как символ единства с предками. Бык связан с семьей, родом (12, с. 126). Позднее, христианско-языческий религиозный сонм быка не оставляет без функции. В грузинском быту был засвидетельствован ритуал выпечки хлеба и для быка, для помещения их между рогов (6, с. 201; 2, с. 121), в то же время, производился ритуальный посев – поздравляющий разбрасывал посевное зерно в семье и в хлеву. Исполнение этого ритуала на новый год, т.е. с наступлением января, конечно, указывает, что в раннюю эпоху у грузин новый год совпадал с аграрным. Установлено, что по древнегрузинскому языческому календарю новый год наступал в сентябре, что по времени совпадало с посевной местной пшеницы “Долис пури”.

Первоначально в Грузии бытовали озимые пшеницы; позднее, в связи с появлением весенних зерновых, привнесенных поливным земледелием¹, новый год был перенесен на весну (6, с. 205). Признание быка «поздравляющим вестником» (меквле) было обусловлено тем, что им прокладывалась первая борозда вместе с мужчиной – «меквле».

Позднее, перенос нового года уже на январь лишил их возможности проведения первой борозды и «меквле» приобретает другую функцию² (6, с. 216).

Таким образом, древнейшие обычаи, связанные с размножением-оплодотворением, все же сохранились, и не пропал прочно укоренившийся ритуал, хотя и несколько видоизменился.

Основанным на эмпирических знаниях фенологическим наблюдениям в земледелии придавалось огромное значение; согласование сельскохозяйственных работ с лунными фазами, особенно в процессе вегетации, и сегодня под пристальным вниманием.

---

1 Палеоботаническими исследованиями подтверждено существование сорняков, которые характеризуют только весенний или только осенний урожай, что указывает на двухразовую посевную в некоторых местах, в этом случае в Квемо Картли (62, с.59; 46, с. 48).

2 ** В грузинском языке «квали» – это «след» и «борозда». «Меквле» – это проводящий первую борозду, а также первым переступивший порог дома в новом году и приносящий семейное благополучие.

В связи с этим, в древней Грузии отправлялись особые ритуалы (37, с. 55). Известно, что с помощью биологических часов регулируются физиологические процессы в круглосуточных, сезонных и годовых циклах (40, с. 33), эти процессы связаны с циклом лунных фаз (61, с. 504). Подобные закономерности были известны земледельческим племенам; соответствующие наблюдения над природой давали им возможность определять ритм проведения связанных с лунными фазами аграрных работ (6, с. 193). Соответственно, человек научился по лунным фазам определять время; в иудейских легендах сказано – «луна создана для учета дней» (60, с. 83). Здесь же необходимо отметить, что по мнению акад. И.А.Джавахишвили, главное божество грузинского языческого пантеона луна - мужского рода (37, с. 60).

Из этого краткого обзора хорошо видно, как в посвященных оплодотворению обрядах связаны между собой культ быка, луна, очаг и их атрибуция. По-видимому, ранее возле очага исполнялись культовые церемониалы с адорационными моментами. Интересно, что отображающие адорацию изображения с резко выраженными фаллическими признаками имеются еще на энеолитических памятниках (Арухло, Имирисгора) (22, таб. X 1; 34, с. 57). Расположенный в центре жилища куро-араксинцев очаг и за ним центральный опорный столб, вдоль стены – глиняная пристройка, зачастую украшенная астральными знаками (50, с. 26, таб. 15) – это особые ритуальные места.

Таким образом, в результате своеобразного восприятия явлений природы человек старается магическими действиями воздействовать на природу. Для этого, наряду со многим другим, создает и выполняет посвященные оплодотворению ритуалы, во всех необходимых случаях – будь то оплодотворение человека, размножение скота или увеличение урожая, а в последнем случае – соответственно, оплодотворение земли. Приумножаются изображения фаллоса¹. Дальнейшее развитие-усложнение идеологических представлений вызвало появление алтарей в жилых помещениях – в виде полкообразных возвышенностей за очагом, что столь широко распространено в Куро-Араксской культуре. Аналогична картина и в синхронной Кукутен-Трипольской культуре (63, с.99).

Возрастание удельного веса скотоводства способствует упрочнению ритуала оплодотворения; соответственно, развивается и земледелие, и культы, посвященные увеличению урожайности. Я.Киквидзе предполагает, что Куро-Араксский круглый очаг для сохранения вечного огня ассоциируется с солнцем. Солнце в грузинском астральном пантеоне – женского начала, как и очаг, хранительницей которого является также женщина. На поселении Хизанаант-гора, в бордюрной обмазке очага помещенные пшеничные зерна – действо, посвященное оплодотворению–размножению (13, с. 85), мужское же начало здесь олицетворяют рогатые очажные подставки или сами изображения фаллоса. Интерес представляет найденная в Трипольской культуре женская глиняная фигура, в черепок которой вкраплены пшеничные зерна и мука. Таким образом, в аспекте культа оплодотворения полностью смыкается связь женской скульптуры, очага – соответственно, солнца и итифальных изображений (55, с. 34).

¹ Силен культ «Великий матери» (оплодотворение) и мужского божества с изображением быка в Трипольской культуре IV-III тысячелетия до н.э. (47, с. 85); таким же выглядит культ быка в Майкопской культуре (52, рис. 34).

Очаги для хранения вечного огня в Западной Грузии зафиксированы в период раннего неолита (9, с. 39); были ли они уже ритуального содержания – подтверждения этому отсутствуют, но по своему назначению это можно допустить, тем более, что в жилищах подтверждается присутствие и хозяйственных очагов. О явно культовых очагах с уверенностью можно говорить в Восточной Грузии – очаги Шулаверис-гора, которые также неолитического времени, но уже развитого этапа (14, с. 163). Культовые очаги найдены также в Западной Грузии – Имерети в энеолитическом слое Сагварджиле. Возле очага были ручные зернотерки, орудия из рога наподобие сохи, веретена, колесообразные предметы; предназначением этого очага считают сохранение вечного огня и постольку он имеет культовое назначение (20, с. 71). Здесь же найден изготовленный из камня фаллос (20, с. 70). Подобные культовые очаги для сохранения огня найдены в этом регионе в т.н. “ритуальном дворце” пещеры Тетри Мгвиме, где, наряду с веретенами, фигурками животных и бычьими рогами, также найдены фаллосы, изготовленные из камня и глины (11, с. 101). Это самый ранний случай находки изображений фаллосов в Грузии и, вероятно, на Кавказе. Энеолитические слои Сагварджиле и Тетри Мгвиме раскопщиками датируются концом V тысячелетия до н.э. (11, с. 143). По-видимому, с этого времени уже можно с убедительностью говорить о культе фаллоса в Грузии.

В Куро-Араксской культуре, в процессе формирования которой отводится определенная роль энеолитической культуре горной полосы Имерети (Зап. Грузия) (44, с. 49; 19, с. 42), культ фаллоса занимает определенное место, чему были некоторые предпосылки как в западно-грузинской энеолитической культуре, так и в восточно-грузинской докуро-араксской культуре. Именно в последней появляются рогатые очажные подставки, изображающие быка, указывающие на его культ и, соответственно, на связь с оплодотворением и культовым очагом. Изначально, акад. О.Джапаридзе рогатые подставки связал с культом быка, определив его началом эпохи энеолита (33, с. 28).

С очагом связан второй тип подставок – т.н. “подковообразных”, множество которых найдено в бассейне рр. Куры и Аракса, в определенной степени также связанных с культом быка (14, с. 168). В то же время, найденные на памятнике Куро-Араксской культуры – Ахалцихской Амиранис гора - подковообразные очажные подставки антропоморфны, изображают сидящего мужчину с итифальным знаком и, зачастую, с бычьими рогами. Раскопщик этого памятника Т.Чубинишвили справедливо отмечал, что эти подставки олицетворяют мужчину с раздвинутыми ногами и итифальными признаками, а не богиню с распростертыми руками, как это предполагал акад. Куфтин (29, с. 66). Именно подобные очажные подставки и фаллосы в представлении куро-араксинцев являлись оплодотворяющими культовых очагов женского начала. Подобный фаллос найден в долине р. Иори, на памятнике Куро-Аракса, на Орхевском поселении в глиняном, культовом очаге; за ним был подиум, на котором стояли ритуальные глиняные сосуды (50, с. 25). Глиняные и каменные фаллосы найдены в Западной Грузии, на позднеэнеолитическом поселении Чакви, в очаге (43, с. 12, таб. 8-16).

Интерес представляет женская глиняная скульптурка, найденная на энеолитическом поселении Гуандра, в Абхазии, и рядом с ней – рогатая очажная подставка, которая представляет объединенную комбинацию быка и фаллоса (64, таб. X VII).

Глиняный фаллос найден на поселении позднего триполья в Молдавии – Старие Бадраже, совместно с семью глиняными фигурами быка и маленькой женской скульптурой (99, с. 220). В очаге и возле него фаллос найден и в Армении, на поселении Арич (65, с. 71, рис. 32); на Северном Кавказе, могильнике Загли I; модель каменного фаллоса, совместно с куро-араксской керамикой, найдена в каменном ящике № 4 (57, с. 29). Насколько нам известно, это единственный случай находки на Кавказе изображения фаллоса в погребении этого периода. В Куро-Араксских погребениях не встречаются предметы, связанные с ритуальным очагом – культовые подставки, модели очагов или их обломки, тем более, изображение фаллосов. Позднее, в погребениях появляются миниатюрные модели фаллосов, используемые в виде подвесок апотрофного характера, как защита от дурного глаза, которые, видимо, не должны быть связаны со служением культу плодородия. Предметы, предназначенные к использованию или уже использованные при отправлении культа (напр. скульптуры, разбитые при жертвоприношении), вместе со святой золой, извлеченной из очага, закапываются в ямы, где, по-видимому, также отправлялся определенный ритуал. На памятнике Ярим-тепе подтвердилось, что при ритуале разбивают ритуальные предметы – антропоморфные сосуды, глиняные скульптуры, и по окончании церемонии “хоронят” в специальной яме (51, с. 209). Эти ямы на поселениях изначально предназначались для хранения зерна, которое также “свято”, по надобности ими же пользовались в ритуале. На поселении Куро-Араксской культуры, Бадаани, были раскопаны большие ямы (2 x 2 м); в двух из них было зафиксировано 6-7 слоев (каждый 25-30 см толщиной) зольно-угольной массы с обломками керамики. Каждый слой был перемазан глиной и золой. На дне ямы были уложены овечьи щиколотки. Интересно, что одна половинка пополам сломанного кувшина находилась во втором слое, вторая же - в шестом. Эти факты указывают, что заполнение ям не хаотично, а подчиняется определенному ритуалу. Первоначально ямы были хозяйственного назначения: для хранения зерна и другой снеди. Такая яма уже сакральна, также свята зола из очага, особенно культового, и все предметы, связанные с очагом – подставки, ритуальные сосуды. Их выбрасывание на свалку табуировано, эти обычаи подтверждены и в этнографической действительности.

Фаллический культ сам по себе выражается в обоготворении детородных органов; поклонение изображениям genitali-ев, видимо, выражалось как в подношении пожертвований, так и в отправлении определенных ритуалов; при том, фаллические изображения сами становятся участниками ритуала. Этот культ одинаково распространен как в народах различного уровня развития, так и в классическом мире. Индоевропейские и семитские религии, включая Египет, несут следы фаллического культа. Известно, что греко-римский фаллический культ, сконцентрированный, в основном, вокруг Дионисия и Афродиты, позаимствован из семитской религии. В культе Диониса, при сборе урожая исполнялись т.н. фаллические песни и процессия несли изображения фаллосов, а ее участники на шее также подвешивали их изображения. В этом случае изображения становятся апотропными, начало же, конечно, культ оплодотворения. В Сирии, у входа в храмы Астарта и Атиса находились изображения фаллосов со всеми фаллическими сценами из культа Астарта. В храме Дионис, в Пропилеуме стояли два грандиозных фаллоса с надписью, что Дионисий их посвящает Гере. Составной фаллического

культы является обряд обрезания. Ученые его рассматривают как магический акт, как символическое изображение кровавого жертвоприношения. В этом случае богу жертвуется часть такого значительного органа, который, сам по себе, предмет культа. Это один из старейших обрядов, который одинаково выполняли как американские индейцы, австралийцы, полинезийцы, так и африканские племена. Обрезание было распространено в Египте, откуда его позаимствовали евреи. Предполагается, что египтяне и арабы этот обряд переняли от эфиопцев, а от них – турки (16, с. 74). Причиной такого широкого распространения обряда обрезания должно быть существование мощного фаллического культа среди этих народов, что в связи с утверждением генотеизма узаконивало определенное жертвоприношение всевышнему.¹

Интерес представляет еще один момент, связанный с фаллическим культом. Из Библии известно, что во время путешествия Авраама в Ханаан, бог ему повелевает свое племя превратить в общину, связанную единым культом, и в знак этого выполнить обряд обрезания. Тот, кто отказывался от этого, не мог быть членом племени Авраама. Последний сам отказывается от своего языческого прошлого и нарекает себя Авраамом. Фактически он начинает проповедовать монотеизм. В этом случае, более древний фаллический культ жертвуется новому божеству, хотя окончательно не теряет своей силы. Подтверждением тому служит один библейский эпизод, когда Авраам посылает своего верного слугу Элиазара в Каран к брату Накору, дабы выбрать достойную жену из своих же – для Исаака. Авраам заклинает Элиазара – “2. сказал Авраам своему послушнику... положи мне руку в пах. 3. заклинаю Богом, владыки небес и земли..” (5, гл. 24, 2, 3). В древнееврейском тексте прямо написано: “возьми в руки мое причинное место и поклянись” (25, с. 117). Из этого отрывка явствует, насколько силен фаллический культ. Это начало II тысячелетия до н.э., когда отец Авраама – Тара выходит из Ура, в это время фаллический культ силен и в Междуречье.

В связи с культурами оплодотворения и фаллоса, интересно наблюдение акад. Г.Читая в Грузии, в Тетрицкарской области - засвидетельствование обряда против засухи - “пахота земли”, где пахота представлена как акт оплодотворения, чтобы пошел дождь; здесь земля женского пола, а соха – фаллос (28, с. 309-311). Обычай “пахоты земли” засвидетельствован в Кахети (36, с. 228-230), а в Тианетском районе этот обычай засвидетельствовал известный грузинский писатель Рафиэл Эристави – он повествует, что 8 пар девочек в р. Иори, в обе стороны провели соху (10, с. 98). Интересно, что ритуал оплодотворения и в этом случае отправляют женщины, что является отголоском древнейших обычаев. Акад Г.Читая дает очень интересную справку о том, что в археологическом музее Флоренции хранится античная чаша с изображением сохи – одновременно фаллоса (28, с. 310. А.С. 125). Интересна справка Ир.Сонгулашвили о том, что в северной Грузии, в ущелье Арагви, в с. Земо Млета зафиксировано четырехугольное каменное строение в виде подножья с вставленным в него каменным фаллосом. Подобное же каменное подножье видел он и в каменной ограде церкви Квирацховели (23, с. 267-278).

---

¹ Согласно Геродоту, на раннем этапе, обряд обрезания был распространен и среди колхов (37, с. 29).

Интересно, что в Чувашии культ оплодотворения рассматривался как тайный союз бракосочетания земли с сохой (58, с. 169). У мордовцев весной, во время цветения бытовал магический обряд "кража земли", чему придавался облик бракосочетания. Выбранный "жених" шел на урожайное поле, в 7 местах брал землю, как "невесту", и рассыпал на своей земле (58, с. 170). В древней Греции, во время известных элевсинских мистерий обращались к небесам с мольбой "выпадай дождь потоком" и сделай землю "беременной", т.е. небо в образе дождя оплодотворяло землю (60, с. 197). В этом случае небо – мужчина, в грузинской мифологии мужчина – луна, а земля, почти везде – земля-мать, т.е. женщина, которая оплодотворяется.

В результате археологических раскопок в Грузии добыто множество интересных скульптурок, которые безусловно связаны с культом фаллоса. Особо стоит отметить позднебронзовые и античные скульптурки из клада Степанцминда и Зекари (1, таб. 11-12). Скульптуру, найденную в Кахети, Мелаани, которую К.Пицхелаури тотчас связал с культом оплодотворения (26, таб. XVI – 1, 2). На Ванском городище, между двумя погребениями, в яме, высеченной в скале, была зарыта железная, маленькая, итифальная мужская скульптурка (22, таб. 23). В Агаяни в погребениях № 3 и № 5 найдено 7 подвесок с изображением фаллоса и одна подвеска – фаллическое изображение кулака (18, таб. III). Аналогичные подвески найдены в Мцхета, на Самтаврском могильнике (45, с. 136).

Культ фаллоса распространен по всему миру. Известен в Индии, в Малой и Передней Азии, в древнем Риме и Греции (17, с. 123-125), в сибирских народах и Японии (41, с. 60). В Грузии во многих местах засвидетельствованы различные каменные или бронзовые фаллосы (17, с. 126-129). Каменные памятники, связанные с культом фаллоса, известны в Триалети, в с. Тези, близ Дигоми – в Дидгори, в с. Млети, у Красного моста, в Кавтисхеви (21, с. 197, рис. 9, 11, 12, 21); из с. Мурджахети (56, с. 93, 94) бывшего Ахалкалакского уезда.

Близ Тбилиси, в с. Дигоми, помещенный в церкви им. св. Георгия каменный фаллос (пропал в 1996-97 гг.) среди населения славился как животворный столп. Этнограф Дж.Сонгулашвили в 1952 г., со слов сказителя, записал следующее: "если женщина была бесплодна, по осени собирались женщины, войдя в церковь, молились у этого столпа, принося подношения – пшеницу, овес и др. На эту молитву мужчины не допускались. Пожилые женщины водили хоровод, а бесплодных подпускали к столпу; она должна была прикоснуться к столпу и после этого могла понести. Этот камень вначале стоял ниже церкви в капище, а когда выстроили церковь – перенесли внутрь."

В Грузии зафиксированы древнейшие ритуальные праздничные обряды "Берикаоба", "Кееноба", "Адрекилаи" "Самкисао" и др., в которых сохранились древнейшие пласты культа фаллоса (37, с. 64-76; 35, с. 33).

Вкратце коснемся института "Берикаоба" ("ряженные"), который в последнее время превратился в новогодний ритуал. Обряды-обычаи, связанные с "Алилоба-берикаоба", засвидетельствованы в быту многих народов мира (6, с. 120, с. 174); эти ритуальные действия, связанные с плодородием, в дальнейшем видоизменились. В это время "ряженные", в масках, ходили по домам, благословляя семью, исполняли песни, восхваляющие размножение – изобилие. Для аналогичных культовых деяний предназначалась, по-видимому, антропоморфная маска, фрагменты которой найдены на по-

селении Хашурской Нацаргора в Куро-араксском слое (53, таб. 36). Это изображение почти повторяет найденное в Жинвали (Арагвское ущелье), на куро-араксском памятнике "божество", на верхней, поврежденной части которого предполагается существование рогов; помещение было молельней (54, с. 131-133). Также схожи антропоморфные изображения на культовых сосудах Бадаанского поселения (22, таб. LXXIX). Все эти изображения очень схожи и являются атрибутами общего культового ритуала, может, именно "Берикаоба".

«Берикаоба» – тот языческий праздник, который отправлялся весной в связи с началом хозяйственного года. В свое время этот ритуал посвящался обряду оплодотворения и в определенной мере был связан с культом фаллоса (1, с. 71). «Берика» («ряженный») на шее носил выточенный из дерева фаллос. Существующие в Грузии разновидности «Берикаоба» – «Мелиатулепия», «Сакмисаи», «Адрекилаи», «Харикела», видимо, одного происхождения. Акад. Ш.Амиранашвили справедливо отмечает, что «Берикаоба» весьма похожа на весенние мистерии Дионисия (1, с. 71). Найденные в Грузии во множестве итифальные скульптурки являются олицетворением именно этого ритуала и связаны с ним. Подобный культовый праздник засвидетельствован в Сванети, сел. Хадиши – «Личешиноба». В этом ритуале главное «гвати» – 3-6-метровый еловый шест, которому отцы сыновей приносят жертву, на «гвати» матеря повязывали ткань «дурша» (7, с. 169). Родители молили культовое дерево о мужской силе своего сына. Ель святым деревом считали еще в Шумере (15, с. 125). «Гвати» в определенной мере и святое дерево, и «Личешиноба» – праздник плодородия, «гвати» же отголосок культа фаллоса.

Таким образом, ритуальный обряд оплодотворения и культ фаллоса в Грузии и на Кавказе засвидетельствованы с эпохи энеолита (31, с. 15), видны и в этнографической действительности, сохранились до середины прошлого века.

Литература

1. Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. I, Тб., 1944.
2. Бардавелидзе В. Календарь сванских народных праздников, I, Тб., 1939.
3. Бардавелидзе В. Из истории древнейшей веры Грузии, Тб., 1941.
4. Бардавелидзе В. Образцы грузинского (сванского) обрядового графического искусства. Тб., 1953.
5. Библия. Издание грузинской патриархии. Тб., 1989.
6. Брегадзе Н. Грузия, независимый очаг земледелия. Тб., 2004.
7. Бухрашвили П. Жилище грузинского народа в быту и культуре в древности. Тб., 2005.
8. Гобеджишвили Г. Сталинирская Нацаргора. "Мимомхилвели", II, Тб., 1951.
9. Григолиа Г. Неолит Центральной Колхиды. Палури. Тб., 1977.
10. Эристави Р. Фольклорно-этнографические очерки. Тб., 1986.
11. Каландадзе К. Тетри Тгвиме. Тб., 1994.

12. Канделаки М. Аманатство и обычай "складства быком и котлом" (по этнографическим данным горцев Восточной Грузии). Известия Академии наук Грузии, I, Тб., 1984, с. 117-129.
13. Киквидзе Я. Раннебронзовое поселение Хизанаант гора. Тб., 1972.
14. Киквидзе Я. Земледелие и земледельческий культ в Грузии. Тб., 1976.
15. Кикнадзе З. Шумерская мифология. Тб., 1969.
16. Косидовский З. Библейские сказания. Тб., 1976.
17. Макалатия С. Культ фаллоса в Грузии. "Мимомхилвели", I, Тб., 1926, с. 122-136.
18. Мирианшвили Н. Из истории материальной культуры Шида Картли. Тб., 1983.
19. Мирцхулава Г. Некоторые вопросы развития поселений раннеземледельческих культур. Кавказ – Вопросы археологии эпохи неолита-бронзы. Журн. "Дзиебани", дополн. VI. Тб., 2001, с. 40-45.
20. Небиеридзе Л. Энеолитическое поселение пещеры Сагварджиле. Тб., 2003.
21. Рехвиашвили Н. Молельня "Мзиури" (Гиуне). Вестник Государственного музея Грузии. XXIV. Тб., 1963, с. 187-231.
22. Коллектив авторов. Археология Грузии, II. Тб., 1992.
23. Сонгулашвили Ир. Тринадцать дней в ущелье р. Мтиулетской Арагви. Вестник Государственного музея Грузии. XV. Тб., 1940, с. 267-278.
24. Сохадзе К. Из истории борьбы древнейшей грузинской религии и ее пережитков.
25. Таксиль Л. Занимательная Библия. Тб., 1963.
26. Пицхелаури К. Древнейшая культура племен, населяющих территорию бассейна рр. Иори-Алазани. Тб., 1965.
27. Чартолани М. Из истории материальной культуры грузинского народа. Тб., 1961.
28. Читая Г. Этнографическое путешествие в Амбулахский р-н. Труды III, Тб., 2001, с. 292-316.
29. Чубинишвили Т. Амиранис гора. Тб., 1963.
30. Чубинишвили Т. Древнейшая культура Двуречья Куры и Аракса. Тб., 1965.
31. Чубинишвили Т. Попытка одной датировки из истории культа плодородия. Вопросы археологии Грузии. Тб., 1978., с. 13-16.
32. Цанава А. Грузинская мифология. Тб., 1992.
33. Джапаридзе О. К истории грузинских племен на ранней ступени производства металла. Тб., 1958.
34. Джапаридзе О. У истоков истории Грузии. Тб., 2003.
35. Джалабадзе Г. Полеводство в Сванети. К этнографическому изучению Сванети. Тб., 1970.
36. Джалабадзе Г. Культура полеводства в Грузии. Тб., 1971.
37. Джавахишвили Ив. История грузинского народа. I. Тб., 1960.
38. Абрамян Л. Три уровня в структуре магического обряда. Конференция "Идеологические представления древнейших обществ" (ИПДО). Тезисы докладов. М., 1980.
39. Арешян Г. Элементы религиозных представлений эпохи зарождения городской цивилизации (по материалам Куро-араксской культуры). Конференция ИПДО, т.д. М., 1980.
40. Брюнинг Э. Ритмы физиологических процессов, ("Физиологические часы"). М., 1961.
41. Василевский Р. Идеологические представления неолитических племен тихоокеанского региона (по археологическим материалам Южного Амура, Приморья, Северной Японии). Конференция ИПДО, М., 1980.

42. Гамкрелидзе Т., Иванов Вяч. Индоевропейский язык и индоевропейцы, II, Тб., 1984.
43. Григолия Г., Мирцхулава Г. Итоги работ археологической экспедиции по изучению каменного века Менгрелии. ПАИ в 1974 г. Тб., 1976.
44. Джапаридзе О. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тб., 1989.
45. Иващенко М. Мцхета III, Тб., 1980.
46. Лисицина Г., Прищипенко Л. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
47. Маркевич В. Новые данные о трипольских верованиях по материалам Молдавии, Конференция ИПДО, т.д.М., 1980.
48. Массон В. Изучение идеологии древних обществ. Конференция ИПДО, т.д. М., 1980.
49. Массон В., Мерперт Н., Мунчаев Р., Черниш Е. Археология СССР, Энеолит СССР. М., 1982.
50. Мирцхулава Г., Мирцхулава Н. Экспедиция Иорского ущелья, ПАИ в 1988 г. Тб., 1997.
51. Мунчаев Р., Мерперт Н. Раннеземледельческое поселение Северной Месопотамии. М., 1981.
52. Мунчаев Р. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
53. Рамишвили А. Раскопки в Хашурском районе в 1984-86 гг. ПАИ в 1986 г. Тб., 1991.
54. Рамишвили Р., Джорбенадзе В., Гогелия Д., Глonti М., Чихладзе В., Робакидзе Ц., Маргвелашвили М., Мухигулашвили Н., Рчеулишвили Г., Циклаури Д., Ломидзе Ц., Каландадзе З., Циклаури И., Церетели К. Археологические исследования в Арагвском ущелье, ПАИ в 1978 г. Тб., 1981.
55. Рибакoв Б. Космогония и мифология земледельцев энеолита, СА. I. М., 1965.
56. Ростомов И. Ахалкалакский уезд в археологическом отношении. СМОПК XXV, Тб., 1893.
57. Ростунов В. Куро-аракские могильники Северной Осетии, погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
58. Токарев С. Религия в истории народов мира. М., 1964.
59. Урушадзе Н. Изобразительная символика палеолита в Грузии. Тб., 1989.
60. Шахнович М. Первобытная мифология и философия. Л., 1971.
61. Штенберг А. Первобытная религия. Л., 1936.
62. Чубинишвили Т., Челидзе Л. К вопросу о некоторых признаках раннеземледельческой культуры. "Мацне" 3. Тб., 1979.
63. Цвек Е. Некоторые вопросы становления идеологических представлений трипольских племен Буго-Днепровского междуречья. Конференция ИПДО, т.д. М., 1980.
64. Цвинария И. Поселение Гуандра. Тб., 1978.
65. Хачатрян Т. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.
66. Эншлен Ш. Происхождение религии. М., 1954.
67. Ямпольский З. Некоторые археологические факты и дорелигиозная первобытная магия. Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Ив.Джавахишвили. Тб., 1976.
68. Mellaart J. Catal-Huyuk: A Neolithic town in Anatolia, London, 1967.

FROM THE HISTORY OF FERTILITY CULT

Summary

The formation of religion is one of the most important and interesting achievements in the development of society. Reasoning about the early stages of the development of religion is naturally carried out according to archeological materials. Apparently primitive people gained the opportunity of religious abstraction with the formation of homo sapiens, although some features had manifested in the actions of the lower Paleolithic men.

Religious thinking became the fact in the upper Paleolithic epoch. Burial places with implements and those colored with ochre as well as sculpture and cave painting appeared in that period. Concepts about natural forces and desire for their well-disposed attitude were being created.

Economic and social progress that followed the "Neolithic revolution" caused novelties in the field of cult as well. Magic rituals arose. Magic customs are fed with a certain ideology and ideology is connected with economic activities.

The productive economy was based and depended on nature and climate and so the cult of natural phenomena appeared. In essence, the productive economy was connected with the idea of fertilization-reproduction that caused the creation of phallic cult. The images of stone and clay phalluses appeared on the Eneolithic monuments in West Georgia and increased in number in the Kura-Araxes culture. Apparently a certain hierarchy of deities appeared in the religion of the Kura-Araxes people. One of the early deities was bull as a fertilizing agent and especially as a draught force. The bull cult was connected with the moon that was a controller of economic cycle itself. The bull was connected with the moon, fireplace and fire and accordingly with the sun and thus an interesting cult pantheon was created. The fertilization cult had been a dominant, strengthened in ritual customs and was testified in ethnographic reality millennia later.

Мирцхулава Гурам Ильич

Археолог, доктор исторических наук

Национальный музей Грузии

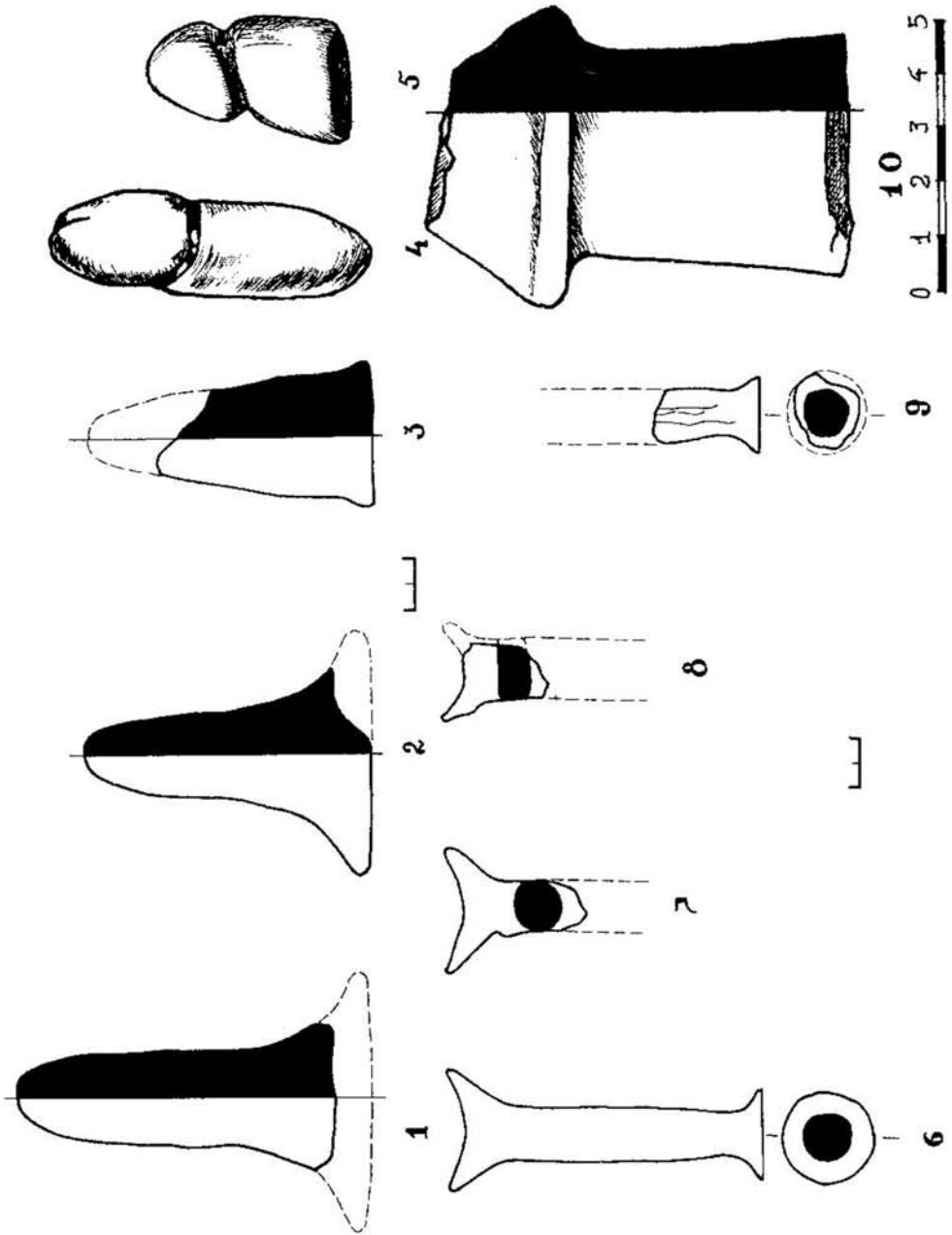
Тбилиси, ул. Узнадзе №14

Тел: 99-71-53; моб: 899 74-69-32

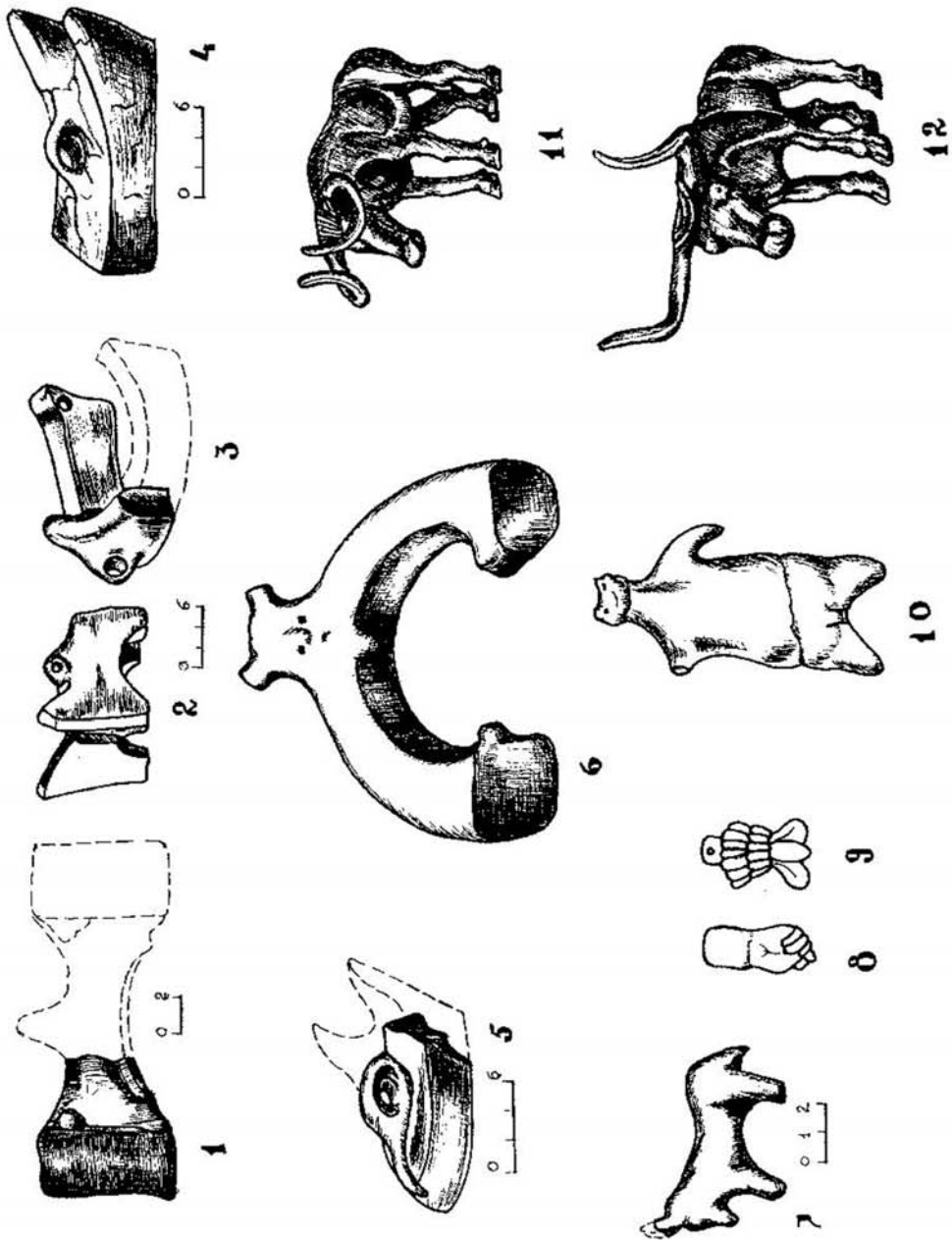
Описание таблиц:

- I. рис. 1, 2 – глиняные и рис. 3 – каменное изображение фаллоса из энеолитического поселения Чакви
рис. 4. Каменное изображение фаллоса из поселений Квацхела, Куро-Араксская культура
рис. 5. Каменный фаллос из энеолитического слоя Сагварджиле
рис. 6-9. Рогатые фаллосы из энеолитического и раннебронзового слоев поселения Гуандра
- II. рис. 1, 2, 3, 4, 5 – глиняные очажные подставки из Куро-Аракских поселений Армении
рис. 6. Итифальная очажная подставка из поселений Амиранис Гора – Куро-Араксская культура
рис. 7. Глиняное изображение быка из поселения Цихеагора – Куро-Араксская культура
рис. 8-9. Фаллические подвески из могильника Агаиани (III в до н.э.)
рис. 10. Скульптура из поселения Хизанаант Гора – Куро-Араксская культура
рис. 11-12. Скульптуры быка из Майкопской культуры
- III. рис. 1. Глиняная маска из поселения Нацар-Гора – Куро-Араксская культура
рис. 2. Фрагмент глиняного алтаря из Ахали Жинвали – Куро-Араксская культура
- IV. Керамика из поселения Бадаани - Куро-Араксская культура
- V. рис. 1. Керамика из Квемо Араниси - Куро-Араксская культура
рис. 2. Скульптура из Шилда (XIV-XIII в. до н.э.)
рис. 3, 4. Итифальные изображения из энеолитического поселения Арахло
рис. 5. Каменная скульптура из Арахло
рис. 6. Скульптура из Мелаани (VIII-VII вв. до н.э.)
- VI. Итифальные скульптуры из Стефанцминдского клада (VI-V вв. до н.э.)
- VII. рис. 1. Стефанцминдский клад (VI-V вв. до н.э.)
рис. 2. Скульптура из Зекари (Кутаисский музей)
рис. 3. Скульптура из Вани (III в. до н.э.)
- VIII. Каменные фаллические столпы – рис. 1. из Красного моста;
рис. 2. Из с. Дигоми; рис. 3. Из с. Млета; рис. 4. Из с. Кавтисхеви.

I

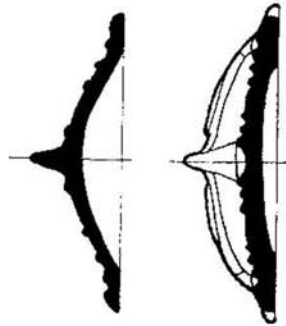
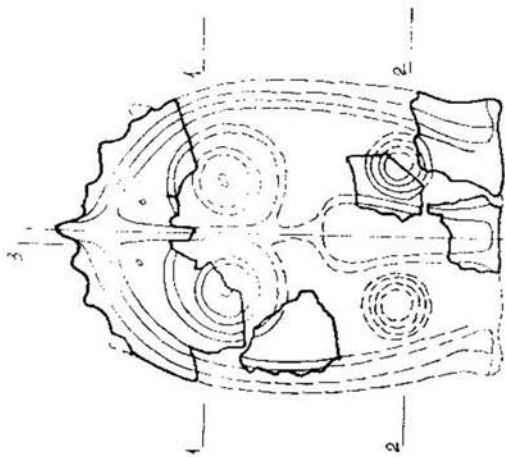

III

2

1

III

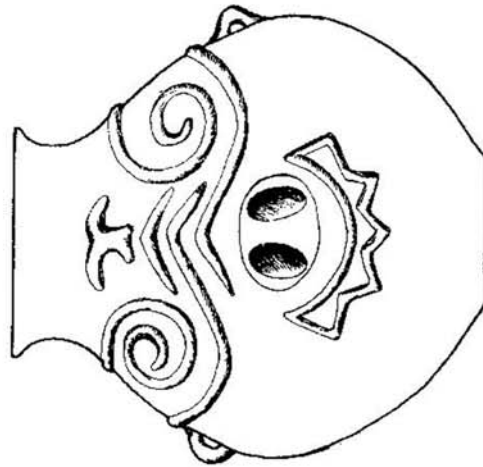
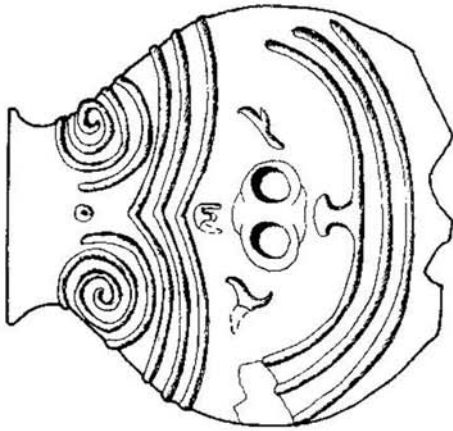
IV

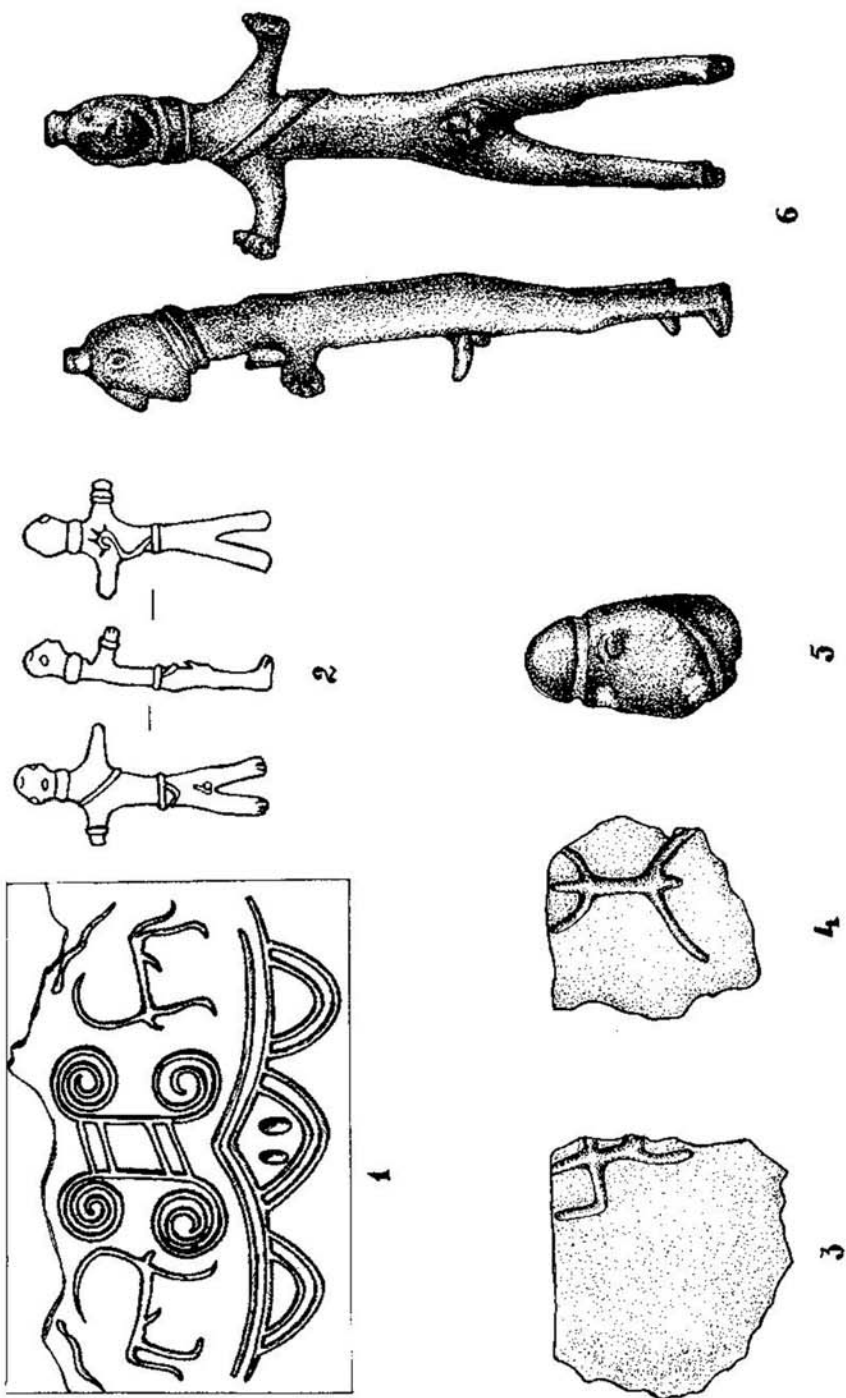
1

2

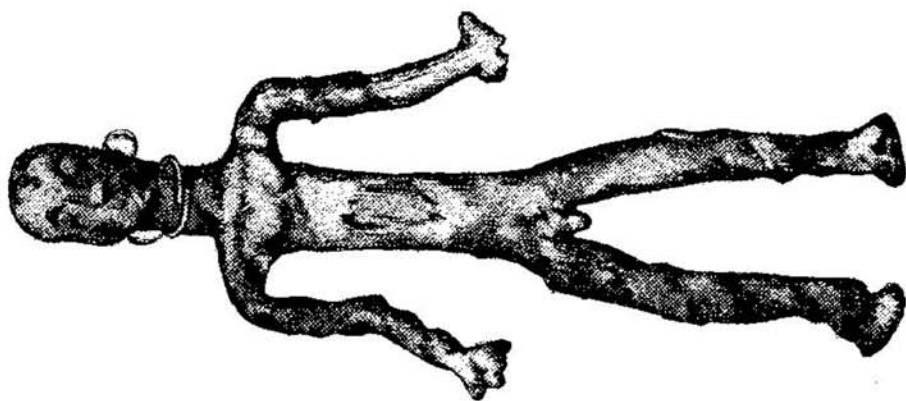

V

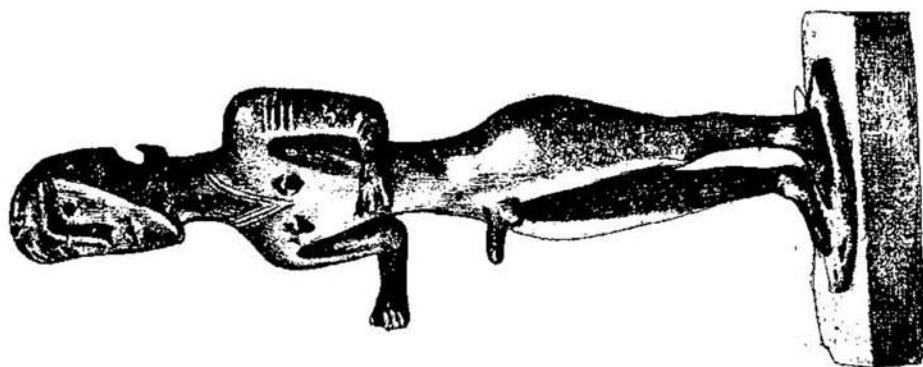

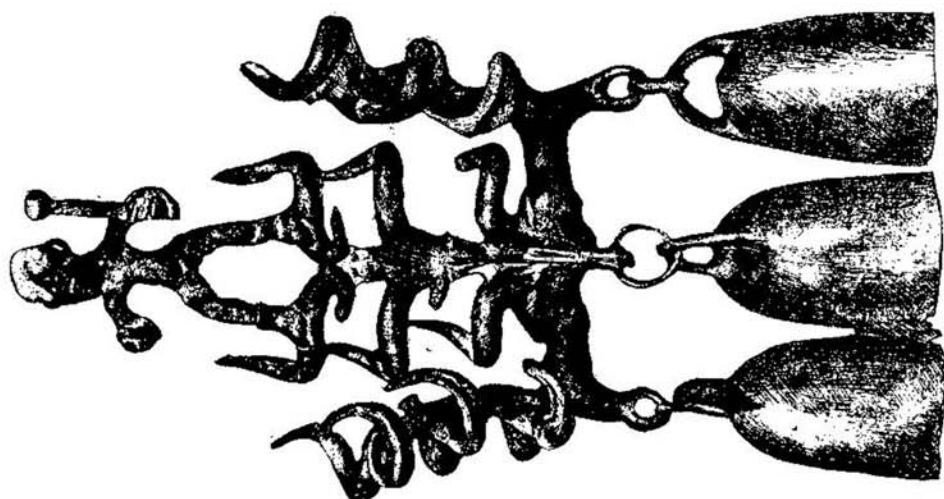
VII

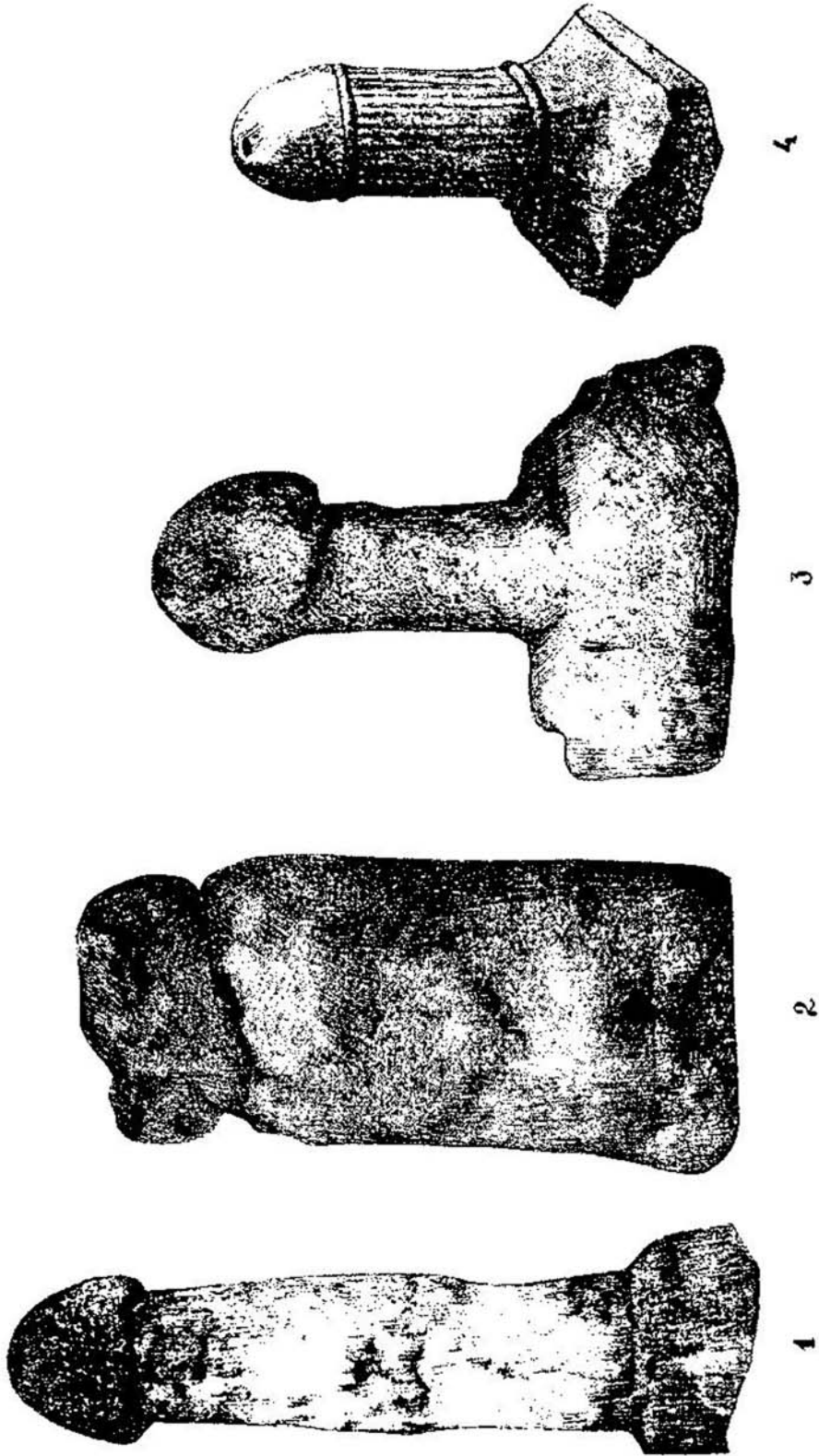
3

2

1

ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(Дманиси)

С точки зрения археологии каменного века, Грузия является одной из классических стран на Евро-Азиатском континенте, где обнаружены древнейшие поселения человека и все закономерные ступени его развития, в результате изучения соответствующих археологических памятников.

На основании типологически-технологических исследований грузинских археологических материалов вполне возможно разработать хронологическую схему периодизации и закономерного развития общества, для Евро-Азиатского континента.

Благодаря археологическим исследованиям на Кавказе, особенно в Грузии, выявлено столько значительных памятников каменного века, что наша страна с этой точки зрения не сравнима даже с таким классическим регионом развития палеолита, каким является департамент Дордона (Франция). Эти слова принадлежат известному грузинскому ученому Ал. Каландадзе, который подразумевал существующее в Грузии положение в 70-х годах прошлого столетия (5).

С тех пор прошло много времени и в Грузии обнаружено ряд новых памятников разного периода, типа пещерообразных поселений (Цона, Кударо - 1-3, Цопи, Дручула, нижний слой Сакажия и т.д.) и открытого типа, которые являлись долговременными местами жительства, временных стоянок или сезонными укрытиями охотников.

Но ничто не сравнится с сенсационными открытиями конца 20-ого века, зафиксированными в Дманиси (12).

Как известно, дманисское средневековое поселение находится в 85 км. юго-западнее Тбилиси, на мысе рек Машавера-Финезаури, который образовался на высоте 90 м. в результате извержения вулканических лав примерно 2 мил. лет тому назад. Известные грузинские ученые В.Джапаридзе, Д. Копалиани, Д. Лорткипанидзе, А.Векуа, М. Ниорадзе вели в Дманиси интенсивные археологические раскопки. В обнаруженных ими средневековых хозяйственных ямах, зафиксирован палеонтологический материал, датированный проф. А. Векуа ранним четвертичным периодом (1;2;3).

В результате расширения раскопочной площади (1991 г.) были обнаружены: нижняя челюсть (с 16 зубами) древнейшего человека, примитивные орудия галечной индустрии, многочисленные уникальные образцы фауны (страус, антилопа, жираф, бизон, острозубый тигр, южный слон, этрусский носорог) и флоры (1;4;6;10). Обнаруженные в Дманиси части нижние челюсти грузинские ученые (Л. Габуня, А. Векуа, Д. Лорткипанидзе) причислили к группе Homo erectus, которые отличаются совокупностью архаических и прогрессивных элементов. Человека, который создал примитивные орудия галечной индустрии, обнаруженных в Дманиси, считают одним из самых древних гоминидов в Евро-Азии, возраст которого исчисляется в 1 млн 700 тыс.-1

млн. 800 тыс. лет. Предполагают, что он добрался до Грузии из восточной Африки по т.н. Левантскому коридору, где как предполагают, проходили миграционные пути на запад и северо-запад (1;4;6;7;10;12). Уникальные археологические открытия в Дманиси имели эффект разразившегося грома на ясном небе. Дманиси моментально привлёк внимание ученых всего мира. Желание принять участие в археологических раскопках выразили ученые из Германии, Франции, Японии, США, России, Бельгии, Испании, Ирана, Азербайджана, Израиля. В. Любин, известный петербургский ученый, специалист в области изучения каменного века на Кавказе, от всей души поздравил грузинских ученых с дманисскими триумфальными, археологическими открытиями. Такеро Аказава, японский учёный, назвал Дманиси одним из главных центров по изучению происхождения человека и его расселения (6).

Примечательно, что сенсационные дманисские археологические открытия совпали со столетием первого исследователя этого памятника, известного грузинского историка, археолога Л. Мухелишвили, командированного 70 лет тому назад в Дманиси, основоположником археологической экспедиции в Дманиси, патриархом истории Грузии Иванэ Джавахишвили, который став у истоков проведения планомерных археологических исследований в Грузии, первым долгом счёл необходимым подготовку квалифицированных кадров (6;9).

В 1936 г. в Грузии начался новый этап в археологии, что было связано с великим национальным торжеством с 750-летием Ш. Руставели. В связи с этим был открыт «Музей Ш. Руставели и его эпохи», директором которого был назначен академик Иванэ Джавахишвили (9).

Для проведения юбилейных мероприятий, подбора соответствующих материально-культурных образцов и подготовки выставки Иванэ Джавахишвили вокруг себя собрал талантливую молодёжь. Среди них особенно выделялись Л. Мухелишвили - первый руководитель дманисской экспедиции (1936-37 гг.) и В. Джапаридзе - один из авторов сенсационных открытий в Дманиси (7;8).

Под руководством Иванэ Джавахишвили В. Джапаридзе с самого начала основательно изучил искусство познания археологического материала и музейное дело. Все это оставило неизгладимый след на его успешной деятельности в дманисской археологической экспедиции.

Таким образом, в результате многолетнего, героического труда Иванэ Джавахишвили заложил основу изучения не только истории Грузии и её многим отраслям, в том числе и археологии, но и самой дманисской экспедиции и подсознательно предсказал её перспективы.

Примечательно и то, что от внимания Иванэ Джавахишвили не ускользнуло в Грузии в начале 20-ого века первые открытия памятников каменного периода. Он особенно отмечал их научное значение. В данном случае объектом его внимания стало открытие, сделанное еще в 1916 г. С. Крюковским в дер. Ргани (Чиатурский р-он), где было подтверждено наличие палеолитических останков. Из-за того, что ранее на Кавказе не было обнаружено следов человека каменного века, Иванэ Джавахишвили отметил: «Открытие польского ученого лишней раз подтверждает, насколько осторожны должны быть ученые во время беседы об археологии Кавказа. Подтвердился факт

существования самого древнего каменного века на Кавказе. Лишь последующее, методичное исследование подтвердит ареал распространения культуры этого периода и её продолжительность» (5).

Кто хорошо знаком с путями развития археологии, с проблемами стоящими перед ней, с картиной грузино-кавказских археологических изучений в 20-ых годах прошлого столетия, не может не проникнуться глубочайшим уважением и почитанием к Иванэ Джавахишвили, как к величайшему ученому, чья эрудиция истинного историка, с глубоким, широким диапазоном мышления, чутьем перспективы, перекликаются с сегодняшней действительностью грузинской археологии.

В Дманиси на сегодняшний день обнаружены: 5 черепов Homo, 4 нижние челюсти, единичные зубы и около 50 отдельных посткраниальных костей (1; 4).

Обнаруженные черепа более или менее схожи друг с другом и приблизительно схожи с черепами Homo erectus, особенно с их ранним африканскими формами этой группы, которые приписывают к Homo ergaster (1; 3). Среди челюстей и черепов особыми морфологическими чертами выделяется 5-ый (2005 г.) череп и вторая по счету нижняя челюсть, которых специалисты причисляют к семье Homo и выделяют как новый вид Homo georgicus (3).

Археологические раскопки в Дманиси продолжаются. Невольно вспоминается ситуация 26 октября 1940 года, когда было открыто во Мцхета богатое погребение, где был обнаружен золотой перстень с греческой надписью – «Аспаруг Питиахш». Упоминание «Питиахша» порозило присутствующих – скептики отрицали наличие института «питиахша» в Грузии этой эпохи. Иванэ Джавахишвили ответил: «если кто и не слышал о существовании «питиахши» в Грузии в этот период (II-III в.в.), то сейчас услышал, и кто знает, вообще, с сегодняшнего дня сколько страниц истории Грузии придется переписать заново» (5; 9).

Надо надеяться, что Дманисская археологическая экспедиция, основанная в 1936 году великим ученым Иванэ Джавахишвили с целью выявления и изучения национальных корней истории Грузии, вновь предаст новшества сенсационного знания, которые дадут возможность расшифровать, с новой точки зрения проблемы, связанным с происхождением и развитием древнейшего человека.

Литература:

1. **Л. Габуня, А. Векуа, Д. Лордкипанидзе,** Экология дманисского Гоминида, Дманиси, I. Тб., 1998. стр. 160-177.
2. **Л. Габуня, А. Векуа, Д. Лордкипанидзе,** Палеонтологические открытия в Дманиси, Дманиси III, Тб., 2001, стр. 9-41.
3. **Л. Габуня, А. Векуа, М. Антуанета, Де Люмлей, Д. Лордкипанидзе,** Новый вид Гомо из дманисского нижнего плейстоцена, Дманиси IV, Тб. 2003, стр. 13-52.
4. **А. Юстус, М. Ниорадзе, Г. Ниорадзе, Д. Жвания,** Местонахождение дманисского раннепалеолитического периода, Дманиси IV, Тб. 2003, стр. 53-130.

5. **Ал. Каландадзе**, Ив. Джавахишвили и Археология Грузии, Тб. 1977, стр. 1-56.
6. **Д. Копалиани**, Новые сенсационные открытия в Дманиси, Дманиси II, Тб. 2000, стр. 187-193.
7. **Д. Копалиани**, Вахтанг Джапаридзе и палеолитический памятник Дманиси, Дманиси I, Тб. 1998, стр. 105.
8. **Д. Копалиани**, Леван Мусхелишвили, Дманиси II, Тб. 2000, стр. 9-18.
9. **Г. Ломтатидзе**, Ив. Джавахишвили и раскопная археология, Мимомхилвели II, Тб. 1951.
10. **М. Ниорадзе, А. Юстус**, Каменные орудия раннепалеолитического памятника. Дманиси, Дманиси I, Тб. 1998, стр. 140-160.
11. **Ив. Джавахишвили**, История грузинского народа, кн. I, Тб. 1960, стр. 8.
12. **В. Джапаридзе, Г. Босинский**, Дманиси, Человек древнекаменного века из южной Грузии, Препринт, Тб., 1991.
13. **В. Джапаридзе**, Дманиси - город средневековой Грузии, Средневековые города и городская жизнь Кавказа, Тезисы докладов научной конференции 10-14 июня 1988 г. Тб., 1988, стр.7-8.

Guram Grigolia
(Georgia)

IVANE JAVAKHISHVILI AND MODERN ACHIEVEMENTS OF GEORGIAN ARCHEOLOGY

(Dmanisi)

(Resume)

In light of Stone Age archeology Georgia is one of classic countries in the Euro-Asian continent. Here has been discovered and studied the oldest trace of man and archeological monuments matching each stage of his appropriate development.

In process of research of the middle age "Nakalaqari" the ancient residence of primitive men has been exposed, dated 1,700 - 1,800 thousands years.

Currently in Dmanisi has been found 5 month old head skull, four lower skulls, isolated tooth, and postcranial skeleton 50 separate bones.

Among Homo erectus-Homo ergaster similar head skulls with different morphological features one head skull and a lower skull has been selected. The following scientists: L. Gabunia, D. Lortkipanidze, and A. Vekua envisage the latter as of new type: Homo georgicus.

Dmanisi inventions have changed general up-to-date scientific vision in regards of the period and direction of the Men's prevalence from Africa to Eurasia.

Dmanisi Archeological expedition has been continued. The expedition was initiated and blessed by the Great Personality and Honorable Scientist Ivane Javakhishvili in 1936..

Григолия Гурам Константинович

Археолог, доктор исторических наук, профессор

Тбилисский государственный университет

Тбилиси, пр. Чавчавадзе №1

Тел: 33-71-11; моб: 899 25-85-68

САЛЬВАДОР ДЕ МАДИРИАГА И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН «СВЯЩЕННЫЙ ЖИРАФ»

Имя Сальвадора де Мадириаги (1886-1978), видного испанского писателя, общественного деятеля и дипломата, из-за политической конъюнктуры долгое время было предано забвению. Сегодня его книги снова выходят в свет, и он признан одним из ведущих культурологов западного мира (см. <http://www.encyclopedia.com/printable/07837.html>; www.optonline.com/comptons/ceo/23876.html). Не жаловали его и в бывшем Советском Союзе, несмотря на то, что его футурологический археологический роман-памфлет (*The Sacred Giraffe*. London, 1922) был переведен на русский язык и выпущен в свет Государственным издательством (ГИЗ) в 1928 году.¹ В академических кругах роман пользовался большим успехом. О нем неоднократно упоминали в своих лекциях известные археологи А.В. Арциховский и В.Л. Янин, что и вызвало наш интерес.

В своей вступительной статье Евгений Львович Ланн (псевдоним писателя и ученого филолога Лозмана, 1896-1958), идеологически обосновав необходимость данного перевода, указывал на «разрушительную», «негативно-радикальную критику» западного общества. Роман был представлен на суд советского читателя, как памфлет на социальную и культурную жизнь современной Англии, с точки зрения «ее эстетической неразумности». Запрещенная впоследствии Литературная энциклопедия² представляла Сальвадора де Мадириагу, по происхождению испанца, как «современного английского беллетриста, критика, эссеиста, профессора Оксфордского университета». Его единственный роман «Священный Жираф» характеризовался как остроумный памфлет на социальные и культурные учреждения современной Англии, хотя действие происходит в конце XXV века, в 6955 году, т.е. в VII тысячелетии н. э. Археологи изучают европейскую цивилизацию по скудным остаткам материальной культуры. В это время Европа вообще не существует, а центр цивилизации переместился в Африку, в утопическую страну Эбонию. Здесь господствует матриархат, мужчины являются «слабым полом», белая раса исчезла как биологически неприспособленная к жизни. «Ученые жены», археологи-докторессы, используя научные методы лингвистики, литературоведения, археологии, искусствоведения, в своих научных опусах, докладах, стараются воссоздать повседневную жизнь европейцев. Их выводы из-за порочности методологии, как правило не соответствуют действительности. Такое несоответствие становится ясным даже профану в археологии, и вызывает насмешку.

Глава 1 (с.7 – 19) археологического романа «Священный Жираф» представляет собой «Выписку из протокола заседания Королевского эбонитского научного института» от 30 февраля 6922 года. Докторесса археологии Бела выступила с докладом о по-

1 Сальвадор Де Мадириага. Священный Жираф. М.Л. 1928 (перевод А.В. Кравцовой). Роман с английского на грузинский язык перевел доктор археологии Малхаз Датукишвили. Тб. 2008.

2 Литературная энциклопедия, т.6, М. 1932, с. 686

следнем великом открытии, проливающим свет на наименее исследованный вопрос, связанный с европейской цивилизацией. Некогда к северу от Африканского континента, к западу от Азии, находился Европейский континент. Предания об этом сохранились в Китае, в Японии и в «Великой Американской империи». Об этом свидетельствует и фольклор всего мира, считающий этот материк колыбелью белой расы. В начале ХХ века, по предположению докторессы Белы, произошло восстание черной расы, что привело к уничтожению белой расы в Америке и тихоокеанских странах. А континент Европа со своим белым населением погиб вследствие геологической катастрофы. Многие черные историки утверждают, что белые являлись примитивной расой, не имевшей представления о благах цивилизации. По мнению других специалистов, они были каннибалами. Основным языком европейцев, судя по археологическим материалам, был английский. Археологи считали, что из-за низкого качества их бумаги лишь немногие документы дошли до нас. Кроме того, по выводам археологов, европейцы отличались пагубным равнодушием к потомству и культуре. Англичане были любителями путешествий, и по этой причине фрагменты их слов в основном сохранились не в книгах, а в различных вывесках и плакатах. Они не пользовались черной бумагой, а печатали черной краской на белой бумаге. От этого страдало зрение. Белые были вынуждены носить на носу оптический аппарат, сделанный из двух маленьких отшлифованных оконных стекол, для ослабления напряжения глазных мышц. Археологами они найдены в различных частях света. Они имеют оправы из золота, серебра и кости. Так как среди этих находок встречаются стеклышки для одного глаза без всяких украшений и оправы, докторесса Лолита предполагает, что «ими пользовались представители беднейших классов» (с. 10).

При археологических раскопках Мбел-Мбела, известного своими древними сокровищами, по сообщению докторессы, был обнаружен кусочек картона - по предположению докладчицы, часть переплета книги. Надпись «Оксфорд», по ее мнению, это имя автора, жившего приблизительно в ХХ в. и являвшегося автором всех известных английских стихов. В качестве оппонента выступила докторесса Шова, которая относительно «куска картона» заявила, что Оксфорд не был человеком; под этим названием могла скрываться фирма, город, академия или университет, выпустивший собрание стихов английских поэтов. Она согласна с докладчиком в том, что в обществе белой расы господствовал мужской пол. Она заявила: «Уверены ли мы, женщины, в том, что мы являемся подлинными владыками мира?». Дома, в семье ведь власть принадлежит мужчине. Порабощенное положение развило в мужчинах изворотливость и хитрость, благодаря чему они удерживают свою власть. Главное же доказательство несовершенства мужчин, из-за чего они не могут управлять миром - в том, что «природа не доверила им ответственной функции деторождения».

Глава П (с.15 – 27) называется «Ретроспективный обзор, дающий представление о божественном происхождении эбонитского народа». Здесь приводятся анналы из истории Эбонии LXX века. Это эпоха расцвета черной цивилизации и великой империи Эбонии. Эбонитское общество интересуется историей своего происхождения. Считая эту проблему наиболее сложной и запутанной как с этнологической, так и с географической точки зрения, эбониты свято верят, что полное отсутствие исторических дан-

ных является благом. Археологические факты ведь сковывают фантазию при выдвижении научных гипотез. Именно отсутствием данных по этногенезу можно объяснить «те грандиозные успехи», которых достигла эбонитская историческая наука. Историки выдвинули четыре теории о происхождении эбонитов. По первой теории, эбониты пришли с севера, по второй - с юга, по третьей - с востока, по четвертой - они переселились с запада. Существовала и пятая - теория автохтонности эбонитян. Ее разделяли и поддерживали исключительно представители низших слоев. Научный же мир исходил из того, что в прошлом оседлых народов не существовало, следовательно, они должны были откуда-нибудь прийти.

Согласно легенде, первая эбонитка пришла в Эбонию с Луны при помощи священного жирафа — Ууулы. Первая эбонитка соскользнула с Луны по его покатою шее у реки Гло. Ей суждено было стать матерью эбонитского народа и королевой Эб I. Чудотворным образом пальма оказалась ее мужем, от которого родилась дочь, сразу же залепетавшая на эбонитском языке. В течение 40 лет каждый день она рожала от пальмы то мальчика, то девочку - очаровательных чернокожих ребят. Впоследствии прирост народонаселения увеличился еще быстрее; «народ не препятствовал росту культуры и исторического критицизма», укрепляя свою национальную гордость.

Государственный герб страны соответствовал принятой исторической наукой легенде. Жираф являлся центральной фигурой в гербе. Эбониты были убеждены, что все пороки были занесены из заморских стран, с которыми велись торговые сделки. На морях господствовали пираты, которые от представителей других профессий отличались «чрезмерной изобретательностью». Эбониты предложили морским разбойникам работать под наблюдением правительства. Последнее имело право составлять тарифы, назначать на пост своего генерал-инспектора. Эту должность мог получить только пират-профессионал. Был образован специальный департамент пиратства, куда вошли старые морские волки: пираты были обеспечены постоянными доходами. Полиция стала их пассивным союзником. Были довольны и коммерсанты, так как их финансовые потери стали меньше. Пополнилась казна. Успеху пиратского проекта способствовала активная деятельность премьер-министра Сублулы. Возросла ее популярность в стране, но ее дни были сочтены. Низвергнуть ее пришла Шея Наэбы, сравнительно немолодая, беспринципная, менее красивая фаворитка короля - мужа королевы. Король был порочен и неумен, его ухаживания отвергла Сублула. Королева лишила ее портфеля премьера, несмотря на преданность и неподкупность. Ее место заняла Наэба. У нее замашки были широкие, министерское жалование ей казалось до смешного маленьким. Такое несоответствие между потребностями и доходом не давало ей покоя, и от этого страдали государственные дела. Периодически она запускала руку в народный кошелек. Эбониты не контролировали ее; народ стремился лишь к тому, чтобы его не беспокоили, не трогали. Народный кошелек становился тощим, и премьерша решила пополнить его новыми налогами, которым облагались низшие слои общества. Так как платеж налогов был преимуществом аристократов, они подали королеве петицию, протестуя против распространения налоговой повинности. Они требовали отставки Наэбы. Королева, давно утратившая политическое чутье и здравый смысл, находясь под влиянием мужа, никакого решения не приняла. Аристократы созвали митинг, на

котором были зафиксированы три направления: радикальное, консервативное и умеренное. Они заявили, что налог есть привилегия, доказывающая, что они являются хозяевами страны, «раз покрывают ее расходы». Низший слой рассматривал налоговое обложение как великое зло. Часть аристократов и чернь двинулись «на твердыню абсолютизма», подожгли дворец королевы и взяли его штурмом. Был послеобеденный час, и стража, занятая пицеварением, не готовая к таким действиям, ретировалась. Восставшие женщины ворвались в апартаменты, где в постели нежились премьерша и муж королевы. Защитники порядка и законности говорили, что не надо преступать закон. «Ибо зачем нам оскорблять судей, лишая их судебных процессов, на которых строится юриспруденция?». Восставшие твердили, что теперь они являются сильнейшей партией и скоро «главный суд» вынесет свой приговор по соответствующей статье закона. Но уже дворец был в огне, а королева куда-то исчезла. Аристократы умоляли Сулбулу вернуться в Эбон и приступить к правлению страной, которая уже не являлась монархией. Ее заменила огневая система, символ революционного пожара.

В главе III (с.27 – 34) ученые женщины Эбонии обсуждают вопрос, желательно ли и возможно ли существование общества, базирующегося на « строго гуманистических принципах». В научном мире Эбонии, в Эбонитовом научном институте продолжалась дискуссия о цивилизации белых, о духовной и физической силе, о явном приоритете женщин, об идеале красоты. «Является ли историческое развитие народов чем-то стойким и непрерывным, либо зыбким, как волны морские» - вот что волновало эбонитов в то время.

В главе IV (с. 34 – 42) описаны нравы общества, где правят женщины и распространены их домогательства в любви, а мужчины бесправны.

В главе V (с.42 – 52) докторесса Зама сообщает на закрытом заседании института о результатах своих исследований по истории, касающихся цивилизации белой расы, истории династии и повседневной жизни англичан. Какая форма государственного устройства была у белых наиболее распространенной, на это окончательного ответа у науки нет. С этого начала свое выступление докторесса. Она основывалась на найденных при раскопках в Алжире документах белого племени французов. В XX - XXV вв. монарх именовался «Президентом»: это слово означало « тот, кто сидит первым». По ее мнению, на божественную природу президента указывает статус неприкосновенности. Кроме того, он не нес никакой ответственности за свои поступки. А это у всех народов во все времена было исключительной привилегией богов. О полном отсутствии цивилизации у белой расы, по заключению докладчицы, говорит «их система цивилизации». Идея правосудия -выражение преданности сильнейшей партии, характерное для эбонитов, была чужда белым. Лишенная фундаментальных принципов, на которых должно базироваться действие юстиции, из науки она превращается в эмпирическое искусство. И по этой причине извращался естественный процесс судопроизводства. Судьи вместо того, чтобы покарать преступника, а уже потом связать этот акт с правительственным указанием, вели длительные следственные действия. Поэтому их приговоры часто противоречили желаниям правящей, «сильнейшей» партии. Неизвестно при таких условиях, как белые управляли страной. Наши судьи прежде всего исходят из актов власти, предварительного приговора правительства, приведенного в испол-

нение. А уж потом должны подвергнуть анализу данное преступление. Первая, главная функция наших эбонитских судей - сообразительность, а белых судей - исчерпывающее знание мельчайших фактов преступления. По этой причине, подчеркивала докторесса, мы доверяем молодым женщинам, а белые уповали на стариков, имевших длительную практику и большой жизненный опыт.

Большое значение в судебной практике должен иметь внешний вид судей, свидетельствующий об их уме, проницательности. Поэтому, эбонитские судьи надевают в суде фальшивый нос, необычно острый и длинный. Внешность же английских судей подчеркивала их преклонный возраст, т.е. жизненный опыт. Поэтому они и заседали в специальных белых париках, похожих на длинные женские волосы. Этим они подчеркивали умственное превосходство женщин, - заключала докторесса. По данным многих историков складывается впечатление, что белые были людьми грубыми, первобытными. Они не стыдились такой интимной процедуры, как принятие пищи. В отличие от крайней сдержанности эбонитов, белые предпочитали утолять голод на людях, а не в одиночестве, не в интимной обстановке. Банкеты, как совместная трапеза, были не менее популярны, чем всякие развлечения, необходимые человеку. У белых были и гораздо более серьезные заблуждения, увлечение статистикой. Статистические таблицы, в отличие от эбонитского общества, широко обсуждались. Печатались в газетах. В Бомбее были обнаружены три заржавленные металлические пластинки, вероятно, матрицы статистического журнала. Исследовав данный источник с психологической и исторической позиций, докторесса пришла к заключению: эбониты справедливо игнорировали статистику, которая всегда далека от действительности и ею оперируют политики для оправдания войны. Поэтому статистика - преступная наука, и мы повелели эбонитским жрецам внушать подрастающему поколению ненависть к статистике. А наши народы будут жить в мире, спокойно занимаясь производством товаров.

После главы VI (с.52 -59), повествующей о мире мужчин в Эбонии, следует глава VII (с. 59 - 69), посвященная исследованиям института, который выполнял функции выразителя общественного мнения, и содержащая много сведений по этому вопросу, каковые хоть один историк вздумает опровергнуть. Огненная монархия эбонитов базировалась на общественном мнении, и они особенно заботились о чистоте «потока общественного мнения». По этой причине в стране было запрещено выражать мнение открыто, излагать общественное мнение в печати. Мнение и информация собиралась и распространялось государственными институтами.

Распространителями информации - возглашательницами - были женщины-профессионалы. На них лежала обязанность иметь свое мнение по каждой проблеме, изучать общественную жизнь, интерпретировать ее и ежедневно информировать общество, между девятью и двенадцатью часами, на главном сквере Эбона. «Национальный глашатай» состоял из шести молодых и энергичных женщин, главная из которых пользовалась «передовым голосом». Она была обязана реагировать на текущие события. «Политическая возглашательница» ведала тайнами министерских кризисов, освещала жизнь партии, фракции. Третья занималась сбором информации для коллег - глашатаев, включая пикантные сплетни. Четвертая называлась «экономистка». Экономике правительство придавало огромное значение, а прогрессом интересова-

лись все. Пятая и шестая были связаны с репортерами. Профессия журналистов была свободной, но все же подвергались ограничениям». Очень скоро политические партии Эбонии убедились, сколь великую власть заполучил «Глас» над общественным мнением страны. Правящая партия делала все возможное, чтобы подчинить «Национальный глашатай». В дело пошли подкуп, задабривание официальными постами, разными почестями. Впервые в истории Эбонии ни одно из этих средств не имело успеха. Глашатаи отказались от «белого зонта», то есть крыши. В дело вмешалось министерство пиратства и его «генерал-инспектор». Все шесть «возглашательниц» почувствовали, что их дальнейшая судьба в руках правительства, и пошли на капитуляцию. Вместе с тем они советовали правящей верхушке сохранить определенные разногласия с выразительницами общественного мнения. В противном случае, по их мнению, исчез бы всякий интерес к общественной жизни. В поисках спонсора «Национальный глашатай» превратился в орган «желтой партии». С незапамятных времен страна управлялась двумя партиями, сменяющими друг друга. Население соответственно должно было думать или «по-желтому», или «по-зеленому», но настало время их объединения, возникла потребность думать «по-эбонитски». С таким призывом выступил «Национальный глашатай», согласовав идею объединения с правительством.

Дальше следует глава VIII (с. 69 - 78), в которой сообщаются дальнейшие детали, касающиеся «Гласа», а также чрезвычайно полезные сведения о музыкальных идеях и привычках эбонитов. Здесь идет рассуждение об эбонитской музыке, о сути симфонии как о гармоничном целом. Примитивное восприятие музыки недостойно всякого цивилизованного народа. Примитивная музыка является проявлением природы, а не искусства. Ведь задача последнего - отбирать и систематизировать природные материалы, а уже из них создавать нечто целое, новое, приносящее радость слушателям. Аналогичными культурологическими рассуждениями изобилует и глава VIII. Автор ставит вопрос: какое отношение имеет арифметика к нашему слуху? Почему одни сочетания звуков нам более приятны, другие - менее. Композитор выступает в роли интерпретатора природы. Эбониты свою музыку считают результатом процесса эволюции, который начался несколько тысячелетий назад, вызванный желанием приблизить искусство к природе. В это время, когда в интеллектуальных кругах шла дискуссия о музыке и путях ее развития, на главном сквере выступала новая, седьмая, ораторша-глашатай. Она выступила со скандальным сообщением, что «нарушение традиции в нашей общественной жизни подрывает основы государственности». А это было чревато министерским правительственным кризисом.

В главе IX (с. 78 - 92), в которой Мзама ищет совета, даруемого источником молчания, и... его получает, говорится о святых служанках молчания Эбонии. Этими слугами были женщины, давшие обет нарушить молчание лишь при необходимости. Самоотреченные женщины - «молчаливые пчелы» - постоянно общались с главным божеством страны - «Безмолвной Первопричиной». Они были мудры и приобрели познания, недоступные простым эбонитам. Год основания организации «молчаливых пчел» в анналы эбонитовой истории не занесен. Исследователи склонялись к мнению, что она была основана раньше, чем сама «Огненная монархия». Так как у эбонитов молчание считалось величайшей добродетелью, отношение к нему было благоговейным..

Символом его у эбонитов являлась сова. Тайные адепты носили на груди татуировку в образе совы. Общество к самоотверженным и неустрашимым относилось с глубочайшим почтением. Эбониты имели орден трех степеней с изображением традиционной совы. Молчаливые пчелы имели строгую иерархическую структуру. Слуги «первой степени» не имели никакого титула и назывались просто пчелами. Слуги «абсолютного молчания» носили титул «достойная», слуги высшей ступени «мертвого молчания» именовались «достойнейшими». «Сверхдостойными» называлась верхушка во главе с «пчелиной маткой». Перед ней как перед «Огненной королевой» эбониты склоняли головы - по их выражению, «валялись в пыли». Символом религиозной организации служила «гигантская серебряная сова» - ее алюминиевое изображение, покрытое никелевой оболочкой. Был у нее и механический голос, благодаря мастерству инженеров звучащий очень громко. В торжественные дни ее голос распространялся по всей стране, «напоминая о молчании и медитациях». Священной книгой «молчаливых пчел», которая обязательно находилась в каждой келье, была «Глас молчания», состоящая из семи заповедей, или листов: 1) Аргументы; 2) «Не обращай внимания»; 3) Слова воспаряющие, или лист восхваления; 4) Слова ниспадающие, или лист презрения; 5) Острота и веселье; 6) Домашние истины; 7) Справочник - лист приливов и отливов. Их книга влияла на все стороны жизни эбонитов: на политику, судопроизводство, домашний уклад и др. Почитатели священного жирафа и совы считали: «опасна правда, как острый нож», «но все же в меру лги».

В главе X (с.92 – 100) говорится о приключениях эбонитских мужчин «на суше и на море». Великие женщины Эбонии - докторесса Зама и докторесса Бела, погрузившись в свои исследования по проблемам археологии, истории, фольклора, литературоведения, надолго отрешались от реального мира. Мзама, занимаясь домашним хозяйством, решил воспользоваться отсутствием главы семьи - жены и прокатиться по морю в компании другой женщины - известной писательницы Скруты. Она советует ухажеру не судить о писательнице по ее произведениям из-за того, что она часто дает в них то, что чуждо ее натуре. Беседа вначале велась в так называемой «розовой беседке», где все электрические лампочки были вмонтированы в розовые кусты, сами по форме напоминали розы, и вряд ли кто-нибудь смог бы отличить их от настоящих цветов при погашенном свете. К этому моменту была подготовлена для прогулки по заливу лодка, на которой гребли брат Мзамы и слуга. Мзама затеял интригу с прогулкой с одной целью - дискредитировать другую женщину. Он, сравнивая управляемую лодку с кабинетом министров, отметил: «Стоит министрам заговорить о гибели страны, и вы можете быть уверены, к ней и поведут страну». Как и планировал Мзама, их лодка столкнулась с лодкой другой парочки, известными в Эбонии людьми...

Глава X1 (с.100 – 110) повествует о том, как женщина-историк утратила свое хладнокровие и призвана была к порядку слугой молчания. Здесь же приводятся «образцы эбонитовой мудрости».

После напряженной и плодотворной научной дискуссии Зама вернулась домой с драгоценной археологической находкой — металлическими матрицами статистического журнала древности. Она рассуждала, что научные наблюдения надо фиксировать по горячему следу, а не вносить в картотеку спустя некоторый промежуток вре-

мени. Факты, описанные по первому впечатлению - золотое правило историка. Если из реальности факт переходит в область фантазии, он перестает существовать. Ревнуя мужа, она обратилась за советом к «молчаливым пчелам», что напоминает третью заповедь: мудрено трудом наслаждаться, а не стать его рабом. Докторесса с горечью отмечает, что жизнь ученой - это калейдоскоп надежд и разочарований, а молчаливая пчела советует смириться. Ее волнует, кроме личного, проблема - существовало ли в Эбонии «поселение белых»? Докторесса Зами считает - «белые редко оставляли следы своего пребывания». Одним из таких следов она считала находки металлических матриц по статистике, «пчела» сообщает докторессе о новом археологическом открытии доисторической пещеры при строительных работах, где было обнаружено множество «ценных документов». Руководительница строительства новой энергосистемы была знакома с археологией и представила в «улей молчания» свой отчет. Она сообщала «пчелам», что в результате раскопок под скальной глыбой были обнаружены магазин либо одна из комнат музея. Здесь хранились музейные редкости различных эпох. Они могли быть приобретенными либо награбленными. «У белых грабеж, по-видимому, был обычным способом приобретения собственности». У входа в помещение в северо-западной части была надпись, которая требовала точной расшифровки - «Антиквар Смитсон». Здесь были обнаружены скульптуры и картины. Среди них - превосходное полотно с головой мужчины, с надписью «Рембрандт. Голова еврея». Это открытие является первым, «свидетельствующим о существовании искусства в эпоху белой цивилизации». В отчете подчеркивается, что «у владельца коллекции археологические интересы преобладали над чисто художественными.»

Возвратившись домой, докторесса говорит мужу Мзаме : « Я должна тебе рассказать потрясающую новость! Ценная археологическая находка!». Так оканчивается глава XI и начинается глава XII (с.110 – 116), в которой эбонитовый народ показан при исполнении своего гражданского долга. Предчувствие «молчаливых пчел» сбылось, кабинет министров Эбонии пал. Политический кризис открыл новую страницу в истории эбонитовой государственности. Это не было заслугой оппозиции. «Министерство» пало благодаря вызову генерал-инспектором пиратства, т.е. самой государственной системой. Были назначены новые выборы, равновесие между двумя, желтыми и зелеными, сохранялось, а политическое напряжение возрастало. Обычай эбонитов требовал, чтобы голосовавшие окрашивали голову в цвет их партийных убеждений. Силы обеих партии были равны, и они впервые в истории страны объединились. Кризис миновал.

Глава XIII (с.116 – 127) - «самая важная для исследователя института семьи», где идет рассуждение о положении мужчин в обществе и о других социальных проблемах Эбонии. Приведенная здесь эбонитская поговорка гласит: « Если молодость - болезнь, то время - целитель». Здесь же описаны древние обычаи и процесс бракосочетания молодых, их родовые гербы. Докторесса Зама, присутствующая на свадьбе, демонстрируя все свои правительственные награды, была «ослепительна». Недавно она получила лучезарный орден «Великого Краба» за «услуги, оказанные исторической науке». Краб был символом добродетели историка: « ползущий медленно и всегда в сторону». Жениха купили за двести золотых монет - « жирафов». Монетная система эбонитов была такой: «стадо жирафов» равнялось 144 жирафам. Система счета была двенадцати-

ричной. Число 144 соответствовало сотне. Заиграл свадебный гимн написанный специально для этого дня.

Глава XIV (с.127 – 133), из которой читатель узнает, каким образом эбониты решили серьезнейшую проблему, стоящую перед любым цивилизованным народом. Народ Эбонии с энтузиазмом встретил новое правительство и новую премьершу. Новый кабинет приступил к реализации программы внешней и внутренней политики. Образованные молодые женщины, возглавив движение «за пропаганду грамотности», «Лигу грамотности», стремились к тому, чтобы «каждая эбонитка имела возможность пользоваться всеми теми благами просвещения, какими пользовались правящие круги. Лига стала оппозиционной по отношению к правительству. За их деятельность премьерша соизволила их принять. В ее кабинете висели два портрета - королевы Эб I и королевы Эб II, найденные «при раскопках в окрестностях Лухуло». Считали, что сходство было потрясающим, хотя «никто понятия не имел о том, как выглядели эти королевские особы». Депутация названной лиги потребовала от правительства: во-первых, стены, окружающие школы, разрушить и отменить закон, по которому право поступить в школу получают те девочки, которые перепрыгнут через ограды; во-вторых, отменить публичную экзекуцию (25 ударов розгой) для девочек, поступивших в школу без преодоления стальных преград. Так как при существующем законодательстве право на поступление в школу получают лишь очень сильные девочки, либо «настолько покорные, что они идут на публичную экзекуцию». Премьерша отвергла их требования, подчеркнув, что правительство ставит себе целью «предотвратить некоторые пагубные последствия просвещения. Чтение книг предрасполагает людей к ленности физической и духовной. Поэтому надо ограничить число людей, имеющих право на образование. Существовавшая в Эбонии система образования надежно «ограждает нас от этих двух опасностей». Экзекуция же «является гарантией смирения и покорности», заявила премьерша во всеуслышание. Она не приемлет их идеи, ибо огромное количество девочек предпочло бы учебу, а не работу. Чтение книг, по мнению премьерши Эбонии, «является простейшим времяпрепровождением». Депутация удалась ни с чем, а предвыборные обещания правительства были забыты.

Глава XV (с.133 – 142), в которой Стеланга прощается с миром. В этой предпоследней главе повествуется о тяжелой судьбе «мыслящих мужчин» в эбонитском обществе. Стеланга после приключения в заливе разочарован в жизни. Нежданно к нему домой приходит партнерша по прогулке в заливе. Он по ее просьбе рассказывает сон, приснившийся недавно. Сновидения - ее специальность, и она теоретически обосновывает сон. Она говорит о том, что каждый из людей «несет в себе целый мир мыслей, чувств, ощущений и импульсов». Оперировать ими сознание, и уже поэтому сновидение - это настоящая жизнь. Во сне мы осмеливаемся лгать, потому что мы лжецы, обращаемся в бегство, если человек принял решение уйти из мира, удалиться от светской жизни и стать «Непорочным Источником». Вступая в этот орден послушания, человек должен отказаться от книг и чтения. Кроме того, кандидаты должны были внести 20 000 жирафов, чтобы стать членами этого священного ордена. Мать, связанная с правящей верхушкой страны и с которой советуется Стеланга, отговаривает его от такого поступка - ухода от светского мира. Тем более, что у них нехватает средств для всту-

пления в лоно «самых почитаемых» институтов страны. Не будь такого взноса, по мнению матери, туда пошел бы всякий сброд. Нашлись бы охотники за свой обет получить хорошую квартиру, сытный стол и почетное положение». Стеланга с матерью посетил «Непорочнейшего настоятеля священных Непорочных Источников». (Вспомним, что главным культом Эбонии был негаснувший огонь - символ королевства). Желание вступить в общество «непорочных», по словам матери юноши, было вызвано усталостью от брэнного мира. За освобождение от взноса мать юноши протолкнула в правительстве указ, по которому настоятель сохранял свою должность до самой смерти. Ему пришлось отречься от своих любимых книг. Они должны были погибнуть в королевском пламени. В память прошлого оставалась «зола мертвого прошлого». Далее описан ритуал посвящения в орден, в котором важную роль играют алюминиевые атрибуты: шест, гребень и др. предметы. (Автор романа предвидел значение нового для его времени металла!). Жертвоприношение книг кончается восклицаниями: «Да не угаснет пламя Эбона!».

Завершается роман главой XVI (с. 142 - 149), «которая заканчивается национальным гимном Эбонии». Обостряется международное положение Эбонии. В течение многих веков, которые «посчастливилось изучить» историкам, эбонитовую государственность терзала хроническая болезнь - «либийская проблема». Каждая школьница знала, что Либийское царство соседствовало с Эбонией. Оно находилось «на низкой степени цивилизации», бедна была и его духовная жизнь. Там сложилась «система государственного снабжения политическими мнениями». Либия как государство пришло в упадок, население было ленивым. Либия славилась своими дубовыми лесами и «лучшими в мире желудями». Как в эпоху «белой цивилизации», так и у черных свинья пользовалась «особым уважением», возведенная в ранг «священного животного». Именно из-за свиньи возникла «либийская проблема». Новая премьерша страны считала, что проблема - «это плод, которому нужно дать созреть». Либийская проблема зрела в подвешенном состоянии, на ветке, пока из-за тяжести не плюхнулась на землю. В стране «священных животных» начался кризис и возникла опасность для бесперебойной доставки свинины. Другая соседняя страна Ассиния намеревалась «водворить там порядок во имя черного мира» путем непосредственного вмешательства. Встал вопрос о суверенитете Либии, начались переговоры Эбонии и Ассинии. Ежедневно патриотически настроенные эбонитки стояли на площади, с тревогой следя за переговорами. Переговоры завершились декларацией, в которой говорилось, что независимость Либии «является необходимым условием для мира всего мира»; однако Либия делилась на две части, одну из которых контролировала Эбония, другую - Ассиния. Над толпой, стоявшей на площади, раздались слова национального гимна Эбонии, в котором, в частности, было сказано: «Нет никого превыше жирафа. Мы знаем об этом. Эбония».

Мы постарались передать суть утопического археологического романа видного культуролога XX века Сальвадора де Мадириаги, который юмористически отражает и определенный этап развития археологической науки. Грузинский перевод романа готовится к печати.

Guram Lordkipanidze
(Georgia)

**SALVADOR DE MADIRIAGA AND HIS
ARCHAEOLOGICAL NOVEL – “THE SACRED GIRAFFE”**

Summary

One hundred and twenty years passed since the birth of a famous Spanish writer, a diplomat and a professor of Oxford University Salvador de Madiriaga (1886-1978). The name of a great thinker and an active opponent of Franco's regime was in shadow for a long time (even in the former USSR). He is the author of the utopian novel "The Sacred Giraffe", which describes the events of 6955 (7th millenium A.D.), when European civilization and even European continent doesn't exist. Accordingly, Afro-centristic ideology is spread instead of Eurocentrism. The main characters of the novel are women-archaeologists, because a new civilization of Ebonits is matriarchal. In the state the great attention is paid to the archaeology, which studies Ebonits, the origin of the black race, its etnogenes and even the reason of disappearance of the white race. The objects of excavation are the remains of European cultural centers: concrete, glass, paper, metal. On the basis of the remains and so-called constructive theory women-archaeologists and ideological services of Ebonia make groundless, ridiculous conclusions. For example, according to the analysis of the discovery of a lot of spectacles and especially, for the reason of a low quality of paper and typographic paints, the representatives of the white race had a weak sight. At the same time women-archaeologists think, that spectacles had the greatest social load in Europe of the 2nd millennium. The poor people wore spectacles with two glasses and the rich people wore monocles. The novel depicts irrelevant conclusions with the greatest sarcasm and it attracts the attention of famous archaeologists, the head of a chair of archaeology, academicians and professors of Moscow University A. Artsikhovsky and V. Ianin. All the abovementioned caused our interets of the novel. The Georgian version of it is in the prossed of preparation and we hope, that it will attract the attention of a lot of readers.

Лордкипанидзе Гурам

Археолог, доктор исторических наук, профессор
Тбилисская государственная университет им. И. Джавахишвили
Тбилиси, пр. Чавчавадзе №1
Тел: 23-09-52 (дом); моб: 877 72-68-68

ЕЩЕ РАЗ О ПИТИАХШЕ ИБЕРИИ (КАРТЛИ) IV ВЕКА. ПИТИАХШ УСА¹

В Париже в Кабинете Медалей Национальной библиотеки хранится портретная гемма из трехслойного сардоникса (инв. №1385)², многие годы привлекающая внимание исследователей, в том числе и грузинских ученых.

Гемма-инталья имеет форму низкого усеченного конуса. На плоской овальной поверхности изображен бюст пожилого мужчины³, грудь представлена фронтально, голова – в профиль. Черты мужчины индивидуальны и характерны: худощавое лицо, впалые скулы, низковатый лоб, широко раскрытый глаз, изображенный большой овальной выемкой; горбатый, довольно крупный нос, впалые подбородок и рот, вислые подкрученные усы, переданные мелкими насечками; широкая суживающаяся книзу борода, соединяющаяся на висках с волосами; зачесанные назад волосы, ниспадающие до плеч туго закрученными разной длины локонами, которые заканчиваются круглыми завитками. Довольно крупное ухо передано посредством одной тонкой линии. На нерасчлененной плоскости груди вертикальными и косыми бороздками отмечены складки одежды. Вокруг шеи проходят два желобка, заполненных мелкой вертикальной штриховкой – по-видимому ожерелье (?). Ухо украшает сферическая серьга, подвешенная на длинном, тонком стержне. Резьба неглубокая, но четкая, выполнена чистыми линиями, весьма тщательно.

Вокруг изображения, на свободном пространстве неравномерными буквами, очень поверхностно, выполнена позитивная на оригинале греческая надпись, которая сообщает имя и должность изображенной на гемме личности: ΟΥΣΑΣ ΠΙΤΙΑΞΗΣ ΙΒΗΡΩΝ ΚΑΡΧΗΔΩΝ.

Несмотря на различия в толковании надписи, все исследователи сходятся на том, что имя изображенного на гемме питиахша связано с Иберией – Грузией. Одна группа ученых (Г. Церетели [19, с. 382, сноска №1], К. Кекелидзе [11, с. 147], Р. Кеворкян [20, с. 237]) считает, что имя ΟΥΣΑΣ представляет собой сокращенную форму имени “Аршуша”. По мнению же большинства исследователей (Е.К. Висконти [22, с. 270], Е. Такаишвили [18, с. 98], П. Ингороква [8, с. 297–298], Б.А. Куфтин [12, с. 318], Т. Каухчишвили [10, с. 254], М. Бахтадзе [2, с. 51], Г. Кавтарадзе [9, с. 83, 412]) имя упоминающегося в надписи питиахша следует читать как ΟΥΣΑΣ (Уса, Уча, Уша).

Неоднозначны также высказывания по поводу датировки геммы.

Как отмечает Е. Такаишвили, сокращенное слово всегда начинается с той же буквы, что и сокращаемое, поэтому имя питиахша следует читать, как “Уша” или “Уча” [18, с.

1 Основные положения предлагаемые в данной работе уже опубликованы мною в журнале “Картвелология” №2 2008 г. (Тбилиси, на грузинском языке).

2 Размер интальи 40×32 мм.

3 Описание дается по оттискам, хранящимся в Кабинете глиптика Национального музея Грузии, привезенным из Парижа академиком А. Шанидзе [8, с. 297].

98] и считает, что изображенный на парижской гемме питиахш жил более раньше, чем питиахш V века Аршуша – отец питиахша Варскена [18, с. 98–99].

Б.А. Куфтин считает, что имя упоминаемого питиахша следует читать как Уса, Уша или Уча и нет никаких оснований толковать его как Аршуша или Ашуша. Основным заблуждением, которого, по его мнению, следует избегать, является предположение, что печать принадлежала известной исторической личности V века – питиахшу Гугарка Аршуше и содержала в себе название подвластной ему страны Гогарены или Гугарка [12, с. 318], и что в действительности изображение на печати, сохраняющее античную пластику исполнения и проявляющее близкое портретное сходство с изображением на одной из армазисхевских гемм начала IV века, следует датировать началом IV века [12, с. 320]. Как отмечает видный исследователь греческих письменных источников Т. Каухчишвили, в греческой эпиграфике – палеографии сокращение, как правило, не происходит за счет начальной части слова. Наоборот, при сокращении греческого слова начало всегда остается без изменений. На этом основании автор считает, что имя изображенной на гемме личности следует читать как Уша. По ее мнению, печать должна относиться к первым векам нашей эры [10, с. 254].

Е.К. Висконти считает, что на гемме изображен династ Иберии (расположенной у подножья Кавказа) Уса. По стилю, который исследователь называет “грубым”, “варварским” он предполагает, что гемма датируется III веком [22, с. 271].

П. Ингороква считает, что на парижской гемме изображена историческая личность IV века – питиахш Уша [8, с. 297–298].

По мнению К.Х. Кеворкяна, на исследуемой гемме изображен армяно-грузинский принц – известная историческая личность V века Аршуша, отец питиахша Варскена, находившегося в родственных связях с фамилией Мамиконянов (согласно исторической традиции, Варскен был женат на Шушаник, дочери Вардана Мамиконяна), который был питиахшем Гугарка – территории, являющейся предметом нескончаемых споров между Грузией и Арменией. Таким образом, гемма сохранила для нас изображение грузинско-армянского принца эпохи единства грузинской и армянской церквей [21, с. 273]¹.

Неоднозначно также высказывания относительно значения слова ΚΑΡΧΗΔΩΝ. По мнению П. Пеетерса, слово ΚΑΡΧΗΔΩΝ есть ни что иное, как ΚΑΛΧΗΔΩΝ – ΚΟΛΧΗΔΩΝ т.е. Колхида [цитировано по: 11, с. 148]. К. Кекелидзе считает невозможным, чтобы вместо слова “колхедон” на гемме оказалось слово “кархедон”, т.к. название “Колхида” было достаточно хорошо известно как грузинам, так и грекам. В подобной трактовке надпись должна гласить: “Аршуша – питиахш колхидских иберов”. По его мнению, колхидские иберы – неслыханная вещь как в историческом, так и географическом плане, так как в это время Колхида была независимым государством и совершенно невозможно представить, чтобы у двух разных государств был один питиахш [11, с. 148].

П. Ингороква считает, что слово “кархедон” происходит от названия летней резиденции провинции Квемо Картли (Гогарене) “Клде-Кари”, ранее именуемой “Кар-Кедни” [8, с. 297–298].

---

¹ Примечательно, что в надписи должность портретируемой личности представлена грузинской формой “питиахш”, а не армянской “бдешх” или греко-латынской “vitax” [18, с. 98].

К. Кекелидзе отмечает, и с ним соглашается Е. Такашвили [18, с. 99], что ни в одном из письменных памятников и местных преданий топоним “Клде-Кари” не упоминается в форме “Кар-Кедни” [12, с. 148] и, следовательно, гипотеза П. Ингорквa выглядит неубедительной.

Е. Такашвили трактует надпись следующим образом: “Уча – питахш иберских картлийцев” [18, с. 99–100], Б.А. Куфтин же – “Уша – питахш иберских картов” [12, с. 32].

В связи с предположением Е. Такашвили (равно как и Б.А. Куфтина), К. Кекелидзе отмечает, что питахшу, заказывающему надпись на собственном портрете должно быть хорошо известно, питахшем какой страны он является. При этом, по словам автора, между этими двумя словами не такое уж близкое сходство, чтобы допустить возможность подобного искажения [11, с. 149].

Г. Церетели считает, что гипотезы Е. Такашвили и Б. Куфтина “основаны на чисто внешнем, случайном сходстве” [18, с. 382].

По мнению Т. Каухчишвили, слово “Кархеди” вне всякого сомнения определяет слово “иберы” и что упоминаемые в надписи иберы являются именно кархедами и никем другим [10, с. 255].

Убедительно выглядит гипотеза К. Кекелидзе, основанная на сведениях армянских историков Себеоса (VII в.) и Эгишэ (V–VI вв.). Себеос в V главе своей “Истории” упоминает потомков династии Кархедонян, а Эгишэ, в соответствующем месте говорит о потомках Сасана – перса. Приводим русский перевод выдержек из произведений обоих историков: “когда в армянской земле пришла в упадок династия Аршакунийская и прекратилось царство Врамшапуха, страной этой завладел род Каркедомской династии” [16, с. 26]. Соответствующий эпизод Эгишэ передает следующим образом: “итак, после падения рода Аршакуни стал господствовать над нашей страной Армянской род перса Сасана” [7, с. 27].

Переводчик “Истории” Себеоса С.Т. Малхасянц отмечает, что под династией Кархедонян автор подразумевает иранскую династию Сасанидов [16, с. 148, примеч. 38].

К. Кекелидзе разделяет мнение С.Т. Малхасянца относительно династии Кархедонян, приводя в доказательство сведение теофана, где питахш Барсамурес упоминается в качестве питахша персидской Иберии и толкует исследуемую надпись следующим образом: “Аршуша – питахш сасанидских иберов” [11, с. 150]. Исследователь полагает, что парижская гемма датируется IV веком. Исходя из этого питахш упоминаемый в надписи не может быть исторической личностью V века – питахшем Аршушой – отцом питахша Варскена [11, с. 153], как это предполагают некоторые исследователи.

Г. Кавтарадзе предполагает, что термин “Иберон Кархедон” дает основание изображенного на парижской гемме питахша считать правителем правобережья р. Куры – Картли (Иберии), провинции, которая в армянских и греческих источниках упоминается как Гугарк и Гогарене. Исследователь предполагает, что правление Питахша Усы приходится на II пол. III века [9, с. 83].

Вариант чтения надписи, предложенный К. Кекелидзе, разделяют А. Богверадзе и М. Бахтадзе [2, с. 51]. А. Богверадзе надпись читает следующим образом “Ашуша (Уша) – питахш иберов Каркедонянин (сасанид)” [3, с. 66]. М. Бахтадзе предполагает, что Уша стал питахшем Иберии (Картли) в 80–90 годы IV века, после того, как в 70-ых годах IV века сасанидский Иран целиком завладел Иберией [2, с. 58, 64]. Эта датировка выглядит вполне

убедительной, учитывая отмеченное Б.А. Куфтиным сходство изображения мужчины на парижской гемме с портретом «вельможи с серьгой» [12, с. 320] на гемме из погребения IV века Армазисхевского некрополя [1, с. 112, №224, табл. XIII, 6, а.в.]¹. Схожи ожерелье, форма серег, и что особенно важно, одинаковая, совершенно своеобразная прическа, значительно отличающаяся от прически сасанидских вельмож². Армазисхевская гемма считается местным иберийским произведением, которая вправлена в золотой перстень с высокой жуковиной и угловатыми плечиками, подобные перстни считаются местными – иберийскими [13, с. 70–71, рис. 50, табл. V, 23] и датированы IV веком [1, с. 239, рис. 136, 1–8, 17, 24, 26]. В ряде случаев вместе с подобными перстнями засвидетельствованы монеты IV века: в Армазисхевском богатом некрополе – монета императора Констанциуса (337–361 гг.) [1, с. 124, №256]; в Ахалгори – сасанидская монета Шабура II (309–379 гг.) [1, с. 202], на могильнике Модинахе в трех погребениях: одна монета Константина Великого (306–337 гг.) и три монеты Констанциуса [8, с. 72–75, рис. 22], и что особенно важно, в одном из перстней данного типа вместо камня вправлена довольно потертая монета Констанциуса (337–361 гг.) [143, с. 72, рис. 11, табл. XXI, 7]. Поэтому мы считаем, что перстни с высокой жуковиной и угловатыми плечиками должны датироваться концом IV века. Следовательно, гемму из некрополя Армазисхеви с портретом «вельможи с серьгой» также следует датировать концом IV века. К этому же времени относится и портретная гемма с изображением питиахша Иберии (Картли) Усы. Из всего вышесказанного можно заключить, что в данном случае мы имеем дело не с изображением питиахша Иберии V века Аршуша, а с Уса-питиахшем Иберии правящем в IV веке.

Следует отметить, что стилистические особенности портретных гемм с изображениями питиахша Усы и «вельможи с серьгой» и особенно совершенно своеобразная прическа, представляет их весьма обособленно. Несмотря на то, что портрет питиахша Усы отличается большей тщательностью проработки, чем Армазисхевский образец, обе геммы характеризуются общей манерой исполнения: это общая для обеих графичность, незначительная градация рельефа, слабая моделировка – вот признаки единого художественного стиля, несколько самобытного, хотя по некоторым деталям подверженного влиянию сасанидской глиптики (голова в профиль, грудь фронтально, наличие ожерелья, форма серги³). Это влияние более ощутимо в портрете питиахша Усы, проявляющем сходство с сасанидскими портретными изображениями по технике передачи широкой бороды посредством мелких параллельных бороздок [сравни 4, с. 76, №14 (III–IV вв.); 20, с. 59, №6.64; табл. XX, 6.64; с. 72, №9 – 48, табл. XXVIII, 9.48].

Надо полагать, что парижский экземпляр, так же как и Армазисхевская гемма, относится к местным иберийским изделиям и был изготовлен по специальному заказу. Исследуемая гемма не является печатью, т.к. надпись на ней выполнена в позитиве.

1 Б.А. Куфтин пишет, что сходство этих гемм уже при вскрытии армазисхевской гробницы №43 было отмечено А.И. Джавахишвили [12, с. 320]. Позднее об этом сходстве пишет и М.Н. Лорткипанидзе [13, с. 70].

2 Примерно такая же прическа у всадников, изображенных на серебряных кувшинчиках из Арагвиспири, которые считаются местными изделиями и датированы рубежом III–IV вв. [15, с. 15].

3 Ожерелье и серга с шаровидным утолщением на длинной подвеске являются инсигниями сасанидских вельмож [4, с. 17, 18].

В данном случае мы имеем дело с украшением – инсигнией питиахша Усы, очевидно вправленном в медальон¹.

Список использованной литературы

1. Апакидзе А., Гобеджишвили Г., Каландадзе Ал., Ломтатидзе Г., Мцхета. Результаты археологических исследований, т. I, Археологические памятники Армазисхеви 1937–1946гг. Тб. 1955 (на груз. яз.).
2. Бахтадзе М., Институт Эриставства в Грузии, Тб. 2003 (на груз. яз.).
3. Богверадзе А.А., О власти и личности Картлийских питиахшей. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 35, Тб. 1963, с. 55–69 (на груз. яз.).
4. Борисов А.В., Луконин В.Г., Сасанидские геммы, Ленинград, 1963.
5. Джавахишвили Ив., История грузинской нации, т. I, Тб. 1951 (на груз. яз.)
6. Джавахишвили К., Из истории грузинского златокузнечества. Доклад, прочитанной на научной сессии Гос. Музея Грузии 22.05.2001 г. (на груз. яз.)
7. Егишэ. О Вардане и войне армянской. Перевод с древнеармянского акад. И.А. Орбели, изд.-во АН Армянской ССР, Ереван, 1971.
8. Ингороква П., Древнегрузинская летопись “Обращение Картли” и список иберских царей античной эпохи. В ГМГ, XI–В. Тб. 1941, с. 257–320 (на груз. яз.).
9. Кавтарадзе Г., К интерпретации древних Закавказских данных о карфагенянах, Сб. Прекрасное овеванное грустью, Тб. 2007, с. 75–85.
10. Каухчишвили Т., Древнегреческие источники истории Грузии, Тб. 1976 (на груз. яз.).
11. Кекелидзе К., Толкованию надписи на печати питиахша Ашуши. Литератури дзиебани, т. V, Тб. 1949, с. 147–154 (на груз. яз.).
12. Куфтин Б.О., О некоторых необъяснимых случаях древней этно- и топонимики Грузии по Зарубежным источникам, “Моамбе” АН ГССР, т. X, №5, Тб. 1949, с. 315–321 (на груз. яз.).
13. Лорткипанидзе Марг., Геммы Государственного музея Грузии, II, Тб. 1958.(на груз. яз.).
14. Надирадзе Дж., Археологические памятники Квирильского ущелья, Тб. 1975 (на груз. яз.).
15. Рамишвили Р. Новые археологические открытия в Арагвском ущелье, “Дзеглис мегобари”, №38, Тб. 1975, с. 7–15 (на груз. яз.).
16. Рамишвили К.И. Сасанидские геммы в Грузии. Тб. 1979 (на груз. яз.)
17. Себеос. История епископа Себеоса. Перевод С.Т. Малхасянца. Издание АРМАН–ФАИ–А, Ереван, 1939.
18. Такаишвили Е., Когда произошло замещение государства Иберов государством картвелов. “Мнатоби”, Тб. 1948, №8. с. 89–106 (на груз. яз.).
19. Церетели Г. В связи с «некоторыми необъяснимыми случаями древней этно- и топонимики Грузии», Моамбе АН ГССР, т. X, №6, Тб. 1949, с. 377–383 (на груз. яз.).
20. Gignoux Ph. Catalogue de Sceaux, Camées et Bulles Sasanides, II, Paris, 1978.
21. Kevorkian R.H. Intaille represent at le vitaxe Aršūša. Catalogue de l'exposition «Armenie entre Orient et Occident», Paris, 1996, p. 237.
22. Visconti E.Q. Iconographie Greeque, Tome second, Paris, 1811.

¹ Пример тому гранатовая гемма с изображением сасанидского вельможи, украшающая золотой медальон, обнаруженный в Мцхета на некрополе Самтавро. Украшение целиком датируется концом III – началом IV века [16, с. 57–59. №1, табл. I, 1; табл. IX, 1].

K. Javakhishvili
(Georgia)

USA – A FOURTH-CENTURY IBERIAN (KARTLIAN) PITIAH

Summary

The current paper deals with a sardonyx gem (nom 1385) kept safe at Paris National Library's department of medals.

The gem has been capturing a particular interest of many scholars including Georgians for quite a long period of time. It represents a portrait of a middle-aged man. Around the image is a Greek positive inscription ΟΥCΑC ΠΙΤΙΑΞΗC ΙΒΗΡΩΝ ΚΑΡΧΗΔΩΝ telling us the name of the person depicted on it.

There are different points of view about the inscription but at the same time all the scholars have held the view that the person portrayed on the gem is connected with the Caucasian Iberia – Kartli (Georgia). But at the same time there is a certain disagreement about the word denoting the name of the pitiax ΚΑΡΧΗΔΩΝ and the date of the gem itself.

The most convincing point of view belongs to K.Kekelidze who believed that the gem represents "a pitiax of Sassanid Iberians" [11, p. 150]. According to the scholar "Sassanian Iberia" was the Iberia (Kartli) subordinated to Sassanid Iranians in the 370s [11. p.150]. Usa was Kartlian (Caucasian Iberia) pitiax in the 380s and 390s [2. p.58,64].

Parisian gem should have been made in Iberia (Kartli) to special order at about the fall of the 4th century. Therefore the person portrayed on the gem is impossible to be Arshusha, fifth-century Iberian (Kartlian) pitiax i.e. Varsken pitiax's father as some of the scholars have considered [21. p.237].

The gem is not a seal (the inscription made on it is positive). It is Usa pitiax's insignia-decoration which probably should have been inserted in a locket.

Иллюстрации

- 1–2 Гемма. Портрет питиахша Усы (оттиск).
- 3 Гемма. Портрет «вельможи с серьгой» (оттиск). Армазисхеви.
- 4 Золотой перстень. Армазисхеви.

Джавахишвили Кетеван Александровна

Историк, доктор исторических наук
Тбилиси, ул. Пурцеладзе №3
Тел: 93-60-51 (дом)

1

2

3

4

АНТЕФИКС БЕДИЙСКОГО ХРАМА И ЕГО НАДПИСЬ

В апреле 2008 года, в с. Агубедия Очамчирского района, в Абхазии, за оградой знаменитого Бедийского храма, во время пахоты земли в придворном участке, был обнаружен обломок керамического антефикса от черепичного перекрытия храма (рис. 1). Антефикс средних размеров: 10,5х6,5-8 см. Его верхняя часть отломана, но судя по размеру почти полностью сохранившегося нижнего крыла изображенного здесь равноконечного креста, высота антефикса достигала около 10-11 см.

Данный обломок антефикса в первую очередь привлекает внимание по двум причинам: непревратно обширной грузинской надписью и покрытием всей поверхности глазурью. Тонкий слой глазури здесь темно-зеленого цвета, настолько темного, что переходит в черный цвет. Глазурью покрыта и задняя поверхность антефикса, где сохранилась малая часть калиптера – 2,5 см длины (рис. 2). В тоже время очевидно, что данному антефиксу не хватает изящности в исполнении, четкого выделения очертания букв надписи, монументальности, которые так характерны для антефиксов раннего периода (X–XI вв.).

Антефикс по краям обведен двойной рельефной рамкой. Наверху, на сохранившейся части левой стороны, рамка повернута направо и вверх, из чего явствует, что её верхняя сторона была заострена в виде треугольника. Такая форма является обычной для антефиксов (см. Гулани, 4, 2008, рисю 1-5).

На поверхности антефикса изображен равноконечный, рельефный крест с широкими крыльями и рельефными шариками в их заостренных концах. Сохранилась нижняя часть рукавы креста, нижняя половина левого крыла и малый фрагмент нижней части правого крыла. Своим очертанием, этот крест, в особенности поставленными на концах крыльев рельефными шариками, поразительно похож на серебрянный крест, который набит на верхней обложке Адышского четвероевангелия (897 г.) (Силогава. 2006, с. 64) и на крест, процарапанного около одной надписи X–XI вв. в Чкондидском храме в Западной Грузии (Силогава. 2008, с. 63).

Нижняя половина антефикса, а так же поверхность между южным крылом креста и рамкой, заполнена трехстрочной рельефной надписью, выполненной письмом асомтаврули. По одному слову первой строки расположены по обе стороны нижнего крыла креста; общий размер надписи составляет 7,5х5 см; высота букв – 2-1-08 см; буквы разного размера, они выходят из двухлинейной сети и строки надписи как-бы сдвинуты с места; текст представлен без разделительных знаков (во 2-ой строке, между $\overline{\text{d}}$ (ð, м) и $\overline{\text{d}}$ (d, д) стоит рельефная точка, но исходя из внизу представленной расшифровки этого места, не думается, что она является разделительным знаком); знаки сокращения – горизонтальные, короткие, прямые, рельефные черточки, которые поставлены почти над каждым сокращенным словом (не хватает только на последнем слове). Текст надписи таков (рис. 3):

+187
ⵓⵏⵏⵓⵏⵓⵏⵓⵏ
ⵓⵏⵏⵓⵏⵓⵏ

ქ(რისტე), შ(ეიწყალ)ე ძ(ო) ვ(ა)ნე, მ(ადი)დ(ებელ)ი მ(ა)თი ფ(ა)რ(ე)ზ(ა)სძე.
Т. е. „Христос, помилуй Иоване, славивший его Парезасдзе“.

При прочтении редкой фамилии *Парезасдзе* в тексте надписи, вспоминается зодчий с такой же фамилией – строитель храма во имя Св. Саввы Сапарского монастыря в Самцхе, в 10-12 км от г. Ахалцихе (*Беридзе, 1955, с. 51*), имя которого – Георгий, стала известна лишь в последнее время (*Силогава, 2000, с. 32-33*). По заключению акад. В. В. Беридзе, в Сапаре „возведение храма во имя Св. Саввы и колокольни, а так же ремонт церкви Успения Богородицы в конце XIII века и в I половине XIV века, во время Бека мандатуртухуцеса и его преемников, документально (надписями и историческими портретами) подтверждено“ (*Беридзе, 1955, с. 57*).

Таким образом, фамилия *Парезасдзе*, зафиксированная в надписи антефикса из Бедийского храма, и такое же фамилия, зафиксированная на рубеже XIII–XIV вв. в надписи Сапарского храма Св. Саввы, как-бы может являться определенным ориентиром для датировки антефикса, разумеется, если будет учтено своеобразие палеографических признаков его надписи.

В общих чертах, палеографические признаки некоторых отдельных букв надписи, раннего периода – X–XI вв. (напр., передача Γ γ е в первой строке в обоих случаях в виде отведенной налево короткой черточкой), а в некоторых случаях и более раннего периода (напр. Γ γ е и Γ γ v изображены без дополнительных горизонтальных черточек у головки, которые с IX века уже не встречаются). Но такие поздние признаки, как начертание β β з и v m м поднятой вверх горизонтальной черточкой, округленная передача ζ ζ t, угловатая головка Φ ϕ p, $\bar{h}$ $\bar{h}$ н с поднятой черточкой головки, удлинненный дукт письма, иногда необычно вытянутые ($\bar{\alpha}$, $\bar{\Gamma}$, $\bar{\rho}$), а иногда утолщенные ($\bar{h}$, $\bar{\beta}$, $\bar{\Gamma}$) буквы, передача одной и той же буквы с разными очертаниями (t γ e) исключают данную надпись из письменных памятников раннего периода и датирует ее более поздним временем. Каким именно? Для этого необходимо учесть строительные этапы Бедийского храма, того самого памятника, которому несомненно относится данный антефикс.

Монографическое исследование зодчества Бедийского храма не существует. Хотя установлено, что „по сохранившимся орнаментальным фрагментам первоначальный храм был воздвигнут на рубеже X–XI вв. (это подтверждает и „Картлис Цховреба“, согласно которому, храм был построен царем Багратам III-им (975/978–1014), который после смерти был там же похоронен – КЦ, 2008, с. 273:8, 274:10 – В. С.). Обновленное строение (т. е. то, что с той поры стоит по настоящее время – В. С.) относится к XIII–XIV вв. (Энцикл. „Сакартвело“ (Грузия), 1997, с. 389).

Думается, что дошедший до нас антефикс относится к перекрытию храма времени его обновления на рубеже XIII–XIV вв. и его надо датировать этим же временем.

В целом, текст надписи следует разуть следующим образом:

„ქრისტე, შეინყაღე ქოვანე“, ქრისტე, შეინყაღე “მადიდებელი მათი ფარეზასძე“, „Христос, помилуй Иоване“, Христос, помилуй „славивший его Парезасдзе“. Тогда, получается, что в тексте надписи упомянуты два лица – Иоване, без указания фамилии и Парезасдзе, без указания имени.

Взаимоотношение между ними остается неизвестным из-за неимения других сведений, и можно предположить, что Иоване был ктитором обновления храма, а Парезасдзе – зодчим этого обновления (на рубеже XIII–XIV вв.).

Характерно, что зодчий воздвигнутого на рубеже XIII–XIV вв. Сапарского храма Св. Саввы *Парезасдзе*, упоминается в надписи без имени. В надписи над окном западного портала храма говорится: „Был полностью построен этот храм с фундамента рукою Парезасдзе, да помилует его Бог“ (*Беридзе*, 1955, с. 51). Так же, весьма характерно, что данная надпись, которая датирована рубежом XIII–XIV вв., подобно надписи Бедийского антефикса, выполнена в отдельных случаях буквами раннего (X–XI вв.) очертания, в частности письмом *кидурцаисрули*, а резьба букв обведена киноварью - красной краской, что характерно для этого же времени.

Вообще, следует отметить, что раннее очертание букв характерно для эпиграфики Сапарского храма Св. Саввы; в частности, вырезанные на архитраве западного входа в церковь три эпиграфических акта - пожертвования местных феодалов (Окропир Габесасдзе, Иоанн Гвиасашвили, Георгий Мале или Малесидзе/Маласаидзе: *Беридзе*, 1955, с. 52-34; Закарая, 1990, с. 150-152) выполнены письмом *кидурцаисрули*, крупными и монументальными буквами, так что при первом, беглом взгляде они похожи на лапидарные надписи XI века; и лишь при детальном ознакомлении обнаруживаются палеографические признаки времени их исполнения, т. е. XIII–XIV вв.

Исходя из вышесказанного, думаю, не является случайным, что как надписи Бедийского антефикса с упоминанием *Парезасдзе*, так и Сапарской надписи *Парезасдзе* одинаково характеризует палеографическое подражание ранним (X–XI вв.) надписям; может быть, *Парезасдзе* в обоих надписях является одним и тем же лицом – строителем Сапарского храма св. Саввы (XIII–XIV вв.) и участником или автором т. н. второго периода строительства Бедийского храма (XIII–XIV вв.) (последовательность в данном случае не имеет значения – возможно, сначала был возведен Сапарский храм, а потом Бедийский, или наоборот). Этого, в первую очередь, кроме однородных письменных источников, может прояснить сравнение архитектурных форм и декоративных элементов, основательное изучение их схожести или различия, что остается вне моей компетенции.

Указанная литература:

1. Беридзе, 1955 - Беридзе В.В., Архитектура Самцхе, XIII – XVI вв., Тб., 1955 (на груз. яз).
2. Гулани, 4, 2008 (на груз. яз.).
3. Закарая, 1990 - Закарая П.П., Зодчество Грузии, XI-XVIII вв., Тб., 1990 (на груз. яз).
4. Грузия, Энциклопедия, 1, Тб., 1997 (на груз. яз).
5. Силогава, 2000 - Силогава В.И., Модель церкви из Сапары с изображением зодчего и с надписью, Сб. Месхети. История и современность, Ахалцихе, 2000 (на груз. яз., резюме на англ. яз).
6. Силогава, 2006 - Силогава В.И., Грузинская эпиграфика Менгрело-Абхазии, Тб., 2006 (на груз. яз).
7. КЦ, 2008 - Картлис Цховреба, Гл. редактор Роин Метревели, Тб., 2008 (на груз. яз).

V. Silogava
(Georgia)

THE BEDIA TEMPLE ANTEFIX AND ITS INSCRIPTION (Summary)

In April 2008 a massive fragment of antefix was discovered during tillage in the house plot close to the Temple of Bedia (Agubedia village, Ochamchire district). There are represented in three lines equal-arm shaped cross (the lower part is preserved only) and relief inscription carried out in Asomtavruli. The antefix is entirely covered with a sparse layer of green glaze. Text of the inscription is as follows:

“Christ, take your mercy on lovane, (and) on their admirer Farezasdze”.

Hence, two persons – lovane and Farezasdze are noted in the text. Their dependence to each other and with the Temple of Bedia is still unidentified. The inscription with its paleographic marks and therefore the antefix dates to 13th -14th cc.

We know two periods of erection of the Bedia Temple – the boundary of 10th-11th and 13th-14th cc. As it seems the antefix belongs to the second period of erection and restoration of the temple. There is also known another person of the Farezasdze family – architect of the St. Saba Temple of the Safara Monastery (nearby Akhaltsikhe, in 10-12 km.). He might have been a participant of the second period of erection of the Bedia Temple or vice versa – he might have taken part in the erection of Safara Monastery after completing the Temple of Bedia.

Силогава Василий Ивлианович
Доктор исторических наук, ассоц. профессор Тбилисского гос. университета им. И.
Джавахишвили.
Тбилиси, Нуцубидзе III микрорайон. II кв. II корп. кв. 33
т. 32-27-10

THE CHOROKHI (ÇORUH) BASIN – THE OLDEST CENTER OF THE COLCHIAN CULTURE

The recent archaeological finds confirm that southwestern Georgia, the territory of the present-day Adjara and Guria played an important role in the formation and development of early forms of productive economy, the formation of the ancient metallogenic centers, the genesis of the highly developed original Colchian culture and the relations with the Aegean and the Anatolian civilizations. It was here that the foundation was laid down for the first pre-étatique entities in South Caucasus, the Dayaeni (later Diaukhi) and the Qulkha (southern Colchis) and ancient centers of iron metallurgy emerged. This area had close trade, economic and cultural relations with the Eastern and the Graeco-Roman world. As the late researcher E. Krupnov noted, the role of the ancient tribes and peoples of the Caucasus was not only the creation of the well-developed original archaeological cultures and powerful centers of metallurgy, but also the performance of the middlemen functions in the relations with the ancient East and Europe, culturally advanced at that that time, over the millennia.¹ The same is the case with the territory under our present study, which was engaged in the world historical processes for a long time.

According to the earlier evidence and recent finds, it is possible to focus attention on the role of the Chorokhi basin in the formation of the Colchian culture.

The Colchian culture occupies an honorable place in the world culture. Its formation began in the middle Bronze age and assumed its final form in the 15th-14th centuries BC. The late Bronze - early Iron age (second half of the 2nd millennium BC – first half of the 1st millennium BC) was a period of efflorescence of this culture, a time of innovations, which covered a fairly vast area. Similar forms of settlement, original clay-pargeted wooden buildings, burial customs, richly decorated pottery, various decorations of fine art, weapons and tools, various values of material and spiritual culture were found on the entire territory of Colchis (Adjara, Guria, Imereti, Samegrelo, Lechkhumi, Racha, Svaneti, Abkhazia) over a long period. The area of the impulses of this culture is also vast. It includes much of the districts of northwestern Anatolia (hoards of Ordu, Artvin, Mekhchis-tsikhe and Kars area),² great part of historical Meskheti (southern Georgia).³ In the late bronze age the contacts with the southern slopes of the Central Caucasus, the Qoban culture and Shida Kartli (eastern Georgia) were realized by means of the upper reaches of the Rioni and the Qvirila. From here the specimens of the Colchian culture found their way farther away (Kvemo Kartli, Trialeti, Kakheti, Nukhi area, southeastern Armenia, the Ukraine, etc.).⁴

In the development of the western Georgian Colchian culture, some researchers (D. Koridze, O. Jafaridze, and others) single out two stages: the second half of the 2nd millennium BC, namely, the 14th-12th centuries BC, and the final stage of the 2nd millennium and the first half of the 1st millennium BC. The aim of our paper is to discuss the sources of the Colchian culture, taking into

---

1 Krupnov 1966, 40.

2 See in detail: Iessen 1935, 139-140; Bitel 1938, 258; Jafaridze 1950, 43; 1991, 211; Koridze 1965, 19-20, 37-38, figs 10, 13, 30; Volchak, Shakov 2002, 132-141.

3 See in detail: Ghambashidze O., Ghambashidze I. 1987 36-44; Nasidze, Licheli 1987, 220-225.

4 See in detail: Jafaridze 1991, 217.

account the scientific heritage concerning the artifacts discovered earlier and using the recent archaeological finds. The question as to the home of the Colchian culture rises once again.

The study of the Colchian culture has a long history; the accumulation of materials began in the last quarter of the 19th century. As is known, at first these objects were referred to as Qoban materials. After the 1880s the objects discovered beyond the borders of the Qoban culture were also regarded as belonging to this culture. But after the 1920s the specimens found on the territory of Colchis outnumbered greatly even the Qoban axes. What is the most important, earlier specimens, their prototypes and transitional forms were brought to light in our country. Therefore, M. Ivashchenko was quite right to raise the question that Colchis should be regarded as the center of this culture. In the 1930s on the basis of the attempt of the ethno analysis of the new finds, L. Muskhelishvili, according to the Eshera finds of 1934 and other discoveries, pointed out that the Qoban culture was not only widespread within the boundaries of Caucasus, but it was quite right to regard the Colchians as the creators of this culture itself. Hence, this culture, called the Qoban culture based on the first discovery, in the process of research, should have been renamed the Colchian culture. We link the culture, widespread in Caucasus, to Colchis, and therefore we naturally show greater interest in the objects which provide information on the past of Colchis, their distribution and ethnic relations.¹ The study of the genesis and ethno problems of the Colchian culture justified completely this name. The ethnic attribution of the original Qoban culture has not been made yet. It is generally accepted, however, that some elements found their way into it from the culture of western Georgia – the Colchian culture (e.g. the bronze axe). The infiltration of the Colchian tribes into the Qoban culture is not ruled out either.²

In the 1930s the well-known scholar A. Iessen made a special study of the bronze hoards found by chance in western Georgia; defined their approximate chronology; noted that western Transcaucasus occupied a leading place in Caucasian metallurgy; singled out two groups of objects: 1. those characteristic for western Transcaucasus proper, 2. those characteristic for the Qoban culture. The researcher arrived at the conclusion that large and small centers of bronze metallurgy existed on the territory of western Georgia, one of which was the Chorokhi basin, rich in minerals. Numerous objects of the Colchian culture have been discovered on its lower reaches; the author regarded South Caucasus as the primary base of Qoban metal.³

This first conception advanced by A. Iessen concerning the crucial role of the Chorokhi basin in the formation of the Colchian bronze culture was shared by many scholars afterwards. On the basis of the archaeological finds of the 1930s S. Janashia reached the conclusion that the magnificent bronze culture, referred to as Qoban formerly, was in fact the culture of Colchis. According to the hoards of Artvin and Ordu, he raised the question whether the Colchian bronze culture was the culture of Tubals or Tubal-Kains, southern Georgian tribes.⁴

B. Kuftin made an all-round study of the Colchian culture, wrote two volumes of papers, where he showed convincingly the historical roots and originality of this culture.⁵ According to

---

1 Ushakov 1940.

2 Sakharova 1993, 23.

3 Iessen 1935.

4 Janashia 1952.

5 Kuftin 1949; 1950.

Kuftin, the Qoban culture is Colchian not only by its geographic distribution, but its origin as well.¹ He regarded the Chorokhi basin as the oldest and key center of Colchian culture.

A new stage began from the 1950s in the study of the western Georgian culture. Problems of the Colchian-Quban cultural relations and individual components were studied specially; along with the bronze hoards, due attention was given to the study of the settlement sites of this period, manufacturing centers, cultic sites and cemeteries. In this regard, the great contribution of O. Jafaridze is noteworthy, who made a monograph study of the Colchian axe – the defining element of the Colchian culture.² He authored unified generalized papers, interesting studies on agricultural implements – tokhis (mattock-like scrapers) and sickles.³ The researcher demonstrated the main stages of development, the area of distribution and local peculiarities of the Colchian culture.⁴ It is stressed repeatedly in his works that the Chorokhi basin was an important center of the Colchian culture.

G. Melikishvili made a fundamental study of various problems of the ancient history of southwestern Georgia. For the present research the following conception of the late scholar is especially interesting: the center of the Colchis, named in Urartian sources as Qulkha, must have been farther to the south, not on the Phasis (the Rioni), as it found in later, Greek tradition. It must have existed on the lower reaches of another big river, the Chorokhi. In this way, the contacts with Urartu are easier to understand. It should also be borne in mind that the sources of the well-known Colchian culture of the late Bronze age, its main manufacturing area must be sought for here, in the Chorokhi basin. Qulkha was certainly the confederation of the population creating this culture.⁵

On the upper reaches of the Rioni G. Gobejishvili discovered the remains of mining and metallurgical production. He identified metallurgical centers of Abkhazia, Racha-Lechkhumi and the Chorokhi basin; advanced a number of views concerning southwestern Georgia. The author wrote: 'A quite convincing view is advanced that the ore-bearing Chorokhi basin was one of the mining metallurgical centers of western Georgian culture. On its lower reaches and in Adjara in general numerous examples of this culture have been discovered';⁶ or: 'One of the most powerful, leading metallurgical centers of the Colchian culture must have been the present-day Chorokhi basin ... This area, the Chorokhi basin, was quite rich in copper; evidently farming was fairly developed here in this period. This is confirmed by the discoveries of agricultural implements in large numbers in the southern part of Colchian culture.'⁷ The author concludes: 'It should be assumed that tokhis were mainly made in the Chorokhi metallurgical center and they found their way into other regions from here.'⁸ It is stressed that tokhis have not been found in such large numbers in any other culture of this period, as in Colchis. The researchers believe that this type of implements was created on the basis of western Georgian culture. As regards tsaldi (billock-type

---

1 Kuftin 1941.

2 Jafaridze 1950.

3 Jafaridze 1953.

4 Jafaridze 1982.

5 Melikishvili 1959, 62; 1965.

6 Gobejishvili 1970, 281.

7 Gobejishvili 1970, 147.

8 Gobejishvili 1970, 148.

tool), the author notes: 'Bronze tsaldis, similar to tokhis, must have been characteristic mostly for the Chorokhi metallurgical center'¹ The priority of creating this unique object in the world civilization belongs to the ancient Colchians.² In general, it is noted in Gobejishvili's work that Colchian axes of the first variety have been discovered mostly in the southern areas of the distribution of Colchian culture. The scholar also pays attention to the fact that flat axes too occur in the southern areas of the Colchian culture. The segments are also distributed in the Chorokhi basin, on the Rioni lower and middle reaches and the Enguri lower reaches.³

In O. Ghambashidze's view, the Chorokhi basin had certain priority in the creation of the original variety of tokhi, but afterwards this farming implement was made in such a center as Racha-Lechkhumi.⁴

The late researcher D. Koridze made a valuable contribution to the study of the sources of the Colchian culture, published numerous bronze hoards discovered by chance. He was the first to write a unified work on the Colchian culture, singled out individual stages of its development, manufacturing areas, local centers; studied individual tools, offered their chronological and typological classification, focused attention on the questions of the interrelation of the Colchian-Iberian and the Colchian-Qoban cultures. In the author's view, of the areas of bronze metallurgy one of the interesting areas is Adjara.⁵ The researcher believes that on this territory there existed two local areas of metallurgical production, two main centers with other smaller workshops. One of these was located in the northern, northeastern areas of the Chorokhi-Adjariststsqali and Batumi, the other – in the Kobuleti valley, the river Kintrishi and Chakvistsqali basins and neighboring areas.⁶ The author's views concerning the axes of the first-variety are noteworthy: 'Nowhere, in no area of Colchis the direct precursors of the first variety of Colchian axes have been discovered in such large numbers, therefore, it may be assumed that exactly this area must have been one of the centers of Colchian axes.'⁷ Along with this, Koridze noted that some varieties of axes do not occur in other areas of Colchis. A hammer-butted axe has been discovered in Ude, along with Adjara. The scholar fails to take into account the hammer-butted axe discovered in Guria, namely Khevi (axes of this variety will also be discussed below).

Interesting views on the home of the Colchian culture belong to T. Mikeladze. He believes that the sources of Colchian bronze must be sought for in southwestern Georgia. Much of the ancient hoards have been discovered here. Mikeladze concludes: 'Southwestern Georgia, together with its neighboring areas, was the main and the oldest center of Colchian bronze ... This culture, evidently, was formed in the southeastern Black Sea area, which are especially abundant in the eastern part of the Northern Taurus as well as the Mtkvari-Chorokhi area.'⁸

The hoards of southwestern Georgia, namely Adjara and Guria, were studied specially by A. Ramishvili. The author regards the Chorokhi basin as the major metallurgical center of the

---

1 Gobejishvili 1970, 149.

2 See in detail: Kakhidze A., Kakhidze N. 1993.

3 Gobejishvili 1970, 149.

4 Ghambashidze 1963, 52.

5 Koridze 1965.

6 Koridze 1965, 124.

7 Koridze 1965, 125.

8 Mikeladze 1974, 40.

Colchian culture of the late Bronze age. This view is based on the fact that in this area there exist copper ores, necessary for metallurgy, and bronze objects were found in large numbers. He notes that several workshops of metal working functioned here. The area was also advanced in the sphere of technical thought, not only in metallurgy, but also in 'the creation of individual tools and their details as well as their further elaboration and perfection.'¹

The researcher stresses that 'The picture of the emergence of the tools, typical for this culture, is not so clear in any area of distribution of Colchian bronze, as in the southeastern Black Sea area; the earliest varieties of Colchian axes, tokhis, segments and tsaldis have been discovered from the end of the middle Bronze age in the area under study.'² On the basis of the study of numerous materials, the author arrives at the conclusion that the tools characteristic for Colchian bronze do not occur so fully in any other micro-area of distribution of the Colchian culture as in the southeastern Black sea area.'³ He thinks that the tokhi-based farming, typical for the mountainous band, was developed in these areas. 'There can hardly be found another area where the complex of agricultural implements is represented so fully.'⁴ Ramishvili also pays attention to the circumstance that at the early stage of the late Bronze age arsenical bronze was made in Adjara and Guria. In later specimens, it was replaced by tin bronze elsewhere.

The hoard (including 20 bronze axes of first variety) discovered in the village of Didadjara, Khulo district, was studied specially by A. Inaishvili, who dated it to the 14th-13th centuries BC.⁵ He regarded that the hoard was originated from the Chorokhi manufacturing center, and the stream of Colchian culture found its way through the Adjaristsqali valley, the Goderzi pass into the southern areas of eastern Georgia (Samtskhe-Javakheti).

According to the hoard including 18 items dated to the 15th-14th centuries BC, discovered in 1978 at the village of Sakhalvasho, Kobuleti district, J. Apakidze, similar to the previous scholars, admits that 'The discovery of a new hoard of the early period of the Colchian culture on the littoral of southeast Colchis once more confirms the correctness of the view that southwestern Georgia and especially the littoral area are regarded as the place of emergence of the Colchian culture.'⁶

In the 1980s O. Lordkipanidze advanced the conception, different from that of above-mentioned scholars.⁷ The author believes that the western Georgian (Zan) language populations: Chans (Tzani) and Megrels formed after the break-up of the Kartvelian (eastern Georgian) and Zan unity, developed independently in the southeastern Black Sea area and its adjoining mountainous zone, on the one hand, and the territory of the present-day western Georgia, on the other one;⁸ in the scholar's view, the main population of the southeastern Black Sea area were the Chalds-Chalybes-Chans, and that of western Georgia – the Colchians (Megrels), who oppressed the Svans (another branch of Kartvelian language population). The gradual settlement of the

---

1 Ramishvili 1974, 89, 92, 105-106.

2 Ramishvili 1974, 106.

3 Ramishvili 1974, 106.

4 Ramishvili 1974, 110.

5 Inaishvili 1975.

6 Apakidze 1987, 20.

7 Lordkipanidze 1986; 1989.

8 Lordkipanidze 1986, 51.

Zan ethnos on the territory of present-day Georgia is linked with the creation of the highly developed, brilliant culture. The efflorescence of this culture is reflected in the Argonaut myth as Aetes' powerful state. The author notes that the latter is supposed to have existed in the southeastern Black sea area, bringing as one of the arguments that the home of the Colchian culture is allegedly the Chorokhi basin. According to the new opinion of O. Lordkipanidze, the well-known riches of the Chorokhi basin – copper ores does not mean that this mountainous area was the homeland of bronze culture or any of its manufacturing centers: It should be assumed that in the mountainous areas, rich in copper, raw material was extracted in the form of half-finished products and bars, and objects were made in special workshops located on the plain and facilitated the development of local economy. The scholar concludes that not the mountainous areas, in particular, the Chorokhi basin and its ore-bearing zones should be regarded as the home of the Colchian bronze culture, but the Colchian plain. Along with this, there is every reason to state that main varieties of Colchian bronze objects, determined by the local character of economy, appeared almost simultaneously in the entire Kolkheti (Colchis) Lowlands. Accordingly, farming of the Colchian plain was well-developed. The creation of the brilliant Colchian bronze culture is the result of the highly developed farming society, linked with the Rioni artery. The scholar notes that no similar society is known in any other area of the Black Sea littoral in the second half of 2nd millennium BC.¹ To sum up, in this author's view, there is no firm basis to regard the Chorokhi basin as the home of the Late bronze age Colchian culture, although the Chorokhi basin was in fact 'its main production area.'² He denies the existence of the ancient political confederation of the Colchians in the southeastern Black Sea area. The author thinks that the country of Aea reflected the great political confederation on the territory of present-day western Georgia, with the Rioni basin and the Kolkheti Lowlands as its leading area. The researcher concludes that 'The Colchian bronze culture was formed in the Kolkheti Lowlands, where a large group of the western Georgian population settled down in the 2nd millennium BC, which first united the territory between the Great and Lesser Caucasus into a single confederation, and then apparently extended its influence to the south of the Lesser Caucasus, including the southeastern Black Sea area.'³

Taking into account the earlier data and recent archaeological finds, these views of Lordkipanidze are difficult to share. We support the traditional views and think that the home of the brilliant Colchian culture, its oldest and leading center was southwestern Georgia, the Chorokhi basin. On the basis of the most recent data, we tried to find new arguments for this thesis. Here we shall not discuss in detail the bronze hoards, well-known in the specialist literature, which reflect perfectly the earliest periods of the rise and development of this original culture. They include the prototypes, transitional forms and the earliest specimens of Colchian axes. These are the hoards from southwestern Georgia – Ureki, Kobuleti, so-called Chorokhi, Makho, Melekeduri, Sakhalvasho, Zemo Jodjo, Didadjara, Saghoreti, Chaisubani, etc.⁴ There are some new finds too. The hoard from the village of Kirnati, Khelvachauri district, the right bank of the Chorokhi river is especially interesting.⁵ The hoard included seven bronze axes (figs 1-2), with

---

1 Lordkipanidze 1967, 68.

2 Lordkipanidze 1967, 69.

3 Lordkipanidze 1967, 70.

4 Koridze 1965; Ramishvili 1974.

5 Kakhidze, Mamuladze 2000, 53-62.

massive proportions, and poorly worked surface. The typical of archaic axes, especially on the fore-part is observable in some axes from Kirnati. In some of them the ends of the handle-hole are not decorated with narrow facets. Side facets are curved to a certain extent, the middle has relatively straight surface. These prototypes and early specimens of Colchian axes are characterized by the so-called arched edges, the blade is low, sometimes slightly rounded. These specimens also have the common features of Colchian axes: pointed butt, sloped to some degree, pointed oval handle-hole, hexahedral body and asymmetrical rounded blade to some extent. Evidently, these are direct precursors of bronze axes, so typical of the Colchian culture.

Both as to the shape and period these specimens find no direct parallels. According to the blade, decoration of facets and partially the configuration, some of these examples bear certain resemblance to the so-called tube-socketed axes from the Ureki hoard of the middle Bronze age, namely, the 18th-16th Centuries BC.¹ New features for these axes are the widening of the blade, tendency towards hexahedral body, oval shape of the handle-hole, etc.² These features are even more obvious in the Kirnati axes. They are no longer of the tube-socketed type. We believe, the axes discovered at Kirnati represent the final stage of the long development of the early and the middle Bronze age axes, which was followed by the genesis of the prototypes and the well-known Colchian axes with their varieties and sub-varieties. Some specimens from the early hoards discovered in the Colchian culture, along with the so-called prototypes and already developed axes of the first variety, also include examples which according to the shape of the blade, body configuration and decoration of arched edges of the back facets are chronological continuation or later echo of some axes from Kirnati. The axes from Erge and Sakhalvasho, dated to the 15th-14th centuries BC are among such specimens.

Some of Kirnati axes find no parallels at all. According to the massive proportions, oval or pointed handle-hole, curving of the sharp projection of the fore-part and back facets, low, thick trunk and blade, as well as spouts, found on different levels, they resemble the prototypes and early specimens of Colchian axes.

Our preliminary opinion concerning the dating of the Kirnati hoard is the following: it must be the chronological continuation of the Ureki hoard. Its approximate date may be set as the 16th-15th centuries BC. These data indicate that the historical roots, strong preconditions of the brilliant Colchian bronze must be sought for in southwestern Georgia, the Chorokhi basin.

Other recent finds from this area are equally interesting. First of all, the Tkhillnari hoard (left bank of the Chorokhi river) should be noted. It contained Colchian axes of the first variety (including waste), segmented tools and bronze bars (fig. 3), dated to the early stage of the late Bronze age, the 14th-13th centuries BC.³ The axe from Gvara (fig. 5), discovered in the valley of the Machakhela, a tributary of the Chorokhi, has elegant shape and refined proportions, it is dated to the 13th-12th centuries BC.⁴

Interesting materials of the Colchian culture have occurred in recent years in the valley of Adjaristsqali, another main tributary of the Chorokhi. First of all, the hoard brought to light in the

---

1 Jafaridze 1948; 1950; 1951; Koridze 1965; Ramishvili 1974, etc.

2 Koridze 1965, 54-55.

3 Kakhidze, Mamuladze 2000, 62-68.

4 Kakhidze, Mamuladze 2000, 68-69, fig. 38.

village of Sikhaldzeebi, Keda district, is noteworthy.¹ Along with the Colchian axes of the first variety, six hummer-butted axes (figs 7-8) were found. These specimens have hummer-like butt, separated from the handle, handle-hole, straight hexahedral body, and two-winged symmetrical blade. On the Colchian territory hammer-butted axes have occurred in such large numbers for the first time.

According to the distribution area it is obvious that the genesis of axes of this variety also must be linked with southwestern Georgia. They were found mostly in Adjara, and twice in its adjoining areas. So far the following areas yielded one hummer-butted axe each: village of Khutsubani and² the Chakvistsqali valley,³ Kobuleti district; village of Saghoreti,⁴ Keda district; the Chvanistsqali valley,⁵ Shuakhevi district; village of Khikhadziri,⁶ Khulo district. Implements of this type in the adjoining areas of Adjara are known from village of Ude,⁷ Adigeni district. One more hummer-butted axe is known from village of Khevi,⁸ Guria. The hammer-butted axes of Sikhaldzeebi, Saghoreti, Chvana and Chaisubani are dated to the early stage of the Colchian culture, and those of Ude, Khikhadziri, Khutsubani and Khevi – to the second stage – the 11th-8th centuries BC. The bronze wide girdle from the Sikhaldzeebi hoard is one of the oldest specimens; fragments of clay vessels also occurred.

The hoard discovered in the village of Zundaga, Keda district, must be of the final stage of the early period of the late Bronze age.⁹ Part of the hoard is missing. A flat axe, a Central Transcaucasian bronze axe, two massive hoops, two buckles and an ornamented object have survived. The Central Transcaucasian bronze axe occurred for the first time in Adjara (fig. 9).

The finds from village of Vaio, Keda district, appear to be contemporary with the Zundaga hoard, namely, of the end of the 2nd millennium and the 1st millennium BC. These are: a fluted pottery vessel, spiral temple ornaments, bronze hoops, a bead, etc.¹⁰ It is not ruled out that objects necessary for burial rituals were made here (fig. 10).

The casual finds of the late stage of the Colchian culture will not be discussed in detail here. As is clear, here one is dealing with a very interesting, coherent picture for the study of the early stages of the Proto- and the Colchian Bronze age. Materials from the cultural layers of Pichvnari, a model site of southwestern Georgia, especially in the late Bronze age and the subsequent periods are even richer and more informative. There exists considerable historiographic heritage concerning them.¹¹ The study of the artifacts available for us has led us to the conclusion that southwestern Georgia, its main artery – the Chorokhi basin was the oldest and one of the key centers of Colchian bronze culture, its home. We think, the readers do not need to be reminded

---

1 Kakhidze, Mamuladze 1993, 18-26, tab. III-IV; 69-74, figs 39-43.

2 Ramishvili 1974, 18-19, pls 10.2, 12.2.

3 Koridze 1965, 21, pl. 11.10

4 Ramishvili 1974, 24, pl. 15.1,5.

5 Ramishvili 1974, 21, pl. 15.7.

6 Kakhidze, Mamuladze 1993, 27, pl. 8.1.

7 Javakhishvili, Chubinashvili 1959; Koridze 1965, 19-20, fig. 11.

8 Koridze 1965, 35, pl. 11.9; Ramishvili 1974, 27, pl. 18.6.

9 Kakhidze, Mamuladze 2000, 74-83, figs 44-50.

10 Kakhidze, Mamuladze 2000, 83-89, figs 51-54.

11 See English version of this bibliography: Vickers, Kakhidze 2004, Kakhidze, 2007b.

that the Chorokhi basin and its environs are rich in polymetals, especially copper ores, necessary for bronze metallurgy.

The large and ordinary settlements, cultic sites, manufacturing centers, cemeteries, and, especially, the numerous hoards brought to light in the 1960s demonstrate that the oldest tribal culture originated in South Caucasus in the middle Bronze age on the territory under study. Wattle-and-daub buildings, very typical for the newly-formed Colchian culture, varied forms of richly decorated pottery, centers of cattle-breeding, metal working and artisan production established gradually. Religious beliefs were common. Southwestern Georgia, the Chorokhi basin played a crucial role in the genesis of the main components of the Colchian culture, bronze implements. The Kirnati discovery provided a link between the Ureki axes and the prototypes of Colchian axes, which demonstrates that the southeastern Black Sea area was the place where the idea of the creation of implements of this type originated. The Kirnati finds are direct precursors of the bronze axes of the first variety – the beauty of the Colchian culture. According to the recent finds, the varieties of hammer-butted axes were added to these objects. The same is the case with other characteristics. The earliest specimens of three-cornered mattocks and tokis mainly were found on the territory under study. The topography of the distribution of bronze tsaldis, unique in the world civilization, is also limited to Adjara and Guria, with two exceptions from Imereti. The area of distribution of segmented tools in the Colchian culture is more extensive and almost synchronous. Similar preconditions, territorial proximity to Anatolia, Middle East and the Aegean world led to the formation of a pre-étatique entities (confederations) in the Chorokhi basin, the southeastern Black Sea area, first as Dayaeni and later as Qulkha (the 13th-8th centuries BC). The ancient confederation in Caucasus found reflection in the Argonaut myth and the ancient Eastern and Greek written sources. The original Colchian culture, in the Chorokhi basin, gradually extended over a vast territory. By the end of the 2nd millennium BC it apparently covered entire western Georgia. At the second stage, Central Colchis, the Rioni area, due to the great changes in the world historical processes, further extended its influence in the direction of inner Kartli and Caucasus. Owing to the proximity to the Chorokhi basin, these impulses were observable in Samtskhe-Javakheti, the Borjomi valley even at an earlier stage. The shifting of the center of the Colchian culture toward the Rioni area prepared the ground for the formation of the Kingdom of Colchis in the middle of the 1st millennium BC.

Кахидзе Амиран Юсупович,

Доктор исторических наук,
профессор Батумского гос. университета
им Ш. Руставели.
т. 899 15 41 50, 4-32-24

Мамуладзе Шота Хусейнович

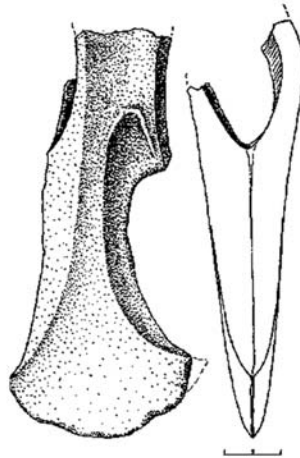
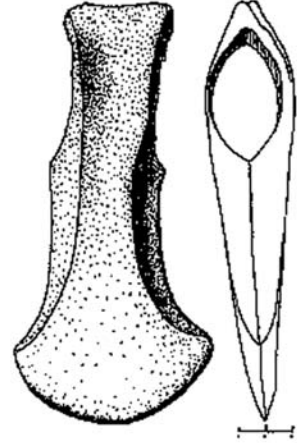
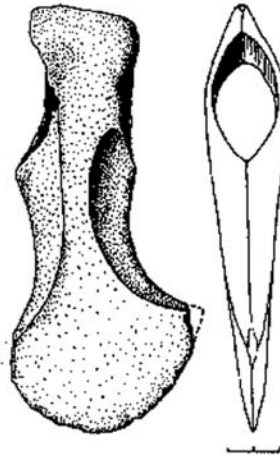
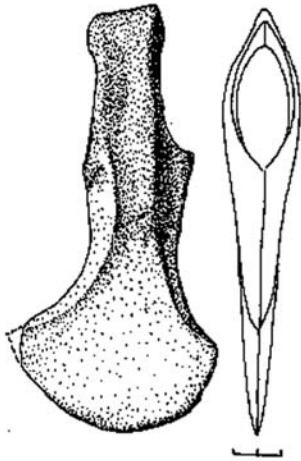
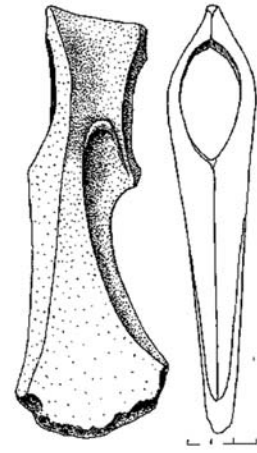
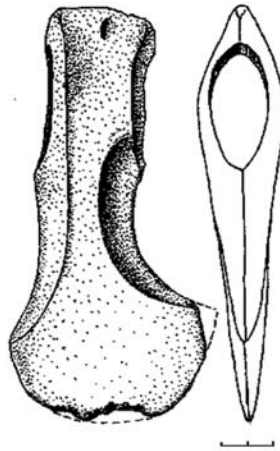
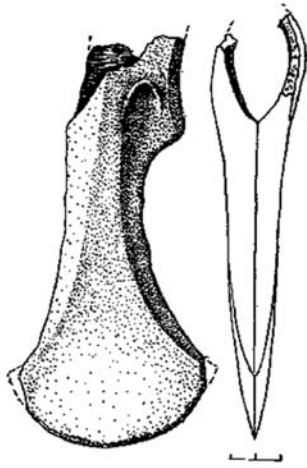
Археолог, доктор исторических наук,
ассоц. профессор Батумского гос. университета
им Ш. Руставели.
т. 895 35 21 20, 7-79-09

BIBLIOGRAPHY

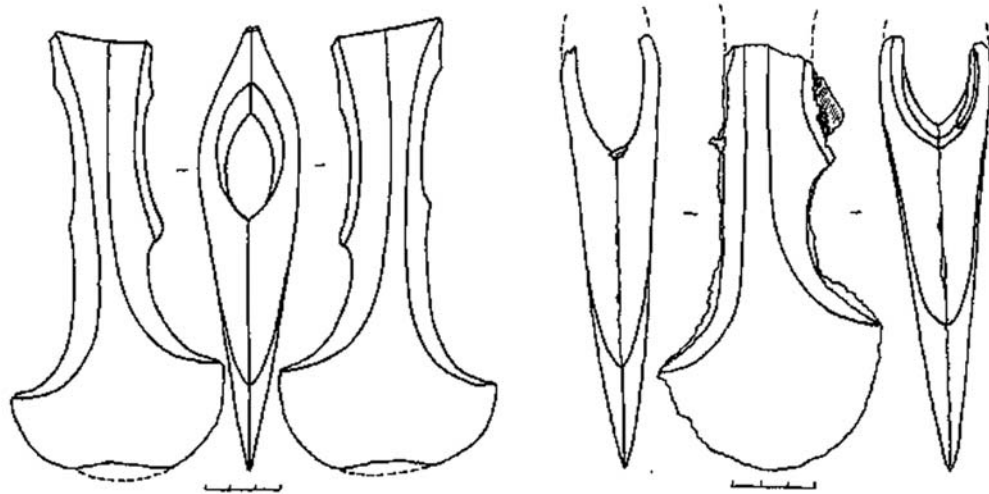
1. **Abramishvili, R. 1961.** Rkinis atvisebis sakithisatvis aghmosavlet sakartvelos teritoriaze, Saqartvelos sazogadoebriv metsnierebata moambe 22.B
2. **Apakidze, J. 1987.** Sakhalvashos gandzi, Samkhret-dasavlet sakartvelos dzeglebi 16: 14-20.
3. **Bitel, K. 1938.** Artvinshi aghmochenili brinjaosagan gaketebuli arqeologiuri nashtebi", Enis, istoriisa da materialuri kulturis institutis moambe 2.2: 257-266.
4. **Chubinishvili, T.N., Tatishvili, T.I. and O.S. Ghambashidze, 1957.** Arkheologicheskie razvedki v yuzhnikh rayonakh Gruzii (Meskheta-Djavakheti) v 1953-1955 gg.", Sovetskaya arkheologiya 4.
5. **Ghambashidze, O. 1963.** Tkhmoris gandzi, Tbilisi
6. **Ghambashidze, O. 1999.** Samtskhe-javakheti dz.ts. II atastsleulis shuakhanebshi (PhD thesis), Tbilisi
7. **Ghambashidze, O. and I. Ghambashidze, 1987.** Akhali arqeologiuri masalebi samtskhe-javakhetidan, Dzeglis megobari 4: 36-44
8. **Ghambashidze, O.S., Kvizhinadze, K.D. and I.O. Ghambashidze, 1991.** Osnovnye rezul'taty rabot Meskhet-Djavakhetskoy ekspeditsii v 1985-1986 gg., Polevye arkheologicheskie issledovaniya v 1986 g., Tbilisi: 27-34
9. **Gobejishvili, G. 1959.** Gvianbrinjaos khanis dzeglebi dasavlet saqartveloshi, A. Apakidze (ed.), Saqartvelos arqeologia, Tbilisi: 129-155.
10. **Gobejishvili, G. 1970.** Gviani brinjaosa da adreuli rkinis khana saqartveloshi", G. Melikishvili, I. Antelava, M. Dumbadze, I. Kacharava, S. Meskhia, N. Sturua and A. Surguladze (eds.), Saqartvelos istoriis narkvevebi 1, Tbilisi: 243-311._
11. **Iessen, A.A. 1935.** K voprosu o drevneyshey metallurgii medy na Kavkaze. Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury 120: 7-237.
12. **Inaishvili, A. 1975.** Didadjaris gandzi da kolkhuri nivtieri kulturis istoriis zogierti sakitkhi, Samkhret-dasavlet saqartvelos dzeglebi 5: 3-50, pls 1-12.
13. **Janashia, S. 1959.** Tubal-tabal-tibareni-iberi", K. Lomtadze, V. Topurian and L. Janashia (eds.), Shromebi 3, Tbilisi: 1-74.
14. **Japaridze, O. 1950a.** Dazverviti eqspeditsia guriashi, Saqartvelos sazogadoebriv metsnierebata moambe 16.B: 109-122. _
15. **Japaridze, O. 1950b.** Kolkhuri tsuli", Saqartvelos sazogadoebriv metsnierebata moambe 16.B: 35-89.
16. **Japaridze, O.M. 1951.** Kratkiy otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Gruzii za 1948 g., Kratkie soobsheniya Instituta arkheologii Akademii Nauk SSSR 39: 96-103.
17. **Japaridze, O. 1953.** Mitsatmoqmedebis iaraghebi dasavlur-qartul kulturashi", Tbilisis sakhelmtsifo universitetis shromebi 49: 173-213.
18. **Japaridze, O. 1982.** Dasavlet saqartvelo gvian brinjaos khanashi, Matsne (istoriis, arqeologiis, etnografiisiisa da khelovnebis istoriis seria) 1: 41-62.
19. **Japaridze, O. 1991.** Saqartvelos arqeologia, Tbilisi
20. **Javakhishvili, A. and T. Chubinashvili, 1959.** "Udes gandzi", Sabchota khelovneba 4: 59-64.
21. **Kakhidze, A. 2007a.** Kuakveriani tsulebis genezisis sakitkhisatvis", Batumis arqeologiuri muzeumis shromebi 4: 4-10.
22. **Kakhidze, A. 2007b.** Results of Excavations Contacted by the N. Berdzenishvili Batumi Research Institute Pichvnari Expedition. Pichvnari II (1967-1987): The Classical World in the Eastern Black Sea Area: The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari, Batumi/Oxford
23. **Kakhidze, A. 2007c.** Adjara shuabrinjaos khanashi, D. Khakutaishvili and A. Kakhidze (eds.), Samkhret-dasavlet saqartvelos istoriis narkvevebi: Adjara 1, Batumi: 144-148.
24. **Kakhidze, A., Davitadze, I. and S. Mamuladze, 1980.** Kolkhuri khelovnebis udzvelesi dzeglebi adjaristsqlis kheobidan, Sabchota khelovneba 11: 60-63, figs 1-4

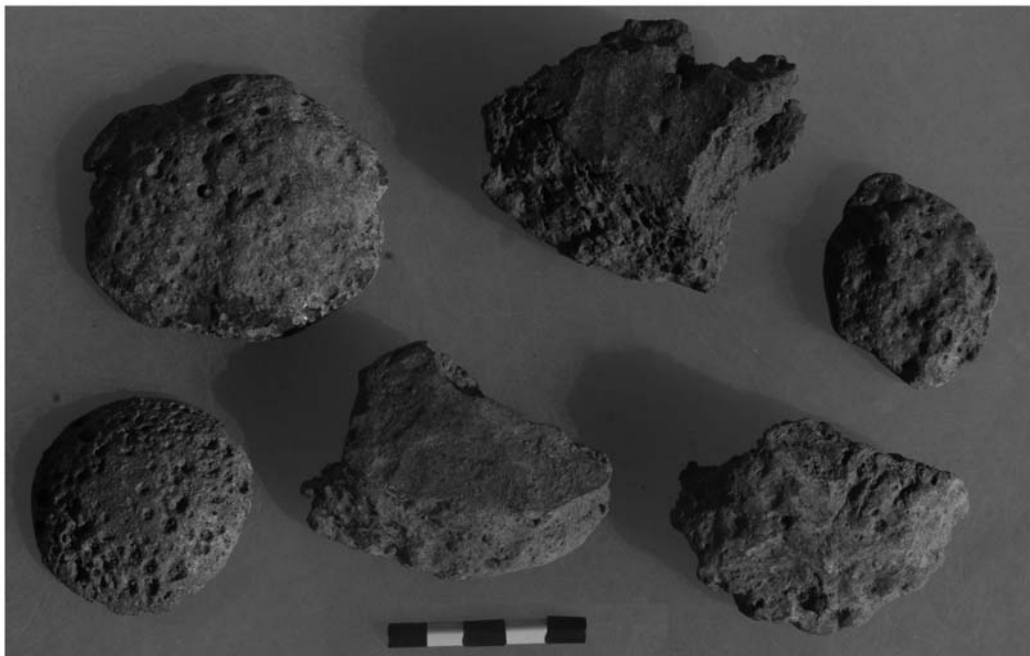
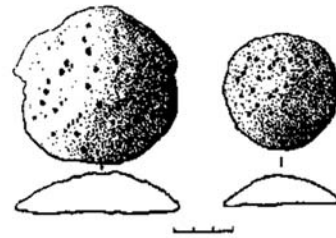
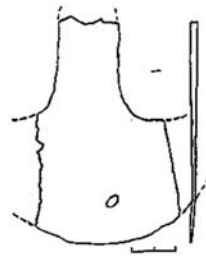
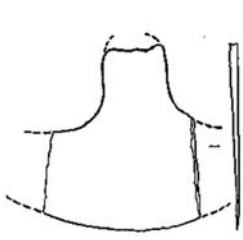
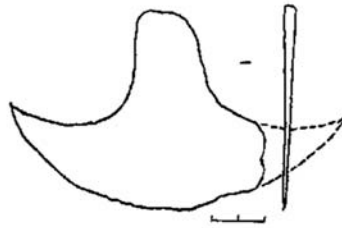
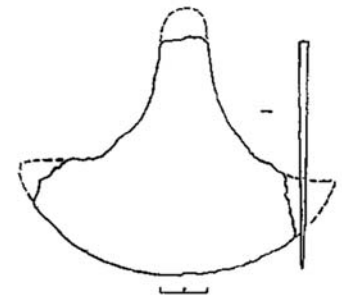
25. **Kakhidze, A.Yu. and N.A. Kakhidze, 1993.** Drevnekolkhidskoe khozyaistvennoe orudie tsaldi, Rossiyskaya arheologiya 3: 198-203.
26. **Kakhidze, A. and N. Kakhidze, 1997.** Macahel varsinde bulunan Kolh bronz baltasi", Macahel 4: 23-24.
27. **Kakhidze, A. and S. Mamuladze, 1993.** Adjaristsklis kheobis udzvelesi arqeologiuri dzeglebi, Batumi
28. **Kakhidze, A. and S. Mamuladze, 2000.** Chorokhis auzi kolkhuri kulturis udzvelesi kera, Batumi
29. **Khomeriki, G. and T. Tuskia, 2005.** Adjaris geologiuri agebuleba da sasargeblo tsiaghiseuli, Batumi
30. **Koridze, D. 1965.** Kolkhuri kulturis istoriisatvis, Tbilisi
31. **Krupnov, E.I. 1966.** Kavkaz v drevneyshey istorii nashey strany", Voprosi istorii 5: 27-40.
32. **Kuftin, B.A. 1941.** Arheologicheskie raskopki v Trialeti, Tbilisi
33. **Kuftin, B.A. 1949-1950.** Materialy k arheologii Kolkhidy, 2 vols. Tbilisi
34. **Lordkipanidze, O. 1986.** Argonavtika da dzveli kolkheti, Tbilisi
35. **Lordkipanidze, O.D. 1989.** Nasledie drevney Gruzii, Tbilisi
36. **Mamuladze, S., Khalvashi, M. and E. Kakhidze, 2005.** Apsarus in the first half of 1st millennium BC, D. Kacharava, M. Faudot and É. Geny (eds.), Pont Euxin et Polis. Polis Hellenis et Polis Barbaron. Actes du Xe Symposium de Vani (Colchide), 23-26 Septembere, 2002, Paris: 271-276
37. **Martirosyan, A.A. 1964.** Armeniya v epokhu bronzy i rannego zheleza, Yerevan
38. **Melikishvili, G.A. 1959.** K istorii drevney Gruzii, Tbilisi
39. **Melikishvili, G. 1965.** Saqartvelos, kavkasiis da makhlobeli aghmosavletis mosakhleobis sakithistvis, Tbilisi
40. **Mikeladze, T. 1974.** Dziebani kolkhetis da samkhret-aghmosavlet shavizghispiretis mosakhleobis istoriistvis, Tbilisi
41. **Nasidze, G.M. 1991.** Tori-Likanskaya ekspeditsiya", Polevye arkheologicheskie issledovaniya v 1986 g., Tbilisi: 87-89
42. **Nasidze, G.M. 1997.** Otchet o rabote Tori-Likanskoy ekspeditsii, Polevye arkheologicheskie issledovaniya v 1988 g., Tbilisi: 89-91
43. **Nasidze, G.M and V.K. Licheli, 1987.** Ob areale Kolkhidskoy kul'tury, O. Lordkipanidze (ed.), Prichernomor'e v VII-V vv. do n.e., Tbilisi: 220-225
44. **Nioradze, G. 1944.** Arkeologiuri dazvervebi mtkvris kheobashi (borjom-akhaltsikhis mimartulebit), Saqartvelos sazogadoebriv metsnierebata moambe 13.B
45. **Pantskhava, L. 1988.** Kolkhuri kulturis mkhatvruli khelosnobis dzeglebi, Tbilisi
46. **Ramishvili, A. 1974.** Kolkhetis materialuri kulturis istoriidan, Batumi
47. **Sakharova, L. 1998.** Kolkhuri da qhobanuri kulturebis sakitkhistvis, Saqartvelos metsnierebata akademiis arqeologiuri kvlevis tsentris V sametsniero sesia: msolfio-istoriuli protsesi da saqartvelo (arqeologiuri monatsemebis mikhedvit), 27-29 maisi da 1-2 ivnisi, 1998, Tbilisi: 11.
48. **Sakharova, L. 2001.** Brinjaos tsulebis erti jgupis shesakheb", O. Lordkipanidze (ed.), Kavkasia: neolit-brinjaos khanis arqeologiis sakitkhebi. Dziebanis damatebani 6: 171-173.
49. **Surmanidze, N. 2007.** Chaisubnis gandzi, Batumis arqeologiuri muzeumis shromebi 4: 11-15.
50. **Ushakov, P. 1940.** Saqartvelos udzvelesi khalkhebi da ukanaskneli tslebis aghmochenebi arqeologiis dargshi, Saqartvelos sakhelmtsifo muzeumis moambe 10.B: 245-265.
51. **Vickers, M. and A. Kakhidze, 2004.** Results of Excavations Contacted by the Joint British-Georgian Pichvnari Expedition. Pichvnari I (1998-2002): Greeks and Colchians on the Black Coast of Black Sea, Batumi/Oxford
52. **Volchak, S.B. and A.Yu. Skakov 2002.** Klad iz Mekhchis-tsikhe v kontekste khronologii pamyatnikov yugo-zapadnogo Zakavkaziya", Rossiyskaya arheologiya 2: 132-141.

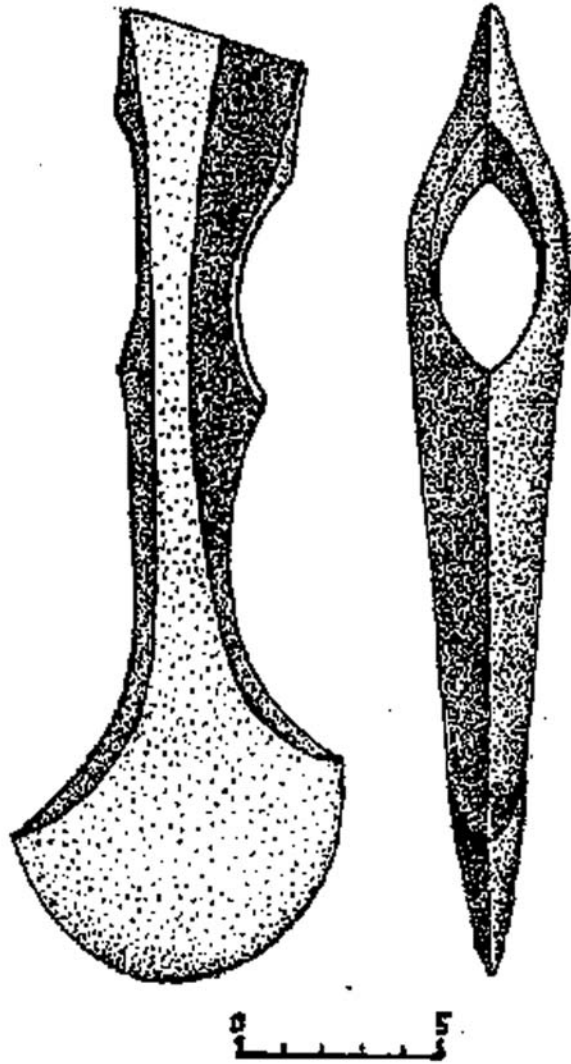
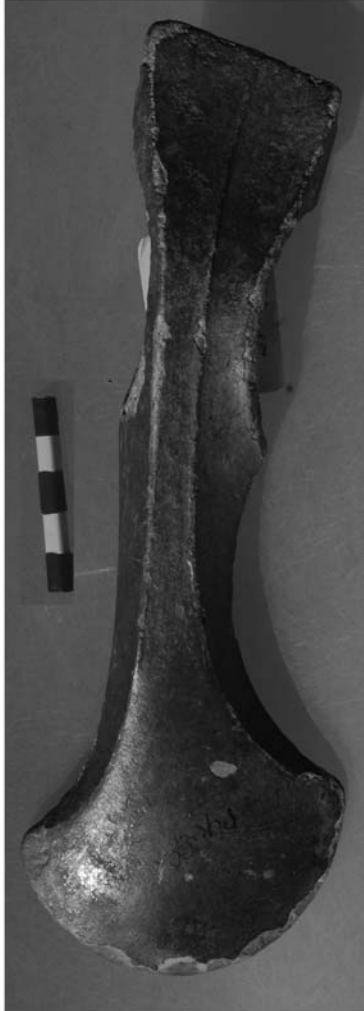

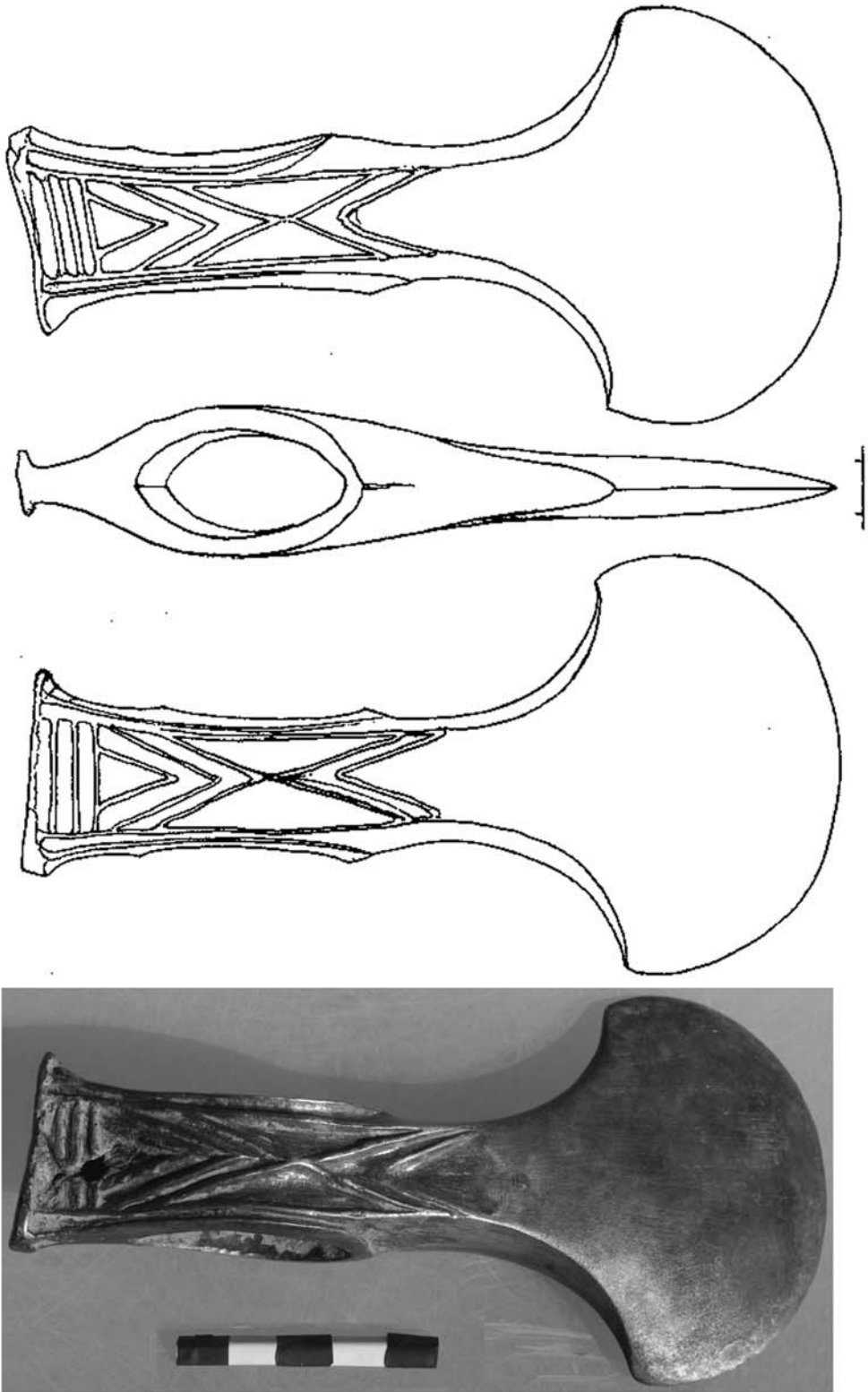

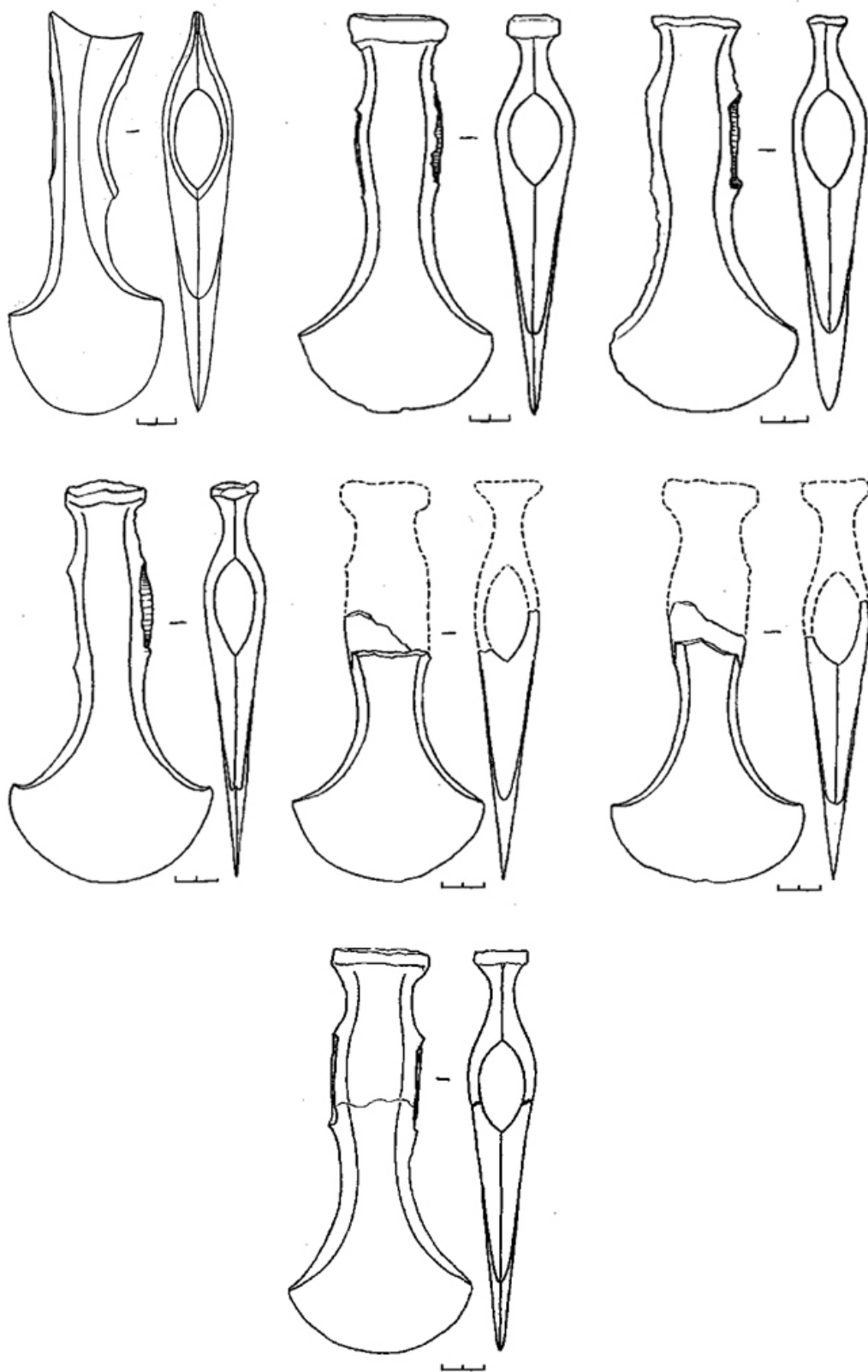

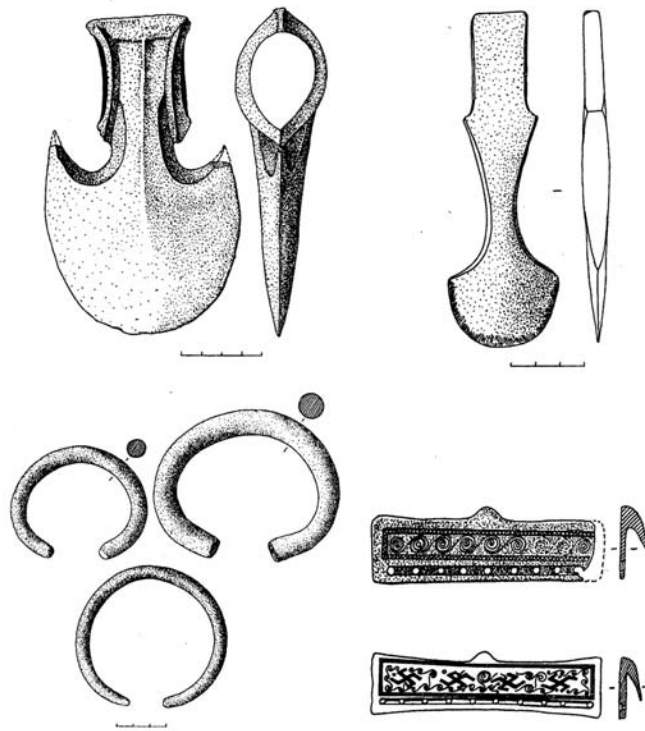

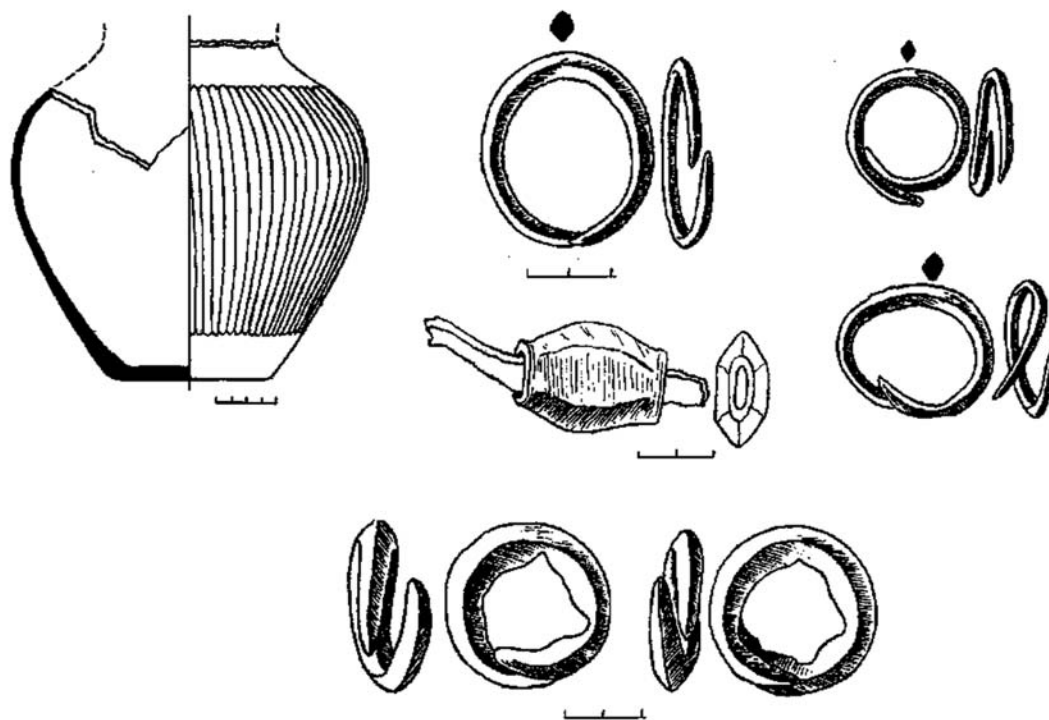
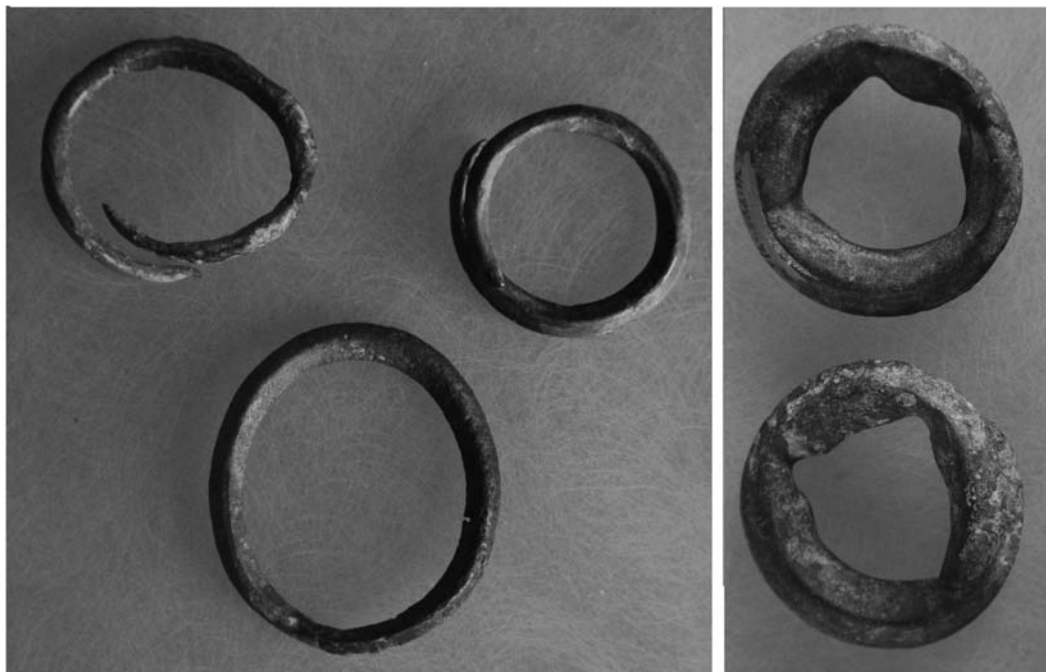

MEMENTO COLLEGES ABITOS

НЕКРОЛОГИ

EMMA KHANZADYAN (1922-2007)

On July 10, 2007 stopped beating the heart of Emma Khanzadyan (1922-2007), an archaeologist whose name can be ranked among the greatest representatives of Caucasian archaeology of the twentieth century. She was known among archaeologists as one who excavates with utmost precision (“a jeweller-excavator”). She excavated mainly settlements and was able to understand the monuments she unearthed in deep detail.

E. Khanzadyan was born on September 29, 1922 in Armenian town Kirovakan, however the whole life she spent in Yerevan. E. Khanzadyan’s life, just like her profession, was a borderline condition between art and science. In her youth, E. Khanzadyan did not yet know that she was going to become archaeologist. Her father was a musician, and music was her principal inspiration. She had mastered her musical abilities since the school years, and in 1942-1943 she even worked as teacher of violoncello. However, it turned so that she became a student of the faculty of history at the Yerevan State University (1943-1950). Here her soul avid for art met science and, as a result of this meeting, the scholar E. Khanzadyan was born. Even after graduating from the university, when E. Khanzadyan got a job at the Museum of History of Armenia (1952-1959) and at the same time was a post-graduate student (1958-1960), she did not abandon music and continued her musical education.

In this context, it is not in the least strange that E. Khanzadyan’s first article (1959) was dedicated to the musical instruments in ancient Armenia; this was like a subconscious attempt to synthesize art with scholarship. Only years later, when she got an opportunity for independent excavations, she was finally baptized “Archaeologist.” Thus, E. Khanzadyan’s biography is characterized by bifurcation resulting from the opposition of art and scholarship, and the struggle between these two was continuous. The young E. Khanzadyan preferred art for a while, but in the course of time the scholar and rationalist became the winner.

From a wider chronological and geographical aspect, she was interested in issues pertaining to the archaeology of the Caucasus and the Armenian Highland between the Neolithic and the Iron Age. In a narrower sense, the main period of her study was the Early Bronze Age, with its Kura-Araxes, or as she used to say, “Shengavit” culture. Her candidate’s dissertation (“The Culture of the Armenian Highland in the 3rd Millennium B.C.,” 1964) and doctoral thesis (“The Ararat Plain in the Late 4th - Early 1st Millennium B.C.,” 1985) were dedicated to those and other related questions; only the first of them has been published.

E. Khanzadyan excavated at various archaeological sites of Armenia (Kirovakan... (Lchashen, Karashamb, Dvin, Garni, Elar, Arevik, etc.), but she dedicated most of her life to the excavations of two monuments in the Ararat Plain, namely, Jrahovit and Metsamor. During nearly 50 years of her scholarly work, she published five monographs and more than a hundred articles dedicated to the results of excavations of specific monuments and to various problems of archaeology, written mainly in an interdisciplinary approach. Unfortunately, some of her important works (the results of the new excavations at Metsamor and Jrahovit, the monograph on dragon-stones [*vishapakar*], etc.) have not been published yet. Their publication is an imperative of our time.

International recognition came to E. Khanzadyan especially after her excavations of Metsamor, the results of which became a subject of intensive discussions. The scholars were interested in Metsamor especially as a metallurgical center. J. Mellaart was the *first* to present Metsamor as an important point along the tin trade route of the Near East in the 2nd millennium B.C. Mellaart's opinion was accepted and completed by other outstanding archaeologists. Although some experts opined that the role of Metsamor was exaggerated, the further finds (for example, the Kassite weight with cuneiform inscription bearing the name of king Ulamburiash, the cornelian seal with an Egyptian inscription referring to the Kassite king Kurigalzu, the scarab with an Egyptian inscription mentioning the name of Tutmosis III. etc.)" provided evidence to the exclusive significance of this monument for the study of the relations between ancient countries of the Near East, especially in the Late Bronze Age (second half of the 2nd millennium B.C.).

E. Khanzadyan was a very active and energetic scholar. For many years (1978-2005) she was head of the Department of Early Archaeology at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Armenian Academy of Sciences. She organized conferences, of which the international congress entitled "The Cultural Development in the Bronze and Early Iron Ages" is especially worth mentioning (it took place in 1982 in Yerevan). We should also note her extreme activity in the preservation and restoration of cultural values; the museum of Metsamor was built with her immediate participation.

In 1981 E. Khanzadyan was awarded the "Medal of Honor" of the Academy of Sciences of the USSR. The International Astronomic Society has named a star after her. In 2002 a conference dedicated to E. Khanzadyan's 80th birthday was organized at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Armenian Academy of Sciences.

For the last time she went into the field at Metsamor in 2005, when she was 83. The death of E. Khanzadyan is a great loss for Armenian and Caucasian archaeology.

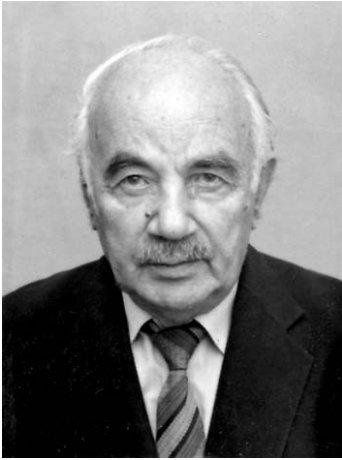
Arsen Bobokhiani

The Most Important Works of E. Khanzadyan

1. 1959, Haykakan hin erazhshtakan gortsigner, Ashkhatutyunner Hayastani Petakan Patmakan Tangarani. 5 (Ancient Armenian Musical Instruments, Proceedings of the State Historical Museum of Armenia 5). Yerevan, 62-93.
2. 1962, Lchashenskiy kurgan Nr. 6, Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii 91,66-71.
3. 1964, O metallurgii drevnebronzovoy epokhi v Armenii, Sovetskaya Arkheologiya 2,92-101.
4. 1967, Hajkakan lernashkharhi mshakuity m.t.a. III hazaramyakum (The Culture of the Armenian Highland in the 3rd millenium B.C.), Yerevan. 1969, Garni IV, Yerevan (In Arm.).
5. 1976, Metsamor, Yerevan (In Arm., co-authors Mkrtchyan K.A., Parsamyan E.S.). 1979, Elar-Darani, Yerevan (In Arm.).
6. 1979, Dshrahoviti peghumneri, Hajastani Hanrapetutyunum Dashtayin HnagitakanMzgugrakan
7. Hetazotutyunnerin Nvirvats Amenamya Gitakan Nstashrdchanneri Tezer (Excavations of Dshrahovit. Annual Conference on Archaeological/Ethnographical Field Works in the Republic of Armenia." Reports), Yerevan, 9-10.

8. 1980, Kultanlagen in Metsamor im Armenischen Hochland, *Das Altertum* 26/1, 34-40.
9. 1982, Frühbronzezeitliche Kultur des Armenischen Hochlands, *Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients* 15,27-34, Berlin.
10. 1982, Razvitie paleometalliticheskikh kul'tur Armyanskogo nagor'ya, *Kul'turnyy Progress v Epokhu Bronzy i Rannego Zhelcza*, Khanzadyan E. (ed.), Yerevan, 33-37.
11. 1983. Vavilonskaja gir'ja 16. v. do n.e. s klinopis'yu iz Metsamorskogo mogil'nika. *Drevniy Vostok* 4, 113-122 (co-authors Sarkisjan G.Ch., Diakonoffl.M.).
12. Tsilindriticheskaya pechat's drevneegipetskoy ieroglificheskoy nadpis'yu iz Metsamorskogo mogil'nika. *Istoriko Filologicheskij Zhurnal* 4,59-65 (Coauthor Piotrovskij B.B.).
13. Araratskaya dolina v kontse IV. - nachale 1 tys. do n.e., Avtorreferat Doktorskoy Dissertatsii, Yerevan. 1988, Rezul'taty raskopok 1996 g. Metsamora, *Arkheologicheskaya Konferentsiya Kavkaza* 1, Tezisy, 114-116. 1992, A Cylinder Seal with Ancient Aegyptian Hieroglyph Inscription from Metsamor Gravesite, *Soviet Anthropology and Archaeology* 30, Recent Discoveries in Transcaucasia 4, Kohl P. (ed.). 69-70 (coauthor Piotrovski B.). *Metsamor 2. La Necropole*, v. 1, CPO, hors serie 1, Neuchatel, Paris.
15. Midchin Bronzi mshakuytn u Metsamori Nr. 59 dambanablury, *Patma Banasirakan Handes (The Middle Bronze Age Culture and the Barrow Nr. 59 of Metsamor)*, *Historical-Philological Journal* 1-2, 231-244.
16. 2003, Dchrahovit, Hayastani Hnaguyn Mshakuity, Zekutsumneri Himnadruytner (Dchrahovit, in: *The Ancient Culture of Armenia, Reports*) 3,13-19 (In Arm.).

ГОД БЕЗ ИДЕАЛА НАРИМАНОВА (1927-2006)

Прошёл год как с нами нет Идеала Нариманова - Идеала археолога, Идеала наставника, Идеала друга и товарища. До 22 ноября 2006 года он был с нами. Его любили и уважали, ему завидовали, порой мешали. Но значимость его особенно остро ощутили только сейчас, в его отсутствии.

Заведующий отделом Энеолита и бронзы Института археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Азербайджана Идеал Гамид оглу Нариманов родился 7 января 1927 года в Карабахе в г. Агдам. Большую часть детства провел в родном селе Малыбейли. Будучи мальчишкой в кругу сверстников бегал по горам и лесам и, сам ещё того не осознавая, делал первые шаги в науку - сутками наблюдал за перемещением огромных стад по речным долинам поднимающихся в горы, красочным и суровым бытом сопровождающих эти стада людей, подмечая тогда ещё не совсем понятные ему их сложные взаимоотношения. И даже спустя многие годы, он не раз в беседах возвращался в те годы, не переставал удивляться торжественности и чёткой регламентации их жизни. Вспоминал как однажды его, переходящего реку Гаргарчай, настиг и понёс сель и как его спас случайный прохожий, вспоминал торжественность приезда в село на каникулы студентов. В эти детские годы зародилась любовь к познанию окружающего, желание знать и понимать, желание учиться.

Окончив школу в городе Агдам Идеал Нариманов в 1944 году поступает на исторический факультет Азербайджанского Государственного Университета (ныне Бакинский Государственный Университет). По прошествии трех лет обучения в Баку его направляют в Ленинградский Государственный Университет, который он успешно закончил в 1950 году. По возвращении на родину свою первую научно-трудовую деятельность он начинает под руководством Салеха Мамедоглу Газиева в качестве младшего научного сотрудника Музея Истории АН Азербайджана. В 1952 году он поступает в аспирантуру по специальности археология и направляется в Москву, где под руководством крупнейшего кавказоведа Евгения Игнатьевича Крупнова в 1955 году успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Археологические памятники Гянджачайского района». Начав научно-исследовательскую деятельность под руководством таких ученых С.М.Газиев и Е.И.Крупнов Идеал Нариманов все последующие 55 лет своей жизни всецело посвятил археологии.

Активно участвуя в различных экспедициях и особенно в таких крупных проектах как Мингечаурская и Азербайджанская (Оренкалинская) И.Нариманов в скором времени становится опытным археологом и в 1955 году начинает самостоятельные археологические исследования в качестве руководителя Казахской археологической экспедиции.

Результат работ этой экспедиции - открытие и обоснование Шомутепинской культуры – культуры древнейших землевладельцев и скотоводов Кавказа. Открытие и изучение целого рода памятников этой культуры – поселений Шомутепе, Тейретепе, Гаргалартепеси, Бабадервиш и т.д. На фактических данных было доказано, что Кура-Аракская культура III тыс. до н.э., до того относимая к энеолиту и считавшаяся древнейшей земледельческо-скотоводческой культурой Кавказа, представляет эпоху ранней бронзы, а эпоху энеолита представляют другие, в том числе Шомутепинская культура VI-IV тыс. до н.э.

В это же время Идеал Наримано предотвращает разрушение холма Сарытепе у городов Агстафа. Археологические исследования на этом холме дали интересные результаты. Нижние отложения XI-IX вв. до н.э. содержали остатки жилищ, хранилищ вина и зерна, интересного культового сооружения, и многое другое позволяющее всесторонне охарактеризовать быт, хозяйство и верования племен этого времени. Позже холм был использован скифами для погребения своих покойников. Это было второе после Мингечаура открытие скифских погребений на территории Азербайджана. И это было еще не все. В V-IV веках до н.э. холм был использован для сооружения дворцового комплекса одного из сатрапов Ахменидской империи. Архитектура этого сооружения из сырцового кирпича, хорошо сопоставляется с архитектурой древнейших городов, в том числе Хасанлу. Тут были найдены базы колон аналогичные базам таких имперских городов как Сузы и Персеполь. В восьмидесятые годы им был найден еще один объект с подобными базами. В результате, в настоящее время в районе этого памятника у села Гараджамирли Шамкирского района, так же отмеченном И.Наримановым начаты совместные азербайджанско-германские исследования этого памятника уже давшие интересные результаты. В память о Идеале Нариманове памятник назван Идеал тепе.

С именем Идеала Нариманова связан важный шаг в популяризации археологической науки в Азербайджане. В 1958 году он издает свою первую монографию «Археологические памятники Гянджачайского района» на азербайджанском языке. Это первое издание на азербайджанском языке имело положительное действие для привлечения национальных кадров в археологию и ее популяризации

Став ведущим специалистом, особенно в области изучения становления и развития производящего хозяйства И.Нариманов расширил сферу своих исследований и на другие регионы Азербайджана. На Гарабагской равнине он проводит небольшие раскопки на поселении Иланлытепе. Находки сделанные на этом памятнике до настоящего времени остаются не до конца объяснимыми в контексте синхронных памятников Азербайджана.

В 1971 году, параллельно с работами на Иланлытепе, И.Нариманов со своим учеником Фарманом Махмудовым начинает исследование энеолитических памятников Муганской степи. В качестве основного объекта стационарных исследований было выбрано поселение Аликемектепе у села Учтепе Джалилабадского района. Многометровые культурные отложения эпохи энеолита на этом памятнике были насыщены остатками материальной и хозяйственной культуры. Одно из основных отличий этого памятника, большое количество расписной керамики имеющей широкие параллели к югу от Кавказа. По количеству она во много раз превосходит всю ранее най-

денную расписную керамику эпохи энеолита на Кавказе вместе взятую. Это открытие позволило на новом уровне подойти к изучению древних связей Кавказа с Ближним Востоком. Но и этого оказалось недостаточно. В нижних отложениях этого памятника, относящегося к концу V тыс. до н.э. было найдено скопление костей лошади (череп и другие части) определенные Д.Гаджиевым как кости домесцитированной лошади.

В 1981 году Идеал Нариманов приступает к изучению памятников Мильской и Гарабагской степей. Здесь он уже работал в качестве заместителя такого крупного ученого как А.А.Иессен, участвовал в раскопках кургана Учтепе. Периодически проводившим маршрутно-поисковые исследования тут И.Наримановым уже было зафиксировано около семидесяти памятников эпохи энеолита.

Новый этап своих исследований на Миль-Гарабагских степях был начат с изучения поселения Чалагантпе. Наряду с большим количеством остатков материальной хозяйственной и духовной культуры тут было сделано и сенсационное открытие. В могиле впущенной в материк из самого нижнего горизонта четырехметровых отложений начала V тыс. до н.э. была захоронена женщина. На темени ее черепа была сделана трепанация. По определению Д.Гаджиева, указавшего на имеющиеся следы заживания, трепанация была произведена на живом человеке каменным орудием и женщина после этого жила не менее 10 дней. Им же было указано, что теменная часть черепа пересекается мощной артерией, создающей сложность для хирургического вмешательства даже в наши дни. Умение произвести трепанацию на этом месте, показатель высочайшего уровня профессионализма у хирурга жившего семь тысяч лет назад.

На груди покойницы было расчищено небольшое пятно фиолетового порошка (вероятно висящей на шее в мешочке). И.Селимханов анализируя этот порошок определил его как окись цинка, использовавшийся в древности в косметических целях.

Параллельно с Чалагантпе в 1984 году Идеал Нариманов начинает раскопки на холме Лейлатепе, расположенном недалеко. Следует отметить, что в 1973-1979 году Идеал Наримано участвовал в археологических экспедициях АН СССР в Ираке. Непосредственное знакомство с материалами древнейших памятников этого региона в последствии сыграли свою роль в правильном осмыслении сделанных открытий.

Холм Лейлатепе был отмечен И.Наримановым задолго до начала раскопок на нем. Результаты превзошли все его ожидания. Сразу же в 1985 году он сделал доклад «Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане», где было отмечено наличие параллелей материалам этого памятника в материалах убейдского слоя Ярымтепе III в Северном Ираке и добавлено, что отдельные формы сосудов Лейлатепе имеют параллели и в материалах раннего Урука. Таким образом, предположения о связи Майкопской культуры на Северном Кавказе через Южный Кавказ нашли подтверждение в Лейлатепе, выделенную И.Наримановым в самостоятельную культуру. Уже после его ухода вышла его книга Лейлатепе, где затронуты эти вопросы

В течении всей многолетней научно-исследовательской деятельности И.Нариманов неоднократно участвовал во множестве научных форумов опубликовал статьи и книги. Его доклады всегда отличались лаконичностью и вместе с тем значимостью. Он не спешил с публикациями, но каждая его работа была событием в археологии. В 1982 году И.Нариманов защищает докторскую диссертацию на тему «Культура

древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана» в которой обобщил все данные собранные к этому времени. Основная заслуга в накоплении материалов для этой работы принадлежит ему самому. В 1987 году работа была опубликована и до сих пор остается единственным обобщающим трудом по эпохе энеолита в Азербайджане.

На сегодняшний день в Азербайджане зафиксировано более 150 памятников энеолита и большинство из них открыто также И.Наримановым.

В 1966 году И.Нариманов становится руководителем одного из двух археологических отделов Института Истории АН Азербайджана – Отдела Древней археологии. За прошедшее время из этого отдела выделились отделы Каменного века, Бронзы и раннего железа, Античного периода, Полевых исследований. В отделе непосредственно руководимом И.Наримановым под его руководством подготовлено десять кандидатов и три доктора наук. Большинство археологов докторов наук института в той или иной мере так же выходцем из этого отдела.

Внешне спокойному, несуетливому И.Нариманову, в течении своей долгой научной жизни не раз подвергавшемуся нездоровому околонучному прессингу, удалось до конца сохранить личность и лицо настоящего ученого не подверженного веяниям конъюнктуры. Это позволило ему до конца своих дней сохранить авторитет и уважение в коллективе института, в кругу всех кто был с ним знаком, быть Идеалом для многих.

Туфан Ахундов

Список научных трудов Идеала Гамид оглу Нариманова.

1. Археологические памятники Гянджачайского района (с древнейших времён до эпохи железа)// Автореферат кандидатской диссертации. Москва, 1955 .
2. Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казах (Азерб. ССР). //Краткие сообщения института истории материальной культуры, вып.17, Москва,1957 , с.138-142.
3. Археологические памятники Гянджачайского района (с древнейших времён до эпохи железа),(на азерб. яз.)// Баку, 1958, 142 с.
4. Археологические раскопки на поселении Сарытепе (1956-1957), (на азерб. яз. резюме на руск. яз.)// Известия АН Азерб. ССР, серия общественных наук, № 3,1959 , с.31-43.
5. Древнее «святилище» пир в Казахском районе позднебронзового периода.// Доклады АН Азерб. ССР, т. XVI, №2, 1960, с.207-210.
6. Находки баз колон V-IV вв. до н.э. в Азербайджане. // Советская археология, №4, Москва, 1960 , с.162-164.
7. Неолит в Тейретепе (на азерб. яз., резюме на руск. яз.). // Доклады АН Азерб.ССР, т.XVI, №3, 1960, с.911-912(с.а. Рустамов Дж. Н.).
8. Разрушенный курган села Касум-Исмаилова Кировабдского района. // Доклады АН. Азерб. ССР, т.XVI, №7, 1960, с.711-714.
9. Археологические раскопки в Хачбулаге (на азерб.яз., резюме на руск. яз.). //Известия АН Азерб. ССР, серия общественных наук, №3, 1961, с.19-30, (с.а.Исмаилов Г.С.).

10. Акстафачайское поселение близ г. Казаха. // Советская археология, №4, 1962, 149-156.
11. Об одной группе погребальных памятников Мингечаура (на азерб. яз., резюме на руск. яз.). // Материальная культура Азербайджана, т.IV, Баку, 1962, с.217-249, (с.а. Асланов Г.М.).
12. Археологические раскопки на Сарытепе (1956) (на азерб. яз., резюме на руск. яз.). // Материальная культура Азербайджана, т.IV, Баку, 1962, с.6-67 (с. а. Халилов Дж. А.)
13. Археологические материалы из с. Дашсалахлы Казахского района. // Доклады АН Азерб. ССР, т.XVIII, №3, 1962, с. 50-59.
14. Древний Мингечаур (рецензия). // Советская археология, №3, 1962, с.318-319, (с.а. Ямпольский З.И.).
15. Археологические раскопки на Сарытепе в 1960 г. (на азерб.яз., резюме на руск. яз.). // Труды института истории АН Азерб. ССР, т. XVI, Баку, 1963, с. 81-98.
16. Древнейшие серпы Азербайджана. // Советская Археология, №1, 1964, с. 182-187.
17. Археологические исследования поселения Шому-тепе в 1963 г. (на азерб.яз., резюме на руск. яз.). // Тезисы докладов и сообщений, Сессия посвящённая итогам археологических раскопок 1963 г., Баку, 1964, с. 6-8.
18. Археологические исследования поселения Шому-тепе в 1963 г. //Тезисы докладов и сообщений к сессии посвящённой итогам археологических работ 1963 г., Баку, 1964, с. 6-7.
19. Раскопки на поселении №3 Учтепе. // Материалы и исследования по археологии СССР, № 125, Труды Азербайджанской археологической экспедиции, т. II, Москва-Ленинград, 1965, с. 128-134.
20. Каменный саркофаг из села Зиммирхач Бардинского района. // Материальная культура Азербайджана, т.VI, Баку, 1965, с.198-200, (с.а. Рустамов Дж. Н.).
21. К применению первых металлов в быту населения Восточного Закавказья (на азерб. яз., резюме на руск. яз.). // Доклады АН Азерб. ССР, т.XXI, №4, 1965, с.76-79, (с.а. Селимханов И.Р.).
22. Археологические материалы эпохи бронзы из Кубинского крае-ведческого музея.// Археологические исследования в Азербайджане. Сборник статей, Баку, 1965, с.87-93,(с.а.Шихвердиев И.).
23. Керамика древнего поселения вблизи городища Орен-калы. // Материалы и исследования по археологии СССР, № 125, Труды Азербайджанской археологической экспедиции, т. II, Москва-Ленинград, 1965, с.37-39.
24. Археологические исследования на поселении Шомутепе 1963г. // Археологические исследования в Азербайджане, Сборник статей, Баку, 1965, с. 46-53.
25. Грунтовое погребение эпохи железа в Казахском районе (на азерб. яз., резюме на руск. яз.). Вопросы истории Азербайджана, Сборник статей, Баку, 1965, с. 19-32, (с.а. Рустамов Дж.Н.).
26. Древнее поселение и курганные погребения на Авейдаге (на азерб. яз., резюме на руск. яз.). // Материальная культура Азербайджана, т. VI, Баку, 1965, с.44-50.
27. К истории маслобойки. // Материалы сессии посвящённой итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР(тезисы докладов), Баку, 1965, с. 70.
28. Археологические исследования поселения Тойретепе. //Материалы сессии посвящённой итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов), Баку, 1965, с.75 (с.а. Рустамов Дж.Н.).
29. Древнейшая земледельческая культура Закавказья. // Доклады и сообщения археологов СССР, VII Международный конгресс доисториков и протоисториков в Праге, Москва, 1966, с.121-126.
30. Новые исследования археологов и этнографов(годовая сессия в Баку). // Вестник АН СССР, Москва, 1965, с. 95-98, (с.а. Селимханов И.Р.).

31. Сессия Отделения истории АН СССР и отделения общественных наук АН Азерб. ССР. // Советская археология, №4, Москва, 1965, с. 292-297, (с.а. Мунчаев Р.М.).
32. Великий Октябрь и развитие археологической науки в Азербайджане. // Известия АН Азерб. ССР, серия истории, философии права, №3-4, 1967, с. 120-130, (с.а. Ваидов Р.М.).
33. Энеолитические памятники на Мугани. // Известия АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, №2, 1967, с. 88-96, (с.а. Махмудов Ф.Р.).
34. Древняя история в научных изданиях Азербайджанской ССР (1958-1965). // Вестник древней истории, №1, 1967, с.115-117, (с.а. Юсифов Ю.Б.).
35. Развитие археологической науки в Советском Азербайджане. // Советская археология, №4, 1967, с.48-61, (с.а. Ваидов Р. М.)
36. О древней металлургии Кавказа. // Советская археология, №4, 1968, с.16-26, (с.а. Махмудов Ф.Р., Мунчаев Р.М.).
37. Исследование энеолитических поселений в Азербайджане. // Археологические открытия 1967, Москва, 1968, с. 316-317.
38. Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе. // Археологические открытия 1968, Москва, 1969, с.396-397.
39. О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане. // Материалы к всесоюзной сессии посвящённой итогам археологических и этно- графических исследований 1969 г. в СССР (тезисы докладов), Баку, 1970, с.14-15.
40. Кюлли-тепе и Геой-тепе. // Археологические открытия 1969, Москва, 1970, с.374-375.
41. Раннеземледельческая культура Южного Кавказа. // VII Международный конгресс преисториков и протоисториков, Издание Института археологии Академии наук Чехословакии, Прага, 1970, с. 136-139.
42. С.М. Казиев (некролог). // Советская Археология, №4, 1971, с. 306-307, (с.а. Бабаев И.А.).
43. К итогам археологических раскопок в Иланлы-тепе. // Материалы к сессии посвящённой итогам археологических исследований 1970 г. в Азербайджане, Баку, 1971, с. 5-6.
44. Поселения Пирдиреки и Девечи. // Археологические открытия 1970, Москва, 1971, с.392-393.
45. О некоторых позднеэнеолитических и энеолитических явлениях в Азербайджане. // Тезисы докладов посвящённых итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР, Тбилиси, 1971, с. 39-40.
46. О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане. // Советская археология, №3, 1971, с. 3-14.
47. Раскопки 1971 года на поселениях Гаргалартепеси и Аликёмектепеси (на азерб. яз). // Археологические и этнографические исследования проведённые в Азербайджане в 1971 г., Баку, 1972, с. 5-8, (с.а. Махмудов Ф.Р.).
48. О раскопках на поселении Аликёмектепеси. // Археологические открытия 1971, Москва, 1972 г., с. 480-481.
49. О закономерностях развития поселений ранних земледельцев Азербайджана. // Материалы к сессии посвящённой итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР, Баку, 1972, с. 10-12.
50. Раскопки двух новых энеолитических поселений Азербайджана в 1971г. // Материалы к сессии посвящённой итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР (тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР), Баку, 1972, с. 8-10, (с.а. Махмудов Ф.Р.).
51. Энеолитическое поселение Гаргалартепеси. // Археологические открытия 1971г., Москва, 1972, с. 478-480, (с.а. Аразова, Р.Б., Махмудов Ф.Р.). 52. О древнем поселении Ястытепе (на азерб. яз., резюме на руск. яз.). // Материальная культура Азербайджана, т. VII, Баку, 1973, с.46-55, (с.а. Мурадова Ф.М.).

53. Глиняные штампы из Западного Азербайджана. // Материальная культура Азербайджана, т.VII, Баку, 1973, с. 114-130.
54. Археологическая наука в Азербайджане в 1945-1965 гг. (на азерб.яз.)// Материальная культура Азербайджана, т.VII, 1973, с. 20-31, (с.а. Ваидов Р.М.).
55. Раскопки поселения Аликёмек-тепеси. //Итоги полевых археологических и этнографических исследований 1972 г. в Азербайджанской ССР (тезисы), Баку, 1973, с. 4-6, (Махмудов Ф.Р.).
56. Раскопки на энеолитическом поселении Гаргалартепеси. // Археологические открытия 1972, Москва, 1973, с. 434-435.
57. Археологические керамические маслобойки и этимология азербайджанского слова «нухре» (маслобойка). // Кавказ и Восточная Европа в древности, Москва, 1973, с. 59-64.
58. Поселение Аликёмектепеси. //Археологические открытия 1973, Москва, 1974, с. 454-455, (с.а.Махмудов Ф.Р.).
59. Раскопки холма Аликёмек тепеси. // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1973), Баку, 1974, с.12-16, (с.а. Махмудов Ф.Р.).
60. Археологические исследования поселения халафской культуры Ярымтепе II в Синджарской долине. //Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане(1973), Баку, 1974, с.10-15, (с.а. Мунчаев Р.М., Гуляев В.И.).
61. Раскопки поселения Аликёмектепеси. //Археологические открытия 1974, Москва, 1975, с. 472-473.
62. Исследования на поселении Аликёмектепеси. //Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане(1974), Баку, 1975, с. 10-14, (с.а. Махмудов Ф.Р.).
63. Раскопки Муганского отряда. // Археологические открытия 1975, Москва, 1976, с. 503.
64. О поселении Джиннитепе. //Доклады АН Азерб.ССР, т.XXXIII, №6, 1977, с. 64-68, (с.а. Аразова Р.Б., Махмудов Ф.Р.).
65. К истории древнего скотоводства Закавказья. // Доклады АН Азерб. ССР, т.XXXIII, № 10, 1977, с. 56-59.
66. Раскопки Шамхорской археологической экспедиции(1978)// Археологические открытия 1978, Москва, 1979, с. 514-515, (с.а.Кесаманлы Г.П., Джафанов Г.Ф.).
67. Работы Шамхорской археологической экспедиции (1978). // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане, Баку, 1982, с. 9-12, (с.а. Кесаманлы Г.П., Джафаров Г.Ф.).
68. Культура Восточного Закавказья в эпоху ранней бронзы. // Культурный прогресс в археологии эпохи бронзы и раннего железа (тезисы докладов), Ереван, 1982, с. 44-45.
69. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (автореферат докторской диссертации)// Тбилиси, 1982, 50 с.
70. К истории древней металлургии Азербайджана. // Медные рудники Западного Кавказа III – I тыс. до н. э. и их роль в горнометаллургическом производстве древнего населения, Сухуми, 1983, (с.а. Джафаров И.Ф.).
71. Раскопки поселения Чалагантепе. //Археологические открытия 1983, Москва, 1985, с. 489.
72. Энеолитическое поселение Чалагантепе. // Москва, 1985, 14 с., (с.а. Азимов М.С.).
73. Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане. // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения Советской археологии в XI пятилетке (тезисы докладов), Баку, 1985, с.271-272.
74. Раскопки энеолитических поселений Азербайджана. // Археологические открытия 1984, Москва, 1986, с.423.

75. Работы I отряда Мильско-Карабахской экспедиции в 1985 г. // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985), Баку, 1986, с. 8-10, (с.а. Азимов М.С., Алиев Н.Г.).
76. Исследования I отряда Мильско-Карабахской экспедиции. // Археологические открытия (1985), Москва, 1987, с. 513.
77. Археологические находки из Кечили. // Материальная культура Азербайджана, т.Х, Баку, 1987, с. 57-68, (с.а. Бабаев И.А.).
78. Палеолитические находки у села Борсунлу. // Краткие сообщения Института археологии, вып. 192, Москва, 1987, с.67-72, (с.а. Джафаров Г.Ф.).
79. Прогресс и взаимосвязи раннеземледельческих культур Азербайджана. // Технологический и культурный прогресс в ранне- земледельческую эпоху, Ашхабад, 1987, с.61-62, (с.а. Алиев Н.Г.).
80. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI-IV тыс. до н. э.)/ Баку, 1987, 260 с.
81. Южный Кавказ в VI- IV тыс. до н. э. // Кавказ в системе палео- металлических культур Евразии, Тбилиси, 1987, с.5-16, (с.а. Джавахишвили А.И., Кигурадзе Т.В.).
82. Древние бронзовые топоры (на азерб. яз., резюме на руск. яз.). // Доклады АН Азерб. ССР, т.ХIV, 1988, с.65-68, (с.а. Джафаров И.Ф.).
83. К истории металлургии Азербайджана. // Медные рудники Кавказа III-I тыс. до н. э., Сухуми, 1988, с.21-22.
84. Исследования раннеземледельческих поселений Азербайджана. // Тезисы докладов конференции « Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической наук в Азербайджана», Баку, 1988, с.8-10, (с.а. Алиев Н.Г., Азимов М.С.).
85. О работе Мильско-Карабахской экспедиции. // Археологические открытия 1986, Москва, 1988, с.512. (с.а. Джафаров И.Ф.).
86. О древнейшей металлургии меди на территории Азербайджана. // Советская археология, №1, 1990, с.5-14, (с.а. Джафаров Г.Ф.).
87. Значение раскопок на Лейлатепе в древней истории Азербайджана (на азерб. яз.). //Тезисы научной конференции посвященной завершению полевых исследований 1990 г. по истории материальной культуры Азербайджана, Баку, 1991, с.7-8.
88. Раннеземледельческая культура Закавказья. // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс», вып. 2, Москва, 1991, с.54-63.
89. К этно-культурным связям на Кавказе в эпоху бронзы. // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа, Майкоп, 1992, с.26-28, (с.а. Ахундов Т.И.).
90. К некоторым вопросам культуры эпохи энеолита и бронзы в Азербайджане (на азерб. яз.). Материалы конференции посвящённой последним результатам археологической и этнографической наук в Азербайджане, Баку, 1992, с. 8-9.
91. Раскопки на поселении Лейлатепе. // Материалы научной конференции посвящённой последним результатам археологической и этнографической наук в Азербайджане, Баку, 1992, с. 105-106, (с.а. Алиев Н.Г., Ахундов Т.И.).
92. Новые исследования в Щеки. // Материалы научной конференции посвящённой последним результатам археологической и этнографической наук в Азербайджане, Баку, 1992, с. 106-108, (с.а. Ахундов Т. И., Мухтаров Н.М.).

93. К этно-культурным связям Кавказа эпохи бронзы (на азерб. яз.). //Тезисы докладов республиканской научной конференции посвящённой результатам полевых исследований 1991 г. по проблемам материальной культуры Азербайджана, Баку, 1992, с.8-9, (с.а. Ахундов Т.И.).
94. Итоги полинологоического изучения культурных слоёв эпохи энеолита и ранней бронзы в Агдамском районе.// Материалы научной сессии посвящённой 100-летию видного азербайджанского археолога Салеха Мустафа оглу Казиева, Баку, 1994 , с. 105-107, (с.а. Ахундов Т.И., Велиев С.С., Тагиева Е.Н.).
95. К выделению Культуры подкурганых склепов. //XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов), Кисловодск, 1994, с. 24-25, (с.а. Ахундов Т.И.).
96. Из истории раннего периода гончарства в Азербайджане (на азерб. яз.). // Материалы научной сессии посвящённой 100 летию видного азербайджанского археолога Салеха Мустафа оглу Казиева, Баку, 1994, 18-19.
97. О раннеземледельческом поселении Чалагантепе. // Между Азией и Европой, Материалы конференции посвящённой 100 летию со дня рождения А.А. Иессена, Санкт-Петербург, 1996, с. 49-50.
98. К вопросу возникновения и становления производящего хозяйства на Кавказе. // Тезисы докладов международной научной конференции посвящённой 120 летию со дня рождения Ивана Джавахашвили, Тбилиси, 1996 , с. 92.
99. Neue Forschungen zur Mittleren Brjnzezeit in Azerbfidzan.// Zeitschrift fur Kultur Sprache und Geschichte Gejrgiens und Kaukasiens, Georuica, 1996, Heft 19, с.43-57, (с.а. Ахундов Т.И.).
100. Гарааджилы – памятник эпохи бронзы в Карабахе. //Археология Кавказа: Новейшие открытия и перспективы (краткие содержания докладов международной научной сессии), Тбилиси, 1997, с. 99-101, (с.а. Ахундов Т.И.).
101. Новый памятник эпохи бронзы в Карабахе. // История и её проблемы, вып.1, Баку, 1997, с.134-143, (с.а. Ахундов Т.И.).
102. Археологические исследования в Абшероне. // Археологическая конференция Кавказа (краткие содержания докладов), Тбилиси, 1998, с.50-51, (с.а. Алиев И.Н.).
103. Древности Хындрыстанского музея. //Археология Азербайджана, №1-2, 1999 , с.35-37, (с.а. Ахундов Т.И.).
104. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. // Баку, 2001, 144 с. , (с.а. Алиев Н.Г.).
105. Achaelogicfl Sites of the Early Bronze Age in Njrnhern Azerbaijan: A Gazetter. // Ancient Near Eastern Studies, Supplement 12, Peeters, 2004, с. 467-473.
106. Формирование и развитие археологической науки в Азербайджане (на азерб. яз.). //Сборник докладов международной научно-теоретической конференции Азербайджановедов, Баку, 2004 , с. 30-32.
107. Ранний этап производящего хозяйства на Кавказе. // Археология, этнология, фольклористика Кавказа, Баку, 2005, с. 143.
108. Лейлатепе (поселение, традиция, этап в этно-культурной истории Южного Кавказа). // Баку. 2007, 128 с., (с.а. Ахундов Т.И., Алиев Н.Г.).

Туфан Исаак оглу Ахундов

д.и.н., ведущий научный сотрудник

Отдела энеолит и бронза, Института археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Азербайджан.

Тел.дом: (99412) 5690822.

Mob: (99450) 5378977.

E-mail: t_akhundov@rambler.ru

ПАМЯТИ ТАМАЗА ВЛАДИМИРОВИЧА БУГИАНИШВИЛИ (1933-2007)

7 октября 2007 года в г. Тбилиси после тяжелой и продолжительной болезни ушёл из жизни Тамаз Владимирович Бугианишвили - известный археолог, исследователь преистории Грузии, палеолитовед, старший научный сотрудник Центра археологических исследований Академии Наук Грузии, кандидат исторических наук.

В результате полевых и научных исследований, проводимых в течение многих лет, Тамаз Владимирович Бугианишвили приобрёл богатое знание и опыт, благодаря чему он стал одним из ведущих специалистов самого раннего периода древнекаменного века не только в Грузии, но и на Кавказе.

Значительны его заслуги в обнаружении и научном исследовании древнекаменных археологических памятников Грузии, благодаря чему многие проблемы древнекаменного века Кавказа были решены по-новому.

Т.В. Бугианишвили родился в г. Тбилиси в семье врача и педагога 4 октября 1933 года. После окончания школы Тамаз Владимирович в 1953 году поступил на исторический факультет Тбилисского Государственного Университета, который закончил в 1958 году. Уже в студенческие годы проявился его интерес к археологии, и изучение древнейшего прошлого нашей страны стало делом и смыслом всей его жизни. В студенческие годы он успешно проходил научную практику по полевым исследованиям в различных археологических экспедициях Научно-исследовательского Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили Академии Наук Грузии.

В 1961 году Т.В. Бугианишвили поступил в аспирантуру упомянутого института по специальности „археология” и закончил курс в 1964 году. Его научным руководителем был известный палеолитовед, доктор исторических наук А.Н. Каландадзе. Во время учёбы в аспирантуре Т.В. Бугианишвили систематически принимал участие в полевых и камеральных работах археологических экспедиций Института.

С 1965 года Тамаз Владимирович начинает работать в отделе археологии эпохи камня Института истории, археологии и этнографии АН Грузии сначала в качестве старшего лаборанта, а затем – младшего научного сотрудника. В 1990-2006 годах Т.В. Бугианишвили занимает должность старшего научного сотрудника Центра археологических исследований Академии Наук Грузии.

В 2006 году Тамаз Владимирович по возрасту был освобожден от занимаемой должности и переведен на академическую стипендию, утвержденную Министерством науки и просвещения Грузии.

С первых же дней после прихода в Институт Т.В. Бугианишвили активно стал участвовать в научной работе Института. Все его публикации отличались высоким профессионализмом и служили прекрасным источником самой разнообразной информации.

Наряду с этим, Тамаз Владимирович был блестящим полевым исследователем. В течение многих лет он принимал участие в полевых работах многих археологических экспедиций сначала в качестве лаборанта, затем научного сотрудника или начальника отряда. Тамаз Владимирович был активным участником раскопок уникальной Цонской

пещеры, находящейся на высоте 2115 м над уровнем моря, Черноморской, Дманисской, Кахетской археологических экспедиции. Сам раскопал множество разнообразных археологических памятников. Систематически принимал участие в работе научных сессий, посвященных полевым археологическим исследованиям, и других научных форумов по археологии каменного века Кавказа.

Показательны методические подходы Т.В. Бугианишвили к исследованию археологического памятника, а именно: отношение к культурному слою как к основному источнику информации, методика раскопок большими площадями, использование комплекса различных естественно-научных методов при изучении культурных отложений.

С 1963 года Тамаз Владимирович руководил палеолитическим отрядом Кахетской археологической экспедиции (руковод. К.Н. Пицхелаури). В результате этих работ им было выявлено 35 совершенно новых ашельских и мустьерских стоянок на территории Кахетии, в том числе, и первостепенных стоянок „открытого типа” – Зиари (Гурджаанский р-он) и Кистаури (Ахметский р-он), относящихся к нижнему палеолиту. К тому времени, несмотря на широко развернутые археологические работы по всей Грузии, памятники палеолитического времени в отдельных районах были изучены чрезвычайно неравномерно. Вместе с этим, все еще оставались совершенно неисследованные территории. К таким областям относилась и Кахетия. К началу 1960-х годов археологическая карта Кахетии являла собой по сути „белое пятно” в отношении памятников каменного века.

Систематическое изучение памятников палеолитического времени Кахетии Тамазом Владимировичем началось в 1965 году. В результате планомерных археологических разведок и раскопок это „белое пятно” исчезло. Благодаря интенсивным полевым работам и целеустремленности Тамаза Владимировича открыты новые типы археологических памятников и выделены новые археологические культуры ашельской и мустьерской эпох. Особое внимание заслуживает стоянка-мастерская Зиари. На сегодняшний день Зиари является первым и пока что единственным стратифицированным местонахождением „открытого типа”, датированным средним ашелем. Результаты работ им были опубликованы в статьях „Палеолитические памятники Иоро-Алазанского бассейна” (Труды Кахетской археологической экспедиции, I, 1969, с. 26-34); „Новые нижнепалеолитические материалы из Кахетии” (Материалы по археологии Грузии и Кавказа, VI, 1974, с. 25-37); „Нижнепалеолитические памятники Гаре Кахетского плоскогорья” (Материалы по археологии Грузии и Кавказа, VIII, 1979, с. 60-88); „Памятники нижнего палеолита Удабно-Давид Гареджи”, (Труды Кахетской археологической экспедиции, VIII, 1988, с. 18-37) и др.

В Зиари, находящейся на высоте 900 метров над уровнем моря, наряду с многочисленным подъемным материалом, был обнаружен нетронутый культурный слой в первичном залегании, содержащий коллекцию ашельской эпохи.

Работая над Кахетскими стоянками, Тамаз Владимирович проявил себя в качестве тонкого знатока как полевых работ, так и типологии каменного инвентаря. В результате исследования каменной индустрии культурного слоя Зиари им было высказано мнение, что в первичной обработке камня господствует архаичная, ашель-клектонская техника, а во вторичной обработке камня доминирует широкофасетная, крутая ретушь. Было отмечено, что каменный материал (отщепы и обломки, гальки, нуклеусы,

ручные рубила, грубые рубящие орудия, скрёбла, зубчато-выемчатые орудия, орудия с анкошами, протолимасы, орудия в виде остроконечников, орудия с выступами, проколки, комбинированные орудия и др.) по технико-типологическим и морфологическим признакам весьма типичен для развитого или же среднего ашеля. Геологический возраст стоянки был определен средним плейстоценом, в частности, миндель-рисским межледниковьем.

Детальное изучение ашельских памятников Кахетии, а также учёт верхнеплиоценовых и нижнеплейстоценовых палеогеографических и климатических условий региона и характера ландшафта, обнаружение древнейшей богатой погребенной фауны, дали основание Т.В. Бугианишвили вполне убедительно и смело высказать мнение о возможности обнаружения в регионе памятников не только раннего ашеля, но и более древнего – доашельского времени.

Благодаря открытию Тамазом Владимировичем в Кахетии ашельских и мустьерских стоянок, стало возможным выделить еще один район распространения ниже и среднепалеолитических памятников в Грузии – Иоро-Алазанский бассейн.

На основании анализа местонахождений стоянок Тамазом Владимировичем сделан вывод, что палеолитические памятники следует искать в местах, прилегающих к оврагам и ущельям малых рек, а также близ выходов кремня или других пород, годных для изготовления орудий.

Изучение местонахождений, расположенных в разных районах края, дало основание Т.В. Бугианишвили высказать мнение, что в ашель-мустьерское время человек на территории Кахетии был расселен довольно широко. Первобытные люди освоили предгорье и низкогорье, Иорское плоскогорье и даже ныне засушливую Ширакскую степь, что, в свою очередь, доказывает существование в Кахетии в четвертичное (средне и верхнеплейстоценовое) время благоприятных для жизни древнейшего человека природных условий.

Вдумчивый и высокопрофессиональный подход ученого-исследователя Т.В. Бугианишвили к различным вопросам изучения каменного века оказал большое влияние на результаты исследования древнепалеолитических памятников не только Грузии, но и всего Кавказа в целом.

Велики заслуги Тамаза Владимировича в деле исследования палеолитических памятников Черноморской полосы Грузии – Яштуха и Бырцха.

Среди ашельских памятников Кавказа наиболее богатым и сложным объектом является гора Яштух со своей окрестностью.

Памятник Яштух был обнаружен еще в 1933 году Л.Н. Соловьевым, а впервые изучен С.Н. Замятниным. Затем исследование памятника проводилось известными палеолитооведами И.И.Коробковым, В.П. Любиным, Д.М. Тушабрамишвили, Н.З. Бердзенишвили, и вслед за ними Т.В. Бугианишвили. Определённо можно отметить, что ни одному нижнепалеолитическому памятнику на Кавказе не было уделено столь большое внимание со стороны археологов – палеолитооведов и геологов, как памятнику Яштух. Свое отношение к этому интересному памятнику Тамаз Владимирович выразил в своей рецензии, дав объективную оценку монографии Л.Н. Соловьева „Памятники каменного века Абхазии” (Тбилиси, 1987г.).

В деле исследования Яштуха большая заслуга принадлежит Черноморской палеолитической экспедиции Грузии, в работе которой активно участвовал Тамаз Владимирович. В результате многолетних полевых исследований экспедиции стало ясным, что нижнепалеолитический человек обитал не только на образованных здесь морских террасах, как это принято было считать раньше, но и на вершине горы, откуда, надо полагать, определенная часть нижнепалеолитического материала попала на террасы.

Наряду с другими учеными-исследователями, каменную индустрию из Яштуха плодотворно изучал Т.В. Бугианишвили. Как указывал ученый, в первичной обработке камня из Яштуха, ведущее место принадлежит ашель-клектонской технике, леваллуазская техника расщепления камня применялась крайне редко. Среди орудий преобладают скребла и зубчато-выемчатые изделия, много грубых рубящих орудий, мало ручных рубил. Высказанное Тамазом Владимировичем мнение о каменной индустрии из Яштуха находит полную поддержку среди палеолитоведов Кавказа. На сегодняшний день подобная интерпретация каменного материала из Яштуха вполне обоснована и признана.

Т.В. Бугианишвили весьма детально и скрупулезно изучил каменную коллекцию ашельской эпохи горы Бырцх, находящейся неподалеку от горы Яштух. Тамаз Владимирович совершенно справедливо отмечал, что коллекция из горы Бырцх по технике - типологическому признаку аналогична коллекции из Яштуха и содержит хронологически частично одновременный Яштуху инвентарь. Результаты изучения этих значительных материалов Т.В. Бугианишвили были опубликованы в весьма интересной работе „Нижнепалеолитические памятники окрестностей Сухуми (гора Бырцх)“ (Исторический сборник II, Институт истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили, Тбилиси, 1971, с. 238-272). В этой работе Тамазом Владимировичем впервые даётся как детальное изучение археологического материала из нижнепалеолитической стоянки горы Бырцх, так и геоморфологическое описание самого местопребывания первобытного человека. В этом труде проявились основные качества Т.В. Бугианишвили как исследователя - широта научных интересов, тщательность, добросовестность, фанатичная работоспособность. Материал из горы Бырцх обработан при помощи использования новейших методов современной археологии каменного века. Даётся типолого-технологический, морфологический и статистический анализ материала из Бырцха. На основании всех данных Тамазом Владимировичем правильно определен характер и возраст памятника. В результате тщательного анализа археологического материала Т.В. Бугианишвили, подкрепленного его личными наблюдениями, палеолитоведы имеют теперь ясное представление о коллекциях из Бырцха. Как указывал Тамаз Владимирович, материалы из Бырцха, среди которых нет ручных рубил, судя по нуклеусам, отщепам и заготовкам для орудий а также по самим орудиям, представлены теми же типами, которые имеются из соседней стоянки Яштух. В первичной обработке камня, относящегося ко второй половине эпохи ашеля, ведущей является нелеваллуазская, архаичная техника; большая часть материала ашель-клектонского характера.

Велики заслуги Т.В. Бугианишвили в обнаружении и исследовании местонахождения древнейших гоминидов в Дманиси.

Тамаз Владимирович является одним из первых исследователей каменной индустрии Дманисской стоянки, заложившим основу изучения этого уникального памятника, возраст которого 2млн.-1.8млн. лет.

Наряду с палеонтологами и геологами, Т.В. Бугианишвили правильно определил столь большую древность памятника и характер найденной на стоянке каменной индустрии, в результате чего Дманиси оказался в центре внимания преисториков мира.

Во время первых полевых исследований Дманисской раннепалеолитической стоянки в 1984-1986 годах Тамаз Владимирович являлся начальником палеолитического отряда Дманисской археологической экспедиции (руковод. В.В. Джапаридзе), и первые публикации итогов изучения дманисской каменной, галечной индустрии связаны непосредственно с именем Т.В. Бугианишвили. Как указывал ученый, технические и морфологические признаки каменных изделий из Дманиси, наряду с условиями нахождения и данными естественно-научных исследований, позволяют предварительно отнести их к начальным периодам эпохи нижнего палеолита – к раннему ашелю или доашелю и так же, как и ископаемую фауну, датировать концом эоплейстоцена и низами нижнего плейстоцена, определив приблизительный возраст в 1-1,5 миллиона лет.

Уже тогда, в 80-их годах XX века, не имея абсолютных дат стоянки, Тамаз Владимирович вполне справедливо отмечал, что нижнепалеолитическое местонахождение Дманиси является древнейшим памятником этой эпохи, открытым на территории не только Грузии, но и всего бывшего Советского Союза.

К сожалению, из-за болезни Т.В. Бугианишвили не смог продолжить успешно начатые исследования в Дманиси.

В том же Дманисском районе Тамазом Владимировичем выявлены и другие стоянки раннего и среднего палеолита, это: ашельский памятник в окрестности села Патара Дманиси, а также две стоянки „открытого типа” мустьерской эпохи у села Вардисубани и в ущелье реки Абул-буг.

Дальнейшие раскопки в Дманиси, проводимые нами, накопление новых антропологических, палеонтологических и археологических материалов подтвердили правоту высказанного Т.В. Бугианишвили мнения о раннем возрасте стоянки и тем самым дополнили наши знания об этом важнейшем местонахождении. В последние годы жизни, будучи уже тяжело больным, Тамаз Владимирович проявлял большой интерес к результатам раскопок в Дманиси, неудержимо радовался, узнавая о новейших находках костных останков древнейших гоминидов, их каменных орудий и, вместе с ними, виллафранковой фауны.

Новейшие исследования в Дманиси, проводимые на сегодняшний день, в рамках различных проектов, являются продолжением работ, начатых на стоянке Тамазом Владимировичем Бугианишвили. Сейчас уже имеется возможность определить абсолютный возраст стоянки – 2млн.-1,8млн. лет, культурную принадлежность ее каменной индустрии, определить виды гоминидов обитавших в Дманиси, и высказать мнение, что Дманиси является одним из древнейших памятников не только Грузии и Кавказа, но и Евразии в целом, и что близкие ему по возрасту стоянки хорошо известны в Восточной Африке, в Олдувайском ущелье.

Работая в Южной Грузии, в Джавахетии в Ахалкалакском районе, Т.В. Бугианишвили обнаружил ещё три ашельских и мустьерских местонахождения „открытого типа” и тем самым доказал точку зрения о раннем заселении южных областей нашей страны древнейшими людьми.

В 2000 году Тамаз Владимирович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему - „Нижний палеолит (ашельские и мустьерские памятники Грузии)” научным руководителем которой являлась автор некролога. Работа давно была готова к защите, а её основная часть опубликована в первом томе многотомника „Археология Грузии, Каменный век, том I”, (Тбилиси, 1991). Причиной запоздалой защиты диссертации послужили сначала активные полевые работы и поиски всё новых археологических объектов, большая ответственность и требовательность к самому себе, а затем и болезнь Тамаза Владимировича.

Диссертация Т.В. Бугианишвили представляет первую попытку собрать воедино, обобщить и осмыслить в едином аспекте материалы нижне и среднепалеолитических (ашельских и мустьерских) памятников Грузии. Она опирается на данные специальной литературы и материалы, добытые автором за многолетние исследования. В работу вошли все имеющиеся сведения о пещерных памятниках, „открытых” местонахождениях и пунктах единичных находок ашельского и мустьерского времени. Отмечены районы наибольшего их скопления: Причерноморская полоса, бассейн р.р. Риони-Квирила, Шида Картли, Квемо Картли, Джавахетское нагорье и Иори-Алазанский бассейн или Кахетия. Впервые введены в научный оборот материалы некоторых памятников Кахетии и других регионов. Основное внимание Т.В. Бугианишвили уделяет многослойным пещерным стоянкам - Цона, Кударо I и Кударо III, Цопи, Цуцхватский пещерный комплекс, Джручула, Сакажия, Ортвала, Чахати и др. - единственному стратифицированному, однослойному, внепещерному, среднеашельскому памятнику Зиари и таким крупным местонахождениям подъёмного материала как Яштух, Сакориа, Лаше-Балта, Удабнойские и Цхинвальские мустьерские группы и др.. Со свойственной для Тамаза Владимировича тщательностью и точностью указаны месторасположения и история обнаружения памятников, их типы, площадь и функциональное назначение; описаны антропологические (из Кударо I, Джручула, Сакажия, Ортвала) и фаунистические находки, каменные материалы, их технико-типологические черты, приёмы расщепления и вторичной обработки, виды ретуши; определены культурная принадлежность индустрий, возраст и геохронологическая датировка. Тамазом Владимировичем Бугианишвили с большой осторожностью отмечены отдельные характерные признаки ашельских каменных индустрий некоторых памятников и тем самым созданы наметки для выделения локальных групп или вариантов данной эпохи. Как указывал Тамаз Владимирович, локальные варианты мустье Грузии выражены достаточно чётко, это: типичное мустье леваллуазской и нелеваллуазской фации, леваллуа-зубчатое мустье, нелеваллуазское мустье шарантского типа фации Кина.

Скруплезное изучение материалов, анализ всех имеющихся данных приводят Т.В. Бугианишвили к заключению, что, несмотря на характерные для них особенности, ашельские и мустьерские индустрии Грузии не стоят обособленно. Они находят

некоторые аналогии в каменном инвентаре синхронных памятников соседних стран, Ближнего Востока и Франции.

Вышеназванная кандидатская работа Тамаза Владимировича по своей научной значимости заслуживает столь высокого ранга.

В качестве докторской работы он намеревался представить более углубленное исследование о палеолите Восточной Грузии – Кахетии. По этой теме у него уже имелся существенный задел, а само исследование задумывалось шире – в контексте освещения проблем всего Кавказского и Ближневосточного палеолита. Нет сомнения, что Тамаз Владимирович завершил бы эту работу, если бы не помешала его болезнь.

В рамках данной темы им были опубликованы результаты исследования ашельских и мустьерских памятников Кахетии, была подготовлена и сама докторская диссертация, защитить которую он так и не успел.

В последние годы Тамаз Владимирович увлеченно и успешно работал над Археологическим атласом „Археологические памятники каменного века Грузии“, над словарем „Грузинская терминология нижнего палеолита“, завершить которые он не успел из-за своей смерти.

Несмотря на трудную жизнь, прожитую без собственной семьи, и пережив все то, что за последние годы выпало на долю нашей страны как в социально-экономическом, так и в политическом отношении, Т.В. Бугианишвили считал свою жизнь интересной и был горд тем, что никогда не поступал вопреки совести, особенно по отношению к своему делу. Его знали как человека доброго, любящего детей и, в то же время, прямого и твердого.

Смерть этого видного ученого, хорошего и глубоко порядочного человека является большой утратой не только для тех, кто продолжает заниматься древнейшим прошлым Грузии, но и Кавказа в целом.

Вечная и светлая память о Тамазе Владимировиче Бугианишвили останется у нас навсегда.

Медея Георгиевна Ниорадзе

Главный научный сотрудник Национального Музея Грузии

Доктор исторических наук

E-mail: medeanioradze@rambler.ru

Тел. 32-13-40; моб: 899 57-12-91.

Список печатных работ Т.В. Бугианишвили

1. Бугианишвили Т., Дедабришвили Ш., Тушабрамишвили Д., Мухелишвили Д., Рамишвили Р., Пицхелаури К., 1966. Отчёт работы Кахетской разведочно-археологической экспедиции 1965 года, Акад. Наук Грузинской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили, XV Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1965 г., аннотации докладов, Тбилиси, с. 7-8 (на груз.яз.).
2. Бугианишвили Т., Дедабришвили Ш., Пицхелаури К., Рамишвили Р., Чикоидзе Ц., 1967. Отчёт полевых работ, проводимых Верхне-Алазанской Археологической экспедицией в 1966 году. Институт истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили; Краткие отчёты XVI научной сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1966г., Тбилиси, с. 38-45 (на груз. яз.).
3. Бугианишвили Т.В., Дедабришвили Ш.Ш., Пицхелаури К.Н., Рамишвили Р.М., Чикоидзе Ц.Н., Гзелишвили И.А., 1968. Исследования в зоне строящейся Верхне-Алазанской оросительной системы. Археологические открытия 1967 года, Москва, с. 291-293.
4. Бугианишвили Т., Дедабришвили Ш., Пицхелаури К., Рамишвили Р., Узунашвили М., Чикоидзе Ц., 1969. Итоги полевых работ 1968 года Кахетской археологической экспедиции. Институт истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили. Краткие отчеты докладов XVIII научной сессии посвященной полевым археологическим исследованиям в Грузии 1968г., Тбилиси, с. 13-17 (на груз. яз.).
5. Бугианишвили Т.В., 1969. Палеолитические памятники Иоро-Алазанского бассейна. Труды Кахетской археологической экспедиции I, Тбилиси, с. 26-34.
6. Пицхелаури К., Бугианишвили Т., Дедабришвили Ш., Рамишвили Р., Узунашвили М., 1971. Отчёт полевых работ Кахетской археологической экспедиции в 1969 году. Археологические исследования в Грузии в 1969 году, Тбилиси, с. 38-42 (на груз. яз.).
7. Бугианишвили Т., 1971. Памятники каменного века в Кахетии, Краткое содержание докладов объединенной III Научной сессии Гурджаанского краеведческого Музея и Института истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили Академии Наук Грузии, Тбилиси, с. 15 (на груз. яз.).
8. Бугианишвили Т., Дедабришвили Ш., Пицхелаури К., Рамишвили Р., Узунашвили М., Чикоидзе Ц., 1971. Работы Кахетской археологической экспедиции за 1970г. АН СССР, АН ГССР. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР (Археологическая секция), Тбилиси, с. 77-81.
9. Бугианишвили Т., 1971. Нижнепалеолитические памятники окрестностей Сухуми (Гора Бырцх), Исторический сборник II Института истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили, Тбилиси, с. 238-272 (на груз. яз., резюме на русс. яз.).
10. Бугианишвили Т.В., 1971. Местонахождение древнекаменного века Иоро-Алазанского междуречья, Археологические открытия 1970 года. Москва, с. 365.
11. Бугианишвили Т., Дедабришвили Ш., Пицхелаури К., Рамишвили Р., Узунашвили М., Гагошидзе Ю., 1972. Предварительный отчет работы Кахетской археологической экспедиции в 1971 году, Археологические исследования в Грузии в 1971 году, Тбилиси, с. 15-19 (на груз. яз.).
12. Бугианишвили Т.В., 1972. Палеолитические находки в Кахетии. Археологические открытия 1971 года. Москва, с. 456.
13. Бугианишвили Т.В., 1974. Новые нижнепалеолитические материалы из Кахетии. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, VI, Тбилиси, с. 25-37 (на груз. яз., резюме на русс.яз.).

14. Бугианишвили Т.В., 1979. Нижнепалеолитические памятники Гаре Кахетского плоскогорья, Материалы по археологии Грузии и Кавказа, VIII, Тбилиси, с. 60-88 (на груз. яз., резюме на русс.яз.).
15. Габуня М.К., Каландадзе К.С., Бугианишвили Т.В., 1982. Археологическая экспедиция Южно-Грузинского нагорья, Полевые археологические исследования в 1980г. Тбилиси, с. 5-7.
16. Джапаридзе В.В., Копалиани Д.Д., Мгеладзе Н.Р., Гочиашвили М.Ш., Болквадзе Г.С., Бугианишвили Т.В., 1987. Дманисская экспедиция (раскопки в 1984 году), Полевые археологические исследования в 1984-1985гг, Тбилиси, с. 105-119.
17. Бугианишвили Т.В., 1988. Памятники нижнего палеолита Удабно-Давид Гареджи, „Гареджи“ – Труды Кахетской археологической экспедиции, VIII, Тбилиси, с. 18-37 (на груз. яз., резюме на русс. яз.).
18. Бугианишвили Т.В., Мгеладзе Н.Р., 1988. Нижнепалеолитическое местонахождение Дманисского городища. Научная конференция по археологии Кавказа. Средневековые города и городская жизнь Кавказа, Тбилиси, с. 9-11.
19. Габуня Л.К., Векуа А.К., Бугианишвили Т.В., 1988. Среда обитания древнейших ископаемых людей Кавказа. Известия АН ГССР, Серия биологическая, т.14, №5, Тбилиси, с. 344-349 (резюме на англ. яз.).
20. Džaparidze V., Bosinski G., Bugianišvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Majsuradze G., Mgeladze N., Nioradze M., Pavlenišvili E., Schmincke H.U., Sologašvili D., Tušabramišvili D., Tvalčrelidze M., Vekua A., 1989. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus), Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, 36, s. 93-107.
21. Бугианишвили Т.В., Векуа А.К., Векуа З.А., Мгеладзе Н.Р., 1990. Древнейшее нижнепалеолитическое местонахождение. Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Сборник посвященный 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Академии Наук Грузии проф. Георгия Каплановича Ниорадзе, Тбилиси, с. 26-28.
22. Джапаридзе В., Босинский Г., Бугианишвили Т., Габуня Л., Векуа А., Твалчрелидзе М., Тушабрамишвили Д., Юстус А., Клопотовская Н., Лордкипанидзе Д., Майсурадзе Г., Мгеладзе Н., Ниорадзе М., 1991. Дманиси. Люди каменного века из Южной Грузии, Академия Наук Грузии, Центр археологических исследований, Тбилиси, с. 1-34 (на груз. и немец. яз.).
23. Бугианишвили Т., 1991. Нижний палеолит. Археология Грузии, т. I, Каменный век, Тбилиси, с. 70-129 (на груз. яз.).
24. Джапаридзе В.В., Копалиани Д.Д., Бугианишвили Т.В., Болквадзе Г.С., Гочиашвили М.Ш., Мгеладзе Н.Р., Абрамишвили Р.С., 1991. О работах Дманисской экспедиции, Полевые археологические исследования в 1986г., Тбилиси, с. 102-110.
25. Бугианишвили Т., 1998. Новые находки каменного века в Квемо Картли, Дманиси I, Академия Наук Грузии, Центр археологических исследований, Дманисское историко-археологическое отделение, Тбилиси, с. 114-139; 245-246 (на груз. яз., резюме на англ. и русс. яз.).
26. Бугианишвили Т., 1999. Нижний палеолит (Ашельские и мустьерские памятники Грузии). Автореферат диссертации на соиск. ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси, с. 1-23 (на груз. и русс. яз.).
27. Бугианишвили Т., 2004. Памятники нижнего и среднего палеолита соседних Кавказских стран Грузии, сб. „Дзиебани“, №13-№14, Тбилиси, с. 5-10 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).
28. Бугианишвили Т., 2005. Памятники древнекаменного века северо-восточного склона Триалетского хребта, сб. „Дзиебани“, №15-№16, Тбилиси, с. 13-21 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).

ПАМЯТИ ТЕНГИЗА МГЕЛИАШВИЛИ

Грузинская геологическая общественность понесла существенный урон – скончался один из оригинальных исследователей, безграничный патриот своей Родины, кандидат геолого-минералогических наук Тенгиз Николаевич Мгелиашвили.

Обширные познания в области исторического прошлого Грузии и бережное отношение к родному языку позволили ему создать свое собственное видение по целому ряду проблем, возникающих при проведении исследований на стыке таких наук, как геология, археология и языковедение.

Закончив в 1959 году географо-геологический факультет Тбилисского государственного университета по специальности инженер-геолог, Тенгиз Николаевич Мгелиашвили с 1961 года начал работать в Отделе геохимии Геологического института им. А.И.Джанелидзе Академии наук Грузии.

Здесь, за короткое время, он освоил весьма сложное направление геологических исследований, касающихся геохимических процессов, происходящих в земной коре. Достаточно отметить участие в издании совместно со своим наставником Т.В. Иваницким монографии «Геохимия свинца и меди в магматических породах Локского массива в связи с вопросом металлогенической специализации пород».

Продолжая изыскания в области геохимии Кавказского региона, используя обширные познания в области древней истории Грузии и языковедения, Тенгиз Николаевич Мгелиашвили все чаще обращается к тематике, которая связана с вопросами номенклатуры геологических и минералогических терминов в аспекте их исторической транскрипции. Ярким примером тому являются работы: «Драгоценные камни в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и «К древнегрузинской минералогической терминологии». Тенгиз Мгелиашвили внес значительный вклад в установление текста «Витязя в тигровой шкуре», в частности, в дискуссии с известными руствелологами он убедительно обосновал точность своей интерпретации минералогических терминов.

Этот период деятельности Т.Н.Мгелиашвили совпадает с его переходом в Отдел минералогии того же Института, в котором, естественно, внимание эрудированного исследователя особенно привлекли минералогические объекты в археологических материалах Мцхетской экспедиции. Им были изучены полудрагоценные и поделочные камни, что дало возможность выявления в Грузии, наряду с хорошо известными агат-халцедоновыми коренными месторождениями, переотложенного материала в базальных и межформационных конгломератах чокракского возраста. Было установлено, что этот материал в прошлые исторические эпохи широко использовался для изготовления бус.

Можно с уверенностью констатировать, что с этого момента в полной мере раскрылся неординарный талант неутомимого исследователя, полностью посвятившего

себя изучению археологических объектов в аспекте приобретенных знаний в геологических и минералогических областях. В этом направлении особое значение имеют проведенные Т.Мгелиашвили исследования в Пустыне Давид Гареджи, в результате чего были найдены палеометаллургические очаги, послужившие выявлению железорудных проявлений.

Исследование богатого археологического материала, топонимики, письменных источников, фольклора, этнографии, лексики того или иного языка заложило в Грузии основу интердисциплинарной отрасли науки - геoarхеологии, что впервые было обосновано в диссертационной работе Т.Мгелиашвили (1991) «Стратиграфическая позиция и вещественный состав пород, минералов и руд, выявленных в археологических памятниках Грузии». Результаты многосторонних исследований были суммированы в монографии Т.Мгелиашвили «Грузинская Геoarхеология».

Вся дальнейшая деятельность этого неутомимого и преданного науке исследователя полностью была посвящена отмеченной тематике, что требовало расширения ареала поиска и углубленного изучения не только геологического, но и археологического материала.

Объединение и интерпретация геoarхеологического материала немислимы без тех глубоких знаний в области лингвистики, которые позволили бы проводить анализ полученных данных посредством правил трансформации геологических, минералогических и географических понятий в историческом аспекте (топонимика). При трактовке геологических топонимов (т.н. геолонимы) подразумевается и языковедческий анализ. Подобное исследование особенно важно для страны, имеющей сложное и интересное геологическое строение, обуславливающее изобилие геологических топонимов и их разнообразие. Хорошо сознавая научное и практическое значение изучения геологических терминов, исследователь собрал и классифицировал около двух тысяч макро- и микропонимов. Достаточно отметить, что, проведя весьма кропотливую работу, Т.Н. Мгелиашвили удалось вернуть многим минералогическим и геологическим понятиям и терминам их историческое значение. В результате была создана основа толкового словаря древнегрузинских геологических и минералогических терминов, а над любимой тематикой он продолжал работать до конца своих дней.

Мы постарались кратко охватить ту область познаний (геология, археология и языкознание), которой владел неутомимый исследователь-энтузиаст Т.Н.Мгелиашвили, оставивший значительные труды во всех сферах, в которых он работал.

К сожалению, его сегодня уже нет с нами, но нет сомнения, что оставленное им обширное наследие займет достойное место в истории грузинской науки.

Институт геологии им. Александра Джанелидзе
Центр археологических исследований им. Отара Лордкипанидзе
Институт языкознания им. Арнольда Чикобава

ТАМАЗ КИГУРАДЗЕ (1941-2002)

После продолжительной неизлечимой болезни ушел из жизни видный грузинский археолог Тамаз Кигурадзе. Его кончина явилась невосполнимой утратой для грузинской и, в целом, кавказской исторической науки. В полном расцвете творческих сил Т.Кигурадзе с большим увлечением и полной отдачей занимался исследованием сложнейшей и малоизученной эпохи – периода становления и последующего развития производящего хозяйства, одной из наиболее актуальных проблем древнейшей истории Грузии и всего Кавказа. Кавказ и, в особенности, его южные области, входили в состав тех регионов Древнего Мира, где впервые в истории человечества закладывались основы для новых отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства. Переход к новой экономической системе явился причиной радикальных изменений в условиях жизни человека, однако изучению данной проблемы не было уделено должного внимания со стороны исследователей археологии Кавказа. Гораздо больше их привлекали вопросы, связанные с бронзовой металлургией Кавказа, являющегося одним из ведущих центров этой отрасли хозяйства.

С начала 60-ых годов резко возрастает интерес к изучению раннеземледельческих культур Южного Кавказа. Начинается период интенсивного выявления и исследования памятников этого ряда. Тамаз Кигурадзе стоял у истоков изучения этой важной проблемы и первые его шаги в археологии были связаны именно с памятниками указанной эпохи.

Тамаз Кигурадзе родился 28 апреля 1941 года в Тбилиси. В 1958-1963 гг. он является студентом исторического факультета Тбилисского государственного Университета. Уже со студенческих лет он активно участвует в архелогических экспедициях. В школе Тамазу Кигурадзе одинаково удавались как естественные науки, в особенности математика, так и гуманитарные дисциплины, однако любовь к истории взяла верх. В университете он с самого начала проявил интерес к археологии. Полученные здесь глубокие знания позволили ему в короткий срок сформироваться вполне зрелым археологом и активно подключиться к полевым и научным археологическим изысканиям. С 1966 года он начинает работать в отделе археологии Государственного музея Грузии, где к тому времени сосредоточилось мощное ядро из ведущих археологов во главе с блестящим ученым и гражданином Александром (Лали) Джавахишвили. Тамаз Кигурадзе становится правой рукой своего наставника Лали Джавахишвили. Именно в это время изучение древнейших раннеземледельческих культур становится на повестку дня исследователей Южного Кавказа. В свое время первооткрыватель и исследователь куро-аракской культуры академик Б.Куфтин предсказывал, что рано или поздно на Южном Кавказе будет обнару-

жена культура, предшествующая куро-аракской. И действительно, в междуречье Куры и Аракса были засвидетельствованы следы мощной ранне-земледельческой культуры, известной под названием Шулавери-Шомутепинской. На Марнеульской низменности и примыкающей к ней Ганджа-Казахской долине развернулись интенсивные археологические работы по исследованию ранних поселений, представляющих собой искусственные холмы разной величины. Одной из первых экспедиций, приступивших к изучению памятников этого ряда была совместная археологическая экспедиция Государственного музея Грузии и Тбилисского Государственного Университета. Раскопки этого древнейшего памятника были сопряжены с большими трудностями. Опыта исследования поселений этого типа археологи в то время еще не имели. Именно благодаря усилиям Т.Кигурадзе и его руководителя А.Джавахишвили была разработана методика раскопок этих специфических памятников, руководствуясь которой впоследствии был раскопан не один памятник такого типа. Приобретая богатый опыт при раскопках Шулавери и Имирис Гора Т.Кигурадзе блестяще провел самостоятельные раскопки на Храмис Диди Гора, исследовав его на высоком научном уровне.

На основе богатого опыта, приобретенного им при раскопках раннеземледельческих памятников Квемо Картли, в 1976 году он публикует весьма значительный научный труд «Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья». Разработанная им периодизация оказалась настолько надежной, что не потеряла своего значения по сей день. Знаменательно, что Т.Кигурадзе рассматривает эту проблему в свете событий, происходящих в Передней Азии в соответствующий период. Глубокие знания и правильный анализ имеющихся в наличии данных предопределили значимость его работы и ее высокий научный уровень.

Высокую оценку получила и вторая его монография «Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli», изданная в Мюнхене в 1986 году. В ноябре 1988 года этому труду была присвоена премия им. акад. С.Джанашия.

Деятельность Т.Кигурадзе в Квемо Картли не ограничивалась исследованием Шулавери-Шомутепинской культуры. Здесь же им была выявлена и исследована неизвестная до этого времени культура, названная по месту находки Сионской и по целому ряду признаков значительно отличающаяся от Шулавери-Шомутепинской. Т.Кигурадзе с самого начала правильно определил ее характер и вполне правомерно отметил ее близость с западногрузинскими памятниками эпохи неолита и энеолита. По мнению исследователя, Сионская культура широко распространяется в Восточной Грузии и, очевидно, некоторое время сосуществует с Шулавери-Шомутепинской культурой. Она распространяется по Ганджа-Казахской долине и дальше, вглубь территории Азербайджана, где она известна под названием культуры Лейла-Тепе. Т.Кигурадзе было высказано оригинальное соображение относительно определенной роли Сионской культуры в процессе формирования Куро-Аракской и Майкопской культур. Судя по всему, у исследователя имелись веские основания для столь смелого предположения. Сегодня вопрос атрибуции Сиони-Лейлатепинской культуры является одной из актуальных проблем археологии, изучению которой заложил основу Т.Кигурадзе.

К его заслугам следует отнести также факт обнаружения им в Марнеульском районе в 1980 году уникального для Грузии памятника с наскальной живописью, выполненной красной краской – Дамигаия.

Тамаз Кигурадзе вел активную научную деятельность. В 1975 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья», систематически принимал участие в сессиях, конференциях и симпозиумах республиканского, всесоюзного и международного масштаба. В 1986 г. он выступил с докладом на I международном конгрессе археологов, состоявшемся в Англии.

Т. Кигурадзе является автором более 50 научных трудов на грузинском и иностранных языках, в том числе четырех монографий.

С 1988 года Т.Кигурадзе в течение нескольких сезонов принимал участие в работах археологической экспедиции Саарбрюкенского университета (Германия), проводимых в Сирии, на городище Тель-Хуера под руководством Винфрида Ортмана, где руководил раскопками одного из участков. Последние годы жизни он увлеченно работал с австралийскими коллегами в качестве члена археологической экспедиции Мельбурнского университета под руководством Антонио Сагона на раскопках поселения Сос-Гуюк (Турция).

Деятельность Т.Кигурадзе не ограничивается одними лишь полевыми и научными изысканиями. Основным его занятием являлось служение музейному делу, принесшее ему многочисленные благодарности со стороны руководства. Им были пройдены все ступени карьеры музейного работника от младшего научного сотрудника до заместителя директора музея по научной части, на которую он был избран в 1989 году. Именно на этой должности проявились его способности как руководителя-администратора. По его инициативе были заложены основы традиции вывоза коллекций музея за рубеж для устройства временных выставок, принявшей в последствии широкий размах. Непосредственно под его руководством были организованы успешные выставки в разных музеях мира, опубликованы каталоги этих выставок на разных языках, выполненные на высоком научном и полиграфическом уровне.

Вечная память Тамазу Кигурадзе, всю свою сознательную жизнь посвятившему служению делу развития отечественной археологии.

академик Национальной академии наук Грузии
О.М.Джапаридзе

P.S. В связи с преждевременной кончиной Тамаза Кигурадзе скорбят и его зарубежные коллеги. Австралийский археолог Антонио Сагона поместил в интернете некролог и вслед за ним последовали письма с соболезнованиями из Австралии, Америки, Италии, Германии, Турции и других стран. Приводим отрывки из некоторых из них:

«Тамаз был гениален по части изучения вопросов преистории Закавказья. Он не любил выставляться и обладал удивительной способностью профессионального сотрудничества. С 1994 года Тамаз был участником всех экспедиций, проводимых близ

Эрзерума на Сос-Гуюке. В течение всего этого времени, благодаря своей искренности и дружелюбной натуре он приобрел множество друзей по всему миру от Стамбула до Мельбурна.

В Эрзерум он приезжал на своем допотопном фольцвагене, всегда доверху забитом подарками для всей группы. Это было выражение большого благородства, на которое не могли повлиять трудности, существующие на его родине.

Я многим обязан Тамазу. Без его помощи я не смог бы завершить работу над диссертацией много лет назад и избрать карьеру археолога. Впоследствии Тамаз многие годы был моим путеводителем, помогающим мне преодолевать сложности транскавказской археологии.» (Антонио Сагона, профессор Мельбурнского университета)

«Одно могу с уверенностью сказать. Лично для меня Тамаз был не просто человек, обладающий множеством достоинств. Он был своеобразной точкой отсчета, наставником, многому меня научившем и всегда готовым прийти на помощь, с которым я всегда с удовольствием общался в мыслях, обсуждениях и процессе работы над рукописью, а это значит всегда.» (Джулио Палумби, итальянский археолог)

«Его уход из жизни не просто человеческая утрата. Это большая потеря для археологии в целом и научных контактов между странами. Его вклад в работу над книгой, изданной под редакцией Адама Смита и моей, прекрасно отражает его преданность археологии и глубокие познания по истории Грузии.» (Карен Рубинсон, американский археолог)

« Нас очень огорчило известие о кончине г-на Тамаза. Думаю, выражу мнение всех американских друзей и коллег, если скажу, что для всех нас это большая утрата. Мы потеряли друга и глубоко уважаемого профессионала. Это был сердечный и умудренный опытом товарищ. Поражали его огромная любовь к Грузии и его видение мира. Свою жизнь он провел в заботе об историческом и культурном наследии своей родины. Работая с ним нас поражали его энциклопедические знания и трудолюбие.

В стране, которая имеет величайшие исторические традиции и минимальные возможности их сохранения, г-н Тамаз предстал перед нами истинным героем ... Свою жизнь он провел, перенося свои мысли и знания о Грузии на бумагу, в преподавании и ознакомлении с ней мировой общественности... Он был принципиальным, корректным, эрудированным и сердечным человеком... Нам всем будет его недоставать». (Грег Гуров, президент международного фонда искусства и образования)

« Я, сотрудник Мельбурнского университета, посетил Грузию в 2002 году. В то время Тамаз, тяжело больной, проходил курс послеоперационного лечения в больнице. И даже в этой ситуации он оказал мне неоценимую помощь...Я вспоминаю его, как истинного джентлемена и ученого, человека с интернациональным взглядом на мир. Его уход из жизни большая потеря для археологической науки». (Симон Конон, Австралия)

Литература

1. Каменная индустрия Шулаверис Гора (на груз. языке) – “Саисторио кребули”, т. II, «Мецниереба» Тбилиси, 1970
2. Старейшие серпы Шулаверис Гора (на груз. языке) – тезисы научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников, «Мецниереба», Тбилиси, 1970
3. Костяные и роговые изделия из Шулаверис Гора и Имирис Гора (на груз. языке) – тезисы научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников, «Мецниереба», Тбилиси, 1971
4. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис Гора. – Краткие сообщения ин-та Археологии, №132, «Наука», М., 1972
5. Дангреули Гора (на груз. языке с русским резюме). – «Дзеглис мегобари», №30 (в соавторстве с Л.Глonti), Тбилиси, 1972
6. Антропоморфные фигуры из Храмис Диди Гора (на груз. языке с русским резюме). – «Дзеглис мегобари», №33 (в соавторстве с Л.Глonti и Ал.Джавахишвили), Тбилиси, 1973
7. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. – Автореферат канд. диссертации, «Мецниереба», Тбилиси, 1975
8. Отчет Квемокартлийской археологической экспедиции, 1 (на груз. языке). – Сб., «Мецниереба», Тбилиси, 1975
9. Итоги Квемокартлийской археологической экспедиции (1972-1973 гг.) в соавторстве с Л.Глonti и Ал.Джавахишвили – АЭ Гос. музея Грузии им. С.Джанашия, IV, «Мецниереба», Тбилиси, 1975
10. Антропоморфные фигурки Храмис Диди Гора. (в соавторстве с Л.Глonti и Ал.Джавахишвили). – Вестник Гос. музея Грузии, XXXI-B, «Мецниереба», Тбилиси, 1975
11. Работы Квемокартлийской археологической экспедиции (в соавторстве с М.Менабде). – Археологические открытия 1975 г., «Наука», М., 1976
12. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья (на груз. языке с русским резюме). Монография, «Мецниереба», Тбилиси, 1975
13. Итоги Квемокартлийской археологической экспедиции (1974-1975 гг.) в соавторстве с М.Менабде (на груз. яз.) - АЭ Гос. музея Грузии им. С.Джанашия, V, «Мецниереба», Тбилиси, 1977
14. Итоги Квемокартлийской археологической экспедиции (1976-1977 гг.) в соавторстве с М.Менабде и З.Кикодзе (на груз. яз.) - АЭ Гос. музея Грузии им. С.Джанашия, VI, «Мецниереба», Тбилиси, 1978
15. Основные итоги работ Нарекавской археологической экспедиции (в соавторстве с Л.Цитланадзе и Н.О.Мирцхулава). – ПАИ в 1975., «Мецниереба», Тбилиси, 1978
16. Раскопки населенного холма в с. Мчадиджвари (в соавторстве с Л.Цитланадзе, М.Менабде и Н.Мирцхулава). - ПАИ в 1976., «Мецниереба», Тбилиси, 1979
17. Итоги археологических исследований «Мчадиджварис Гора» (в соавторстве с Л.Цитланадзе, М.Менабде и Н.Мирцхулава). - ПАИ в 1977., «Мецниереба», Тбилиси, 1980
18. Итоги работ Квемокартлийской археологической экспедиции (1978-1979 гг.) в соавторстве с М.Менабде и К.Гоцадзе (на груз. яз.) - АЭ Гос. музея Грузии им. С.Джанашия, VII, «Мецниереба», Тбилиси, 1980
19. Археологические памятники Сиони (на груз. яз., в соавторстве с М.Менабде). «Мецниереба», Тбилиси, 1981
20. Новые данные о принципах планировки раннеземледельческих поселений Южного Кавказа (в соавторстве с М.С.Дилбаряном). «Мецниереба», Тбилиси, 1983

21. New data of planning Principles of The South Caucasian Ery Agrikultural Settlements (в соавторстве с М.С.Дилбаряном). «Мецниереба», Тбилиси, 1983
22. Premiers Agricultureurrs De L'Europe (в соавторстве с А.Жавакчивили) – "Histoir et Archeologie", N88, Paris, 1984
23. Итоги работ Квемокартлийской археологической экспедиции 1980-1981 гг.(в соавторстве с М.Менабде, на груз.яз.) - АЭ Гос.музея Грузии им. С.Джанашия, VIII, «Мецниереба», Тбилиси, 1986
24. Neolithisch Siedlungen von Kvemo-Kartli. Georgien,Verlag C.H.Beck, München, 1986
25. К вопросу о становлении производящей экономики на территории Грузии (на груз.яз). – Вестник Гос. музея Грузии, XXXVIII-В, Тбилиси, 1986
26. Южный Кавказ в VI-IV тысяч. до н.э. (соавт. А.И.Джавахишвили, И.Г.Нариманов) – Сб. Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии, «Мецниереба», Тбилиси, 1987
27. T.Kiguradze. Zur frage die Wechselwir Kangen der neolithen und der aeneolithischen kulturen in ost Georgien, Der Caucasus im Sistem der Euroasischen Kulturen in der Epoche des Paleometals, Telavi-Signagi 1986, Tbilisi, 1991
28. Neolithikum und Chalkolithikum. "Unter wegs Zum Goldenen Vlies", Saarbrücken, 1995
29. Die Siedlung Chramis Didi Gora. Unter wegs Zum Goldenen Vlies", Saarbrücken, 1995
30. Переходный период с энеолита к бронзе в Восточном Закавказье (на груз. и русск. яз.). Конференция археологов Кавказа, I, «Мецниереба», Тбилиси, 1998
31. Tamaz Kiguradze. Stone and Copper Age Prehistory in Georgia. National Treasures of Georgia, London, 1999
32. Тамаз Кигурадзе. Колыбель культурного виноградарства и виноделия (на груз.яз.). – «Лоза и вино», I-II, Тбилиси, 2000
33. Т.Кигурадзе. К определению неолита и энеолита в Грузии. – «Кавказ. Вопросы археологии эпох энеолита и бронзы», Тбилиси, 2001
34. Tamaz Kiguradze.Caucasian Chalkolitic. Caucasian Neolithic. – Encyclopedia of Prehistory, Volum 4, New York, Boston, Dordrecht, London, Moscow, 2001
35. Tamaz Kiguradze and Medea Menabde. The Neolithic of Georgia. – "Ancient Near Eastern Studies", Supplement 12, Peeters, 2004
36. Помимо перечисленных работ, Т.Кигурадзе принадлежит целый ряд статей, выполненных им для Грузинской Советской Энциклопедии: Бабадервиш, Брейдвуд Р.(т.2); Гинчи; Гобустан; Геой-Тепе (т.3); Техут; Элар; Тоире-Тепе (т.4); Кинтришское поселение; Имирис Гора (т.5); Матара (т.6); Нальчикский могильник; Неолит; Нуклеус; (т.7); Сиро-Киликийская неолитическая культура (т.9); Халафская культура; Хассунская культура; Хаджилар (т.11)

СОДЕРЖАНИЕ

Х.И.Алмамедов (Азербайджан)

КРАШЕННАЯ И РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА АЗЕРБАЙДЖАНА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА..... 3

Ламара Небиеридзе (Грузия)

НЕОЛИТ ЮГО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА..... 19

Najaf Museibli (Azerbaijan)

THE LATE ENEOLITHIC BURIAL MOUNDS (BARROUS, TUMULIS) OF AKSTAFI DISTRICT 39

Kote Pitskhealauri (Georgia)

ARCHÄOLOGISCHE BEFUNDE IN SÜDKAUKASIEN AUS DER
„PROTO-KURA-ARAXES“ KULTURPERIODE 45

Г. Г. Пхакадзе (Грузия)

КОЛХИДСКАЯ РАННЕБРОНЗОВАЯ КУЛЬТУРА 74

Нино Шаншашвили, † Александр Рамишвили (Грузия)

АНТРОПОМОРФНЫЙ ГОРЕЛЬЕФ ИЗ НАЦАРГОРА (ЮЖНЫЙ КАВКАЗ) 87

Г. Инанишвили, Л. Джибладзе (Грузия)

НИКЕЛЕВАЯ БРОНЗА НА КАВКАЗЕ 99

К. Пицхелаури (Грузия)

ДРЕВНЕГРУЗИНСКИЙ ОЧАГ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ 117

Г. Мирцхулава (Грузия)

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТА ПЛОДОРОДИЯ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ 136

Г. Григолия (Грузия)

ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ И
СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ..... 159

Гурам Лордкипанидзе (Грузия)

САЛЬВАДОР ДЕ МАДИРИАГА И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
РОМАН «СВЯЩЕННЫЙ ЖИРАФ» 163

К. Джавахишвили (Грузия)

ЕЩЕ РАЗ О ПИТИАХШЕ ИБЕРИИ (КАРТЛИ) IV ВЕКА. ПИТИАХШ УСА 174

В. И. Силогва (Грузия)

АТНЕФИКС БЕДИЙСКОГО ХРАМА И ЕГО НАДПИСЬ 182

Amiran Kakhidze, Shota Mamuladze (Georgia)

THE CHOROKHI (ÇORUH) BASIN – THE OLDEST CENTER OF THE COLCHIAN CULTURE 187

НЕКРОЛОГИ

ЕММА KHANZADYAN (1922-2007) 209

ГОД БЕЗ ИДЕАЛА НАРИМАНОВА (1927-2006)..... 212

ПАМЯТИ ТАМАЗА ВЛАДИМИРОВИЧА БУГИАНИШВИЛИ (1933-2007) 221

ПАМЯТИ ТЕНГИЗА МГЕЛИАШВИЛИ (1937-2008)..... 230

ТАМАЗ КИГУРАДЗЕ (1941-2002)..... 232

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ!

Ежегодник «Археология Кавказа» издается на русском и других европейских языках, с кратким английским и грузинским резюме, в объеме 40 п.л. Журнал публикует научные работы как теоретического характера, так и публикации по вопросам археологии и смежных дисциплин связанных с Кавказом. Отдельные разделы посвящены наиболее важным дискуссионным проблемам, истории археологических исследований на Кавказе, рецензиям и персоналиям.

Рукописи представляются в авторской редакции в двух экземплярах, с краткими сведениями об авторах с указанием почтового, электронного адресов и контактного телефона.

Рукописи принимаются на русском и других европейских языках в электронном виде (дискета, компакт диск) в формате Microsoft Word для Windows, кроме того в распечатанном виде (формат А4, двойным интервалом). Общий объем рукописи, включая таблицы, рисунки с их описаниями и список литературы не должен превышать 25 стандартных страниц А4. Статьи оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает. Рукописи опубликованных работ авторам не возвращаются.

В конце статьи прилагается список литературы с полным названием издания, без сокращений. Ссылки на литературу и источники даются в контексте в круглых скопках (фамилия автора, год издания, страница, рисунок). Ссылка на древних авторов дается в латинской транскрипции, (напр. Strabo. XI, II, 2). Имена и отчества даются в инициалах после полной фамилии.

Наш адрес: Национальный музей Грузии; проспект Руставели №3; Тбилиси 0105, т. 99-80-22, fax 98-21-33, Эл-почта info@museum.ge; Редакция журнала «Археология Кавказа»

